

ISSN 3033-537X

terra politica

НАУЧНЫЙ АЛЬМАНАХ
ПО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ

№ 1 | 2025

Пространственный анализ
в политической и электоральной географии

Spatial Analysis in Political and Electoral Geography

terrapolitica.ru

Terra Politica

Scholarly Almanac on Political Geography

Tertiæ Romæ MMXXV. Published annually in Moscow from 2025.

ISSN 3033-537X / DOI prefix 10.63115

*Periodical is registered at the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media of the Russian Federation (Roskomnadzor).
Certificate of Mass Media Registration: ПИ № ФС 77 — 88213 from 20.09.2024.*

Founder:

ANO «Editorship of the Scholarly Almanac «Terra Politica»

Editor-in-Chief: Igor Okunev

Managing Editor: Bogdan Barabash

Proofreading: Elizaveta Okuneva

Layout: Aleksey Kirov

Editorship Address: 55°40'20"N 37°29'13"E

119454 Russia, Moscow, Vernadskogo Pr. 76,

Institute for International Studies, MGIMO University.

The cover design uses M. Tompsett's image "World Map Abstract Mondrian Style" (CCo).

Website: terrapolitica.ru | Phone: +7 (495) 225-38-16

Telegram: t.me/terra_politica | E-mail: terrapolitica@inno.mgimo.ru

Printed by MGIMO University Publishing House. Number of printed copies: 100.

The data are licensed under CC BY 4.0.

Journal is indexed by scientific databases eLibrary.Ru and Crossref.

Journal Open Repository at the Harvard University Dataverse:

<https://dataverse.harvard.edu/dataverse/terrapolitica/>

The opinions and assessments contained in the published materials may not coincide with the position of the editorship.

© 2025 ANO «Editorship of the Scholarly Almanac «Terra Politica»

Terra Politica

Научный альманах по политической географии

Tertiæ Romæ MMXXV. Издается ежегодно в Москве с 2025 г.

ISSN 3033-537X / Префикс DOI: 10.63115

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций Российской Федерации (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77 — 88213 от 20.09.2024 г.

Учредитель:

АНО «Редакция научного альманаха «Терра Политика»

Главный редактор: И. Ю. Окунев

Ответственный редактор: Б. А. Барабаш

Корректурa: Е. С. Окунева

Верстка: А. Г. Киров

Адрес редакции: 55°40'20" с. ш. 37°29'13" в. д.

119454 г. Москва, пр. Вернадского, д. 76,

Институт международных исследований МГИМО МИД России.

В дизайне обложки использовано изображение М. Томпсетта «Карта мира в стиле Мондриана» (ССо).

Сайт: terrapolitica.ru | Телефон: +7 (495) 225-38-16

Телеграм: t.me/terra_politica | E-mail: terrapolitica@inno.mgimo.ru

Отпечатано в Издательском доме МГИМО. 119454 г. Москва, пр. Вернадского, д. 76.

Тираж 100 экз. Объём 16.33 усл. п. л. Заказ № 1365.

Контент журнала доступен под лицензией CC BY 4.0.

Журнал индексируется в научных базах данных eLibrary.Ru и Crossref.

Открытый репозиторий журнала в хранилище данных Гарвардского университета: <https://dataverse.harvard.edu/dataverse/terrapolitica/>

Мнения и оценки, содержащиеся в публикуемых материалах, могут не совпадать с позицией редакции.

© АНО «Редакция научного альманаха «Терра Политика», 2025.

EDITORSHIP

IGOR OKUNEV (Editor-in-Chief) — PhD in Political Science, Senior Research Fellow, Institute for International Studies, MGIMO University (Moscow, Russia)

BOGDAN BARABASH (Managing Editor) — Deputy Head, Projects and State Programs Division of the Department for State Support of Art and Folk Art, Ministry of Culture of the Russian Federation (Moscow, Russia)

ELIZAVETA OKUNEVA (Technical Editor) — Junior Research Fellow, Institute of International Studies, MGIMO University (Moscow, Russia)

YANA POLYAKOVA (Executive Director) — Research Fellow, Institute for International Studies, MGIMO University (Moscow, Russia)

EDITORIAL BOARD

SERGEY BARINOV (Chairman) — PhD in Geography, Director, Laboratory of School Geography and Local History, HSE University (Moscow, Russia)

ALEKSEY DOMANOV — Research Fellow, Department of European Integration Research, Institute of Europe RAS (Moscow, Russia)

LIDIYA ZHIRNOVA — Research Fellow, Institute for International Studies, MGIMO University (Moscow, Russia)

GERMAN OSTAPENKO — Research Fellow, Institute for International Studies, MGIMO University (Moscow, Russia)

MARIA TISLENKO — PhD in Economics, Postdoctoral Researcher, University of Georgia (Athens, USA)

MARIANNA SHESTAKOVA — PhD in Geography, Senior Lecturer, Department of Comparative Politics, MGIMO University (Moscow, Russia); Associate Professor, Department of Politics and Governance, HSE University (Moscow, Russia)

The Editorial Council will be formed by the second issue of the journal.

РЕДАКЦИЯ

ОКУНЕВ ИГОРЬ ЮРЬЕВИЧ (главный редактор) — кандидат политических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института международных исследований, МГИМО МИД России (Москва, Россия)

БАРАБАШ БОГДАН АЛЕКСЕЕВИЧ (ответственный редактор) — заместитель начальника отдела проектов и государственных программ Департамента государственной поддержки искусства и народного творчества, Министерство культуры Российской Федерации (Москва, Россия)

ОКУНЕВА ЕЛИЗАВЕТА СЕРГЕЕВНА (технический редактор) — младший научный сотрудник Института международных исследований, МГИМО МИД России (Москва, Россия)

ПОЛЯКОВА ЯНА ОЛЕГОВНА (исполнительный директор) — научный сотрудник Института международных исследований, МГИМО МИД России (Москва, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

БАРИНОВ СЕРГЕЙ ЛЕОНИДОВИЧ (председатель) — кандидат географических наук, заведующий лабораторией школьной географии и краеведения, НИУ ВШЭ (Москва, Россия)

ДОМАНОВ АЛЕКСЕЙ ОЛЕГОВИЧ — научный сотрудник отдела исследований европейской интеграции, Институт Европы РАН (Москва, Россия)

ЖИРНОВА ЛИДИЯ СЕРГЕЕВНА — научный сотрудник Института международных исследований, МГИМО МИД России (Москва, Россия)

ОСТАПЕНКО ГЕРМАН ИГОРЕВИЧ — научный сотрудник Института международных исследований, МГИМО МИД России (Москва, Россия)

ТИСЛЕНКО МАРИЯ ИГОРЕВНА — кандидат экономических наук, докторант, Университет Джорджии (Атэнс, США)

ШЕСТАКОВА МАРИАННА НИКОЛАЕВНА — кандидат географических наук, старший преподаватель кафедры сравнительной политологии, МГИМО МИД России (Москва, Россия); доцент департамента политики и управления, НИУ ВШЭ (Москва, Россия)

Редакционный совет будет сформирован ко второму выпуску журнала.

CONTENTS

Address of the Editorial Board Chairman	10
---	----

A PRIORI

DRUZHININ A. The Ideas of «Eurasianism»: Evolution, Current State, Significance for Modern Russia (Human Geography Aspect).	15
AXENOV K. Symbolic Geopolitical Capital of the Modern Russian City: Opportunities and Risks	28
OKUNEV I. Diplomatic Geography — a New Discipline in Political Geography	51

NOTA BENE

FARTYSHEV A., LUIBIMOVA A. Siberian School of Political Geography: an Interview with Arseny Fartyshv	64
DEMIDOVA O., OSTAPENKO G., POLYAKOVA YA. How to Get Started in Spatial Econometrics: an Interview with Olga Demidova.	70
TIMIRYANOVA V., NESMASHNYI A. Modern Methods of Spatial Analysis: an Interview with Venera Timiryanova	83
OKUNEV I. Politics under the Signs of Equifinality, Synechism and Overcoming Mortality: on the Spatio-temporal Dimension of Political Phenomena	104
ILYIN M. Expanding and Contracting Horizons of Learning	111

AD HOC

ALTMAN L., KONDRIN M. Electoral Geography of the Republic of Belarus: Current Trends	127
MATERUKHIN I. Spatial Analysis of the Dynamics of Russia's Electoral Structure	143
DOMANOV A. Evaluating Contiguous Alternatives in Decision-Making Models Using Python Programming Language	158
GLUMOV P., MALTSEV A. Applying Network Models for Analysis to Spatial Analysis of Gerrymandering Practices in the 2000–2020 U.S. Congressional Elections.	168
MILETSKAYA A. Socio-Economic Factors of Electoral Behavior in the USA: Spatial Analysis of the 2012 and 2016 Presidential Elections	190
DIDENKO D. Electoral Manipulation in Moldovan Elections: the Transnistrian Factor (Based on the Materials of the 2019 Elections)	209

POST SCRIPTUM

BARABASH B. Atlases of Space // Review of Atlas of International Relations: Spatial Analysis of World Development Indicators (2020) and Human Development Atlas: Multidimensional Scaling, Clustering, Spatial Data Analysis (2024) 227

TISLENKO M. Maps, Data, Patterns: Spatial Analysis in the Study of Society // Review of I.Yu. Okunev's Book «Fundamentals of Spatial Analysis» 235

SHESTAKOVA M. Theoretical Developments in Domestic Electoral Geography: A Review of Current Russian Monographs 243

YAKUSHEVA E. Overview of Changes on the Political Map of the World in 2024. 254

LUIBIMOVA A. Political Geography in Russia: the Highlights of 2024. . . 264

Editorial Policy of the Scholarly Almanac Terra Politica. 270

Ethics of Publications in the Scholarly Almanac Terra Politica. 276

СОДЕРЖАНИЕ

Приветственное слово председателя редакционной коллегии. 10

A PRIORI

- дружинин а.г. Идеи «евразийства»: эволюция, текущее состояние, значение для современной России (общественно-географический аспект) 14
- аксёнов к.э. Символический геополитический капитал современного российского города: возможности и риски 27
- окунев и.ю. Дипломатическая география — новое направление в политической географии 50

NOTA BENE

- фартышев а.н., любимова а.д. Сибирская школа политической географии: интервью с Фартышевым Арсением Николаевичем . . 64
- демидова о.а., остапенко г.и., полякова я.о. Как начать заниматься пространственной эконометрикой: интервью с Демидовой Ольгой Анатольевной 70
- тимирьянова в.м., несмашный а.д. Современные методы пространственного анализа: интервью с Тимирьяновой Венерой Маратовной. 83
- окунев и.ю. Политика под знаками эквифинальности, синехизма и преодоления смертности: о пространственно-временном измерении политических явлений. 103
- ильин м.в. Горизонты познания: из метафоры в исследовательский инструмент 110

AD HOC

- альтман л.л., кондрин м.д. Электоральная география Республики Беларусь: современные тенденции 126
- матерухин и.а. Пространственный анализ динамики электоральной структуры России 142
- доманов а.о. Оценка соседних альтернатив в моделях принятия решений средствами языка программирования Python 157
- глузов ф.в., мальцев а.м. Опыт применения сетевых моделей для анализа для пространственного анализа практик джерримендеринга на выборах в конгресс США в 2000–2020 гг. 167

МИЛЕЦКАЯ А.Р. Социально-экономические факторы электорального поведения в США: пространственный анализ результатов президентских выборов 2012 и 2016 гг.	189
ДИДЕНКО Д.Ю. Электоральные манипуляции на выборах в Молдавии: приднестровский фактор (по материалам выборов 2019 года) . . .	208

POST SCRIPTUM

БАРАБАШ Б.А. Атласы пространства // Рецензия на Атлас международных отношений: пространственный анализ индикаторов мирового развития (2020) и Атлас человеческого развития: Многомерное шкалирование, кластеризация, пространственный анализ данных (2024)	226
ТИСЛЕНКО М.И. Карты, данные, закономерности: пространственный анализ в изучении общества // Рецензия на книгу И.Ю. Окунева «Основы пространственного анализа»	234
ШЕСТАКОВА М.Н. Теоретические наработки в отечественной электоральной географии: обзор актуальных российских монографий	242
ЯКУШЕВА Е.А. Обзор изменений на политической карте мира за 2024 год	253
ЛЮБИМОВА А.Д. Политическая география в России: основное за 2024 год	264
Редакционная политика научного альманаха Terra Politica	270
Этика научных публикаций в научном альманахе Terra Politica.	276

Уважаемые читатели!

Перед вами первый номер академического журнала «Terra Politica». Наш журнал — это принципиально новая платформа для профессионального диалога и развития отечественной научной школы политической географии. Миссия «Terra Politica» заключается в создании открытого интеллектуального пространства, где академические исследователи и эксперты-практики могут обмениваться идеями, результатами научных изысканий и методологическими подходами. Мы стремимся объединить специалистов из различных областей знаний — географии, политологии, социологии, международных отношений — для комплексного и глубокого изучения пространственных политических процессов. Наш журнал принципиально дистанцируется от конъюнктурных политических оценок. Мы руководствуемся исключительно научными принципами: объективностью, профессионализмом, беспристрастностью и этическими стандартами международного научного сообщества.

Структура каждого выпуска включает четыре тематические рубрики.

1. «A priori» — интервью и обзорные исследовательские статьи, представляющие экспертные позиции и панорамный взгляд на исследовательские тренды.
2. «Nota bene» — теоретические статьи и эссе, раскрывающие концептуальные основы и методологические инновации.
3. «Ad hoc» — прикладные исследования и case study, демонстрирующие практическое применение пространственного анализа.
4. «Post scriptum» — критические обзоры и рецензии, позволяющие оценить новейшие научные публикации.

Первый номер журнала посвящён актуальным проблемам пространственного анализа в политической и электоральной географии. Выбор именно такой повестки для первого номера журнала не случаен, т.к. пространственный анализ является на сегодняшний день базовым подходом в изучении территории, и эта методология, хорошо зарекомендовавшая себя в мировой практике, активно развивается в российской академической среде.

В номере представлен широкий спектр исследований в области пространственного анализа. Читатели найдут здесь как фундаментальные теоретические работы, так и конкретные эмпирические исследования. В разделе «A priori» представлены выступления ведущих российских учёных: Александра Дружинина, Константина Аксёнова, Владимира Колосова и Бориса Межуева, которые раскрывают

современные тренды геополитических исследований и эволюцию критической геополитики. Теоретический блок «Nota bene» включает статьи о дипломатической географии, феминистической политической географии и концептуальных подходах к пространственному анализу. Прикладной раздел «Ad hoc» посвящен электоральной географии. Здесь читатели найдут исследования электоральных процессов в России, США, Молдавии, сравнительный анализ голосований за правые партии в странах Европы, анализ электоральных манипуляций и пространственных факторов электорального поведения. Завершающий раздел «Post scriptum» представлен двумя обзорами изменений на политической карте, произошедшими в 2024 г.: по карте мира и по карте России.

Приглашаем исследователей к сотрудничеству, диалогу и совместному исследованию пространственных измерений политических процессов!

С уважением,
Сергей Леонидович Баринов
Председатель редакционной коллегии научного альманаха «Terra Politica».

A

PRI

A priori (*Лат.* «от предшествующего») — знание, полученное до опыта и независимо от него, то есть знание, как бы заранее известное

ORI

terra politica

Идеи «евразийства»: эволюция, текущее состояние, значение для современной России (общественно-географический аспект)

Дружинин Александр Георгиевич

доктор географических наук, профессор, директор Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону; ведущий научный сотрудник, Институт географии РАН, Москва, Россия

alexdrug@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4985-9281>

АННОТАЦИЯ

Меняющееся мироустройство инициирует формирование Российской Федерацией обновлённой геостратегии, одним из концептуальных и идеологических фундаментов которой призвано стать евразийство. В статье охарактеризованы исходные интеллектуальные и общественно-географические предпосылки зарождения, развития и последующей (в том числе в постсоветский период) эволюции евразийских идей. Вычленены их ключевые постулаты и положения. Показано, что евразийство исторически являлось интеллектуальной реакцией российского общества на укоренившийся европоцентризм и сопряжённую с ним ситуацию периферийности, дополняемых периодически возникающим кризисом в системе «Россия–Запад», а также устойчивыми проявлениями геоснобизма со стороны «цивилизованных государств». Оценена степень адекватности евразийства (рассматриваемого в качестве особой геоидеологии) геополитическим, геоэкономическим и геокультурным реалиям первой четверти XXI века. Показана концептуальная двойственность евразийства, способного одновременно выступать как идеологией территориальной интеграции (народов, стран), «научно-обоснованного»,

«географически заданного» собрания земель, так и концептуальной рамкой самостоятельности, самоопределения дистанцирования от чего-то внешнего и большего (от Европы, Запада, «мирового сообщества»). Акцентированы ключевые факторы и аспекты кризиса современного евразийства (проблемные области аппликации евразийства и его понятийно-категориальных и содержательных метаморфоз), оценены возможности, а также направления его преодоления (в том числе в рамках концептуализации «Большой Евразии» и «Северной Евразии»). Сделан вывод, что вступление Российской Федерации в период пролонгированного конфликта с «коллективным Западом» создаёт предпосылки для ренессанса евразийства в русле всё чётче осознаваемой отечественными обществоведами «национальной определённости» исследований. Сделан вывод, что в грядущем развитии евразийских идей неизбежно смещение акцентов с традиционного, ставшего во многом архивным, понимания «Евразии как России» — к идентификации собственно «России в Евразии» и осмыслению «России как Евразии».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

евразийство, геополитика, геостратегия России, пространственное развитие, общественная география

ГЕОТЕГИ

Россия, Евразия, Большая Евразия

UDC 325.36

DOI 10.63115/4504.2025.84.61.001

REVIEW RESEARCH ARTICLE

The Ideas of «Eurasianism»: Evolution, Current State, Significance for Modern Russia (Human Geography Aspect)

Alexander Druzhinin

Doctor of Geographical Sciences, Professor, Director of the North Caucasus Research Institute of Economic and Social Problems, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia; Leading Researcher, Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

alexdrug@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4985-9281>

ABSTRACT

The rapidly changing world order initiates the formation of a renewed geostrategy by the Russian Federation, one of the conceptual and ideological foundations of which can be Eurasianism. The article describes the initial intellectual and human-geographical prerequisites for the origin, development and subsequent (including in the post-Soviet period) evolution of Eurasian ideas. Their key postulates and positions are highlighted. It is shown that Eurasianism has historically been an intellectual reaction of Russian society to entrenched Eurocentrism and the associated situation of peripherality, complemented by the periodic crisis in the Russia-West system, as well as persistent manifestations of geo-snobbery on the part of «civilized states.» The degree of adequacy of Eurasianism (considered as a special geoideology) to the geopolitical, geo-economic and geocultural realities of the first quarter of the 21st century is assessed. The conceptual duality of Eurasianism, which can simultaneously act as an ideology, is shown: 1) territorial integration (of peoples, countries), «scientifically based», «geographically

defined» collection of lands; 2) independence, self-determination, distancing from something external and larger (from Europe, the West, the «world community»). The key factors and aspects of the crisis of modern Eurasianism (problematic areas of application of Eurasianism and its conceptual, categorical and meaningful metamorphoses) are emphasized, the possibilities and directions of its overcoming are assessed (including within the framework of the conceptualization of «Greater Eurasia» and «Northern Eurasia»). It is concluded that the entry of the Russian Federation into a period of prolonged conflict with the «collective West» creates the prerequisites for a renaissance of Eurasianism in line with the «national certainty» of their research, which is becoming more clearly recognized by Russian social scientists. It is concluded that in the future development of Eurasian ideas, there will inevitably be a shift in emphasis from the traditional, largely archived understanding of «Eurasia as Russia» to the identification of «Russia in Eurasia» and the understanding of «Russia as Eurasia.»

KEYWORDS

Eurasianism, geopolitics, geostrategy of Russia, spatial development, human geography

GEOTAGS

Russia, Eurasia, Greater Eurasia

Обращаясь к тематике евразийства как многоаспектного, яркого, подчас неоднозначно оцениваемого исследовательским сообществом мировоззрения и фиксируя внимание на соответствующем спектре геополитических, геоэкономических и геокультурных идей, а также их аппликации к условиям ныне стремительно меняющегося мира, к возможностям и интересам современной России, неизбежно приходится, как бы, проходить между Сциллой и Харибдой, уходя, с одной стороны, от заведомой апологетики евразийской идеологии, казалось бы, неизбежной, естественной для нашей страны, особенно в нынешней ситуации, а с другой — избегая чрезмерно жёсткой и тоже практически неустрашимой её критики, мотивированной в последние годы лишь возрастающим разрывом между, используя терминологию В.Л. Цимбурского [Цимбурский, 2007], «евразийством заданностей» и «евразийством данностей».

Будучи системно сформулированными и артикулированными столетие назад [Исход к Востоку, 1921], евразийские категории и идеи полновесно присутствуют в отечественном научном дискурсе с середины 1980-х гг., причём, во многом, благодаря масштабным и увлекательным книгам Л.Н. Гумилёва [Гумилёв, 1989; Гумилёв, 1993 и др.]. С Львом Николаевичем, кстати, автору посчастливилось пообщаться ещё девятиклассником, а чуть позже, в уже не менее далёком 1986 г., этот выдающийся учёный оказался председательствующим на заседании диссовета Ленинградского университета, где я защищал кандидатскую. Моя докторская диссертация (1995 г.), в которой на российской фактологии обосновывалась в том числе концепция геоэтнокультурной системы [Дружинин, 1995; Дружинин, 1999] была по целому ряду аспектов выстроена с ориентиром на идеи евразийства. В те годы, будучи начинающим и получившим классическое экономико-географическое образование исследователем, я воспринимал Евразию, евразийское пространство (не материк!) как некую материальную данность, вполне чётко контурный и достаточно устойчивый территориальный объект. Впрочем, в первые постсоветские годы Евразия-Россия (которая, согласно П.Н. Савицкому, «не только „Запад“, но и „Восток“, не только „Европа“, но и „Азия“, и даже вовсе не „Европа“, а „Евразия“» [Исход к Востоку, 1921: 2], сохраняя «колею» СССР, вне сомнения, таковой преимущественно и была.

Вновь вернулся к евразийской тематике я уже в начале 2010-х гг. в существенно видоизменившихся геополитических и геоэкономических условиях, фиксируя и осмысливая чётко проявившиеся к тому периоду масштабные метаморфозы Евразии [Дружинин, 2016; Дружинин, 2020], корректируя собственное, становящееся всё более многомерным, отношение к евразийским идеям, пытаюсь осознать и обосновать потенциал и сферы их применимости с учётом интересов и возможностей современной России [Дружинин, 2021; Дружинин, 2024а; Дружинин, 2024б и др.].

Цель данной статьи (выстроенной в русле идей и подходов одноимённого авторского научного доклада, озвученного 15 марта 2024 г. в Институте геогра-

фии РАН) состоит в экспертизе ключевых постулатов и положений евразийства, оценке степени их адекватности современной системе представлений общественной географии, а также созвучности реалиям мироустройства первой четверти XXI века.

* * *

Евразийство — это, по существу, интеллектуальная квинтэссенция всей российской геоистории. Данная совокупность идей возникла именно на отечественной духовной, научной «почве», превратившись в одно из основополагающих для России направлений её самопознания и, соответственно, важнейший компонент идеологического фундамента [Лавров, 2000; Дугин, 2022] нашей национально ориентированной геополитики. Эта по определению П.Н. Савицкого [Тридцатые годы, 1931] «стержневая идеология русского народа» культивировалась как минимум 6–7 поколениями (начиная с середины XIX века, практически, с эпохи завершения Крымской войны) учёных, мыслителей, литераторов (от Н.Я. Данилевского, К.Н. Леонтьева, И. Гаспринского и В.И. Ламанского до А.Г. Дугина и А.С. Панарина). Столь длительный тренд, пришедшийся на совершенно разные эпохи, предопределил эволюцию евразийских идей, их поливариантность, необходимость коррекции и развития.

Будучи формируемо усилиями целой плеяды российских интеллектуалов, евразийство лишь отчасти, внешне, при самом поверхностном рассмотрении, предстаёт целостной и завершённой именно научной доктриной. Опираясь на доминантные представления соответствующих исследовательских дисциплин (с безусловной в этом случае поправкой на исторический контекст), рассматриваемое интеллектуальное течение являет, скорее, их симбиоз с идеологическими схемами и политическими (преимущественно геополитическими) декларациями, придающими евразийству также свойства особой геоидеологии. Евразийство (особенно в своём нынешнем виде) противоречиво, многоаспектно, эклектично и междисциплинарно. Оно объединяет свои достаточно разноплановые содержательные сущности: философско-теологическую (включая акцент на роли православия), политико-экономическую (размышление о том, как выстроить ориентированную на географическую специфику страны систему хозяйствования) и, наконец, геополитическую (интересы России, её соперники и потенциальные партнёры).

Своими базовыми подходами и основополагающими посылами евразийство «приближено» и к географии, прежде всего, к её общественно-географической ветви. Сами основоположники евразийства подчёркивали: «мы... географичны» [Евразийский временник, 1923: 7]. Именно особая территория (её генезис, свойства и условия развития, внешние границы, а также её отношения с иными, в том числе с сопредельными территориальными структурами) в идеологемах евразий-

ства занимает сердцевинное положение, воплощаемое системой специальных терминологических конструкторов (геоконцептов): «Евразия», «евразийский мир», «месторазвитие», «Россия-Евразия».

Относясь преимущественно к предметным сферам геополитики, геоэкономики и культурной географии, уже с 1920-х годов в общемировом масштабе евразийство достаточно заметно и узнаваемо, в том числе как особый инвариант «континентальной» идеологии [Shlapentokh, 1997; O'Loughlin, 2001; Bassin, 2003]. Оно вызывает интерес, отторжение, провоцирует то и дело возникающие «волны» критики [Bassin, 2015]. Собственно евразийские идеологемы (не следует путать их с повсеместным, особенно в геополитическом дискурсе, оперированием категорией «Евразия», относимой, в подавляющей массе ситуаций, практически ко всему соответствующему, крупнейшему на планете и наиболее заселённому материка), при этом по-настоящему всерьёз укоренились лишь на нашей национальной интеллектуально-политической «почве». Вне её, с определённой долей условности можно идентифицировать лишь балканский инвариант евразийства, культивируемого ещё в первой половине XX столетия сербским географом И. Цвийичем [Цвијић, 1966], инициированное политическими установками Н. Назарбаева казахстанское евразийство [Beloglazov, Akhmetzyanov, 2015], инварианты турецкого евразийства [Akçali, Perinçek, 2009], а также венгерский туранизм [Balogh, 2020]. В своём генезисе, перспективе, сущностных основах евразийство представляет собой, в этой связи, преимущественно «россиецентрированную» геоидеологию, чья актуализация, в свою очередь, связана со стадийной геополитической конъюнктурой сближения-удаления России от Европы / Запада, как это хорошо показал В.Л. Цымбурский [Цымбурский, 2007], а процесс укоренения на российской «почве» — ещё и с идеологическими доминантами в России (СССР).

Весьма благоприятными для культивирования в нашей стране евразийских идей оказались 1860–1890-е годы, 1986–1995 гг., а также современное нам последнее десятилетие (с 2014 года), т.е. 40–50 лет из 170. Иные же, временные периоды (существенно более пролонгированные) евразийские идеи пребывали преимущественно на интеллектуальной периферии российского общества, являясь практически маргинальными, известными и воспринимаемыми очень узким кругом лиц. Характерно, что данная ситуация устойчиво воспроизводилась не только в «европоориентированной» с петровской эпохи [Вернадский, 1927] Российской империи, но и, в ещё более явном виде, в условиях СССР, с присущим превалирующей части его исторической траектории латентным пиететом к Западу (даже в условиях перманентного противостояния с ним). Существенно, при этом, что советская власть, начиная с В.И. Ленина, Л.Д. Троцкого и даже первых лет правления И.В. Сталина, стремилась реализовывать собственный глобалистский проект [Троцкий, 2016], что, наряду с «идеологической определённой» той эпохи, лишало евразийство (в его тиражировании и развитии) реальных практических

перспектив.

С конца 1980-х гг. евразийство полноформатно вернулось в нашу страну, в её научный дискурс, политику, оказавшись предельно востребованным в качестве «важнейшей и актуальнейшей геополитической концепции для России» [Лавров, 2000] именно в условиях её тотального кризиса, катастрофического развала. В пёстрой, во многом подпитываемой извне идеологической палитре Российской Федерации 1990–2000-х годов евразийство, тем не менее, также фактически оставалось преимущественно на «второстепенных ролях», поскольку основные социально-политические ориентиры и установки были связаны с расширением партнёрства с Западом, с интеграцией в «мировое сообщество». Безусловно, одномоментно артикулировались и приоритеты евразийской реинтеграции, но практический фокус в любом случае делался на инкорпорирование страны в глобалистские структуры; подобная геостратегическая двойственность (как и любого рода погоня «за двумя зайцами») оказалась в итоге ограниченной во времени и низкоэффективной.

Характерная для постсоветского периода непоследовательная (и не всеобщая) востребованность евразийства (дополняемая кризисом отечественного общественнознания) вела к его упрощению, примитивизации, низведению ранее оформившегося (трудами Н.С. Трубецкого, П.Н. Савицкого, Г.В. Вернадского и других «классиков») яркого и многогранного учения до простых схем и шаблонов. Евразийство содержательно «растаскивалось», превращаясь в набор символов («Евразия», «евразийский»), оперирование которыми всё больше подменяло контент. Присущий евразийству баланс научных идей и политически ангажированной идеологии всё больше смещался при этом в пользу последней. В ней, к тому же, всё меньше оказывалось учёта реального «гео», а всё больше дистанцированных от общественно-географической реальности политологических и социологических схем. Оформились многочисленные инварианты «параевразийства» (идея «Большой Евразии», «Северной Евразии», «Скифии», «Российской империи 2,0» и др.). Евразийство становилось квазигеографичным, вмещая в себя множественные, относящиеся к современной ситуации в Евразии и реальному месту России в евразийском пространстве содержательные противоречия и вопросы.

Наиболее важный вопрос обусловлен практическим игнорированием в современной апологетике евразийства фактора времени и пространственных изменений. «География, согласно А.Г. Дугину — это судьба, а Евразия — судьба для всех постсоветских стран» [Дугин, 2022]. Но «география» (особенно, если речь идет именно об общественной географии) — не константа, не извечная данность. Нет, в принципе не может быть, как ранее справедливо подмечал В.Л. Каганский [Каганский, 2007] и неизменной «Евразии». Сохранявшаяся в контуре СССР историческая (классическая) «Россия-Евразия» в постсоветский период испытала пространственную эрозию, глубинную метаморфозу, ведущую не только к

количественным (площадным), но и качественным (структурным) изменениям, с одной стороны, сжимаясь в своём русском компоненте, а с другой (под воздействием экзогенных детерминант, наподобие Турции, Китая, Евросоюза и в целом глобализма, со временем отчасти становящихся и внутривевразийскими), напротив, расширяясь.

Не столь существенно, как идентифицировать и концептуализировать складывающуюся при этом новую реальность — в качестве «Многополюсной Мега-Евразии» [Дружинин, 2016], «Большой Евразии» [Бордачёв, 2016; Котляков, Шупер, 2019] либо, иным схожим образом. Важно, что уже практически обозначилось не эксклюзивное и отнюдь не доминантное (как это было в «классический» период евразийства) место в этой структуре собственно России, русского этноса и русской культуры. Можно вести речь и о фактической, обусловленной в том числе и этнодемографической динамикой «дерусификации» Евразии (в последние годы заметной как в сопредельных постсоциалистических, постсоветских государствах, так и, благодаря фактору миграции — непосредственно в ряде регионов самой Российской Федерации), чему способствует не только «накат» на традиционное «евразийское пространство» коллективного Запада (лишь отчасти приостановленный СВО), но и набирающая обороты имплементация во многом альтернативной евразийству идеи «Тюркского мира», а также реализация китаеориентированной инициативы «Один пояс, один путь», стремительное укрепление геостратегических позиций Индии, превращение в самостоятельные «центры силы» Пакистана, Ирана, монархий Персидского залива.

Культивируемый же евразийством (и в особой мере присущий его «неоевразийским» интерпретациям) симбиоз природного детерминизма и исторического фатализма, вызывая отторжение в сопредельных с Россией государствах, всё меньше отвечает геополитическим реалиям, включая и собственно интересы российской внешней политики. Дезориентирует он и само российское общество, продуцируя в нём в целом обманчивое, контрпродуктивное видение некой природно-географической предначертанности, предопределённости (и устойчивости, стабильности во времени) ареала доминанты русской культуры и геополитических интересов России [Дружинин, 2024б]. Он же препятствует осознанию нарастающих в данной сфере в постсоветский период изменений (и, соответственно, проблемных ситуаций, рисков), слабо мотивируя необходимую мобилизацию коллективной воли в вопросах будущего нашей страны.

Иной характерный для евразийства (также представляющийся неприемлемым с позиции современной общественной географии) посыл связан с фактической (в традиционных для «евразийских» представлений о Евразии как «едином географическом мире» и «целостном месторазвитии» [Вернадский, 1927] идентификацией (и абсолютизацией) конкретного уровня территориальной таксономии, оформившегося на определённой исторической стадии. Сложность (проблем-

ность) ситуации заключается в том, что пространственная организация общества характеризуется не только своей фрагментированностью и динамизмом, но и полимасштабностью. И, в этой связи, признание какого-либо из уровней пространственной таксономии (глобального, метарегионального, странового или регионального) в качестве доминантного, эксклюзивного — возможно лишь как политически (геополитически) мотивированный интеллектуальный акт, воплощённый в формат той или иной национальной (государственной) идеологии.

То есть, то, что какой-то этнос, народ воспринимает некую территории «своей», идентифицирует её в каких-либо «естественных» («исторических», «жизненно необходимых», «международно признанных» и т.п.) границах, не отменяет подчас имеющие место внутристрановые, субтерриториальные устремления к «суверенитету», обособлению, ни аналогичные претензии на эту же территорию (или её часть) иного народа (территориальной общности) как неотъемлемой части своего столь же политико-идеологически обосновываемого «жизненного пространства» («месторазвития»). Последнее, в этой же предопределяемой территориальной организацией общества геополитической логике (определим её как принцип иномасштабного зеркального подобию в геополитике), не избавлено от экспансионистских устремлений (также облачённых в соответствующие геоидеологические конструкты) ещё более мощных, крупных и активных государств и их объединений.

Весьма существенно в этой связи и то, что общественно-географические «миры» (в том числе цивилизационного уровня) — теоретически равнозначны (в чём евразийские подходы абсолютно корректны), но практически неравновесны; они существуют в своих неустойчивых «взаимоналожениях», зависимостях и иерархиях. Сам феномен «особого мира» (включая и «Россию-Евразию» в понимании П.Н. Савицкого и иных классиков евразийства) — столь универсален (как «по горизонтали», так и «по вертикали»), что не может и не должен абсолютизироваться (по крайней мере в научном исследовании), в том числе и применительно к такому его свойству как целостность (верно сказано, что с позиций географической науки «мир = миры» (Тютюнник, 2010).

Не есть константа и пространственная структура «особых миров», в том числе их внешние контуры (лишённые в большинстве ситуаций своей физико-географической обусловленности). Здесь же важно подчеркнуть, что в евразийской превалирующей интеллектуально-идеологической оптике то или иное «месторазвитие» существует изначально и лишь корректируется тем или иным народом. Присуща евразийству и традиция рассмотрения «Евразии» (не материка!) как единого месторазвития, а не множества взаимно напластовывающихся месторазвитий множества народов. Современные реалии высвечивают односторонность подобных представлений и их нарастающую архаичность, в том числе отнюдь не облегчающих выстраивание добрососедских отношений между Российской Фе-

дераций и сопредельными постсоветскими государствами в новых, уже многополюсных и многовекторных форматах евразийского партнёрства.

Сказанное выше не означает, что евразийство предвзято, ретроградно и лишено резонанса, своего конструктивного потенциала, долгосрочной перспективы. Действительно, только-только «выйдя из тени», укоренившись, евразийство оказалось в ситуации острейшего кризиса и соответствующих содержательных метаморфоз. Но при этом у современной России, пожалуй, нет сопоставимой с евразийством по значимости, узнаваемости и потенциалу своего воздействия национальной геоидеологии, способной сочетать традицию с новациями, предлагать множественность геостратегий, оперировать разномасштабными объектами (от конкретных российских регионов на «стыке» Европы и Азии, до предельно «больших», вмещающих весь материк, евразийских партнёрств).

Евразийство ценно для нас, во-первых, потому, что это геоидеология столь актуализированного и востребованного в современной России её геополитического, геокультурного и геоэкономического суверенитета как базового на обозримую перспективу вектора нашего национального бытия, самосохранения. Именно в рамках евразийства последовательно развиваются и отстаиваются положения, что народы и созданные ими культуры — равноценны, культивируемая «Европой» (Западом) система ценностей не является эксклюзивной и универсальной, а Россия выступает особым целостным пространством, дистанцированным и от Европы, и от Азии.

Реалии современного мироустройства, обретающего черты многополюсности [Караганов, 2022], разумеется, и в этом случае продуцируют множество вопросов, касающихся возможностей России действовать, развиваться в качестве самостоятельного планетарно значимого центра силы. Сложно, практически невозможно экономически, технологически и культурно обеспечить красной нитью проходящую через «евразийские» тексты «самодостаточность» нашей страны, в том числе учитывая её выраженную во многих субъектах федерации сопряжённость с Уммой, с Тюркским миром, иными крупными этнокультурными целостностями, степень нашей актуальной включённости в евразийские торговые обмены, зависимость от экспорта, необходимость поддерживать высокотехнологический импорт и др.

Характерно, что именно классики евразийства предлагают в этой сфере значимые подсказки, демонстрируют необходимую гибкость и диалектичность подходов. Так, в 1923 г. П.Н. Савицкий озвучил тезис: «Россия должна жить сама по себе, довольствуйся сама над собой, сама должна являться светом для себя» [Евразийский временник, 1923: 164], однако он же в 1931 г. полагал гармоничным и должным «сочетание своего основного с восточным и западным» [Тридцатые годы, 1931]. Сохраняющийся, неизменно актуальный вопрос, конечно же, заключается в мере подобного «сочетания», в степени (приемлемости) вестернизированности, китае- и туркоориентированности тех или иных территорий России, равно как и присут-

ствия в российском социуме крупных диаспор народов постсоветских государств.

«Соседствуя с разными цивилизациями, воплощая и примиряя гетерогенные культурные начала, — предупреждал А.С. Панарин, — нельзя сохранять ортодоксальность и герметичность духа: приходится быть открытым. Обратной стороной этой открытости является хрупкость и проблематичность норм, готовность их сменить, нередко на противоположные» [Панарин, 1995: 28]. Декларируя свои евразийскую «особость» (в том числе, что сейчас модно — «северность», сущностные черты именно «Северной Евразии») и, одновременно провозглашая «Большую Евразию», пытаясь активно соучаствовать в её конструировании, оказаться в числе бенефициаров данного геоэкономического проекта, адаптировать к нему собственное пространственное развитие [Безруков и др., 2024] — наша страна обречена далее обеспечивать хрупкий баланс между сохранением (расширением) присутствия в Евразии России, русской культуры и теми небыстрыми, но, тем не менее, в силу демографической, экономической и технологической динамики практически неизбежными этнокультурными трансформациями в пределах самой юрисдикции Российской Федерации.

Подобные метаморфозы этнокультурной идентичности, будучи заведомо разноскоростными для конкретных российских регионов, выводят на авансцену нашей национальной интеллектуальной повестки ещё один значимый посыл евразийства: восприятия России в её современных политико-географических границах именно как Евразии. Апеллируя к устойчивой сопряжённости России и Евразии, классическая геополитическая формула «Россия = Евразия» сохраняет свою изначальную ценность для понимания сущности нашей страны, которая остаётся евразийской, поликонфессиональной, многонациональной, инкорпорированной в широчайшую гамму трансграничных и иного рода международных связей, взаимозависимостей, контактов. Безусловную актуальность демонстрирует, впрочем, и её аналог-перевертыш: «Евразия = Россия», поскольку именно Российская Федерация продолжает выступать несущим конструктом и важнейшим пространственным компонентом как классической, исторической «Евразии», так и любого рода новых её инвариантов, вмещающих в себя Россию в качестве приоритетного геополитического актора. Замечу, при этом, что в текущем XXI веке успешно интегрировать евразийское пространство можно только активно и эффективно действуя на глобальном поле, реализуя глобальную геостратегию, продвигая общемировую повестку. И наоборот. В этой связи противоречивость, дихотомичность евразийства (выступающего не только идеологической рамкой противодействия периферийности нашей страны и культуры в глобальной мега-системе, но и одновременно манифестом «евразийского глобализма» и глобального присутствия «России-Евразии» в полицентричном мире) предстаёт и его сильной, выигрышной стороной, поскольку евразийские идеи оказываются весьма созвучными декларируемыми Россией (предельно чётко — в выступлении В.В. Пу-

тина на заседании дискуссионного клуба «Валдай» 7.11.2024) принципам мироустройства: признанию многообразия мира, самоценности и самобытности всех народов, обеспечению их суверенного равенства и др. В грядущем же развитии евразийских идей неизбежно, как видится, смещение акцентов с традиционного, ставшего во многом архивным, понимания «Евразии как России» — к идентификации собственно «России в Евразии» и осмыслению «России как Евразии».

* * *

Вступление Российской Федерации в период пролонгированного конфликта с «коллективным Западом» создаёт предпосылки для ренессанса евразийства в русле всё чётче осознаваемой отечественными обществоведами «национальной определённости» исследований. При формировании геостратегии нашей страны необходимо при этом следовать не столько «букве» евразийства, сколько его «духу», фиксируя и осознавая присущие евразийству противоречия (а, отчасти, и их архивность), обеспечивая необходимое развитие евразийских идей, что в практическом плане видится возможным лишь при опоре на инструментарий и фактологию общественной географии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

- Безруков Л.А., Дружинин А.Г., Кузнецова О.В., Шупер В.А. Пространственное развитие России в контексте формирования Большой Евразии: факторы, векторы, приоритеты // Балтийский регион. 2024. Т. 16. № 2. С. 18–40.
- Бордачёв Т. Россия и Китай в Большой Евразии: большая игра с позитивной суммой // Валдайские записки. 2016. № 50, Июнь. 15 с.
- Вернадский Г.В. Начертание русской истории. Часть первая. Евразийское книгоиздательство. Прага, 1927. 264 с.
- Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л.: ЛГУ, 1989. 286 с.
- Гумилёв Л.Н. Ритмы Евразии. Эпохи и цивилизации. М.: «Пангея», 1993. 575 с.
- Дружинин А.Г. Теоретико-методологические основы географических исследований культуры: автореферат на соиск. ученой степ. доктора геогр. наук. СПб., 1995. 51 с.
- Дружинин А.Г. Теоретические основы географии культуры. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 1999. 114 с.
- Дружинин А.Г. Россия в многополюсной Евразии: взгляд географа-обществоведа. Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального университета, 2016. 228 с.
- Дружинин А.Г. Идеи классического евразийства и современность: общественно-географический анализ. Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального университета, 2021. 270 с.
- Дружинин А.Г. Идеи евразийства в современной России: традиция и метаморфозы // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2024. Т. 20. № 1. С. 5–14.
- Дружинин А.Г. Дихотомии евразийства: общественно-географический анализ // Вестник БФУ им. И. Канта. Сер. Гуманитарные и общественные науки. 2024. № 2. С. 102–144.
- Дугин А.Г. Евразийство как незападная эпистема российских гуманитарных наук // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22. № 1. С. 142–152.
- Евразийский временник. Непериодическое издание / под ред. П. Савицкого, П. Сувчинского и Н. Трубецкого. Книга третья. Берлин: Евразийское книгоиздательство, 1923. 175 с.

14. Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. Книга 1. София: Изд-во «Балканы», 1921. 135 с.
15. Каганский В.Л. «Евразийская мнимость» // Россия как цивилизация: Устойчивое и изменчивое / отв. ред. И.Г. Яковенко. Научный совет РАН «История мировой культуры». М.: Наука, 2007. С. 531–590.
16. Караганов С.А. От не-Запада к Мировому большинству // Россия в глобальной политике. 2022. Т. 20. № 5 (117). С. 6–18.
17. Котляков В.М., Шупер В.А. Россия в Большой Евразии: задачи на XXI век // Россия в формирующейся Большой Евразии / под ред. В.М. Котлякова и В.А. Шупера. Вопросы географии. Вып. 148. М.: Издательский дом «Кодекс», 2019. С. 357–372.
18. Лавров С.Б. Лев Гумилев. Судьба и идеи. М.: Сварог и К., 2000. 156 с.
19. Панарин А.С. Россия в цивилизационном процессе (между атлантизмом и евразийством). М.: ИФРАН, 1995. 261 с.
20. Тридцатые годы. Утверждение евразийцев. Книга VII. София, 1931. 319 с.
21. Троцкий Л.Д. Преданная революция: Что такое СССР и куда он идет? М., 2016. 476 с.
22. Цвијих Ј. Балканско полуострво и Јужнословенске земље. Основи антропогеографије. Београд, 1966. 582 с.
23. Цымбурский В.Л. Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006. М.: РОССПЭН, 2007. 543 с.
24. Akçali E., Perinçek M. (2009), *Kemalist Eurasianism: An emerging geopolitical discourse in Turkey*, *Geopolitics*, vol. 14, iss. 3, pp. 550–569.
25. Beloglazov A.V., Akhmetzyanov I.G. (2015), *Russian-Kazakh cooperation as a factor in the implementation of the Eurasian idea*, *Journal of Sustainable Development*, vol. 8, no. 5, pp. 176–183.
26. Balogh P. (2020), *Clashing geopolitical self-images? The strange co-existence of Christian bulwark and Eurasianism (Turanism) in Hungary*, *Eurasian Geography and Economics*, vol. 63, iss. 6, pp. 726–752.
27. Bassin M. (2003), «Classical» Eurasianism and the Geopolitics of Russian Identity, *Ab imperio*, no. 2, pp. 257–266.
28. Bassin M., Glebov S., Laruelle M., eds., (2015), *Between Europe and Asia. The origins, theories, and legacies of Russian Eurasianism*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 267 p.
29. O'Loughlin J. (2001), *Geopolitical fantasies, national strategies and ordinary Russians in the post-communist era*, *Geopolitics*. vol. 6, iss. 3, pp. 17–48.
30. Shlapentokh D.V. (1997), *Eurasianism: Past and present*, *Communist and Post-communist Studies*, vol. 30, no. 2, pp. 129–151.

REFERENCES:

1. Akçali E., Perinçek M. (2009), *Kemalist Eurasianism: An emerging geopolitical discourse in Turkey*, *Geopolitics*, vol. 14, no. 3, pp. 550–569.
2. Balogh P. (2020), *Clashing geopolitical self-images? The strange co-existence of Christian bulwark and Eurasianism (Turanism) in Hungary*, *Eurasian Geography and Economics*, vol. 63, iss. 6, pp. 726–752.
3. Bassin M. (2003), «Classical» Eurasianism and the Geopolitics of Russian Identity, *Ab imperio*, no. 2, pp. 257–266.
4. Bassin M., Glebov S., Laruelle M., eds., (2015), *Between Europe and Asia. The origins, theories, and legacies of Russian Eurasianism*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 267 p.
5. Beloglazov A.V., Akhmetzyanov I.G. (2015), *Russian-Kazakh cooperation as a factor in the implementation of the Eurasian idea*, *Journal of Sustainable Development*, vol. 8, no. 5, pp. 176–183.
6. Bezrukov L.A., Druzhinin A.G., Kuznetsova O.V., Shuper V.A. (2024), *Spatial development of Russia in the context of the formation of Greater Eurasia: factors, vectors, priorities*, *The Baltic region*, vol. 16, no. 2, pp. 18–40. (In Russ.).
7. Bordachev T. (2016), *Russia and China in Greater Eurasia: a big game with a positive*

- sum, Valdai Notes. no. 50, June, 15 p. (In Russ.).
8. Czviich J. (1966), Balkan Peninsula and South Slavic countries. The basics of anthropogeography. Belgrade, 582 p. (In Serbian).
9. Gumilev L.N. (1989), Ethnogenesis and the biosphere of the Earth, Leningrad: Leningrad State University, 286 p. (In Russ.).
10. Druzhinin A.G. (1995), Theoretical and methodological foundations of geographical research of culture: abstract of the dissertation for the degree of Doctor of Geographical Sciences. St. Petersburg, 51 p. (In Russ.).
11. Druzhinin A.G. (1999), Theoretical foundations of the geography of culture. Rostov-on-Don: Publishing house of the Russian Scientific Research Center Higher School of Economics, 114 p. (In Russ.).
12. Druzhinin A.G. (2016), Russia in a multipolar Eurasia: the view of a geographer and social scientist. Rostov-on-Don: Southern Federal University Press, 228 p. (In Russ.).
13. Druzhinin A.G. (2021), The ideas of classical Eurasianism and modernity: a socio-geographical analysis. Rostov-on-Don: Publishing House of the Southern Federal University, 270 p. (In Russ.).
14. Druzhinin A.G. (2024a), The ideas of Eurasianism in modern Russia: tradition and metamorphosis, Geopolitics and ecogeodynamics of regions, vol. 20, no. 1, pp. 5–14. (In Russ.).
15. Druzhinin A.G. (2024b), Dichotomies of Eurasianism: a socio-geographical analysis, Bulletin of the I. Kant BFU. Ser. Humanities and Social Sciences, no. 2, pp. 102–144. (In Russ.).
16. Dugin A.G. (2022), Eurasianism as a non-Western episteme of Russian humanities, Bulletin of the RUDN University. Series: International Relations, vol. 22, no. 1, pp. 142–152. (In Russ.).
17. Eurasian Time Guide (1923), Non-periodic edition, eds. Savitsky P., Suvchinsky P. and Trubetskoy N. The third book. Berlin: Eurasian book publishing, 175 p. (In Russ.).
18. Gumilev L.N. (1993), Rhythms of Eurasia. Epochs and civilizations. Moscow: «Pangea», 575 p. (In Russ.).
19. Kagansky V.L. (2007), «Eurasian imaginary», Russia as a civilization: Stable and changeable, ed. Yakovenko I.G. Scientific Council of the Russian Academy of Sciences «History of World Culture». Moscow: Nauka, pp. 531–590. (In Russ.).
20. Karaganov S.A. (2022), From Non-Westerners to the global majority, Russia in global politics, vol. 20, no. 5 (117), pp. 6–18. (In Russ.).
21. Kotlyakov V.M., Shuper V.A. (2019), Russia in Greater Eurasia: challenges for the 21st century, Russia in the emerging Greater Eurasia, eds. Kotlyakov V.M., Shuper V.A. Geography issues. Issue 148. Moscow: Codex Publishing House, pp. 357–372. (In Russ.).
22. Lavrov S.B. (2000), Lev Gumilev. Fate and ideas. Moscow: Svarog and K., 156 p. (In Russ.).
23. O'Loughlin J. (2001), Geopolitical fantasies, national strategies and ordinary Russians in the post-communist era, Geopolitics. vol. 6, iss. 3, pp. 17–48.
24. Panarin A.S. (1995), Russia in the civilizational process (between Atlanticism and Eurasianism). Moscow: IFRAN, 261 p. (In Russ.).
25. Shlapentokh D.V. (1997), Eurasianism: Past and present, Communist and Post-communist Studies, vol. 30, no. 2, pp. 129–151.
26. The exodus to the East (1921), Premonitions and achievements. Approval of the Eurasians. Book 1. Sofia: publishing house «Balkans», 135 p. (In Russ.).
27. The thirties (1931), Approval of the Eurasians. Book VII. Sofia, 319 p. (In Russ.).
28. Trotsky L.D. (2016), Devoted revolution: What is the USSR and where is it going? Moscow, 476 p. (In Russ.).
29. Tsymbursky V.L. (2007), Island of Russia. Geopolitical and chronopolitical works. 1993–2006. Moscow: ROSSPAN, 543 p. (In Russ.).
30. Vernadsky G.V. (1927), The outline of Russian history. Part one. Prague: Eurasian book publishing, 264 p. (In Russ.).

УДК 323.2
DOI 10.63115/3145.2025.66.48.002

ОБЗОРНАЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ

Символический геополитический капитал современного российского города: возможности и риски

Аксёнов Константин Эдуардович

доктор географических наук, профессор кафедры региональной политики и политической географии, Институт наук о Земле, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

axenov@peterlink.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4728-0121>

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматривается влияние символического геополитического капитала на формирование политической идентичности и общественного сознания в современных российских городах. Основное внимание уделяется конфликтной природе геополитических знаков, которые часто становятся объектами споров и активизма. Проанализированы потенциальные источники конфликтности, включая конфликты, связанные с внешними войнами, территориальными расширениями и вопросами суверенитета.

Автор исследует изменение иерархии материальных геополитических знаков в зависимости от политического контекста. Особое внимание уделяется процессам интернационализации и деин-

тернационализации, произошедшим в топонимике Санкт-Петербурга на протяжении XX века.

Также акцентируется внимание на том, что исторические названия сохраняют латентный конфликтный потенциал, который может быть активирован в новых политических условиях. Несмотря на переименования в постсоветский период, многие названия продолжают ссылаться на имперское прошлое, что влияет на восприятие гражданами истории и геополитики.

В заключении автор подчеркивает, что символические знаки формируют «нормативные» и «нормальные» геополитические картины мира, которые имеют значение для идеологических процессов и политической мобилизации в обществе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

символический капитал, памятники, геополитика, урбанистика, Ахмет Валидов

ГЕОТЕГИ

Россия, Республика Башкортостан, Сибай

Symbolic Geopolitical Capital of the Modern Russian City: Opportunities and Risks

Axenov Konstantin

Doctor of Geographical Sciences, Professor of the Department of Regional Policy and Political Geography, Institute of Earth Sciences, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

axenov@peterlink.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4728-0121>

ABSTRACT

This article examines the influence of symbolic geopolitical capital on the formation of political identity and public consciousness in modern Russian cities. The main attention is paid to the conflictogenic nature of geopolitical signs, which often become objects of controversy and activism. Potential sources of conflictogenicity are analyzed, including conflicts related to foreign wars, territorial expansions and sovereignty issues. The author explores the changing hierarchy of material geopolitical signs depending on the political context. Special attention is paid to the processes of internationalization and de-internationalization

that took place in the toponymy of Saint Petersburg during the 20th century.

It also emphasizes the fact that historical names retain latent conflict potential, which can be activated in new political conditions. Despite renaming in the post-Soviet period, many names continue to refer to the imperial past, which affects citizens' perception of history and geopolitics.

In conclusion, the author emphasizes that symbolic signs form "normative" and "normal" geopolitical pictures of the world, which are important for ideological processes and political mobilization in society.

KEYWORDS

symbolic capital, monuments, geopolitics, urbanistics, Akhmet Validov

GEOTAGS

Russia, Republic of Bashkortostan, Sibai

Я сегодня здесь выступаю в двух административных ипостасях, связанных с тематикой этого доклада. Во-первых, я являюсь научным руководителем магистерской программы «Геоурбанистика» в СПбГУ и по этой же тематике являюсь профессором Высшей школы экономики. А вторая ипостась связана с тем, что я профессор кафедры региональной политики и политической географии СПбГУ. Можно сказать, что представляемая сегодня тема родилась под непосредственным влиянием этих ипостасей: «Символический геополитический капитал современного российского города: возможности и риски».

О чем это? Казалось бы, символический капитал города — тема достаточно заезженная, извините за такую... сленговую оценку... Эта тема разрабатывается в разных институциональных, дисциплинарных формах и форматах, литературы по ней очень много. Но здесь речь пойдет об одной специфической части символи-

ческого городского капитала, о которой написано и сказано пока точно недостаточно. Это геополитический символический капитал [Аксёнов, 2024a].

Почему он? Я вижу по крайней мере две причины, почему этой темой нельзя не заниматься прямо сейчас. Первое — это то, что, в отличие от многих тем символической политики, которые могут приводить в реальности к общественным и политическим столкновениям по поводу городских символов, тематика столкновений с использованием геополитических символов явно выходит на первый план, по крайней мере, потому, что она почти автоматически масштабируется до самого глобального уровня [Аксёнов, 2023б].

Вот фотографии, находящиеся в открытом доступе в сети Интернет, которые как раз демонстрируют уровни масштаба и причины, почему следует заниматься этой проблематикой. Первое фото — это протест с использованием городских символов в большей степени регионального или местного масштаба.

Рис. 1. В Ростове коммунисты провели пикеты против установки бюста барону Врангелю

Figure 1. In Rostov, Communists held pickets against installation of a bust of Baron Wrangel

Источник: В Ростове коммунисты провели пикеты против установки бюста барону Врангелю // Donnews.ru. 2023. 24 ноября. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.donnews.ru/amp/u-rostove-kommunisty-proveli-pikety-protiv-ustanovki-byusta-baronu-vrangelyu> (дата обращения: 24.01.2025).

Здесь местные активисты протестуют против установки бюста Врангелю в Ростове-на-Дону, адресат этого протеста — региональные власти и, возможно, более широкая российская аудитория.

Второе фото — это действие точно уже таргетировано не только на национальный, но и на межгосударственный уровень. Наверное, вы можете догадаться, что речь идёт о демонтаже памятников советским военачальникам, в частности, в сопредельных России государствах.

Рис. 2. Минобороны РФ увидело в сносе бюста Жукову движение Украины к варварству

Figure 2. Russian Defense Ministry sees Ukraine's demolition of Zhukov's bust as a move toward barbarism

Источник: Минобороны РФ увидело в сносе бюста Жукову движение Украины к варварству // РБК. 2019. 3 июня. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.rbc.ru/politics/03/06/2019/5cf527839a79475a952a476c> (дата обращения: 24.01.2025).

Рис. 3. В США за время антирасистских протестов снесли 33 памятника Колумбу

Figure 3. 33 Columbus monuments torn down in US during anti-racism protests

Источник: В США за время антирасистских протестов снесли 33 памятника Колумбу // Известия. 2020. 25 сентября. [Электронный ресурс]: URL: <https://iz.ru/1065620/2020-09-25/u-ssha-za-vremia-antirasistskikh-protestov-snesli-33-pamiatnika-kolumbu> (дата обращения: 24.01.2025).

Ну, и последнее фото — лицо, которое смотрит в пол.

Это, если кто-то не узнал, лицо Христофора Колумба, памятники которому регулярно ниспровергаются в настоящее время во многих государствах мира. В первую очередь в государствах Запада или переселенческого капитализма. И связано это с новыми прочтениями геополитической проблематики прошлого, которые транслируются такими акциями на глобальный уровень... Почему и как все это происходит, мы сегодня с вами как раз и посмотрим.

Надо ли это вообще изучать? Надо, поскольку в России в XXI веке (мы с вами во многом не замечаем этого) на разном уровне — от масштабов села и небольшого города до России в целом — происходили сотни конфликтов с участием городских символических объектов, значительная часть из которых была связана

с геополитической проблематикой. Повторяю, что именно эти конфликты выходили на более высокие уровни не только символической, но и в целом политики вообще. Самое главное, что пока мы здесь с вами находимся, на нашем с вами заседании, эти конфликты продолжаются.

Мы исследуем эти конфликты со студентами обоих вузов, которые я упомянул. Причём, занимаемся этим уже не первый год и по одной и той же методике, что позволяет делать сравнения и единую аналитику по большому объёму кейсов.

В качестве примера покажу только две большие темы, которые мы последнее время рассматривали, и по которым были выявлены и проанализированы конфликты по поводу городских монументов или памятников.

Тема 1. «Памятники раздора символам досоветской эпохи» — проанализированные конфликты с номинациями: Ермак (Тюмень, Тобольск, Омск, Тара), Взятие Казани, Александр II (Сочи), Казачий форт (Сочи), Шамиль (Махачкала), Лазарев (Сочи, Нальчик), Суворов (Майкоп, Черкесск), Иван Грозный (Грозный, Чебоксары, Астрахань), Ермолов (Грозный, Краснодар, Минводы, Пятигорск, Орел, Адлер), Фон Засс в Армавире. Тема 2. «Памятники раздора символам эпохи Гражданской войны и иностранной интервенции» — проанализированные конфликты с номинациями: Колчак (Омск, Иркутск, Стерлитамак, Санкт-Петербург, Владивосток, Хабаровск, Москва), Деникин (Москва), Врангель (Ростов), Корнилов (Краснодар), доска Каппелю (Ульяновск), Краснов (Ростовская обл.), Белочехам (Самара).

Это не все конфликты по этим темам, и не все конфликты, которые мы рассматривали за эти годы, безусловно. Некоторые из них могут показаться странными, неизвестными или непонятными. Сейчас я на них останавливаться не буду, на эту тему только что вышла моя большая публикация в Известиях РАН, Серия географическая [Аксёнов, 2024б].

Однако, в этом списке нет конфликта, на примере которого я хочу показать то, как приобретают всё большую важность конфликты по скрытым геополитическим проблемам, которые не всему обществу видны. Есть конфликты по поводу каких-то войн, идеологий, персон, геополитических событий прошлого или настоящего, которые составляют общий современный политический дискурс, достаточно широкий и публичный, а есть проблематики, известные лишь определенным группам, объединенным каким-либо геополитическим интересом.

Эти проблематики выходят на свет зачастую только тогда, когда проявляются в конфликтном взаимодействии. И вот такие тематики я хочу проиллюстрировать одним примером. Речь идет о символической фигуре Ахмет-Заки Валиди Тогана или Ахмета Валидова, как его иногда у нас называют. Цитирую «Википедию»: военно-политический деятель, лидер башкирского национально-освободительного движения (в 1917–1920 гг.), публицист, историк, востоковед, тюрколог, доктор философии, профессор, почётный доктор Манчестерского университета. Добав-

лю, что профессор он не одного университета, а, по крайней мере, еще и Стамбульского. И все, что здесь написано, в общем, правда.

Другое дело, что в «Википедии» написана не вся правда. Личность Ахмета-Заки Валиди выступает одним из маркеров очень острой конфликтной геополитической проблематики в символической городской, и не только городской, политике современной России и даже за ее пределами.

Что здесь не написано или что здесь между строк (или между знаков) написано. Действительно, он был лидером башкирского национально-освободительного движения, но здесь не написано то, что он был одним из главных создателей и руководителей самопровозглашенного государства, которое называлось Штат Идель-Урал в 1918 году. Квази-государство (народная республика) было провозглашено изначально в Казани, но вскоре под влиянием Валиди его столица была перенесена в Уфу, что свидетельствовало тогда о некоей борьбе за первенство между тюркскими этносами, что было важно, поскольку в основе этого квази-государства лежала идеология пантюркизма.

После разгрома этого государства большевиками, он попытался создать такие же квази-государственные образования, опираясь на территории под контролем белочехов во время Гражданской войны, а потом Колчака. Ни тем, ни другим почему-то это оказалось ненужным, и он не смог добиться своих целей. В ходе последующих попыток сотрудничества с Советской Россией Валидов осознал невозможность договориться о создании башкирской автономии на его условиях, после чего он переместился в Туркестан, где стал одним из организаторов, уж, по крайней мере консолидаторов, если можно так сказать, басмаческого движения против советской власти и пытался в новой инкарнации создать пантюркистское государство, опираясь на эти силы, политические и военные.

Это первая часть, которая здесь не написана. Вторая часть того, что называется военно-политический деятель, я прокомментирую чуть позже, но то, что он действительно известный и признанный учёный, основавший некоторые направления тюркологии, здесь сомнений никаких нет.

Что дальше? А дальше «героизация» персоны Валиди начала происходить в Башкортостане с самых ранних лет постсоветского периода, он начинает становиться символом движения за национальное самоопределение в совершенно разных формах... В 2009 г. было принято решение о сооружении центрального памятника Валиди в Уфе, когда президент республики М. Рахимов подписал указ о праздновании в 2010 г. 120-летней годовщины со дня его рождения. После ухода М. Рахимова в отставку проект установки памятника Валиди в Уфе натолкнулся на резкое неприятие со стороны ряда общественных организаций и активистов местного отделения КПРФ и был приостановлен, начался реальный большой политический публичный конфликт.

Памятника до сих пор нет. Его так и не установили. Это памятная доска гово-

рит о том, что его имя присвоено библиотеке. Ну и улица Фрунзе была переименована в улицу Заки Валиди в Уфе.

Что дальше? Дальше наша студентка Юлия Буренина с кафедры региональной политики и политической географии СПбГУ, защитила диплом (вот эта карта из её диплома), где нанесены улицы и монументы, носящие имя Заки Валиди в Башкортостане и доля башкирского населения.

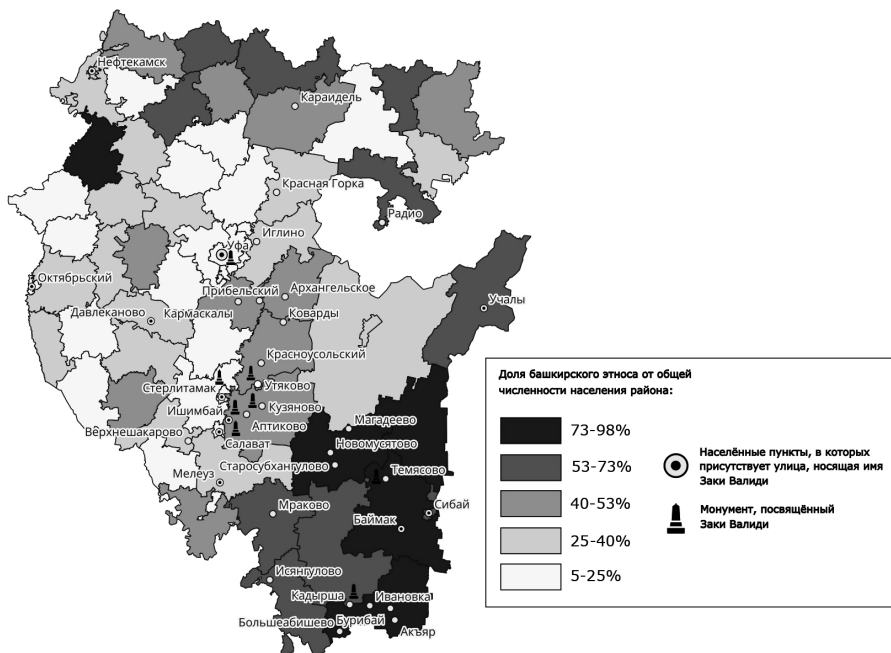

Рис. 4. Распространение улиц и монументов, носящих имя Заки Валиди в Башкортостане

Figure 4. Distribution of streets and monuments named after Zaki Validi in Bashkortostan

Источник: составлено Ю. Бурениной, 2024 г.

Совершенно очевидна взаимосвязь доли башкирского населения с количеством и распространением этих монументов или номинаций вообще. Дополнительно, конечно, есть некий узел концентрации в месте, где родился сам Заки Валиди. Это достаточно стандартная ситуация. То есть, чем больше башкирского населения, тем более вероятно распространение вот этих номинаций в небольших населённых пунктах, вплоть до сел и малых городов в Башкортостане.

Но тут случился 2017 год, в котором Правительство Республики Башкортостан

подарило памятник Ахмет-Заки Валиди Тогану не кому-нибудь, а Санкт-Петербургу. Причём не только Санкт-Петербургу, но и Санкт-Петербургскому государственному университету, федеральной организации, установив именно во дворе нашего университета вот этот самый бюст, который здесь изображён.

Рис. 5. Бюст востоковеду Валиди убрали с территории СПбГУ после проверки прокуратуры

Figure 5. Bust to orientalist Validi removed from the territory of St. Petersburg State University after an inspection by the prosecutor's office

Источник: Рождественский Д. Бюст востоковеду Валиди убрали с территории СПбГУ после проверки прокуратуры // Комсомольская правда: Санкт-Петербург. 2021. 27 января. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.spb.kp.ru/online/news/4165928/> (дата обращения: 24.01.2025).

Кроме того, стали устанавливаться при поддержке руководства Башкортостана и административные связи, связанные с номинацией некоторых подразделений университета именем Валиди. Этот бюст стоял до 2021 года... Но в 2020 году мама какого-то студента СПбГУ подала обращение на сайт университета, говоря о том, что она просит убрать этот монумент, поскольку он связан с именем сепаратиста. Год шло разбирательство, была подана жалоба и в прокуратуру Санкт-Петербурга. И прокуратура вынесла определение, требующее демонтировать данный монумент, поскольку признала пособничество Заки Валиди Тогана нацизму во время Второй мировой войны. Достаточно известный факт, что существовало подразделение, носящее имя «Идель-Урал» в составе вооружённых сил нацистской Германии, и это подразделение тоже было связано с именем Валиди. Решение было тут же выполнено, и в январе 2021 года появилась такая картина.

Рис. 6. Бюст востоковеда Ахмет-Заки Валиди «съехал» с филфаковского дворика. Прокуратура рассмотрела в нём пособника нацистов

Figure 6. The bust of orientalist Akhmet-Zaki Validi "moved" from the Philfakovsky courtyard. The prosecutor's office considered him a Nazi collaborator

Источник: Бюст востоковеда Ахмет-Заки Валиди «съехал» с филфаковского дворика. Прокуратура рассмотрела в нём пособника нацистов // Фонтанка.ру. 2021. 27 января. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.fontanka.ru/2021/01/27/69728951/> (дата обращения: 24.01.2025).

Что дальше? Дальше началось активное обсуждение в СМИ. Всемирный курултай башкир выразил озабоченность и попросил прокуратуру и СПбГУ разъяснить ситуацию с установленным и снесенным на территории вуза бюстом Ахмет-Заки Валиди. Конфликт стал уже не региональным, а по крайней мере всероссийским. А учитывая, что именем Валиди номинированы памятник и урбонимы в Турции, то и международным. Ну и оставался вопрос, снесут ли памятники Валиди в Башкирии? Действительно, вопрос был не праздный. Мы видели, сколько их, этих памятников Валиди.

Каков ответ? Ну, во-первых, что сейчас. Вот две недели назад я сфотографировал то место, где стоял памятник Валиди. Здесь нет никаких букв, никаких цифр. Что это такое, я не знаю, но это стоит на том месте, где был памятник.

Рис. 7. Место памятника

Figure 7. Place of the monument

Источник: личный архив автора.

Но есть город Сибай, про который, собственно, Юлия Буренина нашла любопытные факты, и мы их дополнили. Это крайний юго-восток Башкортостана, районный центр с преобладанием башкирского населения, где в 2000 году был установлен бюст Валиди, причём, по инициативе Андрея Назарова, одного из будующих руководителей Республики Башкортостан.

В 2013 году была проведена реконструкция, и памятник дополнили списком его заслуг, которые были написаны на свитке. Вот здесь видно золотой такой свиток.

Рис. 8. В одном из городов Башкирии пропал памятник Ахмет-Заки Валиди

Figure 8. A monument to Akhmet-Zaki Validi disappeared in one of Bashkiria's cities

Источник: В одном из городов Башкирии пропал памятник Ахмет-Заки Валиди // Аргументы и факты: Уфа. 2021. 23 сентября. [Электронный ресурс]: URL: https://ufa.aif.ru/society/details/v_odnom_iz_gorodov_bashkirii_propal_pamyatnik_ahmet-zaki_validi (дата обращения 24.01.2025).

В 2021 году они куда-то пропали. Как-то удивительно сразу же после определения прокуратуры и сноса памятника в Санкт-Петербурге это случилось. Совершенно случайно. Это совпадение: поскольку руководство города точно это сказало, что никакой связи здесь нет, а монумент на реконструкции.

Однако в 2023 году картинка выглядела уже вот так. Постамент был полностью разрушен, никакой реставрации постамент этот явно не подлежал, поскольку он разрушен. Ну и памятник на месте быть восстановлен не может. Сейчас, по крайней мере, постамент нет. Никаких комментариев администрация не даёт.

Что дальше? А дальше начались обсуждения в СМИ и в общественных организациях. Это две цитаты заголовков из достаточно популярного интернет-ресурса в Башкортостане. «Нацист, фашист, сепаратист? Кто и зачем пытается демонтировать бюст Заки Валиди в Санкт-Петербурге». Один заголовок. Второй заголовок: «Если это снос, то это выстрел в сердце целого народа. В Сибае снесли постамент бюста Ахмет-Заки Валиди». Очевидно, что здесь некая конфликтная коннотация даже в заголовках этих публикаций угадывается.

А вот картинка — это интернет-творчество, как я понял, простых жителей Сибае... Они хотели помочь гостям города, показав им лучшие места, которые можно посмотреть и посетить, если они приезжают в их город.

Что это за места? Памятник Маяковскому, бюст Ахмету Валиди, бюст Салавата Юлаева, бюст Гафури и архитектурный ансамбль «450 лет вместе с Россией». Что это означает? В контексте символической политики для нас это означает то, что этот бюст, этот памятник занимал достаточно важное место в брендинге и в символической общественной политике этого города. Конфликтная ситуация? Куда более, мне кажется. Да?

Это иллюстрация того, как может быть все это доведено до достаточно острой фазы, которая выливается в политический конфликт на разных пространственных уровнях, который еще далек от завершения.

Ну теперь к науке. Символический капитал города мы, вслед за коллегами, определяем достаточно стандартно. Это совокупность значений или смыслов города. Добавим, что и его отдельных территорий, отдельных мест в городе, которые обеспечивают узнавание, известность, престиж, доверие со стороны различных социальных групп. Мы опираемся в нашем исследовании методологически на концепции критической геополитики, которая подчёркивает значимость ментального, очень важного для нас в этом обсуждении. Помимо выделения традиционных разделов геополитики, критическая геополитика подчёркивает значимость представления о территории и контроля над ней любым субъектом общественных отношений... Не просто контроля, а представлений о контроле: где чья родина? Где наше место? Где своё? Где чужое? — и так далее в политическом контексте. И, второе, это практики отношений по поводу власти в пространстве с помощью семантики и риторики... Что это такое? Вот как раз символы и дискурсы — это те

инструменты политики, которые используются в этом случае, и именно то, что нас будет интересовать здесь больше всего.

Исследователи урбанистических знаков и урбанистической символической политики Nas, Jaffe и Samuels разделяют все типы урбанистических знаков или носителей символов на четыре крупные группы: материальные носители или знаки, которые мы будем называть МУЗ (материальные урбанистические знаки) — это все, что выражено в материальных структурах: памятники, названия улиц, номинации учреждений и так далее — всё, что можно физически видеть в ландшафте. Дискурсивные — проявляемые в публичных дискурсах. Иконографические — в данном случае понимается как символические для города персоны... Ничего больше в этом слове нет. Поведенческие — разного рода общественно значимые события (можно их назвать событийными). Нас будет интересовать первая категория.

Специалисты выделяют уникальные для символической политики свойства материальных урбанистических знаков, которых нет у остальных носителей, перечисленных выше. Первое, Владимир Гельман выделяет длительность существования, их закреплённость в ткани города, как уникальное свойство. Я бы сказал, чаще всего даже неустрашимость из политического контекста этих символов, в отличие, скажем, от дискурсов, публикаций в СМИ, которые проходят и их забывают. Памятники часто стоят столетиями. Сменяются власти, сменяются политические эпохи, сменяются дискурсы, сменяется состав политических сил и акторов в городе, а они стоят. Минимум, что на них сохраняется, как правило, это то, что было написано на них с самого начала: тот, кто устанавливал памятник, что-то на нём написал. Это первичная номинация, она может меняться, но, тем не менее, она есть (эта первичная номинация).

Второе, это то, что говорил Пьер Бурдьё. Власть номинации — это формирование представления легитимности ценности и её публичного признания. Это крайне важная характеристика материальных урбанистических знаков, поскольку, если уж памятник стоит и его власти не сносят, значит, властям он пригоден. Он признается, как имеющий право здесь стоять. То есть он входит в признанную публичную символическую повестку. Если против него или его носителя не протестуют, общественность, пресса, СМИ и так далее, то это и публичное признание. Не только властная легитимность, но и публичное признание.

Несколько авторов писали на тему того, что символы, связанные с материальными знаками, с большей вероятностью кодируются сознанием горожанина в виде априори нормального, комфортного и позитивного восприятия. Действительно, если Вы родились на улице Халтурина, ходили там в школу, если Вы ели знаменитые питерские пышки на улице Желябова неподалёку, ходили в ДЛТ покупать школьную форму на улице Желябова, покупали там же свою лучшую в жизни путёвку в бюро путешествий и экскурсий в советское время, кто вас убедит,

что это плохие люди, именами которых названы эти две улицы?! Не могут именем плохого человека назвать улицу, где я родился! Она моя родная улица. Я про неё песенки пишу какие-то или что-то сочиняю или там пишу в письмах, что вот я пошёл гулять по улице Халтурина. То, что это террористы, убившие массу людей... Ну не может быть, не хочется про это думать. Это вот примерно так работает.

Особое средство политического манёвра, использующего принцип отделённости, вариативности, интерпретации таких знаков выделяет ведущий исследователь по теме политики памяти и символической политики Ольга Юрьевна Малинова. Что это за средство политического манёвра? Ну, классический пример Колумб. На фоне статуи Колумба выступали президенты Соединённых Штатов Америки с удовольствием всегда. Это стандартная картинка из Вашингтона. Они не смущались соседства с Колумбом, а сейчас к нему, к этому памятнику Колумбу ни один уважающий себя политик даже не приблизится в Соединённых Штатах Америки. По понятным причинам: изменилась интерпретация одного и того же символа. Памятник как носитель символа остался прежним, а интерпретация его поменялась.

Это памятник Исмаилу Гаспринскому, стоящий в Симферополе. Поставили его, по-моему, в 1993 году.

Это классический случай того, что прямо при установке можно заложить лужавую интерпретацию. Здесь две таблички: одна на русском, другая на тюркском языке. Я специально так сказал, на тюркском. Первая короткая «Исмаил Гаспринский — выдающийся просветитель крымско-татарского народа». И спрашивается, на какую аудиторию это рассчитано и какой масштаб охвата территориального подразумевается с точки зрения посыла. Очевидно, что это адресуется населению Крыма в первую очередь, чтобы можно было по-русски прочитать и крымским татарам, и русским, и всем русскоязычным, проживающим в Крыму в равной степени. Это некий примиренческий символ, который здесь номинирован на русском языке. Что написано по-тюркски. Кстати, почему по-тюркски? Исмаил Гаспринский — великий человек без кавычек. Это философ, мыслитель, не политик, но который считается основателем идей, не идеологий, а идей, лежащих в основе мирового пантюркизма. Повторяю, сам он эту идеологию не изобретал. А что он изобретал? Он изобрёл, например, пантюркский язык, ни больше ни меньше, единый язык тюрков, на котором стали печататься периодические издания, писаться книги, вестись очень активная межтюркская коммуникация... И этот новый, искусственно выведенный пантюркский язык даже изменил некоторые тюркские языки существенным образом. Это достаточно известная вещь. В том числе повлиял на турецкий язык. Может быть, на этом языке, я не уверен, не могу сказать точно, на постаменте написано: «Всемирно известный мыслитель, издатель, просветитель, писатель и общественный деятель, который боролся за единство тюркских народов». На какую аудиторию это по-тюркски может быть, адресовано? Только ли на тюркоязычных крымских татар? Совершенно точно нет, поскольку здесь речь идёт о всемирной

проблематике. Второе, за единство тюркских народов... То есть это вся тюркоязычная аудитория или считающая себя причастной к тюркскому миру. Это глобалистская проблематика, напрямую геополитическая, которая адресована совсем другим аудиториям. Это то самое лукавое приспособление уже изначальной номинации, таргетирующее аудитории, таргетирующее смысл. Вот об этом речь.

Какие геополитические маркеры можно искать в символике городских объектов? Сложный вопрос. То есть что же, собственно, отличает геополитический символ от негеополитического в этой самой символической политике? Вот мы придумали такие критерии, которые применили в явном виде в наших исследованиях.

Первый маркер. Это наличие в символах иностранного контроля над этой территорией в прошлом: это опыт, связанный с оккупацией, иностранным государственным суверенитетом и так далее. Второе. Это следы памяти о войнах России или СССР с внешними врагами как на её территории, так и во вне. Далее, приобретение или потеря геополитических зон влияния в международном масштабе методами создания союзов, альянсов, договоров, ну и с равноправным или доминирующим участием России или СССР в первую очередь... Никак не в подчинённом статусе, наверное, все-таки, да?

Освоение новых территорий Россией, СССР... Это ещё более неочевидная вещь... Это приобретение влияния или контроля над новой территорией методами первооткрытия, фронтёра, эффективного освоения и так далее. Это первопроходцы, первооткрыватели, которые дают в некоторых случаях даже формально права на особый статус новой открытой территории или акватории государству-первооткрывателю этой самой территории или первоосвоившему эту самую территорию.

Структура связанного с материальным пространством символического геополитического капитала города мы исследовали на примере Санкт-Петербурга. Так было удобно и, более того, обоснованно, поскольку геополитическое прошлое Санкт-Петербурга максимально вариативно из крупных городов. Возможно, потому что все категории геополитических маркеров, которые мы перечисляли, здесь присутствуют. Не всегда это так в разных городах. Из чего же состоит символический геополитический капитал?

Из мемориальных объектов — это номинации учреждений, монументов, мемориальных досок, захоронений, сооружений и комплексов и прочих знаков, которые связаны с непосредственной историей этого места.

Топонимические и ономастические объекты. Это номинации, которые могут вполне быть не связаны с историей данного места, просто названия которых почему-то связаны с какими-либо геополитическими символами.

Религиозные и специализированные объекты. Слово религиозные, наверное, с геополитикой не у всех в голове легко соединяется. Но, тем не менее, уверяю вас,

я приведу примеры. Вы поймёте, что это именно так. Что такое специализированные объекты? Ну всё, что угодно: музей, например, или библиотеки.

Различные арт-объекты немонументального характера: муралы, мозаики и прочее. Все, вплоть до временных «произведений», типа рекламы, можно сюда включать, если есть почему-то такое желание. У нас пока нет.

Открыто экспонируемые трофеи и перемещённые ценности и другое.

Всё это было изучено.

Иллюстрации. В 2022 году мы с магистрантами программы «Геоурбанистика» создали атлас религий в пространстве Санкт-Петербурга. Один из разделов был связан с геополитикой и религиозными объектами. Это карта отражает количество номинаций, зафиксированных внутри или поблизости от храмов или религиозных объектов, затрагивающих так или иначе геополитические отношения с различными странами.

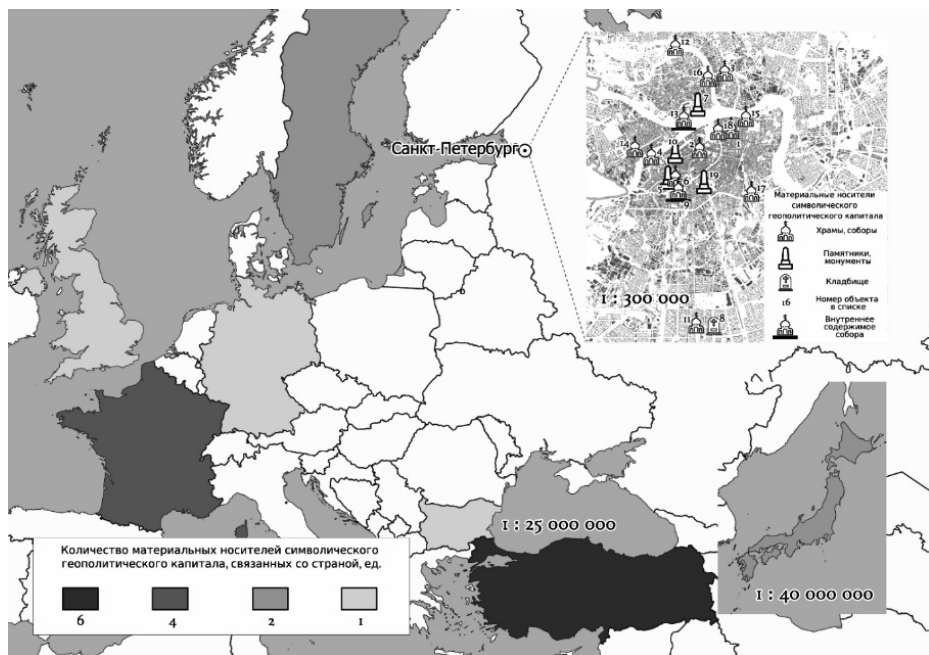

Рис. 9. Количество материальных носителей символического геополитического капитала, связанного со страной, ед.

Figure 9. Number of material carriers of symbolic geopolitical capital associated with the country, units.

Источник: составлено Е. Дегода, 2022.

Оказалось, что максимальное количество таких знаков, связанных с религиозными объектами, относится к государству по имени Турция. Наверное, это никого не удивляет, учитывая количество войн между нашими странами.

Следующая по численности на этой карте — Франция, чуть меньше объектов связано со Швецией и Японией. Здесь есть, естественно, и Германия, есть Великобритания и так далее. В общем, это один из методологических приёмов, которые можно использовать.

А зачем это вообще надо? Есть какие-то Цусимские колонны или что-то такое рядом с храмом, стоят себе столетиями и никого они особо не интересуют, и никто особо не знает, что рядом с Николой Морским — одним из самых красивых храмов Петербурга — стоит колонна в садике, связанная с событиями Русско-японской войны. Казалось бы, XVIII века храм, причём здесь Русско-японская война, ну стоит и стоит, мало кто знает. Собачки, мамы с детишками гуляют. Спроси их, наверное, они не будут точно знать, про что это колонна. Почему это важно? Потому что существует латентная возможность использования этих символов в целях современной символической политики.

Поясню сначала на другом примере. Памятник Лесе Украинке стоит в Москве с советских времён, памятник Тарасу Шевченко стоит на Петроградской стороне в Санкт-Петербурге. Никаких публикаций, связанных с этими памятниками, десятилетиями не было. И вдруг в один момент масса публикаций о том, что в один и тот же день к этим монументам в обоих городах было принесено огромное количество цветов. Отдельные букеты там бывали и раньше, но в этот раз одновременно появилось огромное количество цветов, причём определённых расцветок.

Что это означает? Это означает, что латентно существовавшая возможность использования этого символического инструментария была не востребована акторами существовавшей до той поры политической повестки, но вдруг потребовалась в новой конъюнктуре и была использована, когда появилась такая возможность. Кто скажет, что вдруг кому-то не захочется что-то, связанное с войнами со Швецией, продемонстрировать в своей политической повестке в какой-то период времени... Или с Японией, или с Германией, или с чем-то ещё. Мы сейчас наблюдаем такие попытки не только по отношению к соседним государствам, а к некоторым другим государствам со стороны некоторых акторов политики.

Это востребовано в определённый момент как ресурс, причём ресурс, как выясняется, крайне важный. Достаточно вспомнить пример «Бронзовой ночи» в истории «Бронзового Солдата» в Таллине в 2007 году. Ситуация, которая была связана с локальным событием переноса (якобы) памятника советскому воину-освободителю в Таллине в другую локацию, вызвала местный конфликт с применением насилия и повлекший жертвы, и международный политический резонанс. Поэтому это не просто игрушки.

Принципы размещения этих самых знаков. Мы исследовали для каждой кате-

гории такие принципы. Я здесь не буду перечислять: их много, и они разные для разных категорий знаков, они опубликованы в «Полисе». Но вот общие для всех категорий — это то, что я просто назову, не буду останавливаться.

Это принцип пространственной концентрации, не повсеместно ровненьким слоем концентрируются эти символы, и не просто так. Пространственной приуроченности. Они действительно почему-то в каком-то конкретном месте размещаются: именно в этом месте, и ни в каком-то другом — они к чему-то приурочены. Пространственной иерархии. Существуют главные памятники, а существуют неглавные одной и той же персоне. Есть главный памятник Ленину, а есть неглавные памятники Ленину.

В начале девяностых годов, в самый период демократизации, в администрации А. Собчака принималось решение о том, сносить ли все памятники Ленину. Вспомним, что мэр Санкт-Петербурга А. Собчак — это один из главных идеологов либерализации и демократического направления российской политики, один из создателей Конституции РФ. Так вот, тогда было принято решение. Как вы думаете, какое? Сносить все памятники Ленину в переименованном по инициативе Собчака городе Ленина или нет? Нет, не сносить. Оставить все памятники Ленину? Нет, не оставлять. Были выбраны 6 или 8 (боюсь соврать) памятников по принципу иерархичности или культурной значимости. Значимость или иерархичность, в общем-то, это в некоторых случаях синонимы. И они были оставлены абсолютно осознанно, а «неглавные» — снесены.

Эффективной пространственной представленности для целей символической политики. А вот здесь любопытно. Здесь может быть все, что угодно. Здесь уже может быть и равномерное размазывание, — например, единая матрица урбонимов, которая была применена в советское время и не только в советское время, не только у нас, где в каждом городе, в каждом населённом пункте должны были быть улицы Ленина, Кирова и дальше по списку в обязательном порядке. Это эффективно для одних типов целей. Если мы хотим что-то очень важное донести до определённой аудитории, мы, например, можем что-нибудь сконцентрировать, — это, например, сооружение совершенно колоссального комплекса под Москвой «Парк Патриот» с огромным количеством связанных между собой символических объектов и смыслов, которые расположены на одной огромной территории. Все это совершенно очевидно является, во-первых, сконцентрированным проявлением какого-то символического политического месседжа, а с другой стороны, иерархически абсолютно главного: главный храм Вооружённых сил, если кто не видел, очень рекомендую посмотреть — это совершенно незабываемое зрелище, как бы кто не относился к художественным стилям и решениям. Это абсолютно незабываемое зрелище циклопического сооружения. Не только одного, там их много.

Поэтому совершенно разные могут быть цели, разные инструменты их воплощения для эффективной пространственной представленности.

Я, пожалуй, не буду здесь останавливаться очень долго. Только скажу, что вот в этой табличке представлены примеры конфликтов, не только типов материальных символов и разделов научной геополитики, но и примеры конфликтов, которые иллюстрируют все эти самые разделы геополитики и все рассматриваемые типы материальных знаков, связанные с нашими критериями, которые чуть выше вам обозначал.

Табл. Примеры конфликтов и активизма с использованием материальных геополитических знаков, по потенциальным источникам конфликтогенности, имеющим отношение к новейшей истории России.

Table. Examples of conflict and activism using tangible geopolitical signifiers, by potential sources of conflictogenicity relevant to Russia's recent history.

Потенциальный источник конфликтогенности	Рассматриваемые типы МГУЗ связаны с:	Зафиксированные конфликты / факты активизма
Разное отношение акторов к практикам и проявлениям территориальных стратегий, их результатам и последствиям	А. Войнами с внешними врагами. Б. Удержанием / расширением государственной территории. В. Государственным суверенитетом над территорией.	А. Конфликт вокруг «Бронзового солдата» в Таллине. АБ. Снос памятника на месте захоронения финских солдат в Приморске. АБ. Конфликт вокруг установки памятной доски К.Г. Маннергейму в Санкт-Петербурге. В. Появление пл. ДНР перед посольством США в Москве.
Разное отношение акторов к концепциям и предлагаемым картинам мира	А. Геополитическими концепциями и теориями. Б. Различными геополитическими картинами мира	А. Конфликты вокруг установки памятников А. Валиди в СПб и Уфе. АБ. Протесты в Махачкале на ул. Имама Шамиля. Б. Борьба за установку памятника павшим защитникам Казани в противовес памятникам взятию Казани в 1552 г.

Потенциальный источник конфликтогенности	Рассматриваемые типы МГУЗ связаны с:	Зафиксированные конфликты / факты активизма
Разное отношение акторов к представлениям о контроле над территорией	А. Международными союдами, организациями и зонами влияния (Коминтерн, соцлагерь и т.п.). Б. Географическими открытиями и освоениями. В. Способами государственного устройства.	А. Конфликт вокруг переименования г. Кингисепп. Б. Протесты против установки памятников атаману Ермаку в Тобольске, Омске, Таре; Установка и снос после протестов памятника «Подвигу русских солдат» в честь основания в начале Кавказской войны русской армией форта Святого Духа в Сочи. В. Акции монархистов у «тематических» храмов; Переименование части улицы перед посольством РФ в Вашингтоне в ул. Б. Немцова.

Источник: составлено автором по материалам СМИ.

Очевидно, что здесь представлены все разделы критической геополитики, о которой мы говорили, и все критерии отнесения к геополитическим материальным носителям символов в наших городах имеют конкретные примеры не просто знаков, а конфликтных взаимодействий, причём разного масштаба, вплоть до глобального.

Теперь перейдём к общим выводам о принципах и закономерностях формирования и использования символического геополитического капитала, связанного с городским пространством в политике. Первый принцип или закономерность — это специализация в номинации. Одни номинации, их типы, могут применяться в производстве одних типов материальных знаков и не использоваться в других. Так, в имперский период в топонимической политике Санкт-Петербурга не практиковалась номинация урбонимов в честь полководцев и военачальников, за исключением мест, принадлежащих им по праву собственности (ул. Потемкинская, Орловская и др.). При этом монументы сооружаться могли. На этом фоне резко выделяется исключение — до 1917 г. пять урбонимов были названы именем А.В. Суворова. Такие подходы могут применяться в одни периоды осуществления сим-

волической политики и не применяться в другие. То есть акторы символической политики различают значимость и возможность использования инструментария различных типов материальных геополитических урбанистических знаков в зависимости от эффективности и допустимости их использования для достижения своих целей в конкретных общественно-политических условиях. Это первый вывод.

То, что я уже упоминал, это латентный, отложенный или замороженный характер заложенного в знаках потенциала конфликтогенности, который, может быть не видим обществом на протяжении десятилетий и даже столетий, но способен быть «извлечён» средствами символического менеджмента любым типом акторов: и политическими акторами (власть придержащими), и экономическими... На деньги меценатов ставится сейчас удивительное количество и разнообразие геополитических знаков, многие из которых тут же вызывают конфликтные ситуации в Российской Федерации. Устанавливаются знаки общественными организациями и даже индивидами. Некоторые ставят на своём заднем дворе памятник кому-нибудь, и конфликтные ситуации либо происходят сразу, либо позже, в момент смены общественно-политического дискурса.

Следующий вывод или принцип. Смена иерархии материальных, геополитических, урбанистических знаков. На период существования определённого политического контекста и соответствующей ему символической политики новые символические места, связанные с городскими монументами, улицами, объектами при реконфигурации символического пространства города с использованием описанных выше инструментов становятся более известными, значимыми, центральными в медийном общественном пространстве.

Что это значит? Смысл в том, что раньше, в советское время совершенно точно главным памятником был памятник Ленину, причём тот из них, который стоит на самой знаковой площади каждого города. Рядом с ним проходили главные события, митинги и так далее, приуроченные к властной повестке. Однако в постсоветское время у памятников Ленина почему-то ничего подобного не происходит. Наоборот, случаются акты вандализма и даже террористические акты, но никак не то, что происходило в советское время. А другие знаки становятся более важными: происходят митинги около важных в данный момент символов, которые могут принести что-то значимое в современную повестку для акторов. Я уже приводил пример памятников Шевченко и Леси Украинки или событий из таблицы. Вы сами приведёте и другие примеры.

В этом случае меняется иерархия, то есть значимость политической повестки тех или иных знаков. Она может закрепляться, может не закрепляться, она может быть мимолётной, например, сиюминутная значимость какая-то проявляться, но иерархия-то изменится в этот момент. Потом может возвратиться в какую-то другую конфигурацию. В этот период они поднимаются в иерархии, снова отходя на

задний план по окончанию таких периодов.

Явление стадийности или волн геополитической символической политики в городском пространстве. Один из примеров в этой области — это интернационализация и деинтернационализация городских номинаций, например, в Санкт-Петербурге-Петрограде-Ленинграде-Санкт-Петербурге. Оказывается, волн, когда по идеологическим соображениям было можно использовать в номинации иностранные названия и когда нельзя, было несколько, и они сменяли друг друга на протяжении ста лет неоднократно. Некоторые из них очень известные.

Например, когда Петербург был переименован в Петроград в связи с Первой мировой войной и антигерманскими тенденциями. Тогда же было переименовано много чего, не только само название города.

Следующий период — это период интернационализации, связанный с Коминтерном, и в первые годы советской власти пришло очень много международных названий, не только связанных с международным революционным движением, близким по времени (Либкнехт, Люксембург и так далее), но и связанных, например, с Великой Французской революцией: Марат, Робеспьер — это всё имена, пришедшие в тот момент на наши улицы и в наше пространство. Были другие номинации, которых мы сейчас не знаем, они исчезли.

Тем не менее, это не последнее. Деинтернационализация произошла в связи с событиями Второй мировой войны. Много чего было переименовано в по-советски звучащие номинации из того, что было иностранно звучащим. Потом пришла великая волна брежневской интернационализации обратно. В чём это выразилось? На улицы, не только Ленинграда, но и других городов выплеснулась «волна соцлагеря». Улицы имён деятелей социалистического движения в странах социалистического лагеря, имени стран и топонимов из этих стран, городов-побратимов и так далее. Причём это было сделано в соответствии с идеологической повесткой того периода времени, связанной с геополитикой.

Были более мелкие. Был очень интересный момент, связанный с Высочайшим повелением от 16 (28) апреля 1887 г. и периодом, когда одновременно на улицы столицы выплеснулось огромное количество новых топонимов в виде номинаций улиц, переулков, других объектов по итогам присоединения Кавказа, Польши, Прибалтики и Финляндии к России в течение XIX века. Это Тифлисская, Гельсингфорсская, Гапсальская, Двинская, Виндавская, Свеаборгская, Эстляндская, Курляндская, Лифляндская улицы, Ковенский, Виленский, Ревельский, Либавский, Дерптский, Нейшлотский переулки, Эстляндский мост и др.

Самое интересное. Каждая такая волна не исчезает полностью при смене конъюнктуры, а формирует своеобразный геополитический символический след в материальном пространстве города (термин придумал Роберт Гресь). Этот след состоит из обсуждаемых нами знаков. Он закреплён тканью города, поэтому это след.

Этот след, состоящий из материальных знаков, может быть более эффективно, чем прочие носители смыслов, использован в новых политических условиях, представляя акторам более привычные и «нормальные» для горожан символы, требующие лишь коррекции в их интерпретации и целях собственной символической политики. Эти знаки при этом, помимо собственно прикладных политических коннотаций, могут эффективно отсылать к целым геополитическим эпохам, принципам и связанным с ними характеристикам. Смотрите, что произошло. В XIX веке Свеаборгские и Нейшлотские переулки выплеснулись на карты... Их десятки... В советское время часть из них переименовали: Виленская стала улицей Красной связи, Эстляндская — ул. Степана Разина и т.д. Во времена А. Собчака в начале девяностых годов топонимическая комиссия приняла решение о возвращении им исторических названий — казалось бы простое решение и логичное. Так поступают во многих городах. Именно таким образом меняют, десоветизируют топонимические названия в большинстве городов. Однако не всё так просто. Ну вернули вы Свеаборгскую улицу... Многие ли из вас, присутствующих здесь, знают, что такое Свеаборг, где он находится? И уж я не буду спрашивать, где находится Нейшлот. А Виленский переулок совсем не для всех будет означать, что это город Вильнюс, в принципе, да? И таких названий-то десятки. Казалось бы, можно было просто переименовать, в Вильнюсскую улицу или там Вильнюсский переулок, если уж это был Виленский, чтобы хотя бы какую-то связь с современной географией соблюсти. Её не соблюли, оставили наименование в написании имперского времени [Аксёнов, 2023а].

К чему отсылает такое название в символической политике — конкретной географической локации? Или к конкретному факту приобретения какой-то территории Российской империей, на что было направлено Высочайшее повеление в семидесятых годах XIX века? Точно совершенно, нет, потому что публика не знает, что это и где эти приобретения. Они не знают, о чем идёт речь. Виленский, Свеаборгский, Нейшлотские названия, к чему они могут отсылать современного наблюдателя городской топонимии? К Российской империи... И что это значит? Это значит, что это некий латентный инструмент, который даётся в руки имперскому политическому дискурсу в плюс или в минус. Это отсылает к имперскому периоду, по крайней мере. Если это так, то вопрос следующий: было ли это заложено в идеологию переименования, которая была при Собчаке? Предполагаю, что нет, об этом тогда точно не думали младо-демократы, которые этим занимались под руководством администрации Собчака.

* * *

Я сегодня пытался показать, что символический геополитический капитал современного российского города потенциально способен оказывать эффективное влияние на формирование в обществе не только «нормативной» (официально одо-

брюемой), но и «нормальной» (обыденно известной) геополитической картины мира, в которой одни геополитические акторы воспринимаются более как «чужие», а другие — как «свои»; одни геополитические исторические события — как «важные», другие — как «неважные» или даже «несуществующие». Очевидно, что такие картины могут служить основой выработки «доминирующей» идеологии или политической стратегии, служить латентным потенциалом для мобилизации сторонников, протеста и активизма для любых политических групп, связанных с определенной геополитической повесткой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Аксенов, К. Э., Гресь, Р. А. Геополитический символический капитал и монументальное пространство городов Северо-Запада РФ // Географическая среда и живые системы. 2023. № 2. С. 113–137.
2. Аксёнов К. Э., Галустов К.А. Городские режимы и общественно значимые проекты трансформации городской среды в Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле. 2023. Т. 68. № 1. С. 4–28.
3. Аксёнов К. Э. Пространственные факторы конфликтогенности в использовании городского символического геополитического капитала в России // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2024. Т. 88. № 5. С. 804–819.
4. Аксёнов К. Э. Символический геополитический капитал и городское пространство // Полис. Политические исследования. 2024. № 1. С. 67–88.

REFERENCES:

1. Axenov K. E., Gres R. A. (2023a), Geopolitical symbolic capital and monumental space of the cities of the North-West of the Russian Federation, *Geograficheskaya sreda i zhivye sistemy*, no 2, pp. 113–137. (In Russ.).
2. Axenov K. E., Galustov K. A. (2023b), Urban regimes and socially significant urban transformation projects in the Russian Federation, *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Nauki o Zemle*, vol. 68, no 1, pp. 4–28. (In Russ.).
3. Axenov K. E. (2024a), Spatial factors of conflictogenicity in the use of urban symbolic geopolitical capital in Russia, *Izvestiya Rossijskoj akademii nauk. Seriya geograficheskaya*, vol. 88, no. 5, pp. 804–819. (In Russ.).
4. Axenov K. E. (2024b), Symbolic geopolitical capital and urban space, *Polis. Politicheskie issledovaniya*, no 1, pp. 67–88. (In Russ.).

Дипломатическая география — новое направление в политической географии

Окунев Игорь Юрьевич

кандидат политических наук, доцент; ведущий научный сотрудник Института международных исследований, МГИМО МИД России, Москва, Россия

okunev_igor@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0003-3292-9829>

АННОТАЦИЯ

Дипломатическая география — это наука о пространственном измерении дипломатической деятельности. Как любая человеческая деятельность, дипломатическая работа имеет пространственное измерение: иногда, например, место проведения переговоров оказывается важнее собственно их результатов. Количество зарубежных представительств может говорить о весе страны в мировой политике, а выбор стран и городов для размещения своих посольств (но не только, также консульств, торговых и культурных представительств и т.д.) может отражать внешнеполитические приоритеты

страны. Эрик Ньюмайер доказал значимость трех факторов для размещения посольств: географическая близость к анализируемой стране, важность принимающей посольство страны в мировой политике и идеологическая близость между странами. А места размещения зарубежных консульств в стране могут говорить о ее внутренней территориальной структуре и внешнеполитической активности регионов. В статье формулируются предмет и направления дипломатической географии, а также дается первичный материал для обобщения дипломатической географии России.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

политическая география, дипломатическая география, дипломатические представительства, консульские учреждения, посольства, консульства

ГЕОТЕГИ

Россия

UDC 910

DOI 10.63115/6684.2025.28.46.003

THEORETICAL RESEARCH ARTICLE

Diplomatic Geography — a New Discipline in Political Geography

Igor Okunev*PhD in Political Science, Associate Professor, Senior Research Fellow, Institute for International Studies, MGIMO University, Moscow, Russia**okunev_igor@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0003-3292-9829>*

ABSTRACT

Diplomatic geography is the science of the spatial dimension of diplomatic activity. Like any human activity, diplomatic work has a spatial dimension: sometimes, for example, the location of negotiations is more important than their actual results. The number of foreign missions can indicate the weight of a country in world politics, and the choice of countries and cities to host their embassies (but not only, also consulates, trade and cultural missions, etc.) can reflect the foreign policy priorities of the country. Eric Neumeyer proved the importance

of three factors for the placement of embassies: geographical proximity to the analyzed country, the importance of the host country in world politics, and ideological closeness between countries. And the locations of foreign consulates in a country can indicate its internal territorial structure and the foreign policy activity of its regions. The article formulates the subject and directions of diplomatic geography, and also provides primary material for generalizing the diplomatic geography of Russia.

KEYWORDS

political geography, diplomatic geography, diplomatic missions, consular offices, embassies, consulates

GEOTAGS

Russia

*Дипломатия — машинное отделение
на судне международных отношений.*

ПОЛ ШАРП

Дипломатическая география — совсем новое направление в общественной географии и международных отношениях. Как отмечал Томас Джексон в 2020 году (и, по всей видимости, это продолжает быть актуальным) в своей статье о дипломатической географии для Оксфордского библиографического обзора, до сих пор не издано ни одной монографии или сборника статей по этой теме [Jackson, 2020]. Тем не менее, можно сказать, что такая область исследований и обозначающее ее название субдисциплины уже оформились: это подтверждается, помимо Джексона, обзорными статьями по “geography/ies of diplomacy” Хермана ван дер Вустена и Вирджинии Мамаду [Van der Wusten, Mamadouh, 2010] и Фионы Макконнелл [McConnell, 2019].

Дипломатическая география — это наука о пространственном измерении дипломатической деятельности. Как любая человеческая деятельность, дипломатическая работа имеет пространственное измерение. Иногда, например, место проведения переговоров оказывается важнее собственно их результатов [Van der Wusten, 2011; Henrikson, 2005]. Количество зарубежных представительств может говорить о весе страны в мировой политике, а выбор стран и городов для размещения своих посольств (но не только, также консульств, торговых и культурных представительств и т.д. [Taylor, 2005]) может отражать внешнеполитические приоритеты страны. Эрик Ньюмайер доказал значимость трех факторов для размещения посольств: географическая близость к анализируемой стране, важность принимающей посольство страны в мировой политике и идеологическая близость между странами [Neumayer, 2008]. А места размещения зарубежных консульств в стране могут говорить о ее внутренней территориальной структуре и внешнеполитической активности регионов [Laporte, 2016].

Можно выделить следующие направления исследований в этой дисциплине:

1. *география дипломатических представительств* — анализ пространственного распределения дипломатических представительств на глобальном (например, расположение посольств, консульств и представительств анализируемой страны в мире), национальном (расположение консульств зарубежных государств в регионах анализируемой страны), локальном (расположение посольств зарубежных государств в столице анализируемой страны) или даже микроуровне (расположение помещений во внешнеполитическом ведомстве и территориальное распределение функционала между его подразделениями);
2. *география дипломатической деятельности* — анализ пространственного распределения мест проведения двусторонних или многосторонних мероприятий и визитов (вплоть до пространственной организации раскладки членов делегаций в ходе переговоров).

Можно сказать, что дипломатическая география таким образом делится на внешнюю (дипломатическая деятельность изучаемого государства за его пределами) и внутреннюю (дипломатическая деятельность других государств в пределах изучаемого).

Научная школа дипломатической географии в России еще только формируется. Например, Л.В. Гордеева из Нижнего Новгорода опубликовала в 2020 г. в сборнике конференции карту дипломатических учреждений МИД России и представительств Россотрудничества [Гордеева, 2020: 72]. Карты дипломатических и консульских учреждений России, а также соотношения региональных направлений внешней политики России с территориальными департаментами МИД России опубликовали также А.К. Бобров и О.В. Лебедева в качестве иллюстраций к своей книге по истории внешнеполитических ведомств России [Бобров, 2024].

Известны и примеры картографирования географии дипломатических представительств в прикладных целях: так в 1971 г. Мастерская № 12 Управления по проектированию общественных зданий и сооружений «Моспроект-2» выпустила цикл карт, отображающих размещение посольств в Москве и разработала по заданию Главного архитектурно-планировочного управления Мосгорисполкома «Проект задания на разработку перспективного плана регулирования проблем дипломатического представительства в Москве» [Схема, 1971]. В РГБ хранится карта американских дипломатических и консульских представительств 1975 г., которая, по всей видимости, использовалась в справочных целях сотрудниками посольств [U.S. foreign service, 1975]. А в 2008 году в Москве была издана англоязычная карта города с выборочным указанием адресов посольств, а также школ и детских садов, церквей и медицинских центров для экспатов [Moscow city map, 2008].

Нельзя не отметить, что тема территориального размещения дипломатических ведомств и посольств в России иногда попадает и в фокус внимания историков. Так, блестящий раздел по этой теме «Территория дипломатической жизни» представлен в книге О.Г. Агеевой про дипломатический церемониал императорской России XVIII в. [Агеева, 2012: 476–528]. Конечно, экстерриториальный правовой статус посольств регулярно привлекает и внимание юристов [см., например: Артеменко и др., 2023; Савченко, 2020].

На 1 января 2025 г. у России поддерживаются дипломатические отношения со 191 страной мира. Разорваны отношения с тремя странами: Грузией, Микронезией и Украиной. Российская Федерация также обменялась официальными представителями с Мальтийским Орденом. Из 195 стран и наблюдателей ООН у России не установлены дипломатические отношения с Бутаном и Соломоновыми островами. Из стран, не входящих в ООН, установлены дипломатические отношения с Абхазией и Южной Осетией.

Рис. 1. Количество стран мира, с которыми Россия (РСФСР, СССР) поддерживала дипломатические отношения (1917–2024 гг.)

Figure 1. Number of countries with which Russia (RSFSR, USSR) maintained diplomatic relations (1917–2024)

Источник: составлено автором.

Рис. 2. Доля стран мира, с которыми Россия (РСФСР, СССР) поддерживала дипломатические отношения (1917–2024 гг.)

Figure 2. Share of countries with which Russia (RSFSR, USSR) maintained diplomatic relations (1917–2024)

Источник: составлено автором.

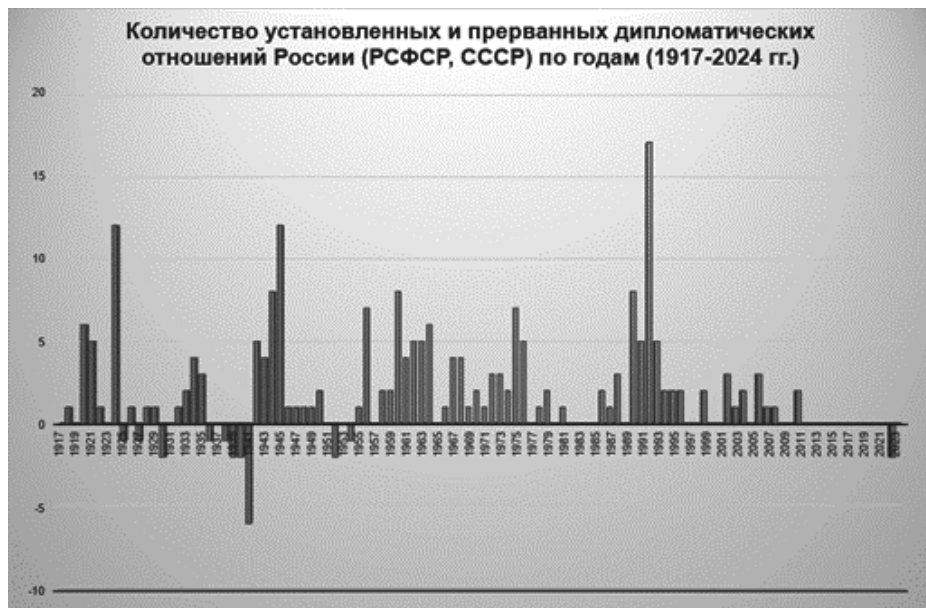

Рис. 3. Количество установленных и прерванных дипломатических отношений России (РСФСР, СССР) по годам (1917–2024 гг.)

Figure 3. Number of established and terminated diplomatic relations of Russia (RSFSR, USSR) by years (1917–2024)

Источник: составлено автором.

На рис. 1–3 показана динамика установления дипломатических отношений со странами мира начиная с 1917 г., поскольку наша страна является правопреемником СССР (и, соответственно, РСФСР), но не Российской империи. Этот процесс можно разделить на несколько подэтапов.

1. Во время продолжавшейся Гражданской войны в 1919–1921 гг. новое правительство большевиков смогло установить дипломатические отношения только с двумя группами стран: во-первых, с государствами, вышедшими из состава Российской империи и признанными новым правительством (Польша, Финляндия, Эстония, Латвия и Литва), и во-вторых, с отдельными государствами Азии (Афганистан, Иран, Монголия, Турция).
2. 1924 год стал годом дипломатического прорыва Советского Союза: удалось добиться признания со стороны западноевропейских стран, в том числе Великобритании и Франции, после этого число признаний стало постепенно расти.
3. Периодом сокращения объема дипломатических контактов стали годы Второй

мировой войны с 1939 г.

4. Уже с 1944 г. начинается стремительное возвращение Советского Союза на дипломатическую арену, причем уже в роли глобальной сверхдержавы.
5. С конца 1950-х до середины 1970-х годов за счет процессов деколонизации идет уверенный рост числа дипломатических признаний. Он стабилизируется в 1980-е гг.
6. В 1992 году Россия признает независимость государств, вышедших из состава Советского Союза, год становится рекордным в части новых признаний.
7. На протяжении 1990-х и 2000-х гг. идёт значительный рост числа дипломатических отношений за счёт в первую очередь небольших стран, с которыми раньше не было прямых контактов. Россия берёт курс на установление отношений со всеми странами-членами ООН.

Можно сказать, что с точки зрения географии дипломатических представительства, Россия переживает сегодня уже третий поворот на восток, после первой половины 1920-х и 1950–1970-х гг.

На 1 января 2025 года у России было 149 посольств, включая 2 эвакуированных (в Йемене и Судане), 11 полномочных представительств при международных организациях и 76 консульских учреждений, включая временно закрытые в Адене, Алеппо, Антверпене и Варне. Все российские консульские учреждения на сегодняшний момент по статусу являются Генеральными консульствами, единственное исключение — Консульство на Аландских островах (г. Мариехамн, Финляндия).

Посольства России за рубежом, как правило, расположены в столице, за исключением: Бельгии (Уккел, пригород Брюсселя), Бенина (Котону), Бурунди (Бужумбура), Кот-д'Ивуара (Абиджан), Израиля (Тель-Авив), Маврикия (Флореполь), Мальты (Сан-Гванн), Мьянмы (Янгон), Нидерландов (Гаага), Палестины (Рамалла) и Танзании (Дар-эс-Салам). Также временно посольства действуют не в столицах в Йемене (Эр-Рияд, Саудовская Аравия) и Судане (Порт-Судан). Генеральные консульства, наоборот, расположены не в столицах, за исключением Гаваны (Куба) и Мале (Мальдивские Острова).

В России аккредитованы 158 глав дипломатических представительств иностранных государств, из них по совместительству — послы 9 стран. На территории Российской Федерации действуют 363 дипломатических представительств и консульских учреждений. В Москве находятся 159 таких учреждения: все 149 посольства, 2 генеральных консульства и 8 почетных консульств (Антигуа и Барбуда, Беларусь, Лесото, Монако, Палау, Сан-Марино, Сейшельские острова, Ямайка). Временно приостановлена работа Посольства Исландии.

В Санкт-Петербурге присутствует 63 представительства, в том числе 26 генеральных и 37 почетных консульств. Из регионов России выделяются: Свердловская область (21: 10 генеральных и 11 почетных консульств), Приморский край (19:

7 и 12), Республика Татарстан (14: 8 и 6), Новосибирская область (11: 4 и 7), Краснодарский край (7: 3 и 4), Нижегородская область (7 почетных консульств), Калининградская область (6: 3 и 3), Республика Башкортостан (5: 1 и 4) и Ростовская область (4: 2 и 2). Всего консульские представительства есть в 40 из 89 регионов страны. На рисунке 4 дана картограмма степени представленности дипломатических и консульских учреждений в регионах России.

Самыми маленькими российскими городами с действующими консульскими представительствами являются Советск (Консульство Литвы), Всеволожск (Почетное консульство Казахстана) и Переславль-Залесский (Почетное консульство Армении). Причем, последнее является единственным представительством во всем регионе — Ярославской области.

Рис. 4. Дипломатические и консульские представительства в регионах России (на 2024 г.)

Figure 4. Diplomatic and consular missions in Russian regions (for 2024)

Источник: составлено автором.

В декабре 2024 года в Издательском доме МГИМО выпущена первая в России карта «Дипломатические представительства и консульские учреждения России в мире» [Мир, 2024]. Это уникальное издание, позволяющее сформировать целостное представление о пространственной конфигурации дипломатического присутствия России за рубежом. На карте обозначены российские посольства, консульства и представительства при международных организациях, а также границы консульских округов. Вся информация актуальна по состоянию на декабрь

2024 года. Составители карты — к.полит.н., ведущий научный сотрудник ИМИ И.Ю. Окунев, стажер-исследователь ИМИ, студентка магистратуры «Дипломатическая служба» Е.А. Якушева и к.геогр.н., младший научный сотрудник Молодежной сетевой научно-исследовательской лаборатории МГИМО и ПсковГУ «Центр кроссрегиональных и трансграничных исследований» И.А. Иванов. Эта работа стала продолжением формируемой авторами базы данных «Репозиторий геопространственных данных по дипломатической географии России» [Авторское свидетельство, 2024]. Данные наработки закладывают фундамент для самобытной отечественной научной школы дипломатической географии.

Хотя дипломатическая география стоит только в самом пути своего развития, широта анализируемого ей материала и актуальность изучаемых вопросов, позволяет смотреть на будущее этого направления с оптимизмом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авторское свидетельство № 2024625655 Российская Федерация. Репозиторий геопространственных данных по дипломатической географии России / Окунев И.Ю., Якушева Е.А.; Правообладатель: МГИМО МИД России. № 2024625508; заявл. 25.11.2024; опубл. 02.12.2024. Бюл. № 12.
2. Агеева О.Г. Дипломатический церемониал императорской России. XVIII век. М.: Новый хронограф, 2012. 936 с.
3. Артеменко Н.Н., Закирова Э.Ф., Поляков С.А. Действие уголовно-правовой и уголовно-процессуальной юрисдикции Российской Федерации на территории иностранных посольств // Международное уголовное право и международная юстиция. 2023. № 2. С. 5–10.
4. Бобров А.К., Лебедева О.В. Дипломатия России. От Посольского приказа до Министерства иностранных дел. М.: АСТ, 2024. 272 с.
5. Главы дипломатических представительств СССР за рубежом. 1917–1984 / Историко-дипломатическое управление МИД СССР; редакционная комиссия: В.Ф. Стукалин (председатель) [и др.]. М.: МИД СССР, 1985. 197 с.
6. Главы консульских представительств СССР за рубежом. 1917–1984 / Историко-дипломатическое управление МИД СССР; редакционная коллегия: В.Ф. Стукалин (председатель) [и др.]. М.: МИД СССР, 1985. 231 с.
7. Гордеева Л.В. География зарубежных дипломатических учреждений Российской Федерации и представительств Россотрудничества / Географическая наука сквозь призму современности / под ред. Н.В. Мартиловой, И.А. Шевченко. Нижний Новгород: Мининский университет, 2020. С. 70–74.
8. Мир. Дипломатические представительства и консульские учреждения России в мире / сост. И.Ю. Окунев, Е.А. Якушева, И.А. Иванов. М.: Издательский дом МГИМО, 2024.
9. Савченко Ю.Ю. Конституционно-правовое регулирование порядка определения территории России для расположения посольства иностранного государства // Colloquium-Journal. 2020. № 8–7(60). С. 49–52.
10. Схема размещения посольств в городе Москве (в районе Садового кольца и прилегающей 200-метровой полосы) / Мосгорисполком, Главное архитектурно-планировочное управление г. Москвы. М., 1971. 172 л.
11. Henrikson A.K. (2005), The geography of diplomacy, The Geography of war and peace: From death camps to diplomats, ed. Flint C. New York, NY: Oxford University Press, pp. 369–394.
12. Jackson T. (2020), Geographies of diplomacy // Oxford Bibliographies. URL: <https://www.oxfordbibliographies.com/display/document/obo-9780199874002/obo-9780199874002-0220.xml> (accessed: 01.09.2024).
13. Laporte A. (2016), La géographie des ambassades et des consulats en Allemagne et

- l'effacement de l'ancienne frontière allemande (1984–2014), *Revue Géographique de l'Est*, vol. 56, no. 3–4. URL: <https://journals.openedition.org/rge/5872> (accessed: 16.05.2025)
14. McConnell F. (2019), Rethinking the geographies of diplomacy, *Diplomatica*, vol. 1, no. 1, pp. 46–55.
 15. Moscow city map: All streets, embassies and foreign schools (2008), Moscow: Intermarksavills.
 16. Neumayer E. (2008), Distance, power and ideology: Diplomatic representation in a spatial, unequal and divided world, *Area*, vol. 40, no. 2, pp. 228–236.
 17. Taylor P.J. (2005), New political geographies: Global civil society and global governance through world city networks, *Political Geography*, vol. 24, no. 6, pp. 703–730.
 18. U.S. foreign service posts and department of State jurisdictions January 1, 1975. Washington: Office of the geography, 1975.
 19. Van der Wusten H. et al. (2011), The map of multilateral treaty-making 1600–2000: A contribution to the historical geography of diplomacy, *Tijdschrift voor economische en sociale geografie*, vol. 102, no. 5, pp. 499–514.
 20. Van der Wusten H., Mamadouh V. (2010), The geography of diplomacy // *The International Studies Encyclopedia*. Vol. 5, ed. Denmark R.A., Hoboken, NJ: Blackwell Publishing, pp 141–150.
 21. Vogeler I. (1995), Cold War geopolitics: Embassy locations, *Journal of Geography*, vol. 94, iss. 1, pp. 323–329.

REFERENCES:

1. Ageeva O.G. (2012), Diplomatic ceremonial of imperial Russia. XVIII century. Moscow: Novyi khronograf, 936 p. (In Russ.).
2. Artemenko N.N., Zakirova E.F., Polyakov S.A. (2023), Action of criminal-legal and criminal-procedural jurisdiction of the Russian Federation on the territory of foreign embassies, *International criminal law and international justice*, no. 2, pp. 5–10. (In Russ.).
3. Bobrov A.K., Lebedeva O.V. (2024), Diplomatic of Russia. From the Ambassadorial Office to the Ministry of Foreign Affairs. Moscow: AST, 272 p. (In Russ.).
4. Copyright certificate (2024), no. 2024625655 Russian Federation. Repository of geospatial data on the diplomatic geography of Russia / Okunev I.Yu., Yakusheva E.A.; Copyright holder: MGIMO University. no. 2024625508; declared 25.11.2024; published 02.12.2024. Bulletin no. 12. (In Russ.).
5. Gordeeva L.V. (2024), Geography of foreign diplomatic institutions of the Russian Federation and representative offices of Rosstrudnichestvo, *Geographical science through the prism of modernity*, eds. Martilova N.V., Shevchenko I.A., Nizhny Novgorod: Minin University, pp. 70–74. (In Russ.).
6. Heads of Consular Missions of the USSR Abroad. 1917–1984 (1985), Historical and Diplomatic Department of the USSR Ministry of Foreign Affairs, eds. Stukalin V.F. [and others]. Moscow: USSR Ministry of Foreign Affairs, 231 p. (In Russ.).
7. Heads of diplomatic missions of the USSR abroad. 1917–1984 (1985), Historical and Diplomatic Department of the USSR Ministry of Foreign Affairs; eds. Stukalin V.F. [and others]. Moscow: USSR Ministry of Foreign Affairs, 197 p. (In Russ.).
8. Henrikson A.K. (2005), The geography of diplomacy, *The Geography of war and peace: From death camps to diplomats*, ed. Flint C. New York, NY: Oxford University Press, pp. 369–394.
9. Jackson T. (2020), Geographies of diplomacy // *Oxford Bibliographies*. URL: <https://www.oxfordbibliographies.com/display/document/obo-9780199874002/obo-9780199874002-0220.xml> (accessed: 01.09.2024).
10. Laporte A. (2016), La géographie des ambassades et des consulats en Allemagne et l'effacement de l'ancienne frontière allemande (1984–2014), *Revue Géographique de l'Est*, vol. 56, no. 3–4. URL: <https://journals.openedition.org/rge/5872> (accessed: 16.05.2025)
11. Layout of embassies in the city of Moscow (in the area of the Garden Ring and the adjacent 200-meter strip) (1971), Moscow City

- Executive Committee, Main Architectural Planning Department of the City of Moscow. Moscow, 172 p. (In Russ.).
12. McConnell F. (2019), Rethinking the geographies of diplomacy, *Diplomatica*, vol. 1, no. 1, pp. 46–55.
 13. Moscow city map: All streets, embassies and foreign schools (2008), Moscow: Intermarksavills.
 14. Neumayer E. (2008), Distance, power and ideology: Diplomatic representation in a spatial, unequal and divided world, *Area*, vol. 40, no. 2, pp. 228–236.
 15. Savchenko Yu.Yu. (2020), Constitutional and legal regulation of the procedure for determining the territory of Russia for the location of the embassy of a foreign state, *Colloquium-Journal*, no. 8-7 (60), pp. 49–52. (In Russ.).
 16. Taylor P.J. (2005), New political geographies: Global civil society and global governance through world city networks, *Political Geography*, vol. 24, no. 6, pp. 703–730.
 17. The World. Diplomatic missions and consular offices of Russia in the world / compiled by Okunev I.Yu, Yakusheva E.A., Ivanov I.A. Moscow: MGIMO University Publishing House, 2024. (In Russ.).
 18. U.S. foreign service posts and department of State jurisdictions January 1, 1975. Washington: Office of the geography, 1975.
 19. Van der Wusten H. et al. (2011), The map of multilateral treaty-making 1600–2000: A contribution to the historical geography of diplomacy, *Tijdschrift voor economische en sociale geografie*, vol. 102, no. 5, pp. 499–514.
 20. Van der Wusten H., Mamadouh V. (2010), The geography of diplomacy // *The International Studies Encyclopedia*. Vol. 5, ed. Denmark R.A., Hoboken, NJ: Blackwell Publishing, pp 141–150.
 21. Vogeler I. (1995), Cold War geopolitics: Embassy locations, *Journal of Geography*, vol. 94, iss. 1, pp. 323–329.

NO

BEN

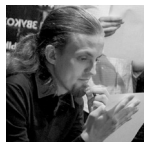
Nota bene (*лат.* «заметь хорошо») —
отметка, означающая особую важность.

T A

N E

terra politica

Сибирская школа политической географии: Интервью с Фартышевым Арсением Николаевичем

Фартышев Арсений Николаевич

кандидат географических наук, доцент, кафедра политологии, истории и регионоведения, исторический факультет, Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия; заведующий лабораторией георесурсоведения и политической географии, Институт географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, Иркутск, Россия

fartyshev.an@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5392-8633>

Arseny Fartyshev

Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor, Department of Political Science, History and Regional Studies, Faculty of History, Irkutsk State University, Irkutsk, Russia; Head of the Laboratory of Georesource Studies and Political Geography, V.B. Sochava Institute of Geography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Irkutsk, Russia

fartyshev.an@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5392-8633>

ИНТЕРВЬЮЕР **ЛЮБИМОВА АНАСТАСИЯ ДМИТРИЕВНА**,
СТАЖЁР-ИССЛЕДОВАТЕЛЬ МОЛОДЁЖНОГО КЛУБА РУССКОГО
ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА «TERRA POLITICA» НАУЧНОГО
СТУДЕНЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА МГИМО МИД РОССИИ:

— *Здравствуйте, уважаемый Арсений Николаевич! Очень рада, что Вы согласились дать комментарий для нашего издания. Скажите, пожалуйста: сибирская школа политической географии — какая она? Что именно выделяет её среди других школ? Какие ее характеристики, отличительные черты Вы бы назвали?*

ФАРТЫШЕВ АРСЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ:

— Сибирская школа... Если именно говорить про восточно-сибирскую школу — а она даже в Восточной Сибири отличается, то, во-первых, вся эта школа базируется, как правило, на учреждениях, институтах РАН. То есть это не при образовательных организациях, а при академических учреж-

дениях, и это накладывает свою специфику. Во-вторых, каждый институт, который создавался в регионах Сибири, так или иначе имеет свою специфику. Я представитель иркутского отделения. Могу больше, конечно, про свою лабораторию сказать, потому что у нас в названии есть политическая география — с 2003 года у нас появилось это наименование [прим. ред. — Лаборатория георесурсоведения и политической географии].

Но в принципе, я не отрицаю, что есть коллеги из Улан-Удэ, Байкальского института природопользования, которые тоже затрагивают проблемы политической географии. В Бурятии, разумеется, интересуются трансграничными факторами, потому что они располагаются рядом с Монголией, и для них приграничие очень важно. Отсюда там уклон в трансграничные связи, как они складываются.

— А вот в какие годы, как Вы бы могли сказать, сложилась школа? И сложилась ли она, что более важно?

— Ну все-таки школа — это когда есть какая-то определённая преемственность тем, преемственность методологии, преемственность взглядов. Я могу сказать о том, что, например, учение Леонида Алексеевича Безрукова о континентально-морской дихотомии много людей продолжают развивать. Не могу сказать, что оно касается непосредственно политической географии, потому что все-таки оно в первую очередь про экономическую географию, просто политико-географический фактор там один из многих других... Но все же больше про экономическую географию. А вот непосредственно политическая география — я не могу сказать, что у нас ее школа какая-то сложившаяся, скорее, она формирующаяся до сих пор.

— Несмотря на то, что, как Вы говорите, школа еще формируется, наверняка уже видны ее отличительные черты. По Вашему мнению, какие характеристики есть у сибирской школы?

— Ну, вообще, политическая география в нашем институте связана с именем бывшего заведующего лабораторией — Байрона Мустафовича Ишмуратова. Он издал книгу, сейчас дословно не вспомню название, изданную в Иркутском издательстве. У него как раз в качестве ученика защищался Леонид Алексеевич Безруков. Вообще, политическая география у нас связана с классическими геополитическими акторами, дихотомией суши и моря. В девяностые годы у нас были договоры с Иркутским избиркомом, заказывались исследования по электоральной географии. Сейчас в институте осталось несколько направлений. Наша лаборатория аккумулирует

три таких направления: 1. Геоэкономический блок — идеи Леонида Алексеевича Безрукова о континентальности; 2. Электоральная география — работы Алексея Анатольевича Черенёва; 3. Геополитические факторы, ближе к политологии — это моя сфера.

— Как Вы уже упоминали, сложно говорить о “чистой” политической направленности сибирской школы: например, сильно влияние экономической географии. А можно ли выделить влияние других географических школ — особенно физической географии — на исследования Вашей лаборатории? Как теории и концепции Вашего института взаимодействуют с изучаемыми темами?

— В методологическом плане я бы выделил одну ключевую особенность, которая отличает наш подход от московских географов и других институтов, это исключительное внимание к картографии. Эта традиция напрямую связана с тем, что наш институт носит имя Виктора Борисовича Сочавы — основоположника учения о геосистемах. В его понимании, геосистема представляет собой комплексную структуру, объединяющую природные, академические и политические процессы. Наша лаборатория — одна из многих (наряду с лабораториями экономической, социальной и физической географии), но все мы продолжаем развивать это направление. Так, это проявляется в том, что обязательными элементами работы для нас являются: создание интегральных карт и атласов; визуализация геосистем; фотографирование объектов исследования.

Лично меня всегда удивляет, когда в статьях по политической географии отсутствуют карты. Для нас это кажется странным, хотя я не утверждаю, что это плохо — просто подчеркиваю характерную особенность нашей школы.

— Очень интересная черта! Действительно чувствуется синтез научных школ. Давайте поговорим о Вашей непосредственной научной деятельности. Какие проекты или отдельные работы Вы могли бы выделить?

— Если говорить о наиболее значимых работах, то прежде всего следует упомянуть книгу Байрона Мустафовича Ишмуратова [прим. ред. — «Региональные особенности рационализации природопользования и охраны среды»]; это скорее философский труд постановочного характера, чем исследовательская монография. И, конечно, классическая работа Леонида Алексеевича Безрукова о континентально-морской дихотомии — её часто цитируют, и в среде общественных географов она считается практически

классикой. Есть и другие интересные публикации, но они не совсем по нашей прямой тематике.

Что касается текущих проектов. С 2017 года мы реализуем совместный проект с монгольскими коллегами при поддержке РФФИ (а теперь РНФ) под руководством Леонида Алексеевича Безрукова. Второе — мой собственный проект посвящён категории друженности и географического влияния в контексте геополитического положения — это чисто политико-географическое исследование с минимальным включением экономической составляющей. Третье — была интересная работа Юлии Сергеевны Размахниной (тогда ещё аспирантки) по ритмичности электорально-географических процессов. Она проводила полевые исследования в бурятских сёлах, собрала около 400 анкет и видеопрофиль. Жаль, что материал не был оформлен в монографию, но результаты опубликованы в статьях.

— А в каком направлении Вы хотели бы дальше развивать исследования? Остаться в этой канве или интегрировать новые темы и методы? Возможно, уже есть какие-то конкретные явления, которые хотели бы изучить?

— У меня в телефоне хранится список тем — около 30 пунктов, — которые я хотел бы рассмотреть в рамках научной работы. Когда к нам приходят первокурсники-политологи и распределяются по научным руководителям, я смотрю в этот список, выбирая для них темы. Правда, часто получается, что предлагаемые мной темы оказываются слишком сложными для студентов — скорее, подходящими для кандидатских диссертаций. Коллеги даже говорят мне: «Арсений Николаевич, придумывайте попроще, а то студенты просто впадают в отчаяние от такого объёма работы!» Хотя на самом деле есть и простые, даже базовые темы. Например, наши студенты собирали базу данных по электоральной географии (географии выборов) и географии власти — тому, как власть функционирует в пространстве.

— Ваша лаборатория известна активным использованием методов пространственного анализа. Не могли бы Вы подробнее рассказать об этом? Какие конкретные инструменты вы используете в работе?

— Основной метод, который мы используем — это классическое районирование. Мы наносим изучаемые процессы на карту, выделяем устойчивые ареалы и анализируем их функциональные особенности в разных территориальных контекстах. Но мы не ограничиваемся только районированием и картографией. Например, мы активно применяем социологические методы

— выезжаем в поле, проводим интервью. Это позволяет понять не просто «где?» и «как?», но и «почему?» происходят те или иные процессы. Статистика сама по себе не даёт ответа на эти вопросы, а полевые исследования помогают строить обоснованные гипотезы — скажем, объяснять электро-ральные предпочтения в конкретных населённых пунктах.

— *Любопытно, Вы такое внимание уделяете социологической составляющей — это определенно заслуживает уважения! Интересно было бы узнать подробнее и про количественную методологию.*

— Корреляционный и регрессионный анализ — это стандартные статистические инструменты, которые мы, безусловно, используем в работе для выявления закономерностей. Однако хочу отметить важный момент: сам по себе факт использования этих методов ещё не гарантирует качественного исследования. Проблема в том, что многие исследователи применяют корреляционный анализ формально, без должного понимания его ограничений. Например, часто забывают, что корреляция не означает причинно-следственную связь. Кроме того, многие не учитывают такие факторы, как наличие выбросов или мультиколлинеарность, что может существенно исказить результаты. В нашей практике мы стараемся использовать эти методы осознанно, всегда проверяя предпосылки и интерпретируя результаты с учётом предметной специфики.

— *Используете ли вы более сложные или просто другие модели? Возможно, не только регрессионные, но и математические модели? Я имею в виду численное моделирование.*

— В нашем институте есть замечательная лаборатория теоретической географии под руководством Александра Константиновича Черкашина [*прим. ред. — на момент взятия интервью; сейчас лабораторией заведует Анастасия Викторовна Мядзелец*] — выдающегося учёного и педагога. Под его руководством, например, пять студентов прошли путь от первого курса до защиты кандидатских диссертаций — это показатель качества подготовки. Александр Константинович убеждён, что грамотное применение математического моделирования может значительно повысить качество географических исследований.

— *Какие ещё методы Вы считаете перспективными?*

— К примеру, метод главных компонент — его активно использует лабора-

тория теоретической географии. Я пока не совсем его освоил, но для нас это направление будущего. Ещё сетевой анализ как отдельное направление исследований. Вот, например, мы собрали базу данных военных учений: кто с кем проводит, как часто. Это же готовая сеть! Можно кластеризовать страны по интенсивности взаимодействия, посчитать центральность узлов... Кстати, с КНДР у нас ни разу не было совместных учений, хоть мы и считаемся союзниками. А с Монголией — ежегодно с 2007 года. Почему? — Это уже вопросы для анализа.

— Да, данные для сети военных учений действительно будто уже и собраны. Однако это проект еще не претворенный в жизнь. Есть ли у Вас незавершённые проекты, которые хотелось бы продолжить развивать и довести до конца?

— Да, например, упоминавшийся мной проект Юлии Размахниной. Ещё мечтаю развивать военную политическую географию: у нас уже есть студентка, которая собрала базу из 550 учений — надо бы её доработать.

— Спасибо! Что Вы считаете главным вызовом для сибирской школы политической географии?

— Опять же, пока рано говорить о сложившейся школе. Нужно ещё одно-два поколения исследователей, чтобы закрепить методологию и традиции. Но уже сейчас есть уникальные темы — например, континентальность или трансграничные связи, — которые трудно изучать в других регионах. Главное — не превращать геополитику в абстракцию. Мы должны учиться считать даже такие вещи, как «дружественность», иначе всё останется на уровне субъективных оценок.

— Большое спасибо за беседу!

УДК 327

DOI 10.63115/6000.2025.46.64.005

ИНТЕРВЬЮ

Как начать заниматься пространственной эконометрикой: Интервью с Демидовой Ольгой Анатольевной

Демидова Ольга Анатольевна

доктор экономических наук, профессор, заведующая Научно-учебной лабораторией пространственно-эконометрического моделирования социально-экономических процессов в России, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

demidova@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5201-3207>

Olga Demidova

Doctor of Economics, Professor, Head of the Scientific and Educational Laboratory for Spatial-Econometric Modeling of Socio-Economic Processes in Russia, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

demidova@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5201-3207>

ПЕРВЫЙ ИНТЕРВЬЮЕР **ПОЛЯКОВА ЯНА ОЛЕГОВНА**, НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК ИНСТИТУТА МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ МГИМО МИД РОССИИ (Я.О.):

— *Хочу у вас спросить как обыватель: такие слова, как «пространственный анализ» и «пространственная эконометрика» для Вас — это одно и то же? Или Вы проводите между ними границу? Возможно, эта граница выделена Вами как признанным экспертом в этой области или разница между данными понятиями уже сформировалась в научном сообществе?*

ДЕМИДОВА ОЛЬГА АНАТОЛЬЕВНА:

— Есть первичный пространственный анализ. Например, в моей любимой книге авторского коллектива под руководством И.Ю. Окунева «Атлас человеческого развития»¹ проведен первичный пространственный анализ.

¹ Атлас человеческого развития: Многомерное шкалирование, кластеризация, пространственный анализ данных / под ред. И.Ю. Окунева. М.: Аспект Пресс, 2024. 594 с. — прим. редакции.

Это очень важный этап исследования. Есть общее представление о неравномерности экономического развития регионов. В России в этом отношении явно выражена ось запад-восток, а в Италии, например, север-юг. Те регионы, что расположены рядом, часто ходят друг на друга. А иногда — не ходят. И для того, чтобы выявить эти закономерности, необходимо провести первичный пространственный анализ.

Первичный пространственный анализ помогает увидеть наличие кластеров и понять их масштаб. Или, наоборот, в ходе анализа выявляется регион или муниципалитет, который кардинально отличается от своего окружения и агрегирует человеческие и денежные ресурсы. Кроме того, в результате первичного пространственного анализа можно убедиться, что межрегиональная дифференциация минимальна — все регионы более или менее одинаковые. В этом случае можно применять методы традиционной классической эконометрики, где объекты считаются независимыми.

Например, если вы возьмёте наших студентов, то в принципе их можно считать независимыми единицами для анализа, потому что они росли в разных семьях, получили разное образование и т.д. А вот можно ли считать регионы независимыми друг от друга — это вопрос. В зависимости от ответа на этот вопрос применяется разная эконометрическая техника. Поэтому сначала нужно провести первичный пространственный анализ и если по его итогам будут выявлены какие-либо пространственные зависимости, то тогда уже включается пространственная эконометрика.

Прежде чем использовать аппарат пространственной эконометрики, мы всегда оцениваем целесообразность: надо или нет нам этот аппарат использовать. Ответ на этот вопрос даёт пространственный анализ.

— Как Вы пришли к пространственной эконометрике? Чем Вас привлекло именно это направление? Ведь эконометрика — это достаточно большая и разнообразная научная область.

— Вы знаете, честно говоря, это произошло несколько случайно. В 2009 году я поехала на летнюю школу Университета Эссекс. И мой курс был совершенно не связан с пространственной эконометрикой, он назывался «Непараметрические методы оценивания». Мне очень нравилось, тогда я ими очень увлекалась.

Буквально пару слов про непараметрические методы. Не все в этой жизни линейно. Больше всего эконометристы любят оценивать линейные зависимости. А вот оказывается, не все линейно и заранее не поймёшь, какая форма зависимости. Непараметрический анализ позволяет это сделать.

И один из моих коллег, Василий Аникин, который уже ездил на эти шко-

лы, посоветовал мне не брать отдельный номер при заселении, а разместиться на этаже. Ну, тогда я была помоложе, уж так меня не пугало, что будет общий душ и, самое главное, общая кухня. Василий мне сказал, что там будут ребята с разных курсов и я смогу потренировать свой английский и расширить кругозор.

В 2009 году, пятнадцать лет назад, ещё не настолько были развиты онлайн курсы и цифровые форматы обучения. То есть, тогда на каждом курсе выдавали учебное пособие — толстую книжку с материалами и статьями. Я послушалась Василия, взяла вот такой общий номер и не пожалела. Каждое утро мы завтракали с другими студентами на общей кухне, это были люди с разных курсов. Я взяла два килограмма российских конфет в качестве угощения, решив, ну чем ещё можно европейцев удивить.

Я спрашивала у ребят на каких они курсах обучаются. Некоторые из них мне были известны. Например «Временные ряды». А вот один молодой человек из Австрии, к сожалению, даже не помню, как его зовут, дал мне посмотреть свой учебник по курсу «Пространственная эконометрика». Меня удивило обилие матрицы W^2 . Я как-то высказала скепсис, а он мне объяснил, что нет, это интересно, что это смесь географии и экономики. И эта тема меня заинтересовала. Я приехала, посмотрела, что это такое.

И Вы знаете, мне кажется, иногда небеса посылают нам какие-то знаки. На конференции, на которой я оказалась в Калининграде, мне очень понравился доклад коллеги Евгении Анатольевны Коломак. Она тоже использовала технику пространственной эконометрики. Ну вы знаете, как иногда дети, делают что-то из принципа «Я тоже так хочу». На следующий год я поехала в Эссекс на курс пространственной эконометрики. Мне очень понравилось. Вот с тех пор и началось увлечение этим направлением.

Дальше — больше. Я стала ездить на конференции, именно специализированные, где собирались эксперты по пространственной эконометрике. С некоторыми мне удалось познакомиться лично. Например, с Джузеппе Арби. Я считаю, это живой классик в университете Святого Сердца в Риме³. Он даже приезжал в Вышку⁴, читал у нас лекции.

Знаете, такой тест на нормальность Харки-Бера? Я знала, что это два разных человека, но думала, что это какие-то там классики, давно почившие в Бозе. И как-то я получаю письмо от Анилы Бера, в котором он пишет, что видел мою статью и на следующей неделе будет в Российской экономической школе в Москве. Он предложил мне отправиться в специальную экс-

2 Весовая матрица (weighing matrix) — прим. редакции.

3 Università Cattolica del Sacro Cuore — прим. редакции.

4 Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» — прим. редакции.

курсию по Москве. Оказалось, что он занимается пространственной эконометрикой. Ну и он тоже приезжал в Вышку и читал лекции. Вот так и пошло.

Честно говоря, в этом моем увлечении пространственной эконометрикой есть немножко элемент случайности.

— *Вас никогда не тянуло в сторону пространственных наук? Географии?*

— В школе мне очень нравилась география. У нас был молодой, симпатичный преподаватель. Мне нравилось у него получать пятёрки, поднимать руку на уроках, и предмет был очень интересный. Но я серьёзно увлекалась математикой, поэтому вопрос куда поступать передо мной не стоял — только мехмат.

География — это, конечно, интересно, но... В те годы путешествовать было сложнее. Да, это интересно. Но что это будет частью моей специальности, я такого представить, к сожалению, себе не могла.

— *Каково Ваше внутреннее ощущение от таких слов, как «пространство», «территория»? Так как Вы занимаетесь пространственными методами уже давно и весьма успешно, у Вас сформировалось какое-то собственное отношение к этим терминам? Вы теперь по-другому смотрите на регионы России, например?*

— Да, конечно, я вообще на эту науку смотрю немножко по-другому. То есть расстояние — это не только география. Расстояние может быть очень разным. Это близко к такой области классической математики, как топология.

Например, расстояние между регионами и странами любят измерять в торговых потоках. И Китай, например, к США вот по этому расстоянию будет ближе, чем Канада. Расстояние между европейскими странами и регионами можно измерять по национальному языку. Если у них одинаковый язык, то тогда они считаются соседями, а вот если разный — то они не считаются соседями. И, казалось бы, Италия и Франция. В рамках данного подхода — это не соседи, а вот Австрия и Германия — это соседи. Некоторые регионы на севере Италии и Германии — соседи, а какие-то нет. Это очень интересно. А сейчас это развивается в сторону определения расстояния через социальные сети. Тут наверное даже лучше использовать слово не «расстояние», а «дистанция». В соцсетях географически какой-то ваш сосед может находиться за тысячи километров, он может быть в Китае, где угодно, но все равно вот он вам будет ближе, чем сосед за стеной в вашем доме.

Пространство — это не только география. В этой связи есть знаменитая статья с таким названием за авторством Бека⁵.

— *Какое место в Вашей научной жизни занимает пространственная эконо- метрика? Ключевое? Или Вы посвящаете лишь часть своего рабочего времени этой тематике?*

— Вы знаете, два года назад я защитила докторскую диссертацию по разви- тию модели пространственной эконометрики. Потом — ну не то, что осты- ла, но уже стала смотреть и на какие-то другие научные области.

Но сейчас я получила новый импульс. Я руковожу научной учебной ла- бораторией и в этом году мы выиграли конкурс «Зеркальных лабораторий» с коллегами из Уфы.

В пространственной эконометрике есть такой царь и Бог — Люк Анселин⁶. Основной программный пакет, который он развил — это GeoDA. Так вот, кол- леги из Уфы, этот пакет переводили на русский язык. И они от Анселина имеют благодарственную грамоту. Чтобы Вы понимали, насколько они крутые.

Сейчас мы с ними как раз будем развивать проект, связанный с углубле- нием модели, а именно мы хотим заниматься иерархическими моделями. Я сейчас попробую пояснить, почему нас заинтересовала эта тема. В России есть более 80 регионов и более 2000 муниципалитетов, которые вложены в регионы. Определенные политические инициативы реализуются на уровне регионов. А вот как это влияет на муниципалитеты? Другой уровень вло- женности — это домохозяйства. Они находятся в муниципалитетах, на них тоже влияет политика регионов. И вот эту вложенную структуру надо учи- тывать. На сегодняшний момент мало еще таких статей, где оцениваются такие иерархические модели. И мы с коллегами хотим это развивать.

И потом, в основном вот те модели, где это оценивается, рассматрива- ют процессы в статике. Например, данные для одного года. Но есть же ещё динамика. А вот с динамикой хуже. И мы хотим попробовать двигаться в этой области, используя данные, по крайней мере, для муниципалитетов. У коллег из Уфимского института науки и технологий масштабные планы.

5 Beck N., Gleditsch K.S., Beardsley K. (2006), Space is more than geography: Using spatial econometrics in the study of political economy, *International Studies Quarterly*, vol. 50, iss. 1, pp. 27–44. — *прим. редакции*.

6 Люк Анселин (Luc Anselin) — ведущий мировой специалист в области пространственной эконо- метрики. Книга (1988) «Spatial Econometric Methods and Models» — одна из самых цитируемых и значимых в данной области. Книга 2014 года «Modern Spatial Econometrics in Practice: A Guide to GeoDa, GeoDaSpace and PySAL» в соавторстве с Серджио Рэем является пособием по про- странственной эконометрике в программных средах GeoDa и GeoDaSpace, а также с реализацией пространственных подходов на языке Python (PySAL). — *прим. редакции*.

Они, например, берут цены на плодоовощную продукцию и смотрят, есть ли в распределении этого показателя пространственная автокорреляция. Условно связаны цены в соседних магазинах или нет. Благодаря этому можно перейти от анализа к моделированию — это практическое применение пространственной эконометрики.

ВТОРОЙ ИНТЕРВЬЮЕР **ОСТАПЕНКО ГЕРМАН ИГОРЕВИЧ**, НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК ИНСТИТУТА МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ МГИМО МИД РОССИИ (Г.И.):

— *То есть речь идёт о панельной структуре данных?*

— Да, верно. Там ещё высокочастотные данные, что очень интересно. Готового аппарата, в стиле «бери статистический пакет и нажимай на кнопку», нет. Надо думать, как это развить, что преобразовать.

Я.О.:

— *Вы говорите про высокочастотные данные. Их всегда все хотят иметь, но получить такой большой массив данных «с земли» — это сложно. Если мы представим идеальный мир, где у Вас есть все данные, которые вы захотите (за все периоды, во всех разрядностях, на любом уровне), то какая тематика лично Вас привлекает как исследователя? Экономика, качество жизни, какие-то социальные проблемы, инфляция?*

— Вы знаете, тут я обращаюсь ещё и к аппарату. Мы обычно считаем, что есть какая-то вот такая глобальная зависимость, но на самом деле это не так. То есть одни и те же факторы на разных территориях могут действовать по-разному. Например, хорошее образование. С одной стороны, люди могут находить работу, оставаться на той территории, а возможно они возьмут и едут в Москву. То есть сложно предугадать, надо в это вкладывать деньги или нет. Таких примеров привести можно много.

Есть модель, которая называется географически взвешенная регрессия. Она для каждого объекта это посчитает локально. Вот, скажем, увеличение расходов образования в муниципалитете. В одном муниципалитете или группе муниципалитетов этот фактор даст эффект, что люди останутся. То есть увеличение расходов образование будет действовать со знаком «плюс». В другой группе муниципалитетов возможен эффект со знаком «минус». Если бы у меня были все данные, я бы вот это посмотрела.

Я.О.:

— *То есть Вас интересует развитие методологического аппарата в первую очередь?*

— Да, пожалуй, да. Ну и я смотрела бы экономику, влияет она или нет. Интересны также модели описывающие, что влияет на процесс голосования. Здесь наши интересы пересекаются с Германом, с Игорем Юрьевичем⁷. Мы наткнулись на статью одного политолога. Он честно провёл и оценил регрессии, сделал вывод о том, что экономика не влияет на процесс голосования. Мы возмутились и сказали, нет. Вы просто слишком грубым инструментом искали это влияние. Просто экономика влияет по-разному. И мы посмотрели, что если использовать другие инструменты, например, географически взвешенную регрессию, то влияние будет. Просто будет неодинаковое. В одних случаях экономика влияет, в других не влияет.

Я.О.:

— *Т.е. электоральная география и электоральные исследования у Вас тоже привлекают?*

— Да. Честно говоря, у меня немного статей на эту тему. У меня есть одна кандидатская диссертация на эту тему у Лады Кулецкой. Она как раз занималась на уровне муниципалитетов анализом факторов, влияющих на выборы. Лада изучала выборы 2018 года, и более детально случай Татарстана. Ну, скажем, вот Татарстан влияет на своих соседей, или соседи влияют на него? Она доказала, что больше влияет Татарстан, использовав достаточно интересный методологический аппарат. То есть она развивала модели в пространстве эконометрики. И ещё одна студентка у меня защитила бакалаврскую ВКР. Так она уже исследовала выборы в муниципалитетах 2021 и 2022 года. Ну и там, и там у нас получилось, что экономические факторы влияют. Причем, так мы и ожидали. То есть, если людям создают хорошие условия — освещенность улицы, там, профицит бюджета и так далее — они голосуют за ту партию, которая находится у власти.

Наш основной вывод был: «старайтесь для людей». Мы это показывали на реальных данных.

Я.О.:

— *Будучи научным руководителем, как Вы пришли к этой электоральной тематике? Я понимаю политологов, которые как бы с этим живут, они этого не боятся... География и политическая география ведь слабо развиты. Что вас привлекло в электоральной географии как экономист, как математик?*

7 Остапенко Г.И. и Окунев И.Ю. — прим. редакции.

— Вы знаете, пожалуй, две причины. Во-первых... Я вам рассказывала, что я ездила в Университет Эссекса, и вы будете смеяться, но все эти курсы: непараметрика, пространственная эконометрика, третий курс Байесовского анализа — преподавали неэконометристы. Все эти лекторы имели PhD в сфере политических наук, прикладывали знания именно к политическим процессам. Разумеется, приводили пример США. Вторая причина и состоит в том, что такие данные оказались у нас в распоряжении, но их, конечно, нужно было собирать.

Я.О.:

— *Вы упомянули, что с коллегами из Уфы плотно взаимодействуете. Кого бы Вы еще отметили?*

— Несколько лет назад, в 2018–2019 годах, для преподавателей региональных вузов Фонд Гайдара проводил курс лекций по эконометрике, там было несколько блоков — «Базовая эконометрика» с примерами, разумеется, «Временные ряды». А третий блок был как раз «Пространственная эконометрика», и там было отобрано, около 20 слушателей из очень многих регионов России — и с Дальнего Востока, из Казани, из Перми и так далее. Слушатели очень заинтересовались этим инструментарием и с тех пор они стали ездить на наши эконометрические конференции, и очень многие тоже занимаются именно в том числе пространственной эконометрикой.

То есть мы дали им эти инструменты, и некоторые, стали идти дальше. Скажем, вот Марина Франц из Уфы работает с муниципалитетами Башкортостана, коллеги из Новосибирска, соответственно, находят данные по Новосибирской области и так далее. Много где сейчас развивается эта тематика. На эконометрических конференциях раз в полгода, обычно в апреле, как раз А. Пересецкий и коллеги проводят воркшоп по прикладной эконометрике. И в конце сентября — начале октября проводится воркшоп по прикладной эконометрике в Нижнем Новгороде. Приятно, что всегда доклады на тему пространственной эконометрике на них бывают.

Г.И.:

— *Возникает тогда вопрос, если пространственная эконометрика имеет такой весьма существенный «порог вхождения», что делает эту отрасль знания узкоспециализированной, по Вашему мнению, должна ли эта область быть таким элитарным клубом или должна им представлять какой-то другой характер?*

— То есть считаю ли я, что надо более широко включать всё в курсы эконометрики, географам и так далее? Вы знаете, я, честно говоря, всегда против насилия — мне кажется, кому интересно, он всегда придёт в эту область.

Скажем, в Вышке в этом году ввели курс МагоЛего⁸, и ко мне пришли и экономисты, и географы, и представители факультета компьютерных наук и так далее. Но я видела, что им было интересно. Разумеется, я в начале спросила: «А какая ваша основная сфера деятельности?» и пыталась рассказывать так, чтобы, всем было интересно. Географы, конечно, немножко там жаловались: «Что же, у вас там столько формул, тяжело!» А экономисты, которые пришли, — это те, кто именно пришел развивать модели. Мне надо было лавировать, чтобы этим было не скучно, и тем — не очень тяжело. Обычно я совмещаю лекции, и у меня очень, с моей точки зрения, очень хороший семинарист — мой аспирант Артём Демьяненко, он показывал применение методик на реальных российских данных на семинарах — ребята работали в специальных статистических пакетах. Теория важная, без неё тоже нельзя, там так не поймёшь, что выдаёт статистический пакет. И вот они там на семинарах посчитали что-то, мне кажется, это интересно. То есть ни в коем случае на занятиях нет чистой теории — только совмещение её с практикой.

Г.И.:

— *Вы уже упомянули эконометрические конференции, но по опыту участия, это все равно достаточно узкая область, в которой требуются знания и в пространственной сфере, и эконометрические. Хотим ли мы видеть больше эконометристов, больше политологов на таких рода мероприятий?*

— Да, очень хотим. Вот как раз политологов мы пока видим мало. То, что вы приходите. Игорь Юрьевич, который пришёл на нашу секцию, которую мы организовали на конференции в Екатеринбурге. Вот там как раз развитие инструментария. И вот Игорь Юрьевич пришёл и сам сделал доклад и делал нам очень ценные замечания о том, что «ребята, а вот здесь-то дело, так скажем, не в пространстве, а вот, с точки зрения политолога...».

Г.И.:

— *Если говорить о пространственной эконометрике — в каких областях есть отдельные лакуны, которые пока не удаётся преодолеть? Есть ли место для эконометрического творчества, разработки моделей?*

8 МагоЛего — дополнительные образовательные дисциплины для магистрантов НИУ ВШЭ. Изучать можно любые дисциплины разных профилей других образовательных программ. — прим. редакции.

— Мне кажется, что место для творчества есть всегда и везде. Сейчас сдвиг в пространственной эконометрике больших данных, именно географических. То, что мы теперь получаем со спутников и на простом компьютере не посчитаешь — мне кажется, здесь в центре внимания. Раньше это было «Spatial Machine Learning», что тоже сводилось к классификации, но чтобы именно была географическая составляющая в больших данных — это новое.

Г.И.:

— *Когда я просматриваю работы ведущих исследователей, например, того же самого Анселина или, скажем, Серджо Рея, то складывается впечатление, что сейчас все меньше работ чисто методологического плана, несмотря на то, что идей очень много, они все время уходят в некоторые частности. С одной стороны, это хорошо. С другой стороны, там возникают такие узкоспециализированные, тоже опять-таки проблемы. Как Вы считаете: где вот тут баланс между этими порывами? Нужно ли больше методологического плана работ или кейсовых?*

— Хороший вопрос! Нет, методологию точно надо развивать, мне кажется. Надо привлекать больше талантливой молодежи в эту область с новыми идеями, потому что у мэтров — и у Люка Анселина, и у, скажем, Манфреда Фишера, у Джеймса Лесажа, — у них уже есть наработанные и всегда используемые ими методы...

Я.О.:

— *Откуда Вы в первую очередь думаете, можно получить новые методы?*

— Раньше — в основном, свежая кровь — это все-таки аспиранты с хорошим математическим бэкграундом, которые могли писать программы и так далее. Вы знаете, вот сейчас в связи с тем, что искусственный интеллект достаточно хорошо пишет коды, вполне возможно, что придет «свежая кровь» от географов, от политологов. То есть им, возможно, уже не надо будет очень хорошо разбираться в кодах. Некоторые рутины искусственный интеллект, возможно, сможет прописать, потому что специалисты именно в этой области говорят, что там очень хорошо всё развивается.

Я.О.:

— *А чем они могут обогатить именно пространственную эконометрику? Содержательно, с точки зрения новых смыслов, идей?*

— Когда строишь модели, все-таки важно знать, какие факторы учитывать. И чисто математики, можно, сказать, не совсем справляются с этим. Тогда вот Игорь Юрьевич, например, говорит: «А вы не учли это, там разные избирательные системы в муниципалитетах бывают». Мы можем что-то не учесть, а они могут учесть эти факторы. Как говорится, дьявол в деталях. Мы, может быть, лучше в методах и алгоритмах, но какие-то детали можем пропустить. Мы очень радуемся, когда к нам приходят.

Я.О.:

— *Вы достаточно много занимаетесь количественными методами. У Вас когда-то наступало в них некоторое разочарование? У меня лично восхищение количественными методами сменяется иногда некоторым разочарованием.*

— Да, я вас хорошо понимаю. Вот делают доклады, например, академик и аспирант. Аспирант делает модель сложнее, такую, что ничего не поймёшь. Академик, который хорошо разбирается в этих сложных моделях, возьмёт просто мел в руки и простым понятным языком всё объяснит.

Раньше хотелось сложнее, а сейчас — лучше сначала начальный анализ провести, он очень многое покажет. Скажем, в этом году мы получили грант «Зеркальной лаборатории» и пока ограничились начальным пространственным анализом. То есть мы посмотрели дескриптивные статистики, посчитали локальные глобальные индексы Морана. Вы не представляете, сколько уже информации можно вытащить из этого!

Про базу не стоит забывать. Потому что некоторые сразу: «А вот я возьму вот такую-то сложную модель». Лучше начать с чего-то простого.

Г.И.:

— *Я не так давно открыл для себя Большую российскую энциклопедию... Человек, обратившийся к справочным материалам по пространственной эконометрике, обращается к Вам, потому что Вы написали некоторый блок статей по ключевым моделям пространственной эконометрики...*

— Было дело!

Г.И.:

— *С какими сложностями сталкиваются авторы при написании такого раздела научно-популярного, наверное, формата, где сложно отходить от базовых вещей, но все же уже нужно донести это весьма доступным образом?*

— Честно говоря, да, иной раз там написать коротенькую статью на две страницы мне было сложнее, чем большую статью в 20 страниц. С одной стороны, надо было увязать и основные понятия, с другой стороны, какую-то предысторию. Мне помогало, что там можно было делать перекрёстные ссылки.

Г.И.:

— *Кто, по вашему мнению и с каким багажом знаний может преуспеть в пространственной эконометрике? Мы много раз в ходе этого разговора упоминали политологов, географов, экономистов. Но если человеку просто интересно и он хочет понять, с чего ему начать это изучение... Как бы Вы порекомендовали поступить в этом случае?*

— Мне кажется, дорогу осилит идущий. И если у человека есть желание... В наше время, когда такое обилие онлайн-курсов, учебников, мне кажется, очень много, кто сможет! Я приглашаю на свой курс МагоЛего.

В рамках «Зеркальной лаборатории» мы как раз собираемся сделать новый курс пространственной эконометрики на русском языке, так что, надеюсь, он будет полезным.

Г.И.:

— *Просто по собственному опыту, у меня отношения со статистикой как говорила Яна Олеговна, весьма похожи на синусоиду... В один момент я её превозношу, в другой момент я разочаруюсь в том, что я не могу постичь простые вещи, написанные на простом языке. А потом я их немножко понимаю. И так это сменяется изо дня в день. Вот сейчас я разбираюсь с RDD (Regression Discontinuity Design)⁹. Но у меня всегда вставал вопрос. Если я начинаю читать эконометрику, я не понимаю математику. Если я не понимаю математику, надо учить математику. Если я начинаю учить математику, я начинаю «терять» фактологию чисто собственной науки. Вот этот замкнутый круг никак не получается разбить. Я когда просто планировал этот вопрос, я подразумевал какие-то базовые учебники, базовые подходы, потому что конкретно в этом разнообразии, которое Вы упоминали, очень сложно сориентироваться. Я не могу порекомендовать*

9 RDD (Regression Discontinuity Design) — разрывный регрессионный дизайн или дизайн разрыва регрессии. Получил первое распространение в конце 1990-х и широкое в конце 2000-х гг. на основе работ эконометристов Дэвида Ли, Томаса Лемье и Гвидо Имбенса, хотя обосновали этот подход Дональд Тистлвейт и Дональд Кэмпбелл ещё в 1960 году. Данный квазиэкспериментальный метод использует ситуации возникновения «разрыва» в данных. Особенностью данного метода является низкая внешняя валидность, не допускающая распространения знания конкретного исследования на другие аналогичные. — прим. редакции.

какую-то конкретную книжку, потому что вот, например, тот же самый Арбия¹⁰, у него есть книжка по микроэконометрике, есть праймер. Но что-то базовое я не могу подобрать. Может быть есть какие-то лайфхаки для таких людей, которые хотят опыт?

— Согласна, пожалуй. Да, я тоже хотела назвать книгу Арбии, книгу Анселина, но там действительно достаточно много эконометрического аппарата.

Мы с коллегами как раз будем исправляться, мы хотим именно серьёзно написать такой вот нормальный курс, чтоб можно было понять. Да, и спасибо, что сказали, что надо включить «Spatial Discontinuity»¹¹.

Г.И.:

— *Благодарим Вас за интервью!*

¹⁰ Джузеппе Арбия (Giuseppe Arbia) — известный итальянский эконометрист. Автор трудов «Spatial Econometrics», «A Primer of Spatial Econometrics» и «Spatial Microeconometrics» в соавторстве с Джузеппе Эсна и Диего Джулиани. — *прим. редакции.*

¹¹ Spatial Discontinuity (Пространственный разрыв (регрессии)) — современный эконометрический подход, развитие регрессионного разрывного дизайна, принципиальная суть которого в использовании географической границы в качестве «разрыва» («порога», threshold) в данных между двумя пространственными единицами (государствами, областями, штатами и т.д.). — *прим. редакции.*

УДК 327

DOI 10.63115/6063.2025.90.80.006

ИНТЕРВЬЮ

Современные методы пространственного анализа: Интервью с Тимирьяновой Венерой Маратовной

Тимирьянова Венера Маратовна

доктор экономических наук, доцент; главный научный сотрудник лаборатории исследования социально-экономических проблем регионов, Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия

79174073127@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1004-0722>

Venera Timiryanova

Doctor of Economics, Associate Professor; Chief Researcher, Laboratory for the Study of Socio-Economic Problems of Regions, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

79174073127@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1004-0722>

ИНТЕРВЬЮЕР **НЕСМАШНЫЙ АЛЕКСАНДР ДМИТРИЕВИЧ**, НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК ИНСТИТУТА МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ МГИМО МИД РОССИИ:

— Многие из ваших работ связаны с анализом пространственной закономерности в России на муниципальном и на региональном уровне. На основе тех выводов, к которым вы приходили, как бы вы обобщённо описали пространственную структуру Российской Федерации? Можем ли мы опираться на одну из существующих концепций, или любые генерализации здесь вредны?

ТИМИРЬЯНОВА ВЕНЕРА МАРАТОВНА:

— Если обобщённо описывать пространственную структуру Российской Федерации, то можно сказать, что она очень неоднородная. Это отмечается многими. Вопрос встаёт, как правило, с тем, как оценивать, насколько подходит нам эта неоднородность. На самом деле с неоднородностью в большинстве своём люди предпочитают не бороться, а корректировать её чрезмерные проявления. То есть, в принципе, неоднородность — это нормальное состояние экономических систем. И здесь просто нужно отслеживать, то, каким образом она сказывается на отдельных территориальных образованиях, и отслеживать, чтобы не было излишне сильной неоднородности, то есть крайних её проявлений. Например, мы наблюдаем подобную

неоднородность в реакции отдельных регионов на изменение валютных курсов, которые выражаются в отношении приобретения техники, например. То есть в каких-то регионах люди будут просто её массово скупать, а в других регионах спокойно реагировать. Где-то цены могут очень сильно повышаться на этом фоне, где-то могут не повышаться. И вот именно этот вариант неоднородности, его, конечно, необходимо регулировать. Он в большей степени связан с устойчивостью этих территориальных систем. То есть если где-то идёт, скажем так, не совсем адекватная реакция населения на изменения... Она может говорить о том, что данная система не совсем устойчива к тем всплескам, которые наблюдаются. В других системах возможно больше запас продуктов был или какая-то более развитая логистическая система, которая смогла восполнить недостатки и не было вот этих скачков и так далее.

— *А вот эти вот пространственные кластеры, которые такие паттерны поведения формируют, они для разных вопросов разные или они воспроизводятся?*

— У нас на самом деле очень разнообразная территория. И в целом можно говорить о том, что поведенческие кластеры они разные. То есть юго-западная часть России она, в принципе, ведёт себя иначе, нежели северная часть и центральная. И на самом деле тут очень много вопросов встаёт именно в пространственной организации. К сожалению, мы точно можем сказать, что нельзя объективно использовать одни и те же инструменты управления ко всем этим группам территорий, и необходимо учитывать именно региональные особенности.

— *Мы записываем это интервью в стенах Московского государственного института международных отношений, и поэтому хотелось бы задать вопрос относительно применения методов пространственного анализа уже на международных данных. Как вы считаете, насколько те исследовательские подходы, методы, которые себя зарекомендовали в региональном анализе, могут и должны применяться в международных отношениях или в сравнительной политологии? Более оправдан именно сравнительный кросс-страновый подход в таких исследованиях, или мы можем в каких-то случаях брать государство за единицу анализа и пытаться проверить те гипотезы, которые работали на субнациональном уровне?*

— Ну первое тут необходимо отметить, что пространственные зависимости можно оценить только в случае, если рассматривается несколько терри-

торий. Соответственно, оценка пространственных зависимостей, когда мы рассматриваем только одну страну, она, в принципе, невозможна. Соответственно, это в любом случае кросс-секционное исследование, может быть, на панельных данных, но так или иначе мы затрагиваем разные территории. Что касается того, что инструменты региональных исследований применяются для анализа стран, например, связей стран, то, в принципе, могу сказать, что, наоборот, ряд инструментов пришли из исследований межстрановых отношений в региональные исследования. То есть многие из инструментов, которые сейчас используются в региональной экономике пришли из исследований, связанных с межстрановым сопоставлением, анализом взаимодействия стран. Те же самые межрегиональные взаимодействия они во многом похожи на межстрановые взаимодействия, и пространственные зависимости также могут оцениваться теми же инструментами.

Единственное, на межстрановом уровне более ярко проявляются факторы территории, то есть их особенности. На региональном уровне очень много общих условий, например, сложившаяся система управления. Командная, административная или какая-то другая. На уровне стран, естественно, мы видим и унитарные государства, и федерации; могут выделяться монархии, республики, и другие варианты. А на уровне региона мы фактически видим единообразие системы управления. Вот в этом контексте получается, что мы на региональном уровне просто должны учитывать чаще несколько другие наборы факторов, в особенности что касается системы управления.

На региональном уровне многие компоненты управления являются одинаковыми. Можно только попытаться оценить, насколько то или иное управление действительно эффективно, но сама сложившаяся система административно-территориального деления и территориального управления — она является единой.

— Но в международных исследованиях ещё большое внимание уделяется связям между странами, вот этим потокам, которые могут иметь как коммуникативную природу, так и транзакционную. И есть ли какие-то вот направления исследований, подходы, может быть, в региональных исследованиях, где именно связи между регионами, связи ставятся в центр анализа, и те или иные гипотезы проверяются вокруг них?

— В целом, да, есть миграционные потоки, есть товарные потоки, и те, и другие часто, скажем так, включаются в региональные исследования, в том числе и в рамках пространственного анализа. В частности, в простран-

ственной эконометрики можно оценивать расстояние между территориями не только по длине дорог или по времени перемещения, можно оценивать и по объёму товарооборота. То есть чем больше товарооборот между двумя регионами, тем эти регионы, получается, с точки зрения экономики, они ближе. Это не так часто наблюдается, но, в целом, это технически возможно. Достаточно редко, но такие исследования встречаются, в том числе и на территории Российской Федерации. Например, когда мы рассматриваем «ядра притяжения» и анализируем методами пространственного анализа связи территорий. Естественно, на межстрановом уровне такое тоже достаточно часто встречается, то есть анализ потоков миграционных, товарных, и т.д. Экспорт-импорт в данном случае очень активно используется.

Да, на уровне регионов очень сложно уловить экспорт-импорт. В частности, одно из моих исследований делало такую попытку — выделить, скажем так, между федеральными округами объём перемещаемых товаров, и он, в частности, показал, завышенную роль Москвы в этих потоках. Это, кстати, скажем так, не секрет: спросить любого водителя грузовой машины, и он Вам подтвердит, что, в принципе, в тот же самый Благовещенск, который находится на границе с Китаем, товар поступает следующим образом: он проезжает мимо Благовещенска, едет до Москвы, там перекомплектовывается и едет обратно в Благовещенск. Это Вам покажется фантастичным, но это реальность. Это связано с тем, что в Москве расположены штаб-квартиры и основные логистические центры компаний. Соответственно, вот этот вот объём товарооборота, который излишне перемещается через Москву, он занимает, наверное, процентов тридцать всего товарооборота страны.

Тем не менее, многие — и «Озон», и «Вайлдберриз» — строят большие логистические центры в регионах, потому что они понимают, что им распределительный центр содержать в Москве и везти товар через всю страну для того, чтобы потом его привезти обратно в Сибирь, чрезмерно затратно. Поэтому да, у нас начали строить распределительные центры, по крайней мере в Башкирии это видно.

— Вы затронули такой вопрос: откуда получать информацию для исследований? Можете рассказать, как Вы обычно получаете данные для своих исследований регионов, муниципальных образований Российской Федерации? Это в основном какая-то официальная статистика, государственные данные или есть другие источники сведений?

— На самом деле, в последние пять лет я наблюдаю большой прорыв в рас-

крытии данных. Хотя сейчас последние три года отмечается, что многие официальные источники закрываются, но появляется на самом деле большое количество данных, которые лежат на поверхности, и нужно просто уметь их взять и обработать.

Я здесь хотела бы отметить Ивана Бегтина¹². Это человек, который активно занимается сбором данных. Он архивирует какие-то, возможно, базы, которые закрываются. Если он узнает о том, что они закрываются, он их архивирует, сохраняет. И на самом деле он максимально погружён в наборы данных. Когда я листаю его ленту, я думаю: «Боже мой, откуда такие объёмы данных и как их вообще можно охватить». И зачастую, наборов весьма интересных. Здесь их очень много. Их самое главное — это научиться их обрабатывать. И, к сожалению, многие эти данные очень сырые. Там могут содержаться ошибки, и тут очень важно именно научиться исключать выбросы, восстанавливать возможные пропуски, и т.д.

А что касается того, откуда я беру данные, всё зависит от того, какое исследовательское направление мы разрабатываем. Например, когда мы анализировали пространственную зависимость Коронавируса, то мы просто, скажем так, делали то же самое, что Яндекс.DataLens¹³. Например, Яндекс собирал сведения со всех информационных площадок. Каждая республика/область/край вывешивала информацию о том, сколько было заражённых коронавирусом. Собирая данные Яндекс формирует различные наборы/базы. Есть открытые базы, в том числе по коронавирусу, которые мы использовали, делая соответствующие ссылки. Но по тем данным, которые он, например, в последний год перестал собирать, мы самостоятельно настроили сборщик, который обходит соответствующие страницы и ежедневно собирает сведения с публикуемой информацией о количестве заболевших.

Если же мы говорим о, например, таких элементах, которые иногда нужно для пространственного анализа знать: сколько торговых объектов находится в этом поселении или как далеко находится транспортный узел. То есть разные варианты. Скажем так, можно приобретать эти данные у Яндекса, хотя это очень дорого. Раньше была возможность бесплатно загружать через API Google Maps API, но она также закрылась. Сейчас мы используем в основном OpenStreetMap, хотя это данные, скажем так, они часто имеют ошибки, они не обновляются так хорошо, как данные Яндекса. Но так или иначе транспортные узлы, например, не могут быстро пе-

¹² Иван Бегтин — соучредитель АНО «Информационная культура», основатель платформы поиска данных Dateno.io, один из ведущих экспертов России по открытым данным и открытому государству (<https://t.me/begtin>) — прим. редакции.

¹³ Яндекс.DataLens — инструмент для анализа и визуализации данных, с использованием которого Яндекс распространял агрегированную информацию по пандемии Ковид-19 — прим. редакции.

ремещаться и открываться в новых местах. Соответственно, мы используем эти наборы данных, в том числе по количеству зданий, по количеству объектов инфраструктуры. Мы можем эти данные собирать. Медицинские данные мы чаще всего всё-таки берём непосредственно у системы здравоохранения. Там очень важные нюансы, связанные с деперсонализацией. Существует отдельный протокол по тому, какие данные могут быть проанализированы, и важно понимать, что здесь даже сами научные журналы требуют от нас, чтобы мы предоставили сведения о том, что данные собраны с согласия пациентов. Есть данные по погоде — они в принципе открыты.

Данные социальных сетей в целом можно частично тоже использовать, хотя API ВКонтакте запрещает хранить и обрабатывать эти данные. Мы взаимодействуем с Университетским консорциумом исследователей больших данных на базе Томского государственного университета, который помогает получить доступ и работать с такими данными. Все данные социальных сетей с определённой погрешностью (сразу скажу) тоже имеют географическую привязку. Все пользователи так или иначе указывают местоположение, либо место жительства. Мы понимаем, что такая привязка может быть неправильной, недостоверной. Также хотелось бы отметить, что есть, например, такие наборы данных, как госзакупки. Есть данные HeadHunter'a, там тоже всё структурировано, есть географическая привязка.

Единственная проблема, которая есть у всех этих наборов, — это то, что их очень сложно объединять. То есть мэтчинг этих данных он очень проблематичен. Проблематичен из-за того, что каждый называет территорию так, как он её видит. Есть полное название, есть сокращённое. А при этом ещё нужно понимать, что многие муниципальные районы и поселения периодически меняют свои названия, и это очень сильно усложняет работу, когда речь идет о двух тысячах четырехстах муниципальных образованиях или о девятнадцати тысячах поселений. И то, что сегодня, скажем, называется городом на следующий год становится муниципальным округом, и просто техническими методами это очень сложно объединять. Это большая и трудоёмкая проблема, но решаемая. А данных, которые можно собрать, на самом деле очень много, не обязательно из официальной статистики.

— *Продолжая разговор о данных, что, я думаю, для всех количественников достаточно болезненная тема. Один из основателей критических теорий международных отношений, неограммшианец Роберт Кокс, в одной из своих работ сформулировал ключевой тезис этого направления о том, что «все теории создаются для кого-то и с какой-то целью»¹⁴. Насколько мы можем*

¹⁴ Cox R. (1981), Social Forces, States and World Orders: Beyond International Relations Theory, Millennium Journal of International Studies, vol. 10, no. 2, pp.126–154.

тоже самое сказать про данные? Сталкивались ли вы с предвзятостью при фиксации данных, как преднамеренной, так и нет, которая могла бы повлиять на результаты анализа?

— Я в принципе согласна с этим мнением, что данные собираются и собираются для кого-то, хотя я часто собираю данные, просто складываю их на компьютер. У меня уже терабайты данных лежат, не все даже я анализирую. А по поводу непредвзятости, тут хотела бы сказать, что да, к сожалению, с этим периодически мы сталкиваемся. И наиболее яркий пример — это, наверное, данные по коронавирусной инфекции. Отмечалось во многих публикациях, в том числе российскими авторами то, что данные были занижены, особенно в первый период. Людей, видимо, боялись испугать, и официально регистрировали меньший объём смертей именно по причине коронавируса, списывая их на другие виды и причины болезней. То есть это наиболее яркое проявление предвзятости данных за последний период, скажем так.

— Переходя от данных обратно к методам, вы можете побольше рассказать про иерархические подходы, которые вы применяли в своих исследованиях? На основе каких методов, концепций, какого рода данных, в какой структуре можно осуществлять такой анализ? Как он стыкуется с пространственным анализом? К каким выводам он Вас привёл в исследованиях российских муниципальных образований и регионов?

— С методами иерархического анализа я, наверное, познакомилась примерно в 2018 году. И здесь необходимо отметить, что на территории Российской Федерации, именно в региональных исследованиях, методы иерархического анализа практически не развиты. Я могу назвать ну максимум две-три научные школы, которые их используют именно в региональных исследованиях. В основном это инструмент, который используется социологами. К слову, у меня есть второе высшее образование в социологии, поэтому мне этот инструмент попался. Я встретила публикации, в которых я видела, что за рубежом этот инструмент применяется для региональных исследований. Идея метода состоит исходно с точки зрения социологии в том, что есть несколько классов в школе, и необходимо понять, почему в некоторых классах один и тот же ученик может получать более высокие оценки, нежели в другом. И соответственно, это анализ межгрупповых и внутригрупповых различий, фактически. По аналогии в региональной экономике делается попытка выяснить почему одни муниципалитеты, расположенные в одних регионах, показывают лучшие результаты, чем другие,

расположенные в других регионах, но имеющие близкие характеристики.

В иерархическом анализе очень важна вложенность. То есть дети находятся в каком-то классе, этот класс находится в определённой школе. Применительно к регионам: есть поселения, поселения находятся в определённом муниципальном районе, муниципальный район относится к определённому региону, регион относится к определённому федеральному округу. Вот эта чистая вложенность она очень важна для инструментов иерархического анализа.

Что касается методов, есть несколько способов анализа. Самый простой, с которого, наверное, в 2018 году началась работа — это просто разложение данных на три уровня. Он был предложен примерно семьдесят лет назад Х. Моельрингом и В. Тоблером. Затем появились публикации, в которых рассматривалось иерархическое разложение, а именно выделение вклада поселений, районов и стран в сложившийся уровень социального неравенства через разложения индекса Тейла¹⁵. Примерно в конце прошлого века появились так называемые многоуровневые иерархические модели. И на самом деле они как бы появились одновременно в нескольких, ну, скажем так, в двух интерпретациях. Из-за этого вы иногда можете встретить учебник, где будет написано «многоуровневая модель», а не «иерархическая», и там, казалось бы, коэффициент рассчитывается точно так же, но он будет называться не Intraclass Correlation Coefficient, а Variance Partition Coefficient. Вот и, соответственно, хотя вроде как инструменты одни и те же, но они развивались параллельно и имеют, скажем так, некоторые нюансы, связанные оформлением, с тем, как описывать вот эти многоуровневые модели или как обозначать коэффициенты.

Вы спросили по поводу того, каким образом они соединились с пространственным анализом. На самом деле даже Люк Анселин¹⁶ отмечал, что любые территории они имеют свойства иерархии. Это естественно, то есть мы видим что административно территориальное деление оно иерархически организовано соответственно.

— *Правильно ли я вас понимаю, что основная идея иерархического анализа заключается в том, что объединённые наличием единого верхнего уровня элементы анализа, как например несколько регионов, которые входят в один федеральный округ, более тесно между собой связаны, чем несколько*

¹⁵ Индекс Тейла — мера измерения социального неравенства, предложенный в 1967 году нидерландским экономистом Анри Тейлом [H. Theil, Economics and Information Theory, North-Holland, 1967.] — прим. редакции.

¹⁶ Люк Анселин — американский исследователь и разработчик программного обеспечения, один из основателей современного пространственного анализа — прим. редакции.

регионов, пусть и расположенных по соседству, но входящих в разные федеральные округа?

— На примере Российской Федерации было четко показано что регион оказывает влияние на результативность тех муниципальных районов, которые в него вложены. Ярким примером является Татарстан. Если мы берем муниципальные районы на границе Татарстана и сравниваем их с муниципальными районами соседних республик, той же Чувашии или Марий Эл, даже Республики Башкортостан, мы видим, что эффективность муниципальных районов, которые подчинены Татарстану выше, и это во многом определяется именно работой регионального правительства. То есть, если бы этот муниципальный район на границе между Татарстаном и Чувашией находился не в Татарстане, а в Чувашии, то скорее всего, его показатели были бы хуже.

Что касается связи пространственного анализа и иерархического анализа, на текущий момент нужно отметить, что развитие инструментов идёт настолько быстро, и оно такое разноплановое, что одновременно две научные школы пришли примерно к одному и тому же. Первая группа учёных — это те, кто развивал иерархический анализ заметили, что можно учесть соседство регионов и пространственную матрицу вставить в верхний уровень анализа. И появились так называемые иерархические модели с пространственной зависимостью.

Одновременно те, кто развивал пространственные модели, они обратили внимание на то, что группа оказывает влияние, и тоже вышли на эти инструменты. И они предложили вначале учесть пространственную зависимость, то есть включить матрицу соседства на нижнем уровне, а затем наложить матрицу групповых связей.

И на текущий момент уже существуют такие модели, которые могут одновременно учитывать и иерархию, и пространственные связи. То есть, это такая сетка получается... Это я считаю, один из наиболее правильных подходов, потому что и иерархия, и пространственное соседство оказывается очень важно. В том же примере с районом на границе Чувашии с Татарстаном важно то, что район является соседом по отношению к Татарстану. Люди из Чувашской Республики могут ездить в Татарстан на заработки и привозить эти деньги в Чувашию.

Соответственно, пространственно-иерархические модели появились. Они не так активно, может быть, используются, потому что они достаточно сложные. Но мне хотелось бы ещё добавить, что усложнение моделей идёт очень быстро, сейчас уже дополнительно можно учесть и эффекты времени. То есть одновременно можно учесть и эффекты времени, и пространства, и

иерархии. И единственная проблема в том, чтобы эти инструменты активно применялись. Дело в том, что очень сложно сразу сходу разобраться в том, каким образом вычислять эти эффекты, как оценивать. HSAR-модель — достаточно сложная, ну, хотя, в принципе, всё возможно...

— *Вот не могу отказать себе в удовольствии задать вопрос: а всё-таки, есть какие-то попытки уже интегрировать и страновой уровень, вот этот иерархический анализ? То есть, когда мы смотрим на государство как следующий уровень иерархии, там может быть даже дальше — макрорегион как следующий уровень иерархии? Или это пока вот эти модели пока применяются исключительно для субнационального анализа?*

— Нет, есть такие исследования, которые вот эти иерархические модели применили на данных Евросоюза. А Евросоюз — это всё-таки разные страны с различным устройством. То есть, в принципе, проводятся исследования, которые учитывают вот эти два уровня, NUTS¹⁷ второго и третьего уровня. Они опубликованы. Я не могу сказать, что их тоже очень много, но, наверное, штук пять я могла бы выделить таких исследований. Достаточно интересные выводы там были.

— *Переходя к смежному подходу, к которому Вы активно обращаетесь в Ваших исследованиях, анализу полицентричности. Каких данных требует данный подход? Насколько мы можем заимствовать этот аппарат измерения полицентричности и применять его уже в международных исследованиях, где вопросы там структуры мирового порядка — полицентрический, биполярный, однополярный — достаточно тоже широко дискутируются и в основном всё-таки базируются на достаточно субъективных оценках при том, что количественных метрик немного.*

— Вот смотрите, полицентричность на самом деле она начала исходно рассматриваться именно на межстрановом уровне. Если мы возьмём исследования середины прошлого века, Ципфа¹⁸ — это один из первых исследователей, который обратил внимание, что численность населения и ранги выстраиваются в определённую последовательность. И вот в этой книге, которую он опубликовал в середине прошлого века, там как раз сопоставляются некоторые европейские страны, США, Индия именно по распре-

17 Номенклатура территориальных единиц для целей статистики Евросоюза (фр. nomenclature des unités territoriales statistiques, NUTS) — прим. автора.

18 Zipf G.K. (1949), Human behavior and the principle of least effort, Cambridge, MA: Addison-Wesley Press, 573 p.

делению населения в привязке к определённым экономическим видам деятельности. То есть, не только демографические, но и экономические отдельные показатели рассматриваются. И как раз показывается вот эта зависимость. Начиная с этого момента, можно говорить о том, что исследование полицентричности начало активно проводиться с применением различных методов.

На текущий момент сложились два основных подхода к анализу полицентричности: морфологический и функциональный. Морфологический подход опирается на анализ данных о численности населения, о распределении поселений, ну городов в основном — от больших к малым, с тем, чтобы выявить, насколько велика доля больших регионов, городов, и насколько велика доля маленьких городов. Может использоваться различный показатель, в том числе тот вариант, который предложил Ципф. Используется регрессионное уравнение, вычисляется коэффициент регрессии, на основе которого делается вывод относительно порядка распределения. Может использоваться даже индекс Херфиндала-Хиршмана, который, как правило, изначально использовался для анализа монополии, степени монополизации рынка.

На самом деле, в рамках этого направления разные показатели применяются, которые анализируют размеры территориальных единиц в рамках определённой территории и делают вывод относительно того, насколько велика доля одних территорий, насколько равномерно распределено население между территориальными образованиями. И далее, как правило, ключевые направления — это понять, насколько полицентризм или моноцентризм оказывают влияние на общее развитие территории. И консенсуса в этом вопросе до сих пор нет. То есть кто-то считает, что полицентризм — это зло, кто-то что моноцентризм — это зло, кто-то говорит, что он оказывает влияние на то, что территория развивается более эффективно и так далее.

Второй подход — функциональный. Он учитывает потоки. Здесь исследуются миграционные потоки. Очень активно используются современные данные GPS-трекеров, которые анализируют перемещение между территориями. Чаще всего функциональный подход используется в анализе городских территорий и агломераций, чтобы выявить определённые агломерационные эффекты. Но в Российской Федерации на текущий момент таких исследований, по крайней мере, я не встречала, возможно, они есть. Я исследования полицентризма провожу в коллаборации с к.э.н. Красносельской Д.Х., которая формирует основные задачи. К сожалению, мы пока тоже не применяем функциональный подход, потому что у нас нет доступа к необходимым данным, именно о перемещениях, концентрациях людей,

маршрутах перемещения и так далее. Но такие исследования активно проводятся в Китае, например.

— *Яндекс.Карты пока не отдаёт данные по движению?*

— Нет, он отдаёт разные данные, но очень дорого. Вопрос всегда в цене. У Яндекса очень дорогие данные, на мой взгляд. По крайней мере, когда раньше был доступен Google API, там определённый объём запросов можно было делать бесплатно. У Яндекса такого практически нет. Есть Единый коммерческий тариф. Есть возможность бесплатного получения данных, но там разные условия, в том числе то, что все данные, полученные средствами API, должны быть отражены на карте Яндекса. Но главное запрещается сохранять или изменять данные, без чего невозможно проведение дальнейшего анализа. Мы решением этого вопроса начали заниматься, но данные Яндекса по картам пока не используем.

— *Говоря снова про данные, вы немало писали об эффектах от использования пространственных данных в бизнесе, в том числе в малом и среднем бизнесе. Расскажите, насколько, на ваш взгляд, сегодня в России использование пространственных данных и результатов пространственного анализа востребовано в бизнесе, так может быть, и в государственном, муниципальном управлении? Что такое высокочастотные данные (англ. high-frequency data)?*

— На самом деле, все данные, которые существуют, они географически структурированы, вплоть до дома или только до населённого пункта. Просто кто-то отбрасывает этот географический компонент. Соответственно, исследование и построение каких-то моделей и проведение какого-то анализа в привязке к географии делает результаты оценок более качественными и менее смещёнными. Поэтому в перспективе объём таких исследований будет только расти.

Интерес к такого рода низкоуровневым исследованиям действительно есть. Предприниматели, например, это касается фискальных данных, исследований на рынке, часто к нам приходят и просят провести именно анализ с позиции пространства, особенно торговых объектов. Безусловно, изменение цен в одной торговой точке оказывает определённое влияние на цены соседней торговой точки.

Но есть то, что ограничивает наши возможности проведения такого анализа. Как правило, мы можем сделать анализ только если данные существуют. Есть определённые проблемы: у владельцев торговых объектов,

которые к нам приходят, нет тех данных, которые принадлежат соседям — если какой-то мониторинг и осуществляется, то не на постоянной основе.

Еще одна существенная проблема связана с тем, что пока мало опубликованных исследований на таком уровне. При этом когда мы переходим от уровня годовых данных до дневных или минутных (высокочастотных) данных, возникает большое количество сложностей. Пространственное взаимодействие проявляется иначе, когда данные становятся менее агрегированными.

Если говорить про розничную торговлю, на уровне минут анализировать тренды бессмысленно. На уровне часа уже можно попытаться что-то спрогнозировать, особенно в моменты всплеска, когда начинается ажиотаж, можно понять, когда волна нарастает, когда она уже начинает спадать. Мы не только можем отследить, насколько сильно происходят эти всплески в отдельных объектах, но и то, как они при этом ещё перетекают через пространство. То есть если какой-то товар заканчивается в одном объекте, естественно, люди перебегают в другой объект и скупают его там. То есть это явление, которое имеет чёткую зависимость и в пространстве, и во времени.

При этом значение пространственной автокорреляции, сделанное на месячных данных для той же самой территории, будет выше, чем расчёт, полученный на дневных данных. Тем более будет ниже автокорреляция на данных, полученных по ежечасным замерам.

— Значит ли это, что здесь вообще пространственный анализ уже не нужен? И тот же анализ временных рядов, например, даст лучший результат?

— Анализ таких данных в кросс-секции, не даст оптимальный результат, так же как и просто анализ временных рядов. Нужен анализ одновременно и в пространстве, и во времени. Мы такой анализ проводим, а именно для того, чтобы понять, как на каждом отдельном промежутке времени себя ведёт вот это пространственная связь. И тут мы, кстати, нашли зависимости во времени! То есть пространственные зависимости в выходные дни проявляются сильнее, чем в будние дни. А есть ещё сезонные колебания определённых групп товаров, и мы выявили, что по отдельным группам товаров пространственные зависимости с учётом изменения цен могут проявляться по-разному в течение года. То есть оценки, полученные осенью, будут однозначно отличаться от тех оценок, которые получены весной. И соответственно, сопоставлять оценку, полученную там в ноябре определённого года с данными другого исследования, полученного на оценках,

сделанных весной, некорректно.

Вот это тоже такой нюанс, который раньше не выделялся, потому что в основном исследовались годовые данные. И что касается высокочастотных данных, вот если задаваться вопросом, насколько вы вообще видите перспективы использования высокочастотных данных, то я однозначно считаю, что мы придём к тому, что все модели будут строиться в режиме, близком к реальному времени, для того, чтобы максимально быстро и эффективно реагировать на те импульсы, которые происходят на рынках, в частности.

Но на текущий момент очень мало исследований, вот прямо совсем мало исследований, которые проводятся и публикуются. Мы знаем точно, что на основе высокочастотных фискальных данных Федеральная налоговая служба делает расчёты, но она до сих пор их не применяет активно, потому что есть очень много нюансов. Центральный банк Российской Федерации также проводил исследования на этих данных для того, чтобы понять, можно ли их на текущий момент использовать для прогнозирования потребительского поведения.

И я могу сказать, что такие же исследования проводятся и за рубежом. То есть США и Европейский Союз, они используют эти данные. То есть у них тоже данные собираются фискальными операторами и анализируются. При этом у них, помимо вот этих фискальных данных, была намного раньше создана инфраструктура, в частности, в Америке, по сбору данных от обычных покупателей. Я не знаю, когда-нибудь вы видели, например, в России такое приложение, как «Едадил», где вы фотографируете и загружаете чек, и он выводит информацию о том, сколько вы товаров купили. В США существует похожая система сбора данных с обычных потребителей. Потребителям предлагают инструменты для планирования их бюджетов, и люди действительно выходят из магазинов, просто фотографируют свой чек. Он соединяет эту информацию для того, чтобы в приложении потом делать какие-то рекомендации пользователю этого приложения. Но все понимают, что эти данные одновременно уходят в базу данных о покупках людей, и, соответственно, собирается информация, в том числе и о том, что приобретается, по каким ценам и так далее. То есть у них есть такие наборы данных.

У нас такая инфраструктура развернулась полноценно только с запуском операторов фискальных данных. И на сегодняшний день эти данные предоставляются на коммерческой основе. Мы, к слову, — единственный университет, которому удалось заключить договор с оператором фискальных данных, это я бы сказала просто случайность и удача. Когда только открывались операторы фискальных данных, я уже знала о том, что такие исследования проводятся в США. Это ещё было в 2018 году, и я обратилась

к одному из операторов фискальных данных, и он сказал: «Ну давай посмотрим, что ты сделаешь»...

И на текущий момент мы по-прежнему с ними взаимодействуем, и они, кстати, тоже нам ставят, скажем так, некоторые амбициозные задачи, на которые мы иногда говорим, что, к сожалению, этого сейчас мы решить не можем. Часто это действительно глобальные задачи, для решения которых пока нет инструментов. У них, естественно, есть свои собственные команды. Мы, скажем так, наблюдаем за ними, они наблюдают за нами. В рамках договора о сотрудничестве они нам для исследовательских целей передавали обезличенные данные, есть доступ к платформе Продажи.рф. При этом с практической точки зрения есть много очень вопросов к фискальным данным. И за рубежом, и в России эти данные исследуются, но очень мало открытых публикаций. В этих публикациях, во всех, во всех абсолютно, отмечается, что это очень сложные данные с позиции их обработки и анализа. Как пример, вы можете получить чек с полной детализацией, если вы приобретаете товары где-то в хорошем торговом магазине. Если вы покупаете на рынке, в чеке может быть забито всё, что угодно. Индивидуальный предприниматель, например, вообще не ограничен в формировании чеков. Он может просто писать «овощи», без детализации. Когда мы анализировали, именно черновые данные, необработанные, мы видели много проблем в них. Например, мы запросили сведения о хлебе, как о наиболее социально значимом товаре. Под наименованием очень похожим на хлеб могла быть водка. То есть, образно говоря, в строке просто «Хлеб-в» было написано, и число «сорок». Всё. И мы просто понимаем, что это водка. То есть, скажем так, что забивают люди в кассовые аппараты — это на их личное усмотрение. Поэтому это очень сложный набор данных. Несколько лет назад государство в том числе для решения этой проблемы ввело систему цифровой маркировки и прослеживания товаров. Сейчас для молока, например, она введена: на каждую единицу товара выдаётся QR-код. Он стоит одну копейку, но на самом деле копейки — это рынок целого миллиарда в день, наверное, если так разобраться. Но всё идёт к тому, что на каждый товар будет свой QR-код. И тогда можно будет действительно говорить о том, что мы точно знаем, что продано, когда продано и зачем.

— В последнее время довольно популярной стала тема географического искусственного интеллекта, так называемого Geo-AI. Насколько вы за этим следите, насколько, на Ваш взгляд, это — такое желание следовать модным течениям, а насколько — какие-то действительно новые методы, которые могут расширить исследовательский инструментарий?

— Что касается искусственного интеллекта и его применения по отношению к географически структурированным данным, на самом деле, это очень интересная тема. Мы в неё активно погружаемся... Я даже могу сказать, что мы в принципе подходим к тому, что соответствующие методы начнём использовать в ближайшее время. Здесь единственное необходимо разделить: есть более традиционные инструменты машинного обучения, включая Random Forest, Градиентный бустинг и нейронные сети.

Нейронные сети, на самом деле, достаточно специфичны. Их основная проблема в том, что они слабо интерпретируемы, скажем так. А большинство, заказчиков исследований, в том числе и организации, и госорганы, хотят понимать и интерпретировать, и понимать, как им воздействовать. А нейронные сети — это больше такой чёрный ящик, где мы вложили данные и получили определённую картинку. Как это будет без объяснения, почему это так, как это на это можно оказать влияние и так далее. Вот в этом смысле классическое машинное обучение может быть более интерпретируемо.

Инструменты машинного обучения тоже развиваются, и появляются все новые модели. Они сравниваются, мы рассматриваем эти работы, смотрим, какие инструменты дают наиболее эффективные результаты.

Могу сказать, что в рамках нашего университета мы активно взаимодействуем именно с географическим факультетом. У нас есть там достаточно интересный молодой учёный, который проходил стажировку в Европе, как раз у него геологические данные, но так или иначе, их распределение также подвержено пространственному закону. И он рассказывал о тех инструментах, которые сейчас активно применяются в Европе, в том числе и машинное обучение, и какие результаты могут быть получены и как их потом визуализировать. Поэтому мы, в принципе, уже готовы к тому, что мы будем применять эти инструменты в ближайшей перспективе.

Что из этого получится? Я надеюсь, что это будет что-то интересное. И, естественно, мы будем сравнивать те результаты, которые получают у нас по обычным пространственным моделям, в том числе географически взвешенной регрессии, и по моделям, полученным на основе машинного обучения... Хотя тут есть важная особенность, состоящая в том, что регрессия представляется как тип задач машинного обучения, но она проще в исполнении и интерпретации. Фактически же основной переход от традиционных количественных методов к машинному обучению состоит в оценке результатов исследования — в одном случае мы смотрим на некие статистические коэффициенты, а в другом — разделяем наши выборки на обучающую и тестовую, и уже на основе оценки последней делаем выводы.

— У вас, как у исследователя с очень широким спектром интересов, от эко-

номики и демографии до медицины, хотел бы спросить: насколько можно говорить о существовании общих пространственных закономерностей? Насколько Вы в своих работах видели сначала закономерность в одном домене, а потом видели тоже самое, возникающее в другом домене? Или разные социальные процессы можно объединить только на уровне очень широких общих закономерностей, как там законы Тоблера, например?

— На самом деле, закон Тоблера однозначно работает! Что касается всего спектра тех исследований, которые я провожу, тут необходимо в первую очередь отметить, что действительно он достаточно широкий. Не потому, что я разбираюсь во всех этих исследовательских направлениях, там в медицине, например, или в технических системах, например, в нефтяной промышленности (у неё тоже есть исследования, связанные с пространственной зависимостью добычи нефти), а в том, что исследователи из разных областей исходно сами понимают, что они видят определённые пространственные зависимости, и уже обращаются к нам с тем, чтобы мы помогли им их оценить. То есть мы в данном случае во многих исследованиях выступаем просто как консультанты, как люди, которые выстраивают эту модель и взаимодействуют на этапе интерпретации. То есть исходные исследовательские задачи часто ставятся не нами, и вопрос о том, существует ли там пространственные зависимости, исходно не нами выявляется. Делается гипотеза другими научными коллективами, которые уже к нам обращаются, чётко понимают, что да, здесь есть пространственная зависимость, и далее мы тестируем, есть ли она действительно или нет.

Соответственно, что касается вопроса о том, можно ли говорить о том, что одна и та же пространственная зависимость может проявляться для всех регионов, для всех, скажем так, территорий одинаково, нет. На самом деле, это происходит не так. Можно однозначно сказать, что даже на территории Российской Федерации существуют разные зоны, и это неоднократно отмечалось, например, в исследованиях Коломак Е.А., Демидовой О.А., что пространственная зависимость, то есть связь между территориями на Юго-Западе и Северо-Востоке, отличается. И это, в том числе, связано с тем, что там по-разному учитывается расстояние. То есть расстояние между населёнными пунктами в Сибири может быть сто километров, и люди привыкают перемещаться на сто километров в соседний населённый пункт, для них других вариантов нет, и для них это самое близкое поселение. Для Кавказа, где более плотное размещение населённых пунктов, они более мелкие, всё несколько иначе происходит.

Кроме того, есть определённая социальная особенность. Например, если мы поднимаем вопрос цен, то изменение цен в одном объекте в цен-

тральной части России может спровоцировать отток покупателей с одного торгового объекта в тот объект, где цена ниже. В отдельных территориях, где очень важны межличностные отношения, в том числе на уровне «покупатель-продавец», покупатель никогда не бросит того продавца, к которому он ходил, даже если продукты у него теперь дороже, просто потому что ну это не принято на этой территории. А соответственно, пространственная зависимость там будет работать иначе.

Что касается заболеваний, по заболеваниям мы тоже можем сказать, что даже внутри инфекционных заболеваний пространственные зависимости могут проявляться по-разному на разных территориях, и передача инфекции, например, коронавируса, она происходила быстрее, а такая болезнь, как туберкулёз, она передаётся иначе, хотя она также инфекционной является. Но скорость размножения туберкулёзной палочки очень низкая, в результате чего те модели пространственные, которые мы строим для быстро развивающихся инфекций, они не работают для медленных инфекций или для других болезней. Очень много нюансов, различий и в разрезе отдельных социально-экономических, медицинских, технологических процессов, и в разрезе отдельных территорий.

— *Вы сейчас в основном на территориальные особенности обратили внимание. А сталкивались ли вы с тем, чтобы в какой-то территории одни и те же факторы влияли на паттерны, к примеру, распространение инфекционных заболеваний и экономического поведения, или Вы такого не встречали?*

— Особенность территории, безусловно, оказывает влияние. Например, если это неблагоприятная территория, то такие зависимости, как потребление алкоголя и распространение туберкулёзной палочки, будут иметь схожие рисунки. Опять-таки, те же самые территории, где люди живут большими семьями, они достаточно закрыты. Там и болезни будут распространяться, возможно, медленнее, и пространственная передача информации будет медленнее.

— *Как вы считаете, нужно ли владеть языками программирования исследователю, который интересуется пространственными методами? Просматривая Ваши работы, я обратил внимание, что Вы двигались к всё более сложным методам, и в какой-то момент в основном перешли на уже написание кода, а не на использование каких-то программ.*

— На мой взгляд, всё-таки необходимо. Я отмечу следующее: если вы ра-

ботаете в большом коллективе, и у вас достаточно узкая задача, например, анализировать только кросс-секционные зависимости на каком-то определенном наборе данных, то, да, скорее всего, вам функционала отдельных программ будет достаточно.

Если у вас достаточно сложная исследовательская задача и вам необходимо сделать добор данных, загрузить какие-то сведения из стороннего ресурса, которые, как правило, не всегда бывают чистыми, то скорее всего потребуется умение работать с кодом. Нужно понимать, как собирать, объединять наборы данных, как делать их очистку, как учесть достаточно большое количество зависимостей. В простых программах, как правило, учитываются либо временные, либо пространственные факторы, либо какое-то их сочетание. Например, панельно-пространственную модель можно построить. Но когда вы захотите туда ещё добавить иерархическую плоскость, то столкнётесь с тем, что на текущий момент разработанного инструмента такого не будет.

Инструменты развиваются очень быстро. Вначале появляется метод, и уже позже если он пользуется спросом появляется ПО с дружественным интерфейсом, но на это уходит время. И есть такой важный нюанс: разработчики инструментов часто не заинтересованы делать их так, чтобы они вам были удобны и вы могли их быстро перенастроить. Те, кто разрабатывают эти инструменты и алгоритмы, они находятся уже на определенном уровне развития. И им кажется, что Вы должны в этом прекрасно разбираться и для Вас не будет никакой сложности этим пользоваться. И зачем для вас ещё что-то упрощать, делать дружественный интерфейс и так далее? То есть у них, как правило, таких даже мыслей не возникает, потому что они уже на совсем другом уровне полёта. И для того, чтобы начинать использовать более сложные инструменты, просто не обойдёшься без языков программирования.

Я могу сказать так, что мне пришлось, хотя я доктор экономических наук, овладеть инструментами сбора данных, средствами API. Я умею парсить сайты, настраивать сборщики данных с этих сайтов, в том числе с помощью CSS-селекторов. Я владею SQL, R, Python. Я проходила переподготовку в МФТИ, я знаю Hadoop, Spark. Но на текущий момент я сталкиваюсь с тем, что теперь возникла проблема, связанная с тем, что я слишком далеко ушла.

И когда я обращаюсь к нашим программистам со словами: «Настройте мне среду для того, чтобы я это сделала», мне говорят: «У нас есть ограничения». При этом при работе с высокочастотными данными мы уже столкнулись с насущной необходимостью задействовать довольно серьезные вычислительные мощности и соответствующие инструменты по работе с

большими данными на вычислительных кластерах университета.

Общаясь с администраторами сетей, программистами вы должны уметь доносить до них то, что вам необходимо. Поэтому нужно осваивать эти инструменты, хотя бы понимать их функционал. Не везде нужно, скажем так, всё самим охватить. Это практически невозможно. Нужно собирать команду. У нас в лаборатории два экономиста и два кандидата технических наук, потому что мы без них не можем. Дело в том, что люди, которые получали математическое/техническое образование, они немножко иначе мыслят, они иначе видят те же самые инструменты и модели. И мы, часто получая определенные результаты с ними, безусловно, их обсуждаем. У нас есть супер-кластер, где есть отдельная команда, которая помогает нам в распараллеливании каких-то расчётов, потому что, когда мы строим модель на больших данных, на одном ядре её не посчитать. Вот и в этом контексте, безусловно, нужно развиваться не только самому, нужно ещё, чтобы с вами была определённая команда, которая готова это поддерживать и развивать.

Политика под знаками эквифинальности, синехизма и преодоления смертности: о пространственно-временном измерении политических явлений

Окунев Игорь Юрьевич

*кандидат политических наук, доцент; ведущий научный сотрудник Института международных исследований, МГИМО МИД России, Москва, Россия
okunev_igor@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0003-3292-9829>*

АННОТАЦИЯ

В очерке, являющемся откликом на статью М. В. Ильина «Фундаментальный вызов. Упущены ли возможности политической науки?» [Ильин, 2024], развиваются тезисы о пространственно-временной природе всего политического и необходимости геохронополитического моделирования для методологического обновления в политической науке. Подобное моделирование затруднительно без обращения к фундаментальным вопросам науки и даже всего нашего существования. Каждого отдельного человека и даже весь человеческий род невозможно понять вне категорий жизни и смерти, начал и концов: камертон смертности задает семиотическое поле всем физиологическим и когнитивным процессам, связанным с ним. Существуют два, казалось бы, исключаящих друг друга подхода, которые в конечном счете интеллектуально встречаются и дополняют друг друга. Людвиг фон Берталанфи выдвинул базовый для понимания жизни и существования вообще принцип эквифинальности, т.е. начала и конца каждого отдельного живого су-

щества. Чарльз Сандерс Пирс предложил не менее фундаментальный принцип синехизма, всеобщей взаимосвязи всех явлений жизни и существования. Один предполагает смертность всего возникающего и существующего, другой — всеобщую взаимосвязь и фактическое преодоление индивидуальной, частной смертности. Единство и дополнительность принципов Берталанфи и Пирса позволяют моделировать всеобщую непрерывность дискретного существования его частных инстанций во времени. Политические явления обретают важные моменты своего смысла во времени. Поэтому и человек, и все гуманитарное и социальное задаются не только пространственными, но и всегда временными параметрами. Концептуализация любых политических понятий — государство, нация, демократия, федерация, столица и т.д. — не как статичных состояний, а как динамических процессов, на порядок усложняет аналитический окуляр политической науки.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

политика, политология, политическая наука, эквифинальность, синехизм, преодоление смертности, пространственно-временное измерение

Politics under the Signs of Equifinality, Synechism and Overcoming Mortality: on the Spatio-temporal Dimension of Political Phenomena

Igor Okunev

PhD in Political Science, Associate Professor, Senior Research Fellow, Institute for International Studies, MGIMO University, Moscow, Russia
 okunev_igor@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0003-3292-9829>

ABSTRACT

In the essay, which is a response to the article by M.V. Ilyin «Fundamental Challenge. Are the Possibilities of Political Science Missed?», theses are developed about the spatio-temporal nature of everything political and the need for geochronopolitical modeling for methodological renewal in political science. Such modeling is difficult without addressing the fundamental questions of science and even our entire existence. Each individual and even the entire human race cannot be understood outside the categories of life and death, beginnings and ends: the tuning fork of mortality sets the semiotic field for all physiological and cognitive processes associated with it. There are two seemingly mutually exclusive approaches that ultimately meet intellectually and complement each other. Ludwig von Bertalanffy put forward the principle of equifinality, i.e. the beginning and end of each individual living being, which is basic for understanding life and existence in

general. Charles Sanders Peirce proposed an equally fundamental principle of synechism, the universal interconnection of all phenomena of life and existence. One assumes the mortality of everything that arises and exists, the other assumes the universal interconnection and the actual overcoming of individual, particular mortality. The unity and complementarity of the principles of Bertalanffy and Peirce allow us to model the universal continuity of the discrete existence of its private instances in time. Political phenomena acquire important moments of their meaning in time. Therefore, both man and everything humanitarian and social are determined not only by spatial, but also always by temporal parameters. The conceptualization of any political concepts — state, nation, democracy, federation, capital, etc. — not as static states, but as dynamic processes complicates the analytical eyepiece of political science by an order of magnitude.

KEYWORDS

politics, political science, political science, equifinality, synechism, overcoming mortality, spatio-temporal dimension

Мой учитель — Михаил Васильевич Ильин, — когда я попросил его помочь акцентировать актуальность моего исследования, как-то заметил: «если что-то актуально, то там уже нечего исследовать» (надеюсь, нынешние студенты и аспиранты прочитают эту фразу адекватно, как парадоксальную шутку). Пожалуй, эту формулу стоит использовать эпиграфом к полифоничному эссе Михаила Васильевича «Фундаментальный вызов. Упущены ли возможности политической науки?». В своем тексте он освобождает нас от диктата актуальности момента. Он то раздвигает, то сужает рамки устоявшихся академических подхо-

дов и обращается к неочевидным вопросам и неожиданным парадоксам. Я с радостью берусь дополнить или оспорить своего учителя, зная, что это его обрадует неожиданный поворот или трактовка его мысли. Это касается и основного тезиса его эссе. Это, казалось бы, простая мысль, для кого-то может даже и банальная, но всё же точно нуждающаяся в уточнении и развитии: политика — это прежде всего процесс, а не только состояние. Она динамична, а значит, развёртывается и познаётся во временном (а точнее, пространственно-временном) континууме.

Может ли политическое явление быть обозначено, концептуализировано и операционализировано вне времени, при допущении, что оно статично и не изменится в следующий момент? Определенно, может, но ценность такой гносеологии невелика. Примерно столько же можно узнать о человеке из его одной фотографии, игнорируя его эволюцию и изменчивость. Человек, его судьба и психология, всё в нём динамично, и эта динамика определяется тем непреложным фактом, что любой человек смертен, более того, как мы помним у Воланда, «внезапно смертен». Человека, его жизненные трансформации нельзя понять не только вне времени, но вне конечного времени, без учета того обстоятельства, что он смертен. Смертность — это главный стимул всей жизни, придающий последней осмысленность и цельность. А человеческая культура, в противовес всему другому биологическому, зиждется на попытке преодоления смерти, желании выскокить за пределы своей временности. Творчеством, любовью, ратным подвигом, славой, безумством — любым способом совместно преодолеть конечность и тленность каждой отдельной особи. Именно этот фактор будет главным объясняющим во всем познании человека. А значит, и всего создаваемого людьми — гуманитарного, включая политику. Скажем сильнее: вечность — это порождение культуры, в том числе, политики. Взаимодействие и взаимопонимание людей, их эмпатия и гуманность становятся средствами преодоления смертности. Они формируют вечность, а значит, и превозносят людской род над обыденным и бессмысленным.

Каждого отдельного человека и даже весь человеческий род невозможно понять вне категорий жизни и смерти, начал и концов: камертон смертности задает семиотическое поле всем физиологическим и когнитивным процессам, связанным с ним. Существуют два, казалось бы, исключаящих друг друга подхода, которые в конечном счете интеллектуально встречаются и дополняют друг друга. Людвиг фон Берталанфи выдвинул базовый для понимания жизни и существования вообще принцип эквифинальности, т.е. начала и конца каждого отдельного живого существа. Чарльз Сандерс Пирс предложил не менее фундаментальный принцип синехизма, всеобщей взаимосвязи всех явлений жизни и существования. Один предполагает смертность всего возникающего и существующего, другой — всеобщую взаимосвязь и фактическое преодоление индивидуальной, частной смертности. Единство и дополнительность принципов Берталанфи и Пирса позволяют моделировать всеобщую непрерывность дискретного существования его частных инстанций во времени.

В современном мире, где сложные системы и их взаимодействия становятся всё более актуальными, важно понимать, как они функционируют. Одним из ключевых понятий в этой области является принцип эквифинальности, предложенный австрийским биологом и системным теоретиком Людвигом Берталанфи. Принцип эквифинальности утверждает, что различные системы могут достигать одного и того же конечного состояния, несмотря на различия в начальных условиях и путях, которыми они следуют. Это означает, что множество различных факторов и обстоятельств могут привести к одинаковым результатам, что имеет важные последствия для понимания как естественных, так и социальных систем. Принцип эквифинальности является важным инструментом для анализа сложных систем, так как он позволяет выявить универсальные закономерности и связи, которые могут быть использованы для предсказания поведения систем в различных условиях. В книге «Общая теория систем» Людвиг Берталанфи [Берталанфи, 1969] подробно описывает, как различные системы, будь то биологические, социальные или технические, могут достигать одинаковых результатов, несмотря на различия в их структуре и динамике. Например, в биологии разные виды организмов могут адаптироваться к одинаковым условиям окружающей среды, используя различные механизмы. Это подчёркивает, что конечный результат — выживание и размножение — может быть достигнут разными путями. Этот пример иллюстрирует, как принцип эквифинальности помогает понять, что в сложных системах не существует единственного правильного пути к успеху. Разные стратегии могут быть эффективными в зависимости от контекста, что подчёркивает важность гибкости и адаптивности в подходах к решению проблем. Таким образом, принцип эквифинальности не только расширяет наше понимание систем, но и предлагает новые перспективы для их анализа и управления, он помогает нам осознать, что разнообразие путей и решений в сложных системах не только возможно, но и необходимо. Это понимание может быть применено в различных областях, от экологии до политики, и способствует более глубокому анализу и эффективному управлению системами.

Синехизм, как философская концепция, предложенная Чарльзом Пирсом, подразумевает, что все элементы реальности («вещи») и моменты действительности («процессы») связаны между собой через отношения, которые можно описать как «связь» или «привязанность» [Пирс, 2020]. Это понятие подчёркивает важность взаимосвязей и взаимодействий в понимании мира, в отличие от изолированных объектов или явлений. Принцип синехизма является ключевым для понимания не только философии, но и многих аспектов человеческой жизни, включая науку, искусство и социальные отношения. Например, в своей семиотике Пирс выделяет три компонента: знак, объект и интерпретант. Эти три элемента не могут быть поняты отдельно, так как их значение и функция зависят от их взаимосвязи. В качестве примера можно привести ситуацию, когда человек видит знак, например, дорожный знак. Этот знак (знак) указывает на определенное действие (объект),

которое должен выполнить водитель (интерпретант). Если рассматривать эти элементы отдельно, мы не сможем понять, как они функционируют в реальной жизни. Таким образом, принцип синехизма подчеркивает, что понимание и интерпретация знаков зависят от контекста и взаимосвязей, в которых они находятся. Этот пример подтверждает, что принцип синехизма важен для понимания не только философских концепций, но и практических аспектов жизни. Взаимосвязи между людьми, культурами и идеями формируют наше восприятие мира и влияют на наше поведение.

Политика не нужна народам, чтобы выживать, она нужна им, чтобы жить. Политика позволяет преодолеть конфликты в обществе, сохранив это сообщество, политика передает общественную мудрость институтам, и те даруют обществу если не вечность, то постоянное преодоление гибели. В этом сплав синехизма и эквифинальности для политики. А значит, политическая наука — это неустанное усвоение возможностей воспроизводства человека и человечности. Вечность и человечность рифмуются.

Политическая наука имеет дело с динамическими явлениями, требующими для их познания моделирования во времени. Обратимся к нескольким примерам.

Является ли демократия состоянием? Политические теоретики бьются десятилетия, чтобы установить черты такого состояния. Другие коллеги пытаются измерить уровень демократии в разных странах, и всё же определить, где начинается и кончается демократия, остаётся невозможным. Другое дело, если взглянуть на демократию, как на процесс или даже вектор, как на демократизацию и контрдемократизацию. Усиление в динамике процесса контроля общества над властью — это и есть демократия (демократизация), а усиление контроля власти над обществом — это не демократия (контрдемократизация). Будучи едва уловимым явлением в статике, во временном измерении демократия становится интуитивно совершенно очевидным понятием.

Другой пример — федерация и федерализм. Федерации в мире столь разнообразны, что едва ли можно создать определение, которое сможет их всех объединить в один тип политико-территориального устройства. И объяснить, почему состоящая из одних автономий Испания — это унитарная страна, а сильно централизованная (не считая Квебека) и ассиметричная Канада — федеративное, оказывается крайне затруднительно. Но федерализм — это процесс конституирования центр-периферийных отношений в государстве. Если они воспроизводят принципы субординации, то есть структуры управления, в которой полномочия распределяются от единого центра к подчинённым элементам, сколько бы ни были самостоятельны единицы такой страны, это будет вариация унитарного принципа. Если же политико-территориальная структура складывается по модели субсидиарности, то есть такой, где полномочия распределяются снизу вверх, от отдельных элементов к единому центру, то она является примером федерализ-

ма. В одну секунду времени невозможно определить, перед вами децентрализованная унитарная страна или централизованная федерация, но приняв унитаризм и федерализм за процессы, их различия явственно проступают.

В статье Ильина есть пример нации как ежедневного плебисцита. Дополним этот образ размышлением об идентичности как ключевой переменной национального строительства. Плебисцит о принадлежности к определённой нации — это и есть воспроизводство национальной идентичности. Но идентичность — это не что-то заложенное в нас, стоит только социологическое зеркало поднести и рассмотреть. Идентичность — это всегда реакция, ответ системы на внешние обстоятельства. Национальная идентичность формируется потому, что политические и социальные институты ее всегда провоцируют, потому что эта реакция становится запрограммированной. В покое одинаково важно то, что человек говорит по-русски и что у него карие глаза, но на ежедневном плебисците он каждый раз отдает предпочтение ассоциации себя с сообществом русскоговорящих, а не кареглазых, потому что социальные обстоятельства делают первого для него судьбоносным, а второе — незначительным. И значит, понять идентичность и нациестроительство вне рамок динамического подхода невозможно.

Еще один близкий автору пример — столица. Если это место расположения органов государственной власти, то и изучать тут нечего, мы же не адресную книгу составляем. Да и учить столицы государств студентам не нужно, мало ли где расположены кабинеты чиновников. Но ведь столица — это, во-первых, про локализацию власти, её пространственную материализацию, во-вторых, про воспроизводство нации через создание её сублимированного образа, и наконец, в-третьих, про установление баланса между центром и регионами, с одной стороны, и между одними регионами и другими, с другой. Всё столицеведение — про динамизм этого процесса, ведь столица — это не город и не место, а функция места, действо, которое это место совершает для государства и нации.

Наконец, государства, как мы помним, это лишь что-то, создающее центростремительные силы, это магниты, притягивающие ресурсы и территории и за счет этого создающие механизмы колоссальных перераспределений сил в обществе. Государство живет, пока действует его магнетизм, то есть тоже является динамическим явлением, а не статическим состоянием.

Конечно, размышление о временной сути всего социального и политического не должно уводить нас от понимания, что время есть измерение пространства, а пространство — это форма всего сущего. Говоря о временном моделировании, мы всегда имеем ввиду пространственно-временное, геохронополитическое моделирование. Государство, столица, граница и все другое — есть формы социально-политического, существующие в пространстве-времени, обусловленные пространством-временем, в конце концов неразрывные от пространства-времени. Поэтому любой анализ в динамике не может игнорировать пространственное из-

мерение объекта исследования, а каждый пространственный анализ должен подразумевать необходимость оценки временных трансформаций.

Данное размышление ни в коем случае не может считаться попыткой предложить хоть сколько-нибудь стройную систему взглядов на политику, политические явления и политическую науку. Весь смысл, который мы хотим донести редкому читателю, дошедшего до этого места в том, что текст М.В. Ильина обратил нас к крайне важному соображению про актуальную политологию. Нисколько не ставя задачу критики современного состояния и истории дисциплины, мы для того, чтобы снять с себя устоявшиеся шоры ученого-политолога, должны отвлечься от того, что политическое существует вне времени. Именно время, причём время смертное, конечное, дает политическому осмысленность и цельность. А значит, без геохронополитического моделирования политические исследования рискуют остаться в эпохе, где на смену фотоаппаратам так и не пришли кинокамеры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Берталанфи Л. фон. Общая теория систем: критический обзор // Исследования по общей теории систем. М.: Прогресс, 1969. С. 23–82.
2. Ильин М.В. Фундаментальный вызов. Упущены ли возможности политической науки? // Полис. Политические исследования. 2024. № 2. С. 8–24. <https://doi.org/10.17976/jpps/2024.02.02>. EDN: AOJEQK
3. Пирс Ч.С. Бессмертие в свете синехизма // МЕТОД : Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин : сб. науч. тр. / РАН, ИНИОН. 2020. № 10. С. 455–460.

REFERENCES:

1. Bertalanfi L. fon. (1969), Obshchaya teoriya sistem: kriticheskij obzor [General systems theory: A critical review], Issledovaniya po obshchej teorii sistem [Research in general systems theory], Moscow: Progress, pp. 23–82. (In Russ.).
2. Ilyin M.V. (2024), A fundamental challenge. Are the affordances of political science being wasted?, Polis. Political Studies, no. 2, pp. 8–24. <https://doi.org/10.17976/jpps/2024.02.02>. EDN: AOJEQK (In Russ.).
3. Pirs Ch.S. (2020), Bessmertie v svete sinekhizma [Immortality in the light of synechism], METOD: Moskovskij ezhegodnik trudov iz obshchestvovedcheskih disciplin: sb. nauch. tr. [METHOD: Moscow yearbook of works from social science disciplines: collection of scientific papers], RAN, INION, no. 10, pp. 455–460. (In Russ.).

Горизонты познания: из метафоры в исследовательский инструмент

Ильин Михаил Васильевич

*доктор политических наук, главный научный сотрудник, Институт Европы РАН, Москва, Россия; главный научный сотрудник, ИНИОН РАН, Москва, Россия
mikhaililyin48@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9969-1259>*

АННОТАЦИЯ

Отклик на эссе Окунева продолжает обсуждение нашей давней шутки об *актуальности* научного исследования и его результатов. Противопоставляются два смысла этого русского термина и его английские эквиваленты. Смысл «пригодность, адекватность» соответствует слову *relevance*. Смыслу «конъюнктурная корректность» подойдет слово *topicality*. Вслед за Шопенгауэром отмечается краткий миг торжества (*ein kurzes Siegesfest*) истины, а также ее способность «действовать далеко и жить долго» (*die Wahrheit wirkt ferne und lebt lange*). Используются сформулированные Тейяром де Шарденом категории познания или видения: центры перспектив субъектов и объектов исследований, их переплетение и взаимное преобразование в ходе исследования, совмещение

исследовательской точки зрения и центра перспективы с естественно выигрышной точкой (*un point naturellement avantageux*) изучаемого феномена, совпадение субъективной точки зрения с объективными конфигурациями феноменов, наибольшая полнота понимания достигается в предельной выигрышной точке — на острие взлетающей стрелы эволюции (*flèche montante de l'Évolution*). Дается интерпретация кантовскому императиву «смей мыслить самостоятельно» (*sapere aude se sponte*) и препятствиям этому в виде «самому себе ввинченной незрелости» (*seiner selbst verschuldeten Unmündigkeit*). Кантовская критика возможностей и ограничений разума позволяет использовать эти ограничения для создания новых возможностей человеческого познания и всех прочих практик.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

релевантность как своевременная пригодность, актуальность как конъюнктурная корректность, пространство-время феноменов и их изучения, точки-моменты исследований, горизонты видения и познания, центры перспектив, внешние и внутренние перспективы, субъекты и объекты исследований, антропный принцип

Expanding and Contracting Horizons of Learning

Mikhail Ilyin

Principal Researcher, Institute of Europe of RAS, Moscow, Russia; Principal Researcher, INION of RAS, Moscow, Russia

mikhaililyin48@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9969-1259>

ABSTRACT

The response to Okunev's essay revives a long time back jovial chit-chat on normative *актуальность* (*actuality*) of scientific research and its results. Two meanings of this Russian term and its English equivalents are contrasted. The sense of "suitability, adequacy" corresponds to the word *relevance*. The meaning "opportunistic correctness" is matched by the word *topicality*. Following Schopenhauer, the focus centers on the short-lived moment of truth's triumph (ein kurzes Siegesfest), as well as its ability to "act far and live long" (die Wahrheit wirkt ferne und lebt lange). The categories of learning formulated by Teilhard de Chardin are explored: centers of perspectives of subjects and objects of research, their intertwining and mutual transformation in the course of research, combination of the research

point of view and the center of perspective with the naturally advantageous point of the phenomenon under study, coincidence of the subjective point of view with the objective configuration of phenomena, the greatest completeness of understanding is achieved at the ultimate advantageous point — at the sharpest point of the mounting arrow of evolution (flèche montante de l'Évolution). An interpretation is given of the Kantian imperative "dare to think on your own" (aude sapere se sponte) and the obstacles to this in the form of "one's self-convicted immaturity" (seiner selbst verschuldeten Unmündigkeit). Kant's critique of the possibilities and limitations of reason allows us to use these limitations to create new possibilities for human cognition and all other practices.

KEYWORDS

relevance as timely validity, topicality as current interest and conjunctural correctness, space-time of phenomena and their study, points-moments of research, horizons of cognition, centers of perspectives, external and internal perspectives, subjects and objects of research, anthropic principle

Меня очень обрадовало ответное эссе моего ученика Игоря Юрьевича Окунева на размышления о возможностях политической, да и всякой науки [Ильин, 2024]. Оказалось, что волновавшие меня вопросы и поиски новых способов преодоления собственного незнания, которыми я когда-то делился с ним, не просто подхвачены, но и получают новое, неожиданное и радующее меня развитие. На полях текста Окунева появилась дюжина пометок. Каждая из них фактически стала приглашением на мой уже отклик в виде вполне полноценной статьи. Написать еще одиннадцать текстов будет, пожалуй, выше моих сил. Приходится выбрать всего лишь одну тему горизонтов познания.

Итак, основное внимание фокусируется на искусстве и науке варьирования рамок исследования и соответствующих изменений горизонтов видения и познания изучаемых феноменов. Все остальные темы эссе И.Ю. Окунева так или иначе, пусть даже и неочевидным образом, связаны с этой проблематикой. Однако пре-

жде, чем обратиться к ней, мне хотелось бы хотя бы вскользь прокомментировать шутку об актуальности, о которой вспомнил мой дорогой ученик.

Парадоксальное замечание о пагубности пресловутой актуальности для исследования связано с тем, что одно и к тому же господствующее ее понимание требует непреложного соответствия результатов исследования доминирующим научным стандартам и истинам, а главное, ожиданиям членов аттестационных комиссий и диссертационных советов. Раз ожидаемо научным и не только научным начальством, значит и актуально. Чтобы быть «актуальным», подстраивайся под общеизвестные образцы лучших научных практик, лови и учитывай господствующие настроения.

Самостоятельные и оригинальные исследования ориентированы на получение нового знания, а не на воспроизведение привычных догматов и затверженных истин. Раз уж мы всерьез взялись выявлять что-то неочевидное и загадочное, пока никем еще не объясненное, то тогда очевидность, ясность и самоуверенность будут только мешать. Неочевидное — это буквально «пока ничими очами еще не увиденное».

На деле мы по привычке смотрим вокруг (описательно) и, увы, реже внутри себя (методологически) в тех ракурсах и масштабах, которые удобны, привычны и понятны и нам, и окружающим. Иными словами, мы склонны искать потерянные в темноте часы под ярко освещающем округу фонарем. Под этим фонарем нам легко разглядеть вплоть до мельчайших деталей очевидное, т.е. видное отчетливо и «правильно». Такая вот привычная «правильность» подавляющему — буквально подавляющему! — большинству «актуально» открывается здесь и сейчас в ярком свете очевидности. Раз такая «актуальность» определяется большинством, будем считать ее социальной.

Иное восприятие целей и ожидаемых результатов исследований, альтернативные подходы к ним характерны для творчески, изобретательно понимаемой «актуальности». Нужно признать, что рано или поздно находятся люди, готовые отправиться в темноту незнания и невидения. Им приходится искать способы рассеять мрак, «просветить» его и увидеть уже в ином, нередко ими же созданном «свете». В результате нечто доселе неочевидное и неизвестное становится понятным и ясным. Подобная удача вполне «актуальна», но уже во втором смысле. Назовем его творческим. Соответствующая «актуальность» связана с адекватностью видения и понимания того, что некогда было темным и непознанным.

Путаницу в использовании термина актуальность можно отчасти объяснить тем, что он похож на английское слово *actuality* скорее по звучанию, чем по смыслу («действительность, фактически происходящее или содеянное»¹⁹). Следовало

19 Наш мир и его онтология двояки. Выделяется их вещная, материальная сторона, которую именуют *реальностью* (*reality, Realität*) и деятельная, образуемая не только действиями людей и жизнедеятельностью организмов, но также действующими силами (*agencies*) космогенеза. Она имену-

бы различать, с одной стороны, привычное признание чего-то важным и не вызывающим возражений и, с другой стороны, фактическую действенность и значимость результатов научного исследования, т.е. их адекватного и, как правило, неожиданного использования. Первый и господствующий смысл по-английски куда как адекватнее выражается английским словом *topicality*, а второй — *relevance*.

Добиться актуальности, а по сути, действительной релевантности и научной значимости результатов исследования крайне трудно. Фактически требуется настоящее открытие — пусть даже локальное и ограниченное. А уж существенное и вообще редкость. В этом случае мы имеем дело с моментом истины.

Момент истины

В интеллектуальной среде нередко можно услышать шутку: всякой истине дарован краткий миг торжества между временами, когда она поначалу воспринимается еще как нелепость («с чего бы это?») или в лучшем случае как неудачный парадокс, а затем объявляется банальностью («кто же этого не знает?»). Она известна в разных версиях, но первым «шутником» был, по всей видимости, Артур Шопенгауэр.

В своем введении к первому изданию «Мира как воли и представления» этот основательный и хитроумный философ после серии шуток о том, как читатель мог бы использовать его труд, объяснил его так сказать актуальность и свои ожидания: «Я с глубокой серьезностью посылаю в мир свою книгу — в уповании, что рано или поздно она дойдет до тех, кому единственно и предназначалась. И я спокойно покоряюсь тому, что и ее в полной мере постигнет та же судьба (*das Schicksal*), которая в каждом познании (*in jeder Erkenntniß*), и особенно в наиболее важном, всегда уготована истине (*der Wahrheit*). Ей суждено лишь краткое победное торжество (*ein kurzes Siegesfest*) между обеими долгими протяженностями времени (*zwischen den beiden langen Zeiträumen*), когда ее отвергают как парадокс и когда ею пренебрегают как тривиальностью».

Свою мысль Шопенгауэр продолжил, как бы взглянув в зеркало: «И первый удел (обвинение в нелепости — М.И.) обыкновенно разделяет с ней ее зачинатель (*ihren Urheber*). Следом он развернулся к читателям и призвал их действовать заодно: «Однако жизнь коротка, а истина действует далеко и живет долго (*die Wahrheit wirkt ferne und lebt lange*): утвердим же истину (*sagen wir die Wahrheit*)» [Schopenhauer, 1819: XVI].

Как бы мы ни называли обнаружение небывалого знания тем или иным исследователем или научным коллективом — истиной, научным открытием или ожидаемыми результатами исследования — миг торжества двояк. Это и личная радость

ется действительность (*actuality, Wirklichkeit*). См. [Ильин, 2002; Ильин, 2005; Ильин, 2010].

первооткрывателя, и трезвое понимание наиболее компетентными коллегами объективной значимости открытия для научного сообщества и огромного числа людей. Чтобы извлечь знание из мрака незнания, где для невежественного наблюдателя оно промелькнет порой неким призраком нелепости, нужно долго работать и смотреть далеко вокруг или внутрь себя самого. Вспомним совет Шопенгауэра — действовать дальше и жить дольше.

Всё было бы хорошо, но уж больно затратно действовать далеко, всё дальше и дальше, а при этом ещё и жить долго, всё дольше и дольше. Причём всё это с высокой степенью риска и без надёжных гарантий на успех. Читатель легко догадается, что разговор переходит к проблеме непризнания («неактуальности» в первом социальном смысле) значимости открытия («актуальности» во втором творческом смысле). И не просто к проблеме, а к возможностям её смягчения, а то и преодоления. Собственно эти возможности уже обозначены в названии эссе — «Расширять и сужать горизонты познания». Исследователь сможет манипулировать с горизонтами своего исследования, используя рамки своего подхода, методологические установки и принципы. Но прежде, чем поговорить об этом конкретнее уместно обратиться к подсказке другого великого ученого — палеонтолога, антрополога и создателя оригинальной, до сих пор значимой и «актуальной» в обоих смыслах концепции космогенеза. Это Пьер Тейяр де Шарден.

Видеть

Пролог к своему «Феномену человека» Тейяр назвал всего одним словом: *Voir* — *Видеть*. В нем много важных афористичных и ёмких мыслей, однако главным достижением стало наглядное объяснение, как погруженные во мрак незнания люди могут добиться просветления и обрести критически важное, «актуальное» видение. Цитата будет длинной, но она стоит того. Даже в переводе она звучит изысканно красиво: «Видеть. Можно сказать, что в этом вся жизнь, если не в конечном счете, то по существу. Существовать полнее — это всё больше объединяться: таково резюме и итог данного произведения. Но, как это будет показано, единство возрастает лишь на основе возрастания сознания, то есть видения (*par un accroissement de conscience, c'est-à-dire de vision*). ... Прежде всего субъективно, для самих себя, мы неизбежно — *центр перспективы*. В силу неизбежной на первых порах наивности наука прежде воображала, будто бы она может наблюдать явления в себе (*les phénomènes en soi*) такими, какими они протекают независимо от нас. Инстинктивно физики и натуралисты вначале действовали так, как будто их взгляд сверху падает на мир, а их сознание проникает в него, не подвергаясь его воздействию и не изменяя его. Теперь они начинают сознавать, что даже самые объективные их наблюдения целиком пропитаны принятыми ис-

ходными посылками, а также формами или навыками мышления, выработанными в ходе исторического развития научного исследования (*des formes ou habitudes de pensée développées au cours du développement historique de la Recherche*). ... Объект и субъект переплетаются и взаимопреобразуются в акте познания (*Objet et sujet s'épousent et se transforment mutuellement dans l'acte de connaissance*). Вольно-невольно (*Bongré malgré*) человек опять приходит к самому себе и распознает самого себя во всем, что видит (*se retrouve et se regarde lui-même dans tout ce qu'il voit*). Вот неволя, которая, однако, тут же компенсируется определенным и единственным в своем роде величием (*Voilà bien une servitude, mais que compense immédiatement une certaine et unique grandeur*). То, что наблюдатель, куда бы он ни шел, переносит с собой центр проходимой им местности,— это довольно банальное и, можно сказать, независимое от него явление. Но что происходит с прогуливающимся человеком, если риски его движения (*si les hasards de sa course*) приводят в естественно выигрышную точку (*un point naturellement avantageux*) (пересечение дорог или долин), откуда не только взгляды, но и сами вещи расходятся в разные стороны? Тогда субъективная точка зрения совпадает с объективным расположением вещей, и восприятие обретает всю свою полноту (*Alors, le point de vue subjectif se trouvant coïncider avec une distribution objective des choses, la perception s'établit dans sa plénitude*). Местность расшифровывается и озаряется (*Le paysage se déchiffre et s'illumine*). Мы видим (*On voit*)» [Teilhard de Chardin, 1956: 25–28].

Самое главное, однако, как Тейяр завершает свой пролог. Он чеканно формулирует и предназначение человека, и указывает на способ его обретения: «Человек — не статический центр мира, как он долго полагал, а ось и вершина эволюции, что намного прекраснее (*L'Homme, non pas centre statique du Monde, — comme il s'est cru longtemps; mais axe et flèche de l'Évolution, — ce qui est bien plus beau*)» [Teilhard de Chardin, 1956: 30]. Нам с вами дано стать одновременно и центром, и осью, и острием стрелы. Тейяр не раз использует образ взлетающей стрелы, например, называя человека «взлетающей стрелой великого биологического синтеза (*flèche montante de la grande synthèse biologique*)» [Teilhard de Chardin, 1956: 152].

Текст Тейяра де Шардена скорее напоминает вольное эссе или даже проповедь (Тейяр был духовным лицом). Однако в процитированных извлечениях немало важных указаний, которые получают развитие в книге и которые крайне полезны для нашего основного вопроса об искусстве и науке варьирования рамок исследования и соответствующих изменений горизонтов видения и познания изучаемых феноменов.

Вот лишь краткое обобщение: наше предназначение и вызов существовать полнее на основе возрастания сознания, т.е. видения, мы, люди центр перспективы, субъект и объект переплетаются и взаимопреобразуются в акте познания,

человек опять приходит к самому себе и распознает самого себя во всем, что видит, мы переносим с собою центр нашего видения и, добавлю — М.И., горизонты этого нашего видения, преодолевая все риски своего движения (исследования — М.И.) мы совмещаем своей центр с естественно выигрышной точкой, субъективная точка зрения совпадает с объективным расположением вещей, и восприятие обретает всю свою полноту, наибольшая полнота достигается в предельной выигрышной точке — на острие взлетающей стрелы эволюции.

Теперь после этого обобщения мы можем двинуться дальше. Но прежде понадобится вспомнить о другом немецком философе, с которым яростным спорил Шопенгауэр, об Иммануиле Канте. Подобные споры естественны и продуктивны, поскольку их участники могут быть по-своему правы. И сама действительность, и ее понимание пластичны и изменчивы, многообразны и многослойны. Уверен, что оба согласились бы, что сам познающий разум должен прежде всего критически оценить и исправить сам себя (см. прекрасную статью [Круглов, 2023]). Так что теперь настает время критики собственного разума, которые позволяют выявить ограничения своей исследовательской программы и превратить их в возможности и открывать новые горизонты познания.

Горизонты познания как ограничения и возможности

В нашей работе со своей точкой зрения и с точкой выигрышных конфигураций видения, с прорисовывающимся в результате горизонте видения нам следует не обманывать себя самих. И первый совет или даже требование нам высказывает Кант: «выйти из состояния самому себе ввинённой незрелости (*aus seiner selbst verschuldeten Unmündigkeit*). Кант сразу же поясняет им самим изобретенное трудное понятие самому себе ввинённой незрелости: «Эта незрелость является неспособностью пользоваться своим умом без руководства со стороны кого-то другого. Самоввинённой является такая незрелость, причина которой в нехватке не разума, а решимости и мужества пользоваться им без руководства со стороны кого-то другого. *Sapere aude!* — имей мужество пользоваться собственным умом!». Таким образом, творческие усилия исследователей предполагают решимость найти способы видения и понимания непроясненных проблем. Робость и нерешительность или по Канту самоввиненная незрелость препятствуют этому.

Никогда не забуду фразы нашей преподавательницы готского и древнеанглийского Ольги Александровны Смирницкой²⁰: «Для занятия наукой нужна известная

20 Посмотрите хотя бы Википедию, а лучше интервью о том, как Ольга Александровна стала переводчицей «Младшей Эдды» и скальдической поэзии: Смирницкая О.А. Переводчиком я стала по стечению обстоятельств // Norroen.info. [Электронный ресурс]: URL: <https://norroen.info/articles/smirn/interview.html> (дата обращения: 11.06.2025); Ольга Смирницкая: «Любой историко-филологический сюжет — это детектив» // Arzamas.academy. [Электронный ресурс]:

доля наглости». Очень точные слова. Конечно, это была такая же шутка, как и обсуждение актуальности с И.Ю. Окуновым. Сама прекрасный филолог, великолепный германист и скандинавист, дочь выдающегося лингвиста А.И. Смирницкого, буквально выросшая в филологической среде, прекрасно знала и культивировала то самое качество, которое назвала известной долей наглости. Благодаря уточнению известная доля наглость очищалась от грубости и бесцеремонности, но сохраняла дерзость и решимость. К ним, естественно, добавлялся такт и уважительность. Такую комбинацию мы с друзьями усваивали от Ольги Александровны и других наших учителей на филфаке МГУ, где корректная и тактичная «наглость» была нормой научного общения. Правда нынче уже в иной среде с иными нравами мою наглость порой могут воспринять как мегаломанию или что-то похуже. Тут уж, каюсь, мне не хватает аккуратности и дипломатичности, которых мне, видимо, недостаёт, или которые перекрываются порывистостью и запальчивостью.

Как бы то ни было, шокировавший некогда публику своею наглостью кантовский императив «смей мыслить самостоятельно» (*sapere aude se sponte*) дабы преодолеть «самому себе ввинённую незрелость» (*aus seiner selbst verschuldeten Unmündigkeit*) ныне воспринимается уже как вполне допустимое чудачество. Остаются, однако, открытыми вопросы, как это сделать, за счет чего обеспечивается самостоятельность, каковы пределы соответствующих возможностей, как их использовать и развивать. Точно также не вполне ясны опасности и подвохи незрелости, её пределы и, самое главное, способы ввинения. Конечно, какие-то подсказки можно найти у самого Канта, у кантоведов и эпистемологов. В первую очередь это три кантовских критики, а также только намеченная обобщающая критика всего комплекса человеческих способностей и возможностей в виде трансцендентальной антропологии.

Настоятельно требуется, однако, нечто более конкретное, практичное и инструментальное, а именно не просто критика человеческих способностей как таковых, а скорее выявление, моделирование и анализ их внешних и внутренних ограничений, разного рода подвохов и прочих источников искажений и сбоев человеческого творчества. На нынешнем этапе развития науки условно субъектные человеческие способности дополняются условно объектными возможностями (*affordances*)²¹, включая, например, крайне модный и «актуальный», но по боль-

URL: <https://arzamas.academy/mag/1091-smirn?ysclid=mbqdzaxada804675991> (дата обращения: 11.06.2025).

21 Полтора-два поколения назад началось поначалу робкое обсуждение возможностей (*affordances*, *Aufforderungen*, *Anbietungen*, etc.) действия и развития, пригодности и эргономичности помимо привычных объективных причин и субъективных способностей [Gibson, 1979; Costall, 1995; Wells, 2002; Withagenet et al., 2012; Rietveld, Kiverstein, 2014, etc.]. Ныне налицо уже революция изучения возможностей в самых разных областях от инженерии и социальных исследований до когнитивистики и компьютерных наук [Blin 2016; Covarrubias, Cabrera, Jiménez, Costall, 2017; Heras-Escribano, De Pinedo-García, 2018; Araújo D. et al., 2019; Heras-Escribano, 2020; Pyysiäinen, 2021; de

шей части однобоко и превратно трактуемый искусственный интеллект (ИИ). Такая, например, ключевая задача как гуманизация ИИ через его последовательную и адекватную domestикацию²², а также ответную и ответственную самодоместикацию людей зачастую ускользает из поля зрения.

Во всяком случае перспективы развития и укоренения критического мышления и самостоятельного творчества предполагают развитие новых гибких комплексов способностей и возможностей людей регулировать горизонты своего познания и деятельности. Опорным моментом прежде всего становится превращение ограничений в средство подобного регулирования. Это предполагает создание прагматических диспозиций центров перспектив субъектов и объектов исследовательских взаимодействий, их динамических развёртываний и трансформаций для совмещения исследовательской точки зрения и центра перспективы с естественно выигрышной точкой изучаемого феномена.

Подобного рода работу можно показать следующим незамысловатым и как будто «наивным» образом. Вообразим исследователя, условного «наблюдателя», который стремится увидеть и понять нечто «неочевидное» или скрытое горизонтом познания. Можно напрячь воображение и раздвинуть пространственный или темпоральный горизонты. Сложно, затратно и не слишком надёжно. А можно самому переместить свой центр перспективы ближе к некому предпочтительному сектору горизонта. Горизонт раздвинется направленным образом и откроет специально определённые пространственно-временные области наблюдения. Можно сочетать несколько подобных попыток, добавив еще манипуляции в внешними и внутренними горизонтами. Серия подобных манипуляций обернётся многомерным моделированием специально сконструированного и целенаправленно осваиваемого пространства-времени. Если исследовательский вопрос был удачен, замысел продуман и параметры трансформаций отлажены в прежде «невидимых» или «затемненных» секторах изучаемого явления модель «высветит» с той или иной точностью и детализацией то, что было проблематично и представляло исследовательский интерес.

Может создаться впечатление, что обсуждение инструментализации метафоры горизонта — географической в своей основе — подошло или подходит к концу. Всего-то и дел: перемещай место своего положения, двигайся к горизон-

Gregorio G.A. et al., 2022; Hirota, Saigo, Taguchi, 2024, etc.].

22 Феномен domestикации на наших глазах переживает новое понимание, фактически научное переоткрытие. Domestикация уже не сводится к приручению животных или к культивации диких растений, а касается включения живых существ и экосистем в процессы антропоцена. Человек также domestикаруется и тем самым стремительно эволюционирует. Происходит интеграция создаваемых людьми месторазвитий с биоценозами разнородными сетями — вплоть до глобальных — естественных и искусственных акторов, переживающих индивидуацию и даже индивидуализацию, обретение личностных характеристик. Это пока только поверхностно регулируемый процесс, остающийся стихийным, противоречивым и крайне опасным.

ту, отодвигай его все дальше и дальше, чтобы преодолеть риски своего движения (*les hasards de sa course*) и достичь естественно выигрышную точку (*un point naturellement avantageux*), где субъективная точка зрения исследователя совпадает с объективными конфигурациями изучаемого феномена.

Казалось бы, всё складывается по Тейяру. Сохраняется вся его образная метафорика, исходно пространственная и даже географическая — вспомним об образе сбегающих в выигрышную точку дорог и долин. Однако даже беглые и поверхностные комментарии этого эссе довольно заметно инструментализируют исходную метафору. Напомню, что горизонты умножаются и трансформируются, разделяются на внешние и внутренние. Эти и другие уточнения подсказаны образным языком Тейяра де Шардена. Он не стесняется придавать метафорические формы своим строго научным построениям. В своём предисловии к «Феномену человека», ещё перед Прологом «Видеть», автор сразу же подчеркивает, что цель его труда «обнаружить между элементами Вселенной не систему онтологических и причинно-следственных связей, а экспериментальный закон повторяемости (*une loi expérimentale de récurrence*), выражающий их последовательное появление в течение Времени» [Teilhard de Chardin, 1956: 21].

Здесь каждое слово значимо. Вместо абстрактной онтологической системы («вещей») экспериментальный (!) закон, но не сам по себе, а лишь выражающий (!) нечто исходное — появление феномена человека в ходе эволюции (действительные и действенные процессы). Что касается внешних и внутренних горизонтов, то базовыми образами и когнитивными инструментами становятся категории внешнего (*le dehors*) и внутреннего (*le dedans*), радиальной и тангенциальной энергий. Однако самое важное, пожалуй, в том, что привычные и наглядные образные картинки нашей повседневности трансформируются в сложные и трудные для восприятия эволюционные категории. Конечно, и для них тоже Тейяр находит метафорические образы. Напомню о превращении центра наблюдения в острие взлетающей стрелы эволюции.

Горизонты планетные и космические

Главное превращение связано с радикальным изменением логики мышления и образности видения. Люди обретают их по мере повзроствления, накопления успехов в дерзком преодолении самим себе ввинённой незрелости. Такое повзроствление Тейяр связывает с обретением качественно новых способностей: «Что делает и категоризует человека «современным» (*moderne*), — а в этом смысле многие наши современники (*contemporains*) вовсе не современны, — так это способность видеть не только в пространстве, не только во времени, но и в длительности (*la Durée*), — или, что одно и то же, в биологическом пространстве-времени

(l'Espace-Temps biologique); — и более того обнаружить себя неспособным видеть что-либо никак иначе — никак, *начиная с самих себя*» [Teilhard de Chardin, 1956: 242–243].

Современное или зрелое научное видение таким образом предотвращает возможность увидеть себя и мир в искаженном, упрощенном и статичном виде. Жизнь и история не одномерны. Окружающий мир не плосок и двухмерен. Всеохватная длительность в бесконечной череде поворотов и сворачиваний — вспомните экспериментальный закон рекуррентности — обретает свои меняющиеся пространственно-временные конфигурации. Человек неустанно и бесконечно перемещается следом за меняющимися — расширяющимися или сворачивающимися горизонтами, «оболочками внутри оболочек», чтобы охватить своим видением и пониманием свой мир. Это мир, который свертывается (*un Monde que s'enroule*). Еще один образ и одновременно четкая формулировка. Точно также, как наше собственное видение себя, на острие взлетающей стрелы эволюции становится образным и точным пониманием антропного принципа.

Как же разглядеть мир и себя в условиях пространственно-временной длительности и в мире, который свертывается? Тут конфигурация привычного плоского мира с единственным центром теряет всякий смысл. Привычные географические карты становятся обманчивыми, а их некритическое использование превратным и порою опасным. Даже знаменитая гравюра Камиля Фламмарiona выглядит уже крайне наивной и примитивной даже при том, что именно она стала одной из первых попыток выглянуть наружу из плоского мира и увидеть множество включающих друг друга сферических миров.

В мире, который свертывается, многочисленные центры перспектив образуют взаимные и так же свертывающиеся сети. Точнее, это не фиксированные сеетеобразные структуры, а потоки возникающих и тут же трансформирующихся полярностей. Один и тот же объект, одна и та же точка становится то центром, то периферией, то образуют связь с одним партнером, то с другим. Можно сказать, что противопоставление центров и периферий превращается в различение агентов, способных с разными партнерами сыграть роль то центра, то периферии. Центры и периферии как бы растворяются в свертывающихся сетях центр-периферийной полярности²³.

Соответствующие сети по удачной формулировке Йеспера Хоффмайера об-

23 Идея центр-периферийной полярности стала последним и самым великим открытием Стейна Роккана, увы, так и незавершенным. Участники затеянного им проекта по центр-периферийному моделированию столетнего политического развития Европы (1880–1980) после его смерти так и не смогли довести этот проект до конца. С трудом были собраны, обработаны и опубликованы лишь некоторые начальные материалы исследований [Rokkan et al., 1987], включая программный набросок инициатора проекта [Rokkan, 1987; Роккан, 2006]. К счастью данная концепция не забыта. В отечественной политической науке, например, недавно вышла весьма содержательная и полезная публикация [Захарова, 2025].

разуют многомерные и изменяющиеся «оболочки внутри оболочек» [Hoffmeyer, 1998] не только в биосфере. Именно таким образом через череду свёртываний и развёртываний происходят процессы эволюции мироздания в целом от галактик и элементарных частиц до живых организмов и социальных образований [Ильин, 2023]. Вообразить и представить подобные пространственно-временные превращения крайне трудно. Это будет что подобное свёртыванию с выворачиванием уже не отдельной ленты Мёбиуса, а сфер, развёрнутых во времени в подобие изгибающихся и выкручивающихся наизнанку тоннелей. У меня лично для этого фантазии не хватает. Однако они могут математически моделироваться как многообразия (manifolds) в терминах бран различной размерности, предлагаемых М-теорией.

Возможно, со временем ученики наших учеников будут без особых затруднений моделировать географические, политические или геополитические процессы как скручивающиеся и раскручивающиеся многообразия. Однако для этого нужно основательно потрудиться уже сейчас. Для начала по своему дерзкому выбору отправиться в неизведанное за поисками неочевидного, чтобы там сквозь риски своего движения (*les hasards de sa course*) достичь естественно выигрышной точки (*un point naturellement avantageux*). Потом усложнить задачу, найти связи с другими исследованиями. По пути вспоминать своих учителей, их провоцирующую «наглость» и настойчивую критику и себя, и своих учеников. А может быть вспомнить и шутку об актуальности в первом номере журнала “Terra Politica”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

- Захарова Е.А. Центр-периферийные отношения в электоральных процессах: Франция и Германия. М.: Аспект пресс, 2025. 240 с.
- Ильин М.В. «Объективность» реальности и «субъективность» действительности. Краткий комментарий к статьям М. Вебера и К. Палонена // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. 2010. № 1. С. 434–437.
- Ильин М.В. Между вещами и смыслами: Основания концепт-анализа // Принципы и направления политических исследований. М.: РОССПЭН, 2002. С. 161–183.
- Ильин М.В. Феномен политического времени // Полис. Политические исследования. 2005. № 3. С. 5–20.
- Ильин М.В. Модели свертывания и развертывания во всеобщей эволюции мироздания // МЕТОД: Московский ежеквартальник трудов из обществоведческих дисциплин. 2023. Вып. 13. Т. 3. № 4. С. 174–209. DOI: 10.31249/metod/2023.04.10
- Ильин М.В. Фундаментальный вызов. Упущены ли возможности политической науки? // Полис. Политические исследования. 2024. № 2. С. 8–24. <https://doi.org/10.17976/jpps/2024.02.02>. EDN: AOJEQK
- Круглов А.Н. О понятии критики и о критическом методе у Канта // Философия. Журнал высшей школы экономики. 2023. Т. 7. № 2. С. 225–260.
- Роккан С. Центр-периферийная полярность // Политическая наука. 2006. №. 4. С. 73–101.
- Araújo D. et al. (2019), The empowering variability of affordances of nature: Why do exercisers feel better after performing the same exercise in natural environments than in indoor environments?, *Psychology of Sport and Exercise*, vol. 42, no. 2, pp. 138–145.
- Blin F. (2016), The theory of affordances // *Language-learner computer interactions: Theory, methodology and CALL applications*,

- eds. Caws C., Hamel M.-J., Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, pp. 41–64.
11. Costall A. (1995), Socializing affordances // *Theory & Psychology*, vol. 5, no. 4, pp. 467–481.
 12. Covarrubias P. et al. (2017), The ecological revolution: The senses considered as perceptual systems, 50 Years Later, part 2, *Ecological Psychology*, vol. 29, no. 3, pp. 161–164.
 13. de Gregorio G.A. et al. (2022), Affordances y ciencia cognitiva: Introducción, teoría y aplicaciones, Madrid: Tecnos, 509 p.
 14. Gibson J.J. (1979), *The Ecological Approach to Visual Perception*, Boulder, CO: Taylor & Francis, 346 p.
 15. Heras-Escribano M. (2020), The evolutionary role of affordances: ecological psychology, niche construction, and natural selection, *Biology & Philosophy*, vol. 35, no. 2, pp. 1–27.
 16. Heras-Escribano M., De Pinedo-García M. (2018), Affordances and landscapes: Overcoming the nature–culture dichotomy through niche construction theory, *Frontiers in psychology*, vol. 8, article 2294.
 17. Hirota R., Saigo H., Taguchi S. (2024), Reality of Affordances: A Category-Theoretic Approach, *ALIFE 2024: Proceedings of the 2024 Artificial Life Conference*, Cambridge, MA: MIT Press, Paper No: isal_a_00805, 71; 10 p.
 18. Hoffmeyer J. (1998), Surfaces inside surfaces. On the origin of agency and life, *Cybernetics & Human Knowing*, vol. 5, no. 1, pp. 33–42.
 19. Pyysiäinen J. (2021), Sociocultural affordances and enactment of agency: A transactional view, *Theory & psychology*, vol. 31, no. 4, pp. 491–512.
 20. Rietveld E., Kiverstein J. (2014), A rich landscape of affordances, *Ecological psychology*, vol. 26, no. 4, pp. 325–352.
 21. Rokkan S. et al. (1987a), Center periphery structures in Europe: an ISSC workbook in comparative analysis, Frankfurt a. M.; N.Y.: Campus Verlag, 1987, 483 p.
 22. Rokkan S. The center-periphery polarity (1987b), Center periphery structures in Europe: an ISSC workbook in comparative analysis, Frankfurt a. M.; NY.: Campus Verlag, pp. 17–50.
 23. Schopenhauer A. (1819), *Die Welt als Wille und Vorstellung*, Erster Band, Leipzig: Brockhaus, XVI S. + 725 p.
 24. Teilhard de Chardin P. (1956), *Le Phénomène Humain*, Paris: Éditions du Seuil, 348 p.
 25. Wells A.J. (2002), Gibson's affordances and Turing's theory of computation, *Ecological psychology*, vol. 14, no. 3, pp. 140–180.
 26. Withagen R. et al. (2012), Affordances can invite behavior: Reconsidering the relationship between affordances and agency, *New ideas in psychology*, vol. 30, no. 2, pp. 250–258.

REFERENCES:

1. Araújo D. et al. (2019), The empowering variability of affordances of nature: Why do exercisers feel better after performing the same exercise in natural environments than in indoor environments?, *Psychology of Sport and Exercise*, vol. 42, no. 2, pp. 138–145.
2. Blin F. (2016), The theory of affordances // *Language-learner computer interactions: Theory, methodology and CALL applications*, eds. Caws C., Hamel M.-J., Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, pp. 41–64.
3. Costall A. (1995), Socializing affordances // *Theory & Psychology*, vol. 5, no. 4, pp. 467–481.
4. Covarrubias P. et al. (2017), The ecological revolution: The senses considered as perceptual systems, 50 Years Later, part 2, *Ecological Psychology*, vol. 29, no. 3, pp. 161–164.
5. de Gregorio G.A. et al. (2022), Affordances y ciencia cognitiva: Introducción, teoría y aplicaciones, Madrid: Tecnos, 509 p.
6. Gibson J.J. (1979), *The Ecological Approach to Visual Perception*, Boulder, CO: Taylor & Francis, 346 p.
7. Heras-Escribano M. (2020), The evolutionary role of affordances: ecological psychology, niche construction, and natural selection, *Biology & Philosophy*, vol. 35, no. 2, pp. 1–27.

8. Heras-Escribano M., De Pinedo-García M. (2018), Affordances and landscapes: Overcoming the nature–culture dichotomy through niche construction theory, *Frontiers in psychology*, vol. 8, article 2294.
9. Hirota R., Saigo H., Taguchi S. (2024), Reality of Affordances: A Category-Theoretic Approach, *ALIFE 2024: Proceedings of the 2024 Artificial Life Conference*, Cambridge, MA: MIT Press, Paper No: isal_a_00805, 71; 10 p.
10. Hoffmeyer J. (1998), Surfaces inside surfaces. On the origin of agency and life, *Cybernetics & Human Knowing*, vol. 5, no. 1, pp. 33–42.
11. Ilyin M.V. (2002), Between things and meanings: Foundations of concept analysis, Principles and directions of political research, Moscow: ROSSPEN, pp. 161–183. (In Russ.).
12. Ilyin M.V. (2024), Fundamental Challenge. Are the Opportunities of Political Science Missed?, *Polis. Political Studies*, no. 2, pp. 8–24. <https://doi.org/10.17976/jpps/2024.02.02>. EDN: AOJEQK (In Russ.).
13. Ilyin M.V. (2023), Models of folding and unfolding in the general evolution of the universe, *METHOD: Moscow quarterly of works from social science disciplines*, iss. 13, vol. 3, no. 4, pp. 174–209. DOI: 10.31249/metod/2023.04.10 (In Russ.).
14. Ilyin M.V. (2010), “Objectivity” of reality and “subjectivity” of reality. Brief commentary on the articles by M. Weber and K. Palonen, *METHOD: Moscow yearbook of works from social science disciplines*, no. 1, pp. 434–437. (In Russ.).
15. Ilyin M.V. (2005), Phenomenon of political time, *Polis. Political studies*, no. 3, pp. 5–20. (In Russ.).
16. Kruglov A.N. (2023), On the concept of criticism and the critical method in Kant, *Philosophy. Journal of the Higher School of Economics*, vol. 7, no. 2, pp. 225–260. (In Russ.).
17. Pyysiäinen J. (2021), Sociocultural affordances and enactment of agency: A transactional view, *Theory & psychology*, vol. 31, no. 4, pp. 491–512.
18. Rietveld E., Kiverstein J. (2014), A rich landscape of affordances, *Ecological psychology*, vol. 26, no. 4, pp. 325–352.
19. Rokkan S. et al. (1987a), Center periphery structures in Europe: an ISSC workbook in comparative analysis, Frankfurt a. M.; N.Y.: Campus Verlag, 1987, 483 p.
20. Rokkan S. (1987b), The center-periphery polarity, Center periphery structures in Europe: an ISSC workbook in comparative analysis, Frankfurt a. M.; NY.: Campus Verlag, pp. 17–50.
21. Rokkan S. (2006), The center-periphery polarity, *Political Science (RU)*, no. 4, pp. 73–101. (In Russ.).
22. Schopenhauer A. (1819), *Die Welt als Wille und Vorstellung, Erster Band*, Leipzig: Brockhaus, XVI S. + 725 p.
23. Teilhard de Chardin P. (1956), *Le Phénomène Humain*, Paris: Éditions du Seuil, 348 p.
24. Wells A.J. (2002), Gibson's affordances and Turing's theory of computation, *Ecological psychology*, vol. 14, no. 3, pp. 140–180.
25. Withagen R. et al. (2012), Affordances can invite behavior: Reconsidering the relationship between affordances and agency, *New ideas in psychology*, vol. 30, no. 2, pp. 250–258.
26. Zakharova E.A. (2025), Center-periphery relations in electoral processes: France and Germany. Moscow: Aspect press, 240 p. (In Russ.).

AD

HO

Ad hoc (*лат.* «к этому») —
«для данного случая», «специально для этого»

C

terra politica

Электоральная география Республики Беларусь: современные тенденции

Альтман Лев Леонидович

магистрант Факультета международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
altman.2001@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-4061-9884>

Кондрин Максим Дмитриевич

аспирант Факультета политологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
kondinmaxim@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0004-3041-5677>

АННОТАЦИЯ

- Исследование восполняет пробел в изучении электоральной географии Беларуси, особенно после реформ 2020–2025 гг., сокративших число партий с 15 до 4 и усиливших централизацию власти.
- Выявление пространственных закономерностей электоральных процессов на уровне административно-территориальных единиц (АТЕ) первого порядка в ходе электорального цикла 2020–2025 гг.
- Применен геоинформационный анализ (QGIS 3.40) данных ЦИК Беларуси по выборам 2024–2025 гг., включая картограммы и картодиаграммы для визуализации явки, поддержки кандидатов и партийной принадлежности депутатов.
- Подтвержден раскол «Северо-Запад — Юго-Восток»: юго-восточные АТЕ (Гомельская, Могилевская обл.) — ядро поддержки Лукашенко А.Г. (корреляция роста явки и его голосов > 90%), тогда как Минск и северо-западные регионы демонстрируют абсентеизм и протестное голосование («против всех»). Город Минск — наиболее оппозиционный регион (явка на президентских выборах 2025 г. — минимальная).
- Проведен кросстемпоральный анализ электоральных тенденций после конституционной реформы 2022 г. и законодательных изменений 2023 г., выявлена роль новых факторов в поддержке кандидатов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

электоральная география, Республика Беларусь, пространственный анализ, административно-территориальные единицы, явка избирателей, раскол «Запад-Восток»

ГЕОТЕГИ:

Минск, Республика Беларусь, Восточная Европа

UDC 324
DOI 10.63115/3750.2025.88.90.009

APPLIED RESEARCH ARTICLE

Electoral Geography of the Republic of Belarus: Current Trends

Lev Altman

graduate student of the School of International Relations, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia
altman.2001@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-4061-9884>

Maksim Kondrin

postgraduate student of the Faculty of Political Science, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia
kondinmaxim@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0004-3041-5677>

ABSTRACT

- The study addresses the gap in Belarusian electoral geography research, particularly after the 2020–2025 reforms that reduced political parties from 15 to 4 and intensified power centralization.
- To identify spatial patterns of electoral processes at the first-level administrative-territorial units (ATUs) during the 2020–2025 electoral cycle.
- GIS analysis (QGIS 3.40) of Belarus CEC data on the 2024–2025 elections, using choropleth maps and cartodiagrams to visualize turnout, candidate support, and deputies' party affiliation.
- Confirmed a “Northwest–Southeast” divide: Southeast ATUs (Gomel, Mogilev regions) form the core of support for A.G. Lukashenko (correlation between turnout increase and his votes > 90%), while Minsk and Northwestern regions show absenteeism and protest voting (“against all”). Minsk city is the most opposition-oriented region (lowest 2025 presidential turnout).
- Cross-temporal analysis of electoral trends post-2022 constitutional reform and 2023 legislative amendments, revealing the new factors of candidates support.

KEYWORDS:

electoral geography, Republic of Belarus, spatial analysis, administrative-territorial units, voter turnout, «East–West» divide

GEOTAGS:

Minsk City, Republic of Belarus, Eastern Europe

Введение

В период с 2020 по 2025 год произошли значительные изменения в законодательстве Республики Беларусь. Были внесены изменения в законы Республики Беларусь «Об основах гражданского общества» [Об основах гражданского общества, 2023], «Об общественных объединениях» [Об общественных объединениях, 2023], «О политических партиях» [О политических партиях, 2023], «О массовых мероприятиях» [О массовых мероприятиях, 2023], «Об обращениях граждан и юридических лиц» [Об обращениях граждан и юридических лиц, 2023], «О средствах массовой информации» [О средствах массовой информации, 2023].

Наиболее значительным с точки зрения пространственного анализа стали поправки к закону «О политических партиях», внесенные в 2023 году. Изменение данного закона привело к сокращению числа официально зарегистрированных в Министерстве юстиции Республики Беларусь политических партий.

До вступления в силу поправок к уже упомянутому закону, на территории Республики Беларусь было зарегистрировано 15 политических партий, процедуру же перерегистрации после поправок прошли лишь четыре партии: Либерально-Демократическая партия Беларуси (ЛДПБ), Коммунистическая партия Беларуси (КПБ), Республиканская партия Труда и Справедливости (РПТС), а также Белорусская партия «Белая Русь», которая была создана в 2023 году.

Данные факты говорят о значительных изменениях в электоральном ландшафте страны не только на общегосударственном уровне, но и на уровне административно-территориальных единиц (АТЕ).

Целью работы является выявление особенностей динамики электоральных процессов в Республике Беларусь в ходе электорального цикла 2020–2025 годов.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- 1) Провести периодизацию преобразования политической системы Республики Беларусь;
- 2) Картографически визуализировать электоральные процессы в АТЕ первого уровня Республики Беларусь;
- 3) Осуществить кросстемпоральное сравнение электоральных показателей АТЕ первого уровня Республики Беларусь.

Гипотезами исследования являются:

1. граждане проявляют большую степень участия в ходе выборов Президента, чем в ходе выборов депутатов Палаты представителей;
2. город Минск остается наиболее оппозиционным АТЕ первого уровня страны;
3. увеличение количества избирателей в АТЕ ведет к увеличению явки на выбо-

рах;

4. увеличение явки на выборах происходит за счет сторонников Лукашенко А.Г.;
5. ядром поддержки Лукашенко А.Г. являются юго-восточные АТЕ первого уровня;
6. в стране присутствует разделение типа «Запад-Восток» по признаку поддержки Лукашенко А.Г.

Исходные предпосылки

Региональные исследования в Республике Беларусь начали зарождаться в 1990-х годах, с момента обретения государством независимости. Большинство исследований было посвящено изучению экономики белорусских регионов, региональной политики, однако в это же время возникают и социально-политические исследования регионов Беларуси ввиду насыщенности политической обстановки в стране [Александренков, 2006].

Наиболее богатый материал по социально-политическим исследованиям в регионах Республики Беларусь представлен в изданиях Института социально-политических исследований при Администрации Президента Республики Беларусь (ИСПИ), Института социологии НАН Беларуси, Центра социологических и политических исследований БГУ (ЦСПИ БГУ). Среди негосударственных центров выделялся Независимый институт социально-экономических и политических исследований (НИСЭПИ) [Белявцева, 2017: 20–21].

НИСЭПИ отметилсЯ электоральным исследованием «Президентские выборы в Беларуси: от ограниченной демократии к неограниченному авторитаризму (1994–2006)», в котором отражены электоральные изменения страны за 12-летний период, за который состоялись 3 кампании по выборам Президента Республики Беларусь [Президентские выборы в Беларуси..., 2006].

Однако в академической литературе степень изученности именно электоральной географии Республики Беларусь остается низкой. На сегодняшний день одним из фундаментальных трудов по электоральной географии стран СНГ и Беларуси, в частности, является коллективная монография «Электоральная география ближнего зарубежья России» [Электоральная география ближнего зарубежья России, 2024]. В параграфе 2.7 монографии представлен итог исследования электоральной географии Беларуси путем применения политико-географических методов исследования [Электоральная география ближнего зарубежья России, 2024: 269–286]. Также, можно отметить статью М.Н. Шестаковой «Эффект соседства как фактор электорального поведения жителей Беларуси», в которой проведен анализ зависимости электорального поведения населения Республики Беларусь от места проживания (на уровне областей и города Минска) [Шестакова, 2021].

Из неакадемической литературы можно отметить проект «Электоральная география 2.0», авторами которого являются А. Киреев, А. Сидоренко, Г. Л'Хэрмин. В рамках данного проекта были созданы серии картографических материалов, отражающих итоги выборов Президента Республики Беларусь в период с 1994 по 2006 гг.²⁴

Таким образом, можно сделать вывод, что электоральная география Республики Беларусь является недостаточно изученной и требует дальнейших научных изысканий, которые позволят выявить географические закономерности голосования в регионах данного государства.

Материалы и методы исследования

Для исследования электоральных процессов, происходящих на территории Республики Беларусь в период между 2020 и 2025 гг., были использованы данные с официального сайта Центральной избирательной комиссии Республики Беларусь об итогах выборов депутатов Палаты представителей Национального Собрания Республики Беларусь VIII созыва в Единый день голосования 25 февраля 2024 года и выборов Президента Республики Беларусь 26 января 2025 года^{25,26}.

На сайте ЦИК представлены данные об итогах выборов по АТЕ Республики Беларусь первого порядка: области Республики Беларусь (Брестская, Витебская, Гомельская, Гродненская, Минская, Могилевская) и город Минск. Это определило ограничение исследования электоральных процессов Республики Беларусь АТЕ первого порядка.

При составлении картографических материалов были использованы готовые векторные слои АТЕ первого порядка, представленные в открытом доступе на web-сайте GADM²⁷. Использование данных с портала обусловлено высокой точностью и актуальностью границ АТЕ первого порядка.

При создании картосхем, отражающих электоральные явления, происходящие на территории Республики Беларусь были использованы такие способы картографического изображения данных как:

- Способ картограмм (графические средства — градиентная заливка);
- Способ картодиаграмм (графические средства — круговые и текстовые диаграммы).

24 Электоральная география 2.0. Беларусь [Электронный ресурс]: URL: <https://www.electoralgeography.com/new/ru/category/countries/b/belarus> (дата обращения: 03.06.2025).

25 Выборы депутатов в единый день голосования [Электронный ресурс]: URL: <https://www.rec.gov.by/ru/election-schedule-ru/view/elections-2024-edg> (дата обращения: 03.06.2025).

26 Выборы Президента Республики Беларусь [Электронный ресурс]: URL: <https://www.rec.gov.by/ru/election-schedule-ru/view/elections-2025-president> (дата обращения: 03.06.2025).

27 GADM [Электронный ресурс]: URL: https://gadm.org/download_country.html (дата обращения: 03.06.2025).

Геоинформационно-пространственный анализ выполнялся в программе с открытым исходным кодом QGIS версии 3.40. В данной программе были осуществлены: привязка данных с сайта ЦИК к векторным слоям АТЕ первого порядка, составление круговых и текстовых диаграмм, создание градиентной заливки АТЕ первого порядка в соответствии с информацией по итогам выборов).

Привязка данных осуществлялась через свойства слоя с АТЕ первого порядка путем создания связей с внешней таблицей, содержащей данными ЦИК Республики Беларусь. Создание картограмм осуществлялось путем изменения стиля слоя с АТЕ первого порядка. Применялась символизация по диапазонам значений в режиме естественных интервалов (дженкис) с последующей корректировкой значений диапазонов.

Способ картограмм применялся для визуализации относительных показателей (явка избирателей, динамика явки избирателей, доля переизбравшихся депутатов и иных относительных показателей).

Способ картодиаграмм применялся для отображения явления по АТЕ первого порядка в абсолютных значениях (качественный состав избранных депутатов Палаты представителей по партийной принадлежности).

Дополнительно путем использования диаграмм отображаются такие относительные значения, как доля голосов за кандидатов в Президенты Республики Беларусь и графу «против всех» на выборах 26 января 2025 года. В виде текстовых диаграмм были отображены данные о разнице процента голосов за Лукашенко А.Г. в 2020 и 2025 гг. и разницы процента явки избирателей на выборах Президента в 2020 и 2025 годах. Также в виде текстовых диаграмм были отображены: явка на выборах Президента Республики Беларусь в 2025 году, явка на выборах депутатов Палаты Представителей Республики Беларусь в 2024 году, доля голосов за Лукашенко А.Г. на выборах президента Республики Беларусь в 2025 году, доля голосов за графу «против всех» на выборах президента Республики Беларусь 2025 года.

Использование текстовых диаграмм для отображения относительных значений обусловлено избеганием излишней перегруженности карты использованием исключительно картограмм.

Создание диаграмм осуществлялось через инструмент «диаграммы» в свойстве слоя с последующей корректировкой расположения диаграмм и подписей данных диаграмм.

Заключительная корректировка картосхем осуществлялась в редакторе векторных изображений с открытым исходным кодом Inkscape.

Развитие политической системы Республики Беларусь

Изучение развития политической системы Республики Беларусь можно представить в виде этапов, сменой между которыми являются точки бифуркации. В политической истории Беларуси можно выделить ряд конкретных событий, которые стали ключевыми при развитии политической системы.

Политическая система Республики Беларусь начала формироваться еще в позднесоветский период — в 1980-е годы. Можно выделить четыре основных этапа преобразования политической системы:

I этап (конец 1980-х годов — 1994 год) отмечен возникновением политической оппозиции и относительной сплоченностью правящей элиты. С одной стороны, сохранялись советские органы законодательной и исполнительной власти, и в то же время начали разрушаться механизмы политической социализации, сложившиеся в СССР. Проходило становление оппозиционных политических сил, претендовавших на государственную власть, возникали конфликты интересов между политическими лидерами того времени. На первом этапе после выхода Республики Беларусь из состава СССР политическая система страны представляла собой трансформирующуюся систему сдержек и противовесов между ветвями власти. Основную роль в системе государственной власти играл Верховный Совет Республики Беларусь.

II этап (1994–1996 годы) стал переходным от парламентско-президентской к президентской форме правления. Происходила борьба за формирование стабильной политической системы, главным системообразующим элементом которой являлась фигура национального политического лидера с высоким уровнем персональной легитимности. На этом этапе наблюдались поляризация интересов внутри элиты и интенсификация политических конфликтов. Разрешение указанных противоречий произошло посредством республиканских референдумов 1995 и 1996 годов, которые привели к трансформации существовавших политических институтов. Таким образом, формировались новые механизмы политической коммуникации государства и гражданского общества. Главной особенностью этого периода в белорусской политике стал феномен становления сильного лидера в лице главы государства. Референдумы 1995 и 1996 годов изменили политическую ситуацию в стране: республика из парламентско-президентской превратилась в президентскую с широкими полномочиями главы государства в отношении законодательной и исполнительной инициатив.

III этап (1996–2020 годы) — формирование политико-административной структуры государственного управления, основной характеристикой которой является сильная централизованная власть при лидирующей роли Президента.

IV этап (2020 год — настоящее время) характеризуется разворотом внутренней и внешней политики Республики Беларусь в сторону укрепления государственно-

сти, формирования новых механизмов государственного управления путем конституционной реформы, законодательных и административных нововведений, связанных с укреплением государственного суверенитета и более высоким уровнем легитимации власти через усиление коммуникации государства и общества (Всебелорусское народное собрание).

Таким образом, мы можем сделать вывод, что к 2025 году политическая система Республики Беларусь подошла в централизованном состоянии. Государство после событий 2020 года в еще большей степени стало централизованным. События 2020 года дополнительно укрепили «вертикаль власти» в стране, минимизировав политическую самостоятельность регионов страны.

Данный факт говорит о том, что при изучении электоральной географии Республики Беларусь важным становятся даже самые небольшие колебания в таких электоральных показателях, как явка и доля голосов за кандидатов.

Для проверки гипотез №1 и №2 необходимо подобрать индикаторы, которые в достаточной мере отражали бы заинтересованность граждан в выборах определенного типа, а также могли бы отражать оппозиционность жителей АТЕ первого уровня.

Явка граждан на выборы может являться индикатором заинтересованности граждан в выборах того или иного типа [Кравченко, 2023: 114]. Соответственно, разница в явке между выборами различного типа показывает, насколько жители различных АТЕ первого уровня Республики Беларусь заинтересованы в выборах различного уровня относительно друг друга. Явка также может выступать одним из индикаторов оппозиционности АТЕ первого уровня, отражая уровень абсентеизма избирателей: чем ниже явка, тем выше абсентеизм граждан и тем, следовательно, меньше доверие граждан к выборам.

Дополнительным индикатором оппозиционности настроений граждан в АТЕ первого порядка выступает доля голосов за графу «против всех». Чем выше доля голосов в АТЕ первого порядка за данную графу, тем выше оппозиционность жителей данного АТЕ первого порядка.

С целью проверки данной гипотезы были составлены картосхемы (рис. 2, рис. 3, рис. 4). На рис. 2 и рис. 3 с помощью способа картограмм была показана явка избирателей АТЕ первого порядка. Для рис. 2 с помощью способа картодиаграмм была показана доля голосов за Лукашенко А.Г. и суммарно за остальных кандидатов, и графу «против всех». На рис. 3 с помощью картодиаграмм подробно показана доля голосов за каждого из кандидатов в Президенты, помимо Лукашенко А.Г., также показана доля голосов за графу «против всех». Картосхема позволяет соотнести показатели явки и данные о голосах за каждую из позиций в избирательном бюллетене.

Проверка гипотез №3 и №4 требует соотнесения данных о численности избирателей в АТЕ первого уровня на момент 2020 и 2025 годов, динамики явки избирателей на выборах Президента 2020 и 2025 годов, а также динамики доли голосов

избирателей за Лукашенко А.Г. С целью иллюстрации данной информации была составлена картосхема — рис. 1. На данной картосхеме с помощью текстовой диаграммы соотнесены показатели «Разница процента голосов за Лукашенко А.Г. на выборах Президента в 2020 и 2025 гг.» и «Разница в явке на выборах Президента в 2020 и 2025 гг.». С помощью картограммы показана разница в количестве избирателей по спискам на выборах Президента в 2020 и 2025 гг.

Данные, полученные из всех составленных картосхем, позволяют проверить гипотезы № 5 и № 6.

Итогом применение способов картографического изображения данных стали следующие картосхемы.

Рис. 1. Картосхема динамики численности избирателей по спискам, явки избирателей и доли голосов за Лукашенко А.Г. на выборах Президента Республики Беларусь в 2020 и 2025 гг.

Figure 1. Schematic diagram of the dynamics of the number of voters by lists, voter turnout and share of votes for Lukashenko A.G. in the elections of the President of the Republic of Belarus in 2020 and 2025

Источник: составлено авторами.

Явка на выборах Президента Республики Беларусь 2025 г. Доля голосов за Лукашенко А.Г. и др. кандидатов суммарно

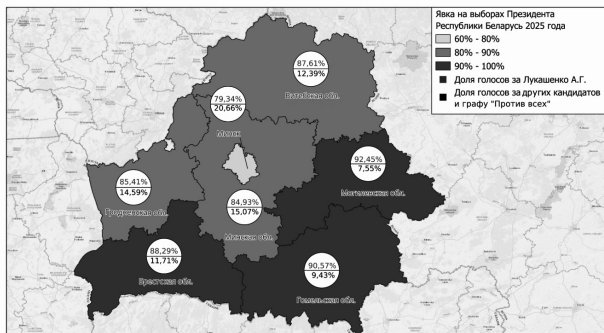

Рис. 2. Картосхема явки на выборах Президента Республики Беларусь 2025 года, доли голосов за Лукашенко А.Г., за других кандидатов и графу «против всех» суммарно

Figure 2. Map of turnout in the elections of the President of the Republic of Belarus in 2025, the share of votes for Lukashenko A.G., for other candidates and the column "against all" in total

Источник: составлено авторами.

Динамика численности избирателей по спискам, явки, процента голосов за Лукашенко А.Г. на выборах Президента Республики Беларусь в 2020 и 2025 гг.

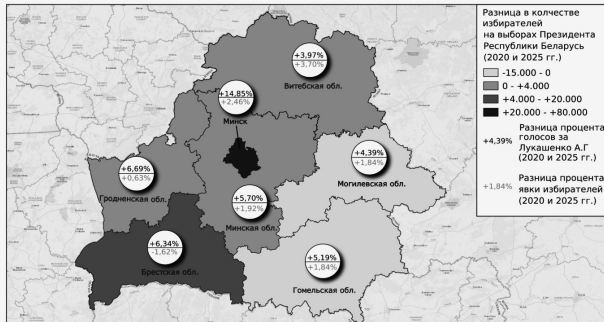

Рис. 3. Картосхема явки и голосов за кандидатов на выборах Президента Республики Беларусь 26 января 2025 года (кроме Лукашенко А.Г.)

Figure 3. Map of turnout and votes for candidates in the elections of the President of the Republic of Belarus on January 26, 2025 (except for Lukashenko A.G.)

Источник: составлено авторами.

Динамика численности избирателей по спискам, явки, процента голосов за Лукашенко А.Г. на выборах Президента Республики Беларусь в 2020 и 2025 гг.

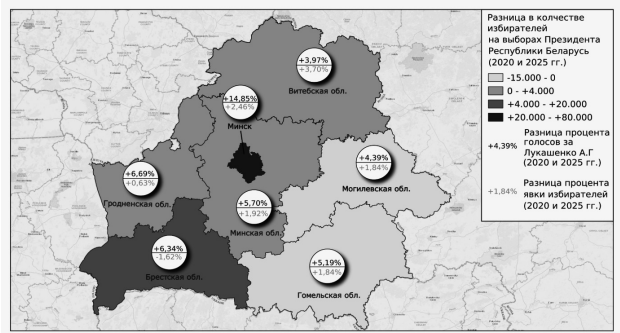

Рис. 4. Явка на выборах Президента Республики Беларусь 2025 года и на выборах депутатов Палаты представителей Республики Беларусь 2024 года

Figure 4. Turnout in the 2025 elections of the President of the Republic of Belarus and in the elections of deputies of the House of Representatives of the Republic of Belarus in 2024

Источник: составлено авторами.

Динамика численности избирателей по спискам, явки, процента голосов за Лукашенко А.Г. на выборах Президента Республики Беларусь в 2020 и 2025 гг.

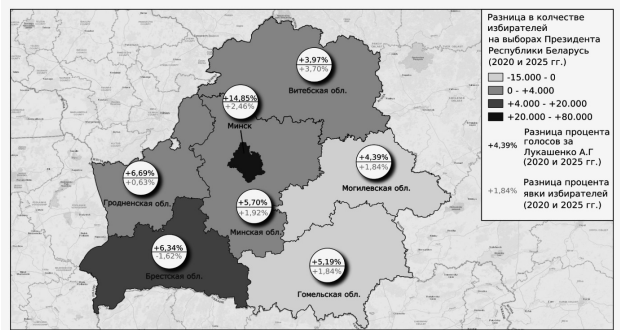

Рис. 5. Картосхема избравшихся депутатов Палаты представителей Республики Беларусь по партийной принадлежности по итогам выборов 2024 года и доли переизбравшихся депутатов по регионам Республики Беларусь

Figure 5. Map of elected deputies of the House of Representatives of the Republic of Belarus by party affiliation based on the results of the 2024 elections and the share of re-elected deputies by regions of the Republic of Belarus

Источник: составлено авторами.

Результаты исследования

Анализ составленных картографических материалов позволил прийти к следующим результатам.

Картосхема № 1 позволяет проследить прямую корреляцию между ростом явки и доли голосов избирателей за Лукашенко А.Г. в шести АТЕ Республики Беларусь (прирост, вероятно, явки произошел за счет сторонников Лукашенко А.Г.) и обратную корреляцию в Брестской области (падение явки, вероятно, обусловлено неучастием в голосовании избирателей-противников Лукашенко А.Г.).

Картосхема № 2 позволяет оценить уровень поддержки Лукашенко А.Г. на основе итогов голосования за него и за иных кандидатов суммарно с графой «против всех». Карта показывает, что Минск остается самым оппозиционно настроенным АТЕ первого уровня, что отражается в самой низкой явке на выборах Президента Республики Беларусь в 2025 году относительно других АТЕ первого уровня.

Дополнительно карта демонстрирует, что жители АТЕ, непосредственно граничащих с Украиной, в большей степени поддерживают Лукашенко А.Г., что отражается в высокой явке на выборах и высокой доле голосов за Лукашенко А.Г. Также карта показывает наличие тренда на увеличение явки на выборах при движении от северо-западных АТЕ первого уровня к юго-восточным.

Картосхема № 3 демонстрирует зависимость между явкой избирателей и их политическими предпочтениями, что позволяет оценить эффективность мобилизации оппозиционными кандидатами своего электората на выборах Президента Республики Беларусь 2025 года.

Карта также показывает, что графа «против всех» победила каждого из оппозиционных кандидатов в четырех АТЕ страны (Витебская, Гродненская, Минская область и город Минск), а проиграла как минимум одному оппозиционному кандидату в трех АТЕ страны (Брестская, Гомельская и Могилевская области).

Также прослеживается обратная корреляция относительно явки в АТЕ первого уровня и доли голосов за графу «против всех» (чем ниже явка, тем выше доля голосов за графу «против всех»).

Картосхема № 4 показывает, население каких АТЕ в большей степени выступает за сильную президентскую власть, что отражается в степени прироста явки на выборах Президента Республики Беларусь относительно выборов депутатов Палаты представителей Республики Беларусь. Вновь прослеживается весьма четкий раздел по линии «Северо-Запад — Юго-Восток» — приверженность жителей Гомельской и Могилевской областей сильной президентской власти выражается в большей степени, чем у жителей Гродненской и Витебской областей. Карта дополнительно демонстрирует, что город Минск является самым оппозиционным АТЕ первого уровня, показывая наименьший прирост явки на выборах. Из этого можно сделать вывод о высокой степени абсентеизма избирателей в данной АТЕ.

Картосхема № 5 позволяет определить, в каких областях Республики Беларусь институт политических партий развит в большей степени (большая доля избранных депутатов — члены политических партий), а где превалирует голосование за конкретное лицо (большая доля избранных депутатов не является членами политических партий).

Заключение

Пространственный анализ демонстрирует, что имеется корреляция между географическим распределением избирателей и их политическим поведением. Повсеместные высокие показатели явки и голосов за Лукашенко А.Г. могут указывать на то, что фигура Лукашенко А.Г. является консолидирующей в белорусском обществе.

Юго-Восточная часть Республики Беларусь (Могилевская, Гомельская области) показывает большую поддержку действующей власти, чем город Минск, Минская область и Гродненская область. Именно Могилевская и Гомельская области являются ядром поддержки Лукашенко А.Г., тогда как Минск, Минская область и Гродненская область выступают с меньшей поддержкой Лукашенко А.Г. Это позволяет сделать вывод о наличии раскола «Северо-Запад — Юго-Восток» на территории Республики Беларусь. Одним из ключевых факторов является безопасность (характерно для Гомельской области, непосредственно граничащей с Украиной, вследствие чего жители данной АТЕ выступают за сильную президентскую власть, так как в приоритете находится вопрос безопасности), а также фактор голосования за «земляка» (характерно для Могилевской области, так как именно в данной АТЕ прошла большая часть трудовой и учебной деятельности Лукашенко А.Г.).

В Брестской и Витебской области прослеживаются признаки не только поддержки действующей власти, но и проявления абсентеизма избирателей. Для Брестской области показателем поддержки действующей власти является избрание 11 из 16 депутатов-членов партии «Белая Русь» в Палату представителей на выборах в 2024 году, а также явка на выборах Президента более 90%. Однако стоит отметить снижение явки на выборах Президента в 2025 году относительно явки на выборах Президента в 2020 году. Это говорит о том, что протестно настроенный электорат, который исторически проживал в городе Бресте, размылся в виду эмиграции в другие государства и из-за бойкотирования выборов, однако ядро поддержки Лукашенко А.Г. сохранилось, что и показывает рост доли голосов за Лукашенко А.Г. при снижении явки в целом. В Витебской области фактором, указывающими на поддержку Лукашенко А.Г., является наличие прямой корреляции между изменением доли голосов за Лукашенко А.Г. и явки (оба показателя за 2025

год относительно 2020 года), что на фоне общего роста количества избирателей говорит о приросте именно сторонников Лукашенко А.Г. Однако население данной области поддержало в большей степени депутатов-самовыдвиженцев на выборах в Палату представителей 2024 года, а также в рассматриваемой АТЕ наблюдаются меньшие значения по иным показателям, которые гораздо выше в Гомельской и Могилевской областях (явка на выборах, доля голосов за Лукашенко А.Г.).

Относительно распространения абсентеизма и протестных настроений выделяются город Минск, Минская область и Гродненская область прежде всего по показателю доли голосов «против всех». Избиратели города Минска наиболее подвержены абсентеизму, чем электорат других АТЕ.

Можно констатировать, что сложившийся с выборов 1994 года раскол «Северо-Запад — Юго-Восток» в очень ослабленной форме продолжает сохраняться на территории Республики Беларусь. Лукашенко А.Г. сохранил поддержку населения на тех территориях, где изначально проживало ядро его электората. Также прослеживается, что конкурентом в борьбе за голоса сторонников Лукашенко А.Г. в АТЕ, где проживает ядро его электората, является Коммунистическая партия Беларуси, так как именно в данных АТЕ кандидат от КПБ на выборах Президента Республики Беларусь 2025 года получил второе место, а также именно от данных АТЕ избралось наибольшее количество депутатов-членов КПБ.

Таким образом, мы можем констатировать, что гипотезы № 1, № 2, № 4, № 5 и № 6 подтвердились, при проверке гипотезы № 6 удалось детерминировать раскол более точно, по линии «Северо-Запад — Юго-Восток». Гипотеза № 3 была подтверждена частично, так как имеются данные, ей не соответствующие.

Полученные данные говорят о том, что необходимо в дальнейшем изучать электоральную географию Республики Беларусь на более низких уровнях административно-территориальных единиц, что даст более точную картину пространственной дифференциации политических предпочтений населения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Александренков Ю. Исследования президентских выборов в Беларуси: обзор основных источников // Палітычная сфера. Часопіс палітычных даследаванняў. 2006. № 7. С. 19–31.
2. Белявцева Д.В. Институционализация региональных политических исследований на постсоветском пространстве // Научные труды Республиканского института высшей школы. Философско-гуманитарные науки. 2017. № 16. С. 20–28.
3. Кравченко О.А. Явка граждан как выражение воли народа на участие в голосовании // Административное и муниципальное право. 2023. № 5. С. 113–135.
4. О массовых мероприятиях: Закон Республики Беларусь от 30.12.1997 № 114-З: ред. от 17.07.2023 // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&po=h19700114> (дата обращения: 03.06.2025).
5. О политических партиях: Закон Республики Беларусь от 5.10.1994 № 3266-XII: ред. от

- 14.02.2023 // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&po=v19403266> (дата обращения: 03.06.2025).
6. Об обращениях граждан и юридических лиц: Закон Республики Беларусь от 18.07.2011 № 300-З: ред. от 17.07.2023 // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&po=h11100300> (дата обращения: 03.06.2025).
 7. Об общественных объединениях: Закон Республики Беларусь от 04.10.1994 № 3254-XII: ред. от 14.02.2023 // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&po=v19403254> (дата обращения: 03.06.2025).
 8. Об основах гражданского общества: Закон Республики Беларусь от 14.02.2023 № 250-З // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&po=h12300250> (дата обращения: 03.06.2025).
 9. О средствах массовой информации: Закон Республики Беларусь от 17.07.2008 № 427-З: ред. от 30.06.2023 // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&po=h10800427> (дата обращения: 03.06.2025).
 10. Президентские выборы в Беларуси: от ограниченной демократии к неограниченному авторитаризму (1994–2006) / под ред. проф. О. Манаева. Вильнюс: Миндаугас, 2006. 548 с.
 11. Шестакова М. Н. Эффект соседства как фактор электорального поведения жителей Беларуси // Российский политический процесс в региональном измерении: история, теория, практика. 2021. № 14. С. 130–133.
 12. Электоральная география ближнего зарубежья России / И.Ю. Окунев, М.Н. Шестакова, Е.А. Захарова [и др.]. М.: МГИМО-Университет, 2024. 574 с.

REFERENCES:

1. Aleksandrenkov Yu. (2006), Research on the presidential elections in Belarus: an overview of the main sources, *Political Sphere. Journal of Political Studies*, no. 7, pp. 19–31. (In Russ.).
2. Beljavceva D.V. (2017), Institutionalisation of regional political studies in the post-Soviet space, *Nauchnye trudy Respublikanskogo instituta vysshej shkoly. Filosofsko-gumanitarnye nauki*, no. 16, pp. 20–28. (In Russ.).
3. Kravchenko O.A. (2023), Voter turnout as an expression of the will of the people to participate in voting, *Administrative and municipal law*, no. 5, pp. 113–135. (In Russ.).
4. Okunev I.Yu. et al. (2024), Electoral geography of Russia's neighbouring countries, Moscow: MGIMO University, 574 p. (In Russ.).
13. On appeals from citizens and legal entities (2023), Law of the Republic of Belarus no. 300-З of 18 July 2011, as amended on 17 July 2023 // *Nacional'nyj pravovoj internet-portal Respubliki Belarus'*. (In Russ.). URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&po=h11100300> (accessed: 03.06.2025).
14. On mass events (2023), Law of the Republic of Belarus no. 114-З of 30 December 1997, as amended on 17 July 2023 // *Nacional'nyj pravovoj internet-portal Respubliki Belarus'*. (In Russ.). URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&po=h19700114> (accessed: 03.06.2025).
5. On Mass Media (2023), Law of the Republic of Belarus No. 427-З of 17 July 2008, as amended on 30 June 2023 // *Nacional'nyj pravovoj internet-portal Respubliki Belarus'*. (In Russ.). URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&po=h10800427> (accessed: 03.06.2025).
15. On political parties (2023), Law of the Republic of Belarus no. 3266-XII of 5 October 1994, as amended on 14 February 2023 // *Nacional'nyj pravovoj internet-portal Respubliki Belarus'*. (In Russ.). URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&po=v19403266> (accessed: 03.06.2025).
16. On Public Associations (2023), Law of the Republic of Belarus no. 3254-XII of 4 October 1994, as amended on 14 February 2023 // *Nacional'nyj pravovoj internet-portal Respubliki Belarus'*. (In Russ.). URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&po=h12300250> (дата обращения: 03.06.2025).

- pravo.by/document/?guid=3871&po=v19403254 (accessed: 03.06.2025).
17. On the Fundamentals of Civil Society (2023), Law of the Republic of Belarus No. 250-3 of 14 February 2023 // Nacional'nyj pravovoj internet-portal Respubliki Belarus'. (In Russ.). URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&po=H12300250> (accessed: 03.06.2025).
6. Manaev O. et al. (2006), Presidential elections in Belarus: from limited democracy to unlimited authoritarianism (1994–2006), Vilnius: Mindaugas, 548 p. (In Russ.).
7. Shestakova M.N. (2021), The neighbourhood effect as a factor in the electoral behaviour of Belarusian residents // Rossijskij politicheskij process v regional'nom izmerenii: istorija, teorija, praktika, no. 14, pp. 130–133. (In Russ.).

Пространственный анализ динамики электоральной структуры России

Матерухин Илья Андреевич

*стажёр-исследователь Молодёжного клуба Русского географического общества
«Terra Politica» Научного студенческого общества, МГИМО МИД России,
Москва, Россия*

ilyam2002@yandex.ru, <https://orcid.org/0003-0005-9553-309X>

АННОТАЦИЯ

Целью данной работы было проанализировать динамику изменений на электоральной карте России. Используя данные за четыре электоральных цикла (2007–2021 гг.) для пяти крупнейших политических партий («Единая Россия», КПРФ, ЛДПР, СРЗП и «Яблоко»), автором был применён метод локальных индикаторов пространственной автокорреляции (LISA) с целью получения статистически значимых кластеров высоких значений электоральной поддержки. В ходе исследования было установлено, что закономерности пространственной дифференциации поддержки были крайне неоднородны: от почти полного отсутствия изменений до радикальной смены зон поддержки. Например, для «Единой России» было установлено, что электоральная структура за четыре цикла почти не изменилась, в то время, как электоральное ядро КПРФ переместилось в азиатскую часть.

А для таких партий, как «Яблоко», было показано, что, несмотря на наличие отдельных регионов с максимальной электоральной поддержкой, тем не менее, на сегодня нельзя говорить о наличии устойчивых районов электоральной поддержки, хотя отмечается формирование электоральных ядер. Для других партий отмечается слабый характер изменений от одного электорального цикла к другому. В конце статьи приводятся основные выводы о том, как менялась динамика электоральной структуры России в целом, так и для каждой из пяти проанализированных партий. Результаты данной статьи могут использоваться специалистами по выборам как с целью дальнейшего прогноза для будущих выборов, так и политтехнологами для определения субъектов с наиболее предпочтительным электоратом для дальнейшей агитации

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

пространственный анализ, LISA, электоральная география, выборы в Госдуму, выборы в РФ

ГЕОТЕГИ

Россия, Европейский Север, Дальний Восток

Spatial Analysis of the Dynamics of Russia's Electoral Structure

Ilya Materukhin

Research intern of the Youth Club of the Russian Geographical Society "Terra Politica" of the Scientific Student Society, MGIMO University, Moscow, Russia

ilyam2002@yandex.ru, <https://orcid.org/0003-0005-9553-309X>

ABSTRACT

The purpose of this work was to analyze the dynamics of changes on the electoral map of Russia. Using data for four electoral cycles (2007–2021) for the five largest political parties (United Russia, KPRF, LDPR, SRPP and Yabloko), the author applied the method of local spatial autocorrelation indicators (LISA) in order to obtain statistically significant clusters of high values of electoral support. During the study, it was found that the patterns of spatial differentiation of support were extremely heterogeneous: from an almost complete absence of changes to a radical change in support zones. For example, for United Russia, it was found that the electoral structure has hardly changed in four cycles, while the electoral core of the Communist Party has moved to the Asian part. And for such parties

as Yabloko, it was shown that, despite the presence of certain regions with maximum electoral support, nevertheless, today it is impossible to talk about the presence of stable areas of electoral support, although the formation of electoral cores is noted. For other parties, there is a weak pattern of changes from one electoral cycle to another. At the end of the article, the main conclusions are presented on how the dynamics of the electoral structure of Russia as a whole has changed, as well as for each of the five analyzed parties. The results of this article can be used by election specialists both for the purpose of further forecasting for future elections, and by political strategists to identify subjects with the most preferred electorate for further campaigning.

KEYWORDS

spatial analysis, LISA, electoral geography, State Duma elections, elections in the Russian Federation

GEOTAGS

Russia, European North, Far East

Введение

Электоральное районирование территории является важнейшим результатом электорально-географического исследования. При грамотном проведении электорального районирования можно описать электоральную структуру территории, то есть деление территории на районы преимущественной поддержки различных политических партий и движений. Разумеется, электоральная структура любой территории будет представлять собой скорее пёструю мозаику, а не гомогенное пространство, ведь каждая политическая партия или движение может иметь максимальную поддержку в одном субъекте, а уже в соседнем она будет минимальной, а для какого-то в принципе нельзя будет сделать однозначной вывод о популярности той или иной политической силы. Как уже было сказано выше, можно выделить однородные районы, которые содержат в себе один ключевой признак (голосование за определённую партию или группу партий), а также синтетические районы по целому комплексу признаков. Синтетические районы по сути представляют собой региональные электоральные культуры. Выделение региональных электоральных культур и определение их границ, по мнению Р.Ф. Туровского, являются вершиной электорально-географического исследования [Туровский, 1999].

Уже на Всесоюзном референдуме о сохранении СССР в марте 1991 года наблюдалась дихотомия между «либерализм-модернизацией» и «консерватизм-патриархальностью». Первые предпочитали голосовать за «Выбор России», «Яблоко», ПРЕС и РДДР, вторые — за ЛДПР, КПРФ и АПР. Центрами первого типа голосования стали Москва, Санкт-Петербург и Свердловская область. Также в число регионов максимальной поддержки были включены, в меньшей степени, Челябинская и Пермская области, Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский округа, Томская и Кемеровская области, значительные части Дальнего Востока (Приморский, Магаданский, Камчатский края и Чукотка), столичная Московская область и «острова» Мурманской, Нижегородской и Волгоградской областей. Это создало электоральную структуру первого типа. На парламентских выборах 1993 года избирательная структура осталась неизменной: ядро составляли Москва, Санкт-Петербург, Свердловская и Челябинская области. Впервые была включена Мурманская область, а также Таймыр и Тыва. Регионы, склоняющиеся к ядру, включая Пермь, Камчатку, Магадан, Ярославль, Москву, Архангельскую область, ЯНАО, ХМАО, Эвенкию, Ненецкий АО и Карелию, также были сохранены в целом. Второй тип был создан в 1991 году с основным упором на Северный Кавказ (Северная Осетия, Карачаево-Черкесия, Дагестан), Волго-Уральский регион (Калмыкия, Татарстан, Башкирия, Коми-Пермяцкий край, Чувашия, Мордовия, Марий Эл), Сибирь (Алтай, Тува, Бурятия, Усть-Ордынский, Агинско-Бурятский АО). Начал формироваться «Красный пояс», включающий Псковскую, Смоленскую, Брянскую, Курскую, Бел-

городскую области и соседние Орловскую и Тверскую области. В него также были включены Тамбовская, Мордовская и Ульяновская области, а также Читинская, Амурская, Алтай и Оренбургская области на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке, Ставропольский и Краснодарский края на Кавказе. Выборы 1993 года ещё более формализовали консервативную электоральную структуру. Все кавказские республики, кроме Северной Осетии, и почти все республики в Волго-Уральском регионе. В регионах к югу, юго-западу и юго-востоку от Москвы два района составляют «Красный пояс». Первый — это Смоленская, Брянская, Орловская, Курская и Белгородская области на западе и юго-западе Центральной России. Другая — Тамбовская, Пензенская, Ульяновская области, Мордовия и Чувашия, которые образуют восточный фланг «Красного пояса». К ним присоединяются Липецкая, Воронежская, Рязанская и Псковская области. Таким образом, электоральный состав либеральных субъектов состоит из Москвы и её окрестностей, части Центрального региона, Санкт-Петербурга, Уральского региона, отдельных «пионерских» регионов севера, Сибири и Дальнего Востока. Консервативный состав избирателей включает в себя большую часть Центральной России, северокавказские автономии и часть Азиатского региона. [Туровский, 1996].

Парламентские выборы 1995 года фактически повторили электоральную структуру либерального голосования. Ядро снова составили города федерального значения, национальные республики и промышленные регионы Урала. Заметным в голосовании консерваторов является воспроизводство «Красного пояса» в областях Центральной России, а также некоторых республик Северного Кавказа. Также возникли отдельные «острова», такие как Амурская область, Читинская область, Алтайский край, Республика Алтай, Бурятия и Кемеровская область. В целом, можно сказать, что изменения электоральной структуры минимальны. [Туровский, 1996].

Парламентские выборы 1999 года можно охарактеризовать следующим образом. Консервативные силы фактически были представлены только КПРФ из-за крайне низких результатов ЛДПР. Поэтому основным оплотом КПРФ остаётся «Красный пояс». Это Смоленская, Брянская, Калужская, Орловская, Курская, Белгородская, Рязанская, Липецкая, Тамбовская, Воронежская, Пензенская, Ульяновская, Саратовская, Волгоградская и Астраханская области. На Северном Кавказе наибольшее предпочтение было характерно для Карачаево-Черкесии, Дагестана и Северной Осетии. Группа республик Поволжья (Башкирия, Мордовия, Чувашия и Марий Эл) также были в числе регионов, наиболее благоприятных для КПРФ. На Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке есть уникальные «острова» поддержки, такие как Оренбургская, Курганская, Омская, Новосибирская, Читинская области, Алтайский край, Республика Алтай, Усть-Ордынский Бурятский автономный округ и Еврейская автономная область. Что касается ЛДПР, то наибольшей поддержкой пользуются два региона: Ненецкий и Коми-Пермяцкий

АО. Также есть ряд регионов на севере и востоке с поддержкой выше среднего, такие как Читинская, Амурская и Магаданская области, Камчатская и Мурманская области. Либеральные голоса можно разделить на так называемые правящие партии «Единство», «Отечество — Вся Россия» и либерал-демократов «Яблоко» и «Союз правых сил». Поддержка СПС может быть разделена на этнические республики (Ингушетия, Кабардино-Балкария, Татарстан, Башкирия, Мордовия, Дагестан, Северная Осетия, Карачаево-Черкесия, Тыва, Калмыкия), Москва, Московская область, ЯНАО, Агинский Бурятский и Ненецкий АО. В северных регионах (кроме Ненецкого АО), Удмуртии, Коми-Пермяцком АО, Кировской, Костромской, Ярославской, Ивановской, Новгородской, Псковской, Тверской и Калининградской областях проголосовали в основном за «Единство». В Сибири и на Дальнем Востоке поддержка началась в таких регионах, как Курганская, Тюменская области и Ханты-Мансийский автономный округ. Приграничные регионы — Кузбасс, Алтай, Хакасия, Тыва и Иркутская область — охватывают весь регион. Кузбасс с Усть-Ордынским Бурятским автономным округом, Читинской, Амурской областями, Приморским краем. Его прерывают Красноярский и Приморский края. Пресекается Хабаровским краем, Бурятией. На севере его дополняют Таймырский, Эвенкийский, Якутский, Магаданская, Камчатская области, Корякский и Чукотский автономные округа. Голосование за либеральных демократов характерно для Москвы и Санкт-Петербурга и значительного числа регионов с центрами с населением больше миллиона человек (Нижегородская, Самарская, Пермская, Свердловская, Челябинская, Омская и Новосибирская области). Сюда также можно отнести все регионы Северных территорий, кроме Вологодской и Ярославской областей, Томскую область, Хабаровский край, Ханты-Мансийский автономный округ, ЯНАО. [Туровский, 2000].

По результатам парламентских выборов можно выделить несколько электоральных макрорегионов. Это Северо-Запад, который включает субъекты Европейского Севера и Северо-Запада, Черноземье, Нечерноземье, Московия (Москва и Московская область), Северный Кавказ, куда входят республики Северного Кавказа плюс Калмыкия, и все остальное в европейской части России приходится на Юг. Также выделяется Урал, включающий Пермскую и Свердловскую области, и Юг Западной Сибири. Восточная Сибирь оказалась разделена между двумя макрорегионами: Средней Сибирью и Севером Сибири, причём граница проходит примерно по Якутии. Дальний Восток без Чукотки и Камчатки представляет одноименный макрорегион. Татарстан, Тува, Мордовия и Агинский Бурятский АО относятся к отдельной группе [Петров, Титков, 2004].

Обзор литературы по пространственному анализу в электоральных исследованиях

Пространственный анализ представляет собой направление в географии, находящееся на стыке геоинформатики, пространственной эконометрики и математической статистики. Его применение помогает вывести исследования в области социально-гуманитарных дисциплин на новый аналитический уровень. В одной из немногих монографий на русском языке [Окунев, 2020] описывается применение таких традиционных географических методов, как картографирование и районирование, при помощи специального программного обеспечения. Также исследуется применение таких групп методов, как пространственный относительный анализ, пространственный анализ соседства, пространственный автокорреляционный анализ и другие. Есть публикации [Ахременко, 2009], в которых авторы концептуализируют понятие электорального пространства как структуры электоральных объектов, понимаемая как количественная упорядоченность пространственных отношений между объектами. В связи с этим автор говорит о важности использования методов пространственного анализа для выявления связей между акторами электорального процесса. Рассматривая уровень поддержки партии или кандидата как вектор или точку в системе координат, автор использует корреляционный анализ для выявления статистических связей. Далее автор использует более сложный векторный анализ для математического подтверждения расколов на разных выборах. Этот же автор в других публикациях [Ахременко, 2007а; Ахременко, 2007б] рассматривает пространственное моделирование, сначала классические подходы, когда избиратель, представленный в виде точки в системе координат, склонен голосовать за ту партию, пространственное положение которой ему ближе (евклидово пространство). Автор продолжает своё исследование, приводя примеры векторных моделей, в основе которых лежит дихотомия двух альтернатив. Теперь стоит привести отдельные примеры применения пространственного анализа в электоральных исследованиях. Примечательно, что все примеры достаточно свежие, не более 2–3 летней давности, что подтверждает тот факт, что использование пространственного анализа в электоральных исследованиях началось относительно недавно. Первое исследование [Подколзина, Демидова, Кулецкая, 2020] посвящено использованию показателей пространственной автокорреляции (индексы Морана, Гир, Гетиса-Орда) для выявления пространственных эффектов от влияния предпочтений индивидов из соседних территориальных областей друг на друга по материалам президентских выборов 2018 года. В итоге подтверждается положительная автокорреляция, а также исследуется Татарстан, где наибольшее количество локальных кластеров. Другая работа [Корнеева, 2021] имеет схожую методологию, но направлена на выявление пространственных раз-

личий между локальным и региональным уровнем голосования по материалам парламентских выборов 1995–2016 годов. Ещё несколько работ [Окунев, Горелова, Груздева, 2021; Шматкова, Доманов, 2022] используют индекс Морана и LISA для проверки эффекта соседства для 11 приграничных с Россией государств [Окунев, Горелова, Груздева, 2021]. Для этого необходимо определить региональные кластеры пространственной автокорреляции, которые и свидетельствуют о наличии эффекта соседства при голосовании.

Цель и задачи

Основной целью было определение динамики электорального ландшафта России по итогам четырёх электоральных циклов парламентских выборов 2007–2021 гг. Основными задачами были сбор данных об уровне электоральной поддержки на уровне субъектов РФ по пяти крупнейшим политическим партиям, проведение пространственного анализа с целью определения статистически значимых кластеров электоральной поддержки и подведения итогов анализа.

Материалы и методы

Данные для исследования были взяты с сайта Мосгоризбиркома, в разделе Архив выборов, Выборы в Государственную Думу Федерального Собрания РФ. Данные были взяты за четыре электоральных цикла (2007, 2011, 2016 и 2021 гг.) по субъектам РФ для пяти партий: «Единая Россия», КПРФ, ЛДПР, СРЗП и «Яблоко».

LISA (Local Indicators of Spatial Autocorrelation) используется для того, чтобы определить пространственную автокорреляцию между соседними единицами. Формула LISA следующая [Окунев, 2023]:

$$I_{Y_i} = \frac{n}{\sum_{i=1}^n \sum_{j=1}^n w_{ij}} \times \frac{\sum_{j=1}^n w_{ij} (y_i - \underline{y}) (y_j - \underline{y})}{\sum_{i=1}^n (y_i - \underline{y})^2},$$

при $i \neq j$, где n — число пространственных объектов;

y_i и y_j — значения показателя y , соответственно, для i -го и j -го объектов;

$\underline{y}$ — среднее значение показателя;

w_{ij} — пространственный вес соседства между i -м и j -м объектами;

$\sum_{j=1}^n w_{ij}$ — сумма всех пространственных весов.

Данный метод позволяет выявить четыре локальных кластера:

1. *high-high* — кластер пространственной автокорреляции высоких показателей явления;
2. *low-low* — кластер пространственной автокорреляции низких показателей явления;
3. *high-low* — ячейки, в которых есть статистическое ожидание пространственной автокорреляции высоких показателей явления, но в реальности они не наблюдаются;
4. *low-high* — ячейки, в которых есть статистическое ожидание пространственной автокорреляции низких показателей явления, но в реальности они не наблюдаются.

Основные тенденции изменений электоральной карты России

«Единая Россия»

Несмотря на то, что основной электорат партии «Единая Россия» располагается в районе Северо-Кавказского федерального округа, что выделяется на всех картограммах (рис. 1), также следует отметить, что высокие значения также характерны для регионов с «управляемым голосованием», вроде Кемеровской области и Республики Мордовия. Несмотря на то, что сырьевые регионы, вроде автономных округов Западной Сибири обычно демонстрируют высокий показатель электоральной поддержки, пространственный анализ не выявил статистически значимых кластеров.

Рис. 1. Картограмма кластеров LISA для «Единой России» по четырём электоральным циклам 2007–2021 гг. (слева направо)

Figure 1. Cartogram of LISA clusters for United Russia for four electoral cycles 2007–2021. (from left to right)

Источник: составлено автором.

КПРФ

Пожалуй, КПРФ является единственной партией, которая за четыре электоральных цикла настолько значительно изменила свою электоральную структуру (рис. 2). Если ещё в 2007 году можно было видеть классический «Красный пояс» в Черноземье и отдельные регионы поддержки за Уралом, что полностью подтверждалось гипотезой, то уже к 2021 году можно наблюдать две тенденции. Первая связана с тем, что само существование «Красного пояса» в европейской части России стоит считать невозможным, так как максимальные показатели показывают регионы Нечерноземья, а бывший «Красный пояс» превратился в «синий», то есть в зону поддержки «Единой России». Возможно, пока преждевременно говорить об исчезновении «Красного пояса». Есть вероятность, что он просто сместился к северу, но пока не представляется возможным считать те несколько регионов на севере Центральной России полноценным преемником «Красного пояса». Чтобы

это подтвердить, необходимо проанализировать хотя бы несколько электоральных циклов, чтобы понять, усилится ли динамика. Вторая тенденция связана с тем, что те отдельные регионы в Сибири к 2021 году превратились в устойчивый кластер электоральной поддержки КПРФ, с уровнем поддержки большим, чем в европейской части России. Поэтому остаётся открытым вопрос, что считать «Красным поясом» сегодня.

Рис. 2. Картограмма кластеров LISA для КПРФ по четырём электоральным циклам 2007–2021 гг. (слева направо)

Figure 2. Cartogram of LISA clusters for the Communist Party of the Russian Federation for four electoral cycles 2007–2021. (from left to right)

Источник: составлено автором.

ЛДПР

Стабильным остаётся электоральное ядро ЛДПР на Дальнем Востоке, но очень важно отметить наличие двух устойчивых электоральных районов: в Сибири и на Европейском Севере (рис. 3). Их особенностью является тот факт, что с течением времени они только усиливают свою поддержку, в отличие от европейской части России, где высокая поддержка выявлялась в отдельных регионах, но уже с 2011 года уровень поддержки стал незначительным. Интересно, что кластер высоких

значений на Европейском Севере был отмечен уже в 2007 году, как и кластер в Западной Сибири. Более того, к 2021 году можно наблюдать формирование единого мегакластера высоких значений, который образуется путём слияния кластеров на Европейском Севере и в Западной Сибири.

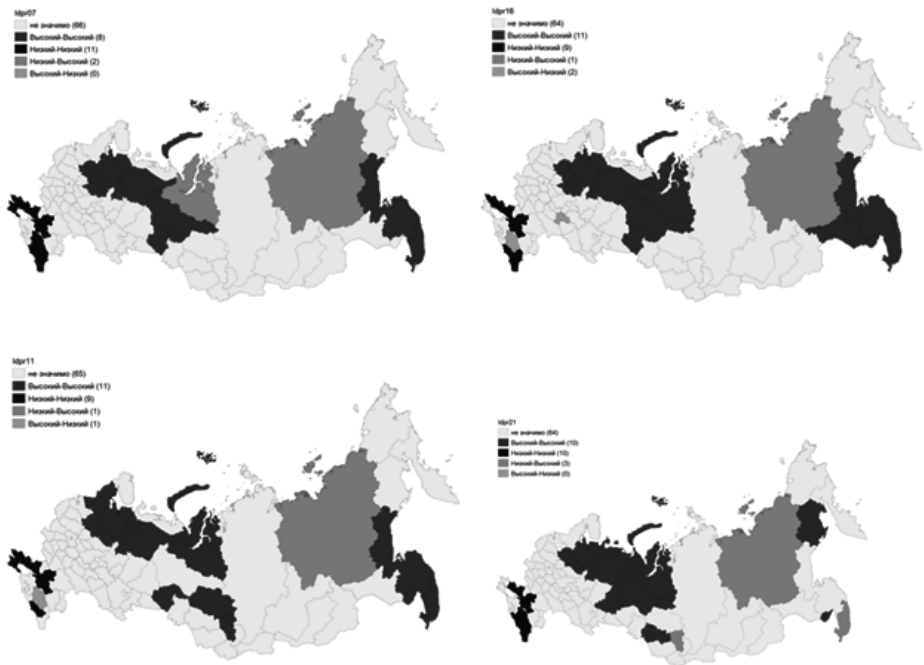

Рис. 3. Картограмма кластеров LISA для ЛДПР по четырём электоральным циклам 2007–2021 гг. (слева направо)

Figure 3. A cartogram of LISA clusters for the LDPR for four electoral cycles 2007–2021. (from left to right)

Источник: составлено автором.

СРЗП

СРЗП несколько похожа на ЛДПР, так как есть электоральное ядро на Европейском Севере, но к 2021 году заметно формирование нового района электоральной поддержки на Урале и Западной Сибири (рис. 4). Интересно, что кластер высоких значений на Европейском Севере хоть и является устойчивым, но демонстрирует тенденции к различного типа колебаниям, вроде сжатия в 2016 году или разрастания в 2011 году. Несмотря на высказанные ранее предположения о формировании нового электорального района поддержки на Урале и в Западной Сибири, стоит скептически к этому относиться, так как данный кластер сформировался только по итогам одного электорального цикла, в момент наибольшего сжатия основного электорального района, поэтому можно предположить некий локальный переток электората, так как уже в 2021 году электоральный район на Европейском Севере вновь усилился, а кластер за Уралом не детектируется весьма слабо.

Рис. 4. Картограмма кластеров LISA для СРЗП по четырем электоральным циклам 2007–2021 гг. (слева направо)

Figure 4. LISA cluster cartogram for the SRFT for four electoral cycles 2007–2021. (from left to right)

Источник: составлено автором.

«Яблоко»

Партия «Яблоко» на всех электоральных циклах демонстрирует максимальные результаты в Москве, Санкт-Петербурге и Карелии (рис. 5). Любопытно, что в течение двух электоральных циклов было отмечено формирование электорального района на Северо-Западе, но также была отмечена его неустойчивость. Одна из особенностей территориального распределения голосов данной партии является её точечность. Однако уже в 2011 году пространственным анализом фиксируется возникновение кластера высоких значений на Европейском Севере. Возможно, произошло своеобразное электоральное «притяжение» вокруг двух основных электоральных «магнитов» — Санкт-Петербурга и Карелии. Несмотря на высказанные ранее сомнения в устойчивости, кластер на Европейском Севере воспроизводит себя на протяжении трёх электоральных циклов, поэтому можно сделать вывод о наличии полноценного, полигонального, а не точечного, электорального района поддержки партии «Яблоко».

Рис. 5. Картограмма кластеров LISA для «Яблока» по четырем электоральным циклам 2007–2021 гг. (слева направо)

Figure 5. A cartogram of LISA clusters for Yabloko for four electoral cycles 2007–2021. (from left to right)

Источник: составлено автором.

Заключение

Таким образом можно сделать вывод, что электоральная структура России по итогам четырёх последних электоральных циклов представляет собой скорее лоскутное одеяло из разных субъектов. Стоит сказать, что районы электоральной поддержки партий значительно отличаются как по площади, так и по характеру динамики. В частности, «Единая Россия» демонстрирует монолитность структуры, практически неизменную на протяжении четырёх электоральных циклов. КПРФ, напротив, демонстрирует полную трансформацию своей электоральной структуры, наблюдается значительный сдвиг электоральной поддержки от Черноземья к регионам Дальнего Востока. Электоральная структура ЛДПР интересна наличием нескольких крупных кластеров на Европейском Севере, Западной Сибири и на Дальнем Востоке. Электоральная структура СРЗП и «Яблока» довольно неустойчива: для первой партии определённо можно отметить ядро на Европейском Севере, в то время как ядро второй партии скорее пока формируется.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахременко А.С. Пространственное моделирование электорального выбора: развитие, современные проблемы и перспективы (I) // Полис. Политические исследования. 2007. № 1. С. 153–167.
2. Ахременко А.С. Пространственное моделирование электорального выбора: развитие, современные проблемы и перспективы (II) // Полис. Политические исследования. 2007. № 2. С. 165–179.
3. Ахременко А.С. Пространственный электоральный анализ: характеристика метода, возможности кросснациональных сравнительных исследований // Политическая наука. 2009. № 1. С. 32–59.
4. Корнеева Е.М. Локальный уровень голосования в России: пространственно-эконометрический подход // Политическая наука. 2021. № 3. С. 229–250.
5. Окунев И.Ю., Горелова Ю.С., Груздева Е.Е. Региональные особенности электорального поведения в Польше: опыт сравнительного пространственного анализа // Сравнительная политика. 2021. Т. 12. № 1. С. 149–160.
6. Окунев И.Ю. Основы пространственного анализа: Монография. М.: Аспект Пресс, 2020. 255 с.
7. Окунев И.Ю. Электоральная география. М.: Аспект Пресс, 2023. 312 с.
8. Петров, Н.В., Титков, А.С. Электоральный ландшафт России и выборы в Государственную Думу 2003 года: Пространственно-временной анализ электоральной динамики // Известия АН. Серия Географическая. 2004. № 3. С.18–31.
9. Подколзина Е.А., Демидова О.А., Кулецкая Л.Е. Пространственное моделирование электоральных предпочтений в Российской Федерации // Пространственная экономика. 2020. Т. 16. № 2. С. 70–100.
10. Туровский Р.Ф. Парламентские выборы 1999 г.: региональные особенности // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. 1999. № 4. С. 102–121.
11. Туровский Р.Ф. Политическое расслоение российских регионов (История и факторы формирования) // Партийно-политические элиты и электоральные процессы в России. Круглый стол бизнеса России. Аналитические обозрения Центра комплексных социальных исследований и маркетинга. Серия: Политология. 1996. Вып. 3 (17). С. 37–52.
12. Шматкова Л.П., Доманов А.О. Опыт сравнительного пространственного анализа электорального поведения в регионах государств — соседей России // Политическая наука. 2022. № 4. С. 145–164.

REFERENCES

1. Akhremenko A.S. (2007a), Spatial modeling of electoral choice: development, modern problems and prospects (I), Polis. Political research, no. 1. pp. 153–167. (In Russ.).
2. Akhremenko A.S. (2007b), Spatial modeling of electoral choice: development, modern problems and prospects (II), Polis. Political research, no. 2. pp. 165–179. (In Russ.).
3. Akhremenko A.S. (2009), Spatial electoral analysis: characteristics of the method, possibilities of cross-national comparative studies, Political science (RU), no. 1, pp. 32–59. (In Russ.).
4. Korneeva E.M. (2021), Local voting in Russia: a spatial-econometric approach, Political science (RU), no. 3, pp. 229–250. (In Russ.).
5. Okunev I.Yu., Gorelova J.S., Gruzdeva E.E. (2021), Regional disparities of electoral behaviour in Poland: Comparative spatial analysis, Comparative Politics Russia, vol. 12, no. 1, pp. 149–160. (In Russ.).
6. Okunev I.Yu. (2023), Electoral geography. Moscow: Aspect Press, 312 p. (In Russ.).
7. Okunev I.Yu. (2020), Fundamentals of spatial analysis: Monograph. Moscow: Aspect Press, 255 p. (In Russ.).
8. Petrov N.V., Titkov A.S. (2004), The electoral landscape of Russia and the 2003 State Duma elections: A spatial and temporal analysis of electoral dynamics, Izvestia of the Academy of Sciences. Geographical Series, no. 3, pp. 18–31. (In Russ.).
9. Podkolzina E.A., Demidova O.A., Kuletskaya L.E. (2020), Spatial modeling of voting preferences in Russian Federation, Prostranstvennaya Ekonomika, vol. 16, no. 2, pp. 70–100. (In Russ.).
10. Turovsky R.F. (1999), Parliamentary elections of 1999: regional features, Politiya: Analysis. The chronicle. Forecast, no. 4. pp. 102–121. (In Russ.).
11. Turovsky R.F. (1996), Political stratification of Russian regions (History and factors of formation), Party and political elites and electoral processes in Russia. Russian Business Round table. Analytical reviews of the Center for Integrated Social Research and Marketing. Series: Political Science, Iss. 3 (17), pp. 37–52. (In Russ.).
12. Shmatkova L.P., Domanov A.O. (2022), Comparative spatial analysis of electoral behavior in the regions of Russia's neighbor states, Political science (RU), no. 4, pp. 145–164. (In Russ.).

УДК 681.58

DOI 10.63115/5060.2025.33.88.011

ПРИКЛАДНАЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ

Оценка соседних альтернатив в моделях принятия решений средствами языка программирования Python

Доманов Алексей Олегович*научный сотрудник Отдела исследований европейской интеграции, Институт Европы РАН, Москва, Россия**domanov.aleksey@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6253-2067>*

АННОТАЦИЯ

- Функционал языка программирования Python позволяет хранить и обрабатывать сведения о соседних географических объектах, сопоставляемых политическими акторами. Наиболее подходящими библиотеками последних лет с открытым кодом для анализа и прогнозирования перемещений по координатной плоскости или графу смежности (например, в задачах рационального выбора, диффузии инноваций и формирования институтов, переезда в уже сформированную институциональную среду) можно считать Helipad и Mesa.
- «Цифровые двойники» акторов обращаются к сведениям о соседстве (закодированным в явном виде или выведенным из координат территорий) при взаимодействии со средой: в ходе поэтапной симуляции перечень альтернатив для размещения в следующий момент времени ограничивается списком близлежащих мест.
- Выбирая оптимальное местоположение, компьютерные модели сопоставляют релевантные характеристики соседних объектов, ориентируясь на закодированные предпочтения. Для этого проводится автоматический расчёт полезности, которую актор получил бы через некоторое время благодаря свойствам выбранной зоны, и определяется наиболее приемлемая близкая альтернатива.
- Некоторые библиотеки содержат готовые процедуры, предназначенные для визуализации участков земли и образованного ими пространства (в виде тепловой карты — в зависимости от значения какого-либо параметра в различных местах)
- Переформулировав задачу исследования (перенеся акцент с характеристик территорий на свойства перемещений в различных направлениях), можно воспользоваться библиотеками на основе теории игр. Сравнение стратегий перехода на соседние участки земли, алгоритмизируется с помощью функций библиотек *Axelrod*, *QuantEcon*, *StratPy*, *NashPy*, *OpenSpiel*.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

агентно-ориентированное моделирование, матрица смежности, теория игр, методы оптимизации, предпочтения

ГЕОТЕГИ

Россия, Австрия, ЕС

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

doi.org/10.7910/DVN/UHJQQR

Evaluating Contiguous Alternatives in Decision-Making Models Using Python Programming Language

Aleksey Domanov

Research Fellow, Department of European Integration Research, RAS Institute of Europe, Moscow, Russia

domanov.aleksey@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6253-2067>

ABSTRACT

- Python programming language allows for storing and processing information about neighboring geographic objects compared by political actors. The most suitable open-source recent libraries for analyzing and predicting movements along a coordinate plane or adjacency graph (for example, in rational choice studies, diffusion of innovations and shaping institutions or relocation to an already reshaped institutional environment) are presumably Helipad and Mesa.
- Actors' «digital twins» access information about their neighborhoods (encoded explicitly or derived from a polygon's coordinates) when interacting with the environment: by limiting the number of alternatives for displacement or allocation at the next moment (during a step-by-step simulation) to a list of nearby places.
- When choosing the optimal location, computer

models compare the relevant characteristics of neighboring objects, focusing on encoded preferences. To that end an actor automatically calculates the utility it would have received by the end of the period thanks to the envisaged zone's properties, and the most acceptable nearby alternative is determined.

- Some libraries contain ready-made procedures visualizing the territories and the space they form (as a heat map — with areas' colors depending on the value of any parameter).
- By reformulating the research task (by shifting the emphasis from the territories' characteristics to the properties of moving in various directions), one could use libraries based on game theory. Algorithms to compare strategies (relocating to neighboring areas) are provided in libraries *Axelrod*, *QuantEcon*, *StratPy*, *NashPy*, *OpenSpiel*.

KEYWORDS

agent-based modeling, contiguity matrix, game theory, optimization methods, preferences

GEOTAGS

Russia, Austria, the EU

SUPPLEMENTARY MATERIALS

doi.org/10.7910/DVN/UHJQQR

В ходе исследований политических факторов человеческой деятельности (особенно, ограниченной рациональности, формирования институтов силами отдельных акторов, диффузии инноваций за границу государства) нередко возникает потребность формализовать учёт информации о соседстве территорий. Такие данные позволяют избавиться от избыточной сложности модели, сократить перечень взаимосвязей (в частности, по критерию соседства: если автор полагает, что на решение действующих лиц наибольшее воздействие оказывают близкие

объекты, то он может сократить выборку влияющих переменных, отсекая дальние зоны). Например, при планировании тиража местного общественно-политического издания, которое лишено технической возможности доставлять печатную продукцию на дальние расстояния, можно учитывать спрос лишь потенциальных подписчиков — в регионах-соседах 1 порядка.

Язык программирования Python предоставляет возможность структурированно хранить значения необходимых переменных и оперировать ими, тем самым автоматизируя многие аналитические процедуры (прежде всего, валидацию построенных моделей). Рассмотрим несколько библиотек с открытым кодом на этом языке, позволяющие проверить гипотезы о закономерностях выбора между некоторыми близлежащими точками или зонами, в которые политические акторы хотели бы перейти или направить свои ресурсы.

Хранить информацию о соседствующих территориях, которые рассматриваются акторами в качестве альтернативных вариантов для перемещения, целесообразно, например, с помощью классов²⁸ *Patch* и *PatchesGeo* библиотеки *Helipad*²⁹. Она позволяет проводить над этими структурами данных те операции, с помощью которых часто моделируют политических акторов, выбирающих местоположение для своего имущества или самих себя (объектов класса *Agent*)³⁰. Архитектура программного пакета допускает, что решение о территории будущего размещения принимается по итогам оценки соседних территорий в настоящий момент (например, в Приложении закодирован выбор наиболее благоприятной институциональной среды руководителями португальских предприятий).

Эта библиотека предлагает инструменты, с помощью которых пользователь может ограничить количество вариантов будущих перемещений кратким перечнем соседних участков земли, причём установить различия между наборами альтернатив для разных положений актора. С этой целью на множестве территорий задаётся пространственная структура: функция *heli.spatial()* создаёт словарные объекты *Edges* для каждой территории³¹, *model.agents.createNetwork()* — единый граф для нескольких точек³². Благодаря этим хранилищам информации о смежно-

28 Язык Python создавался для написания кода, прежде всего, в объектно-ориентированной парадигме программирования, поэтому упомянутые сведения представлены в компьютерной памяти в виде объектов (отдельных экземпляров общего класса) с атрибутами.

29 Harwick C. (2023), *Helipad: A Framework for Agent-Based Modeling in Python* // SSRN. 2023. DOI <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3870501> [Электронный ресурс]: URL: <https://ssrn.com/abstract=3870501> (accessed: 09.01.2025).

30 The Agent Class // *Helipad Codex*. 2024. [Электронный ресурс]: URL: <https://helipad.dev/functions/agent/> (accessed: 09.01.2025).

31 The *Helipad.spatial* Function // *Helipad Codex*. 2024. [Электронный ресурс]: URL: <https://helipad.dev/functions/model/spatial/> (accessed: 09.01.2025); The *Edges* Class // *Helipad Codex*. 2024. [Электронный ресурс]: URL: <https://helipad.dev/functions/edges/> (accessed: 09.01.2025).

32 The *AgentsPlot* Class // *Helipad Codex*. 2024. [Электронный ресурс]: URL: <https://helipad.dev/>

сти существует возможность выявить участки рядом с местоположением акторов, обратившись к его атрибуту *neighbors*³³ (например, с помощью команды `country1.neighbors` для объекта *country1*).

С точки зрения проектирования ГИС примечательна возможность задавать не только матрицу смежности для сетевого анализа, но и подразумевать соседство в одном или двух измерениях: не только в цепи элементов, но и по абсциссе и ординате различных зон на плоскости, а также широте и долготе. Вывод о степени близости территорий делается автоматически, если координаты указываются в качестве первого аргумента метода *heli.patches.add()*³⁴. Вызов этой процедуры добавляет к создаваемым объектам класса *Patch* географические характеристики. Они вводятся в оборот как простой список кортежей (из широты и долготы точек на границах полигонов) или объекты класса *Polygon* широкоиспользуемой библиотеки *Shapely* (которые, в свою очередь, могут быть прочитаны из сторонних файлов с расширением *.geojson* — например, при помощи популярной библиотеки *Geopandas*)³⁵. Перед добавлением этих участков на карту требуется уточнить тип строящейся модели с помощью специального аргумента *heli.spatial(geometry='geo')*, причём пользователь может настроить другие значения этого параметра (например, *geometry='polar'* для полярных координат).

Сведения о смежности позволяют визуализировать все упомянутые элементы, в двумерном пространстве на дисплее. При наличии координат они размещаются на двух координатных осях, в отсутствие таковых граф соседства отображается вызовом метода *addPlot* у объектов класса *Charts*³⁶.

При создании пространственной модели у акторов появляются методы, которые тесно связаны с упомянутыми перечнями соседей — способы перемещаться по карте или сети (*.moveTo(patchID)*), который настраивается указанием смежного участка в скобках, *.moveUp* и прочие. В дальнейшем эти методы задействуются после ответа на запрос симулятора: при исполнении «декорированной функции» *modelStep*³⁷ отдаётся команда установить местоположение актора через определённый временной интервал, и сведения о соседстве привлекаются к вычислению для выдвижения гипотез о том, куда выбирающий сможет добраться в конце

functions/agentsplot/#notes (accessed: 09.01.2025).

33 The Patch Class // Helipad Codex. 2024. [Электронный ресурс]: URL: <https://helipad.dev/functions/patch/> (accessed: 09.01.2025).

34 Пример использования приведён в charwick/helipad // Github. 2024. [Электронный ресурс]: URL: <https://github.com/charwick/helipad/blob/master/helipad/spatial.py#L252> (accessed: 09.01.2025).

35 The PatchesGeo Class // Helipad Codex. 2024. [Электронный ресурс]: URL: <https://helipad.dev/functions/patchesgeo/#comment-547> (accessed: 09.01.2025).

36 The Charts Class // Helipad Codex. 2024. [Электронный ресурс]: URL: <https://helipad.dev/functions/charts/> (accessed: 09.01.2025); инструкция по применению: The AgentsPlot...

37 The modelStep Hook // Helipad Codex. 2024. [Электронный ресурс]: URL: <https://helipad.dev/hooks/modelstep/> (accessed: 09.01.2025).

предстоящего периода. По умолчанию результатом такого запроса могут стать только близкие территории и пункт изначального размещения актора, поскольку при изначальных настройках за одну единицу времени он продвигается лишь на один шаг, а значит, компьютеру целесообразно оценивать только доступные для передвижения участки.

Учёт и визуализация факторов выбора между соседними территориями

Ответ на запрос о выборе актора, сгенерированный в ходе симуляции, неслучаен (а значит, поддаётся расчёту компьютером) благодаря записанным сведениям не только об окружении территорий, но и их свойствах. Так как модель допускает некоторую степень рациональности актора, можем предположить, что в процессе решения он ориентируется на информацию о каких-либо признаках близлежащих земель. Следовательно, результат динамического моделирования должен учитывать те входные данные о признаках, которые оценивает актор.

Значения, принимаемые в расчёт смоделированным актором при принятии решений, хранятся как атрибуты *stocks* для каждого созданного территориального образования. К конкретному признаку обращаются, заключая его название в квадратные скобки: например, величина независимой переменной для гипотезы о влиянии инвестиционного климата на патентование солнечных батарей доступна при вызове команды `heli.patches['Austria'].stocks['contracts_enforcement']`.

Характеристики участков отображаются (например, в виде тепловой карты) с помощью метода `.config()`³⁸, который применяется к единому изображению множества участков (объекта класса *AgentsPlot*). Благодаря этой особенности название столбца атрибутов, извлечённого из *shape*-файла, указывается не для каждой административно-территориальной единицы, а однократно в скобках приведённой команды: например, `plot_obj.config('attractiveness', 'inv_clim_val')`.

В библиотеке *Helipad* заложена возможность выразить предпочтения актора в отношении релевантных признаков территории. определить, каким образом учитывается релевантная информация. С помощью условного оператора внутри функции *agentStep*³⁹ пользователь определяет, каким образом учитываются сведения о соседях и по каким критериям она оценивается, а именно устанавливает соответствие между желательными проявлениями признака и возможными перемещениями. Если этот параметр измерен на интервальной или порядковой

³⁸ The AgentsPlot ...

³⁹ Пример использования для решения получать энергию на соседней территории: `helipad/sample-models/grass.py` // Github. 2024. [Электронный ресурс]. URL: <https://github.com/charwick/helipad/blob/master/sample-models/grass.py#L44> (accessed: 09.01.2025).

шкале, то актору отдаётся команда стремиться к наибольшему или наименьшему значению (по формуле максимизации полезности); в других случаях исключается возможность перехода на участки с конкретными характеристиками (например, при законодательном требовании лицензировать производство определённого вида продукции).

Функционал, реализованный в Helipad (в частности, реакция на параметры окружения для выбора среди ограниченного круга альтернатив), доступен и пользователям программных пакетов более широкого профиля. Например, менее узкоспециализированная и зарекомендовавшая себя за 10 лет библиотека Mesa построена по принципу известной среды программирования NetLogo (написанной на языках Scala и Java), поэтому в ней тоже осуществим изложенный способ сократить количество вариантов в поле зрения актора (например, учитывать свойства участков лишь по соседству с ним). Граф смежности также визуализируется без прямого обращения к функциям отображения из сторонних модулей⁴⁰ (наподобие NetworkX, ToroNetX или Igraph). При этом запустить графический интерфейс немного сложнее, чем в Helipad (изображение появится на локальном сервере — в окне браузера); хотя остальная часть Mesa предусматривает более тонкую настройку и выглядит проще в использовании (алгоритм обработки обрабатываемой информации прописывается напрямую в методе *step*, не прибегая к типу «декорированных функций» *hook*, который предназначен для разработки многопользовательских интернет-сервисов).

Инструментарий теории игр для моделирования выбора

Ограничить круг действий и принимать решения на основе характеристик территорий можно также в других библиотеках, содержащих схожие с упомянутыми структуры данных и функции. В частности, существует способ решать поставленные задачи с помощью теоретико-игровых пакетов⁴¹, если переформулировать исследовательскую задачу и операционализацию.

40 Spaces // Mesa documentation. 2024. [Электронный ресурс]: URL: https://mesa.readthedocs.io/stable/apis/space.html#mesa.space.NetworkGrid.get_neighborhood (accessed: 09.01.2025).

41 Usage // StratPy 0.0.4 documentation. 2024. [Электронный ресурс]: URL: <https://stratpy.ofstad.co/en/latest/Usage/index.html#decision-nodes> (accessed: 09.01.2025); Create a Normal Form Game // NashPy 0.0.41 documentation. 2024. [Электронный ресурс]: URL: <https://nashpy.readthedocs.io/en/stable/how-to/create-a-game.html> (accessed: 09.01.2025); normal_form_game // QuantEcon 0.8.0 documentation. 2024. [Электронный ресурс]: URL: https://quanteconpy.readthedocs.io/en/latest/game_theory/normal_form_game.html#creating-a-player (accessed: 09.01.2025); Implement New Games // Axelrod 4.13.1 documentation. 2024. [Электронный ресурс]: URL: https://axelrod.readthedocs.io/en/stable/tutorials/implement_new_games/index.html (accessed: 09.01.2025); The code structure // OpenSpiel documentation. 2024. [Электронный ресурс]: URL: https://openspiel.readthedocs.io/en/latest/developer_guide.html#c-and-python-implementations (accessed: 09.01.2025).

Ситуация в центре внимания теории игр напоминает описанную — актер выбирает между несколькими вариантами действий, — но она моделируется с акцентом на его активности, а не на её результате. С этой точки зрения сопоставленными альтернативами можно считать не территории, а процесс перемещения между ними — шаги выбирающего. Этот подход открывает возможность применить теоретико-игровой инструментарий, благодаря которому некоторые библиотеки на языке Python сравнивают преимущества и недостатки различных действий (и, следовательно, их результаты).

С этой целью желательно отразить названия территорий в идентификаторах столбцов или строк матрицы игры: например, сопоставить стратегии «оплатить пошлину за заявку на патент в России» и «в Европейское патентное ведомство». Что касается оппонента, его стратегию в некоторых случаях корректно считать единственной и известной перед действием актора: смоделировать особый тип игр — «с природой» и последовательными ходами. Следовательно, изначальные свойства территорий в поле зрения актора представляются итогом «деятельности» соперника: допустим, «природа» заранее определила, какими значениями атрибутов наделяет каждую территорию (а значит, какой выигрыш получит переместившийся туда актер) и не стремится максимизировать свой выигрыш.

О сходстве теоретико-игровых инструментов с библиотеками *Helipad* и *Mesa* говорит успешное применение описанных функций для формализации различных состязаний, изученных классиками общественных наук. Благодаря рассмотренному функционалу реализованы «дилемма заключённого»⁴² и её многократное повторение⁴³ в ходе чемпионата Р. Аксельрода [Axelrod, 1997], а также переезд жителей⁴⁴ в рамках модели сегрегации Т. Шеллинга [Zhang, 2011].

Если представить выбираемые действия ходами в последовательной «игре с природой», то спектр активности игрока можно сократить: ограничить количество доступных стратегий. Зная, какие территории находятся *по соседству* от участника, целесообразно запретить ему перемещаться в остальные места. Что касается соседних разрешённых зон, из стратегий перехода в них можно составить список доступных шагов — профиль действий. Перечень соседних территорий (следовательно, разрешённых шагов) извлекается из матрицы соседства, заданной пользователем. В результате для каждого местоположения актора остаются доступными действия, соответствующие лишь территориям с положитель-

42 kondylidou/manipulation_simulation // Github. 2024. [Электронный ресурс]: URL: https://github.com/kondylidou/manipulation_simulation/blob/main/pd_ext/agent.py#L87 (accessed: 09.01.2025).

43 charwick/helipad // Github. 2024. [Электронный ресурс]: URL: <https://github.com/charwick/helipad/blob/master/sample-models/axelrod.py#L124> (accessed: 09.01.2025).

44 GeoSchelling Model (Points & Polygons) // Mesa-Geo 0.9.1 documentation. 2024. [Электронный ресурс]: URL: https://mesa-geo.readthedocs.io/stable/examples/geo_schelling_points.html#geoagent (accessed: 09.01.2025).

ными значениями взаимосвязей (только переходы по существующим рёбрам), а не нулевыми.

Выборка соседей вершины формируется на графах, созданных из географических данных в библиотеке PySAL: загрузкой *shape*-файла методом *from_shapefile* у объектов класса весов⁴⁵ и последующего поиска по загруженной матрице методом *to_adjlist* (у объектов того же типа или общего класса весов — *weights.W*); затем и функциями, наподобие *Moran_Local* того же пакета, можно выявить эффект соседства. В отсутствие координат поиск соседних узлов сети более трудоёмок, но осуществим с помощью бинарного оператора на графе, заданном в библиотеке «NetworkX» (соседи содержатся в атрибуте *.adj* каждого объекта класса *Graph*⁴⁶) или независимо от дополнительных модулей: в форме списка парных кортежей или списка списков (специальной вложенной структурой данных языка Python).

Кроме указания соседства, теоретико-игровые пакеты напоминают упомянутые библиотеки возможностью автоматизировать выбор действия. Для этого актор получает рекомендацию перейти в какое-либо место, проведя поиск стратегии с наибольшим выигрышем.

* * *

На случай необходимости интегрировать матрицы смежности в политико-географические модели разработано множество инструментов компьютерной симуляции и анализа данных. Некоторые библиотеки на языке программирования Python позволяют структурированно хранить и разнообразно обрабатывать переменные, которые требуются для решения поставленных задач (например, рационального выбора и размещения ресурсов).

На примере библиотеки *Helipad* показан широкий функционал подобных пакетов (в частности, *Mesa*), способы смоделировать динамику взаимодействия политических акторов с окружением и учесть их стремление максимизировать полезность от перемещения на соседние территории. Процедуры автоматического выбора будущего местоположения можно ограничить с помощью информации о соседстве: запрашивать информацию лишь о прилежащих участках и допускать переход только на эти земли.

Поскольку факторы принятия решения могут моделироваться не только как

45 Например, у объектов *weights.Queen*: *libpysal.weights.Queen* // *libpysal v.4.13.0 Manual*. 2024. [Электронный ресурс]: URL: https://pysal.org/libpysal/generated/libpysal.weights.Queen.html#libpysal.weights.Queen.from_shapefile (accessed: 09.01.2025).

46 *Graph.adj* // *NetworkX 3.4.2 documentation*. 2024. [Электронный ресурс]: URL: <https://networkx.org/documentation/stable/reference/classes/generated/networkx.Graph.adj.html#networkx.Graph.adj> (accessed: 09.01.2025).

атрибуты объектов, но и как промежуточный результат «игры с природой», для решения поставленной задачи можно воспользоваться функциями автоматического выбора в библиотеках на основе теории игр — например, Axelrod, QuantEcon, StratPy, NashPy, OpenSpiel. Сведения о соседних территориях позволяют сократить количество допустимых стратегий для каждого местоположения и определить реакцию актора на их параметры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Axelrod R. (1997), The complexity of cooperation: Agent-based models of competition and collaboration, Princeton: Princeton University Press, 248 p.
2. Zhang J. (2011), Tipping and residential segregation: A unified schelling model, Journal of Regional Science, vol. 51, no. 1, pp. 167–193.

REFERENCES:

1. Axelrod R. (1997), The complexity of cooperation: Agent-based models of competition and collaboration, Princeton: Princeton University Press, 248 p.
2. Zhang J. (2011), Tipping and residential segregation: A unified schelling model, Journal of Regional Science, vol. 51, no. 1, pp. 167–193.

ПРИЛОЖЕНИЕ. Код программы на языке «Python» «Восприятие регуляторных режимов и налогового законодательства Испании и Португалии руководителями португальских предприятий»

APPENDIX. “Python” code “Spanish and Portuguese regulatory regimes and tax law, as perceived by Portuguese enterprises’ directors”

© Aleksey Domanov (CC BY-NC-SA и в соответствии с лицензией пакета «Helipad» - MIT)

Комментарии автора начинаются с символа #

```
from helipad import Helipad

def buildModel():
    mod = Helipad() # в начале строки 2 или 4 пробела
    mod.name = 'TSpaMo' # 'The Spatial Model'
    mod.stages = 1
    mod.agents.order = 'random'
```

Решат переместить производство из Португалии в Испанию, оценив свойство территории «удобство регулирования»:

```
mod.goods.add('regulComf', 'red', 1) # значение признака
участка по умолчанию, улучшено для Испании в функции
patchStep
```

```
@mod.hook # функции выбора местоположения и изменения
свойства страны (например, с наступлением нового года)
дописывается к одной из основных функций вызываемых (в конце)
командой запустить и визуализировать симуляцию
```

```
def agentStep(agent, model, stage):
    for contig in agent.patch.neighbors:
        if contig.stocks['regulComf'] > agent.patch.
stocks['regulComf']:#.attr:
        agent.moveTo(contig)
```

```
@mod.hook
def patchStep(patch, model, stage):
    if patch.name == «Spain»: patch.
stocks['regulComf']=2
```

```
mapPlot = mod.spatial(dim=(2,1), geometry='geo',
wrap=False, corners=False)
mapPlot.config( {'patchProperty': 'good:regulComf'} )
shp=[ [«Portugal», [ (0,0),(0,1),(1,0) ]], [«Spain»,
[ (1,0),(0,1),(2,1),(2,0) ]]]
```

```
# или вызвать ГИС-пакет в явном виде, например
для поточечного построения: shapely.geometry.shape({type:
«Point», «coordinates»: (0,0)})
```

```
for ctryAttrs in shp: mod.patches.add(shape=ctryAttrs[1],
name=ctryAttrs[0])
```

```
return mod
```

```
sim = buildModel()
sim.launchCpanel() #либо sim.launchVisual()
```

```
# assert(sim.patches[«Portugal»].agentsOn==[]) # поместить
внутри buildModel() при необходимости проверить, что в
список акторов на португальской территории пуст (что все
переместились в Испанию)
```

УДК 328

DOI 10.63115/1632.2025.27.58.012

ПРИКЛАДНАЯ СТАТЬЯ

Опыт применения сетевых моделей для анализа для пространственного анализа практик джерримендеринга на выборах в Конгресс США в 2000–2020 гг.

Глумов Филипп Владиславович*студент факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия**fuglumov@edu.hse.ru***Мальцев Артём Михайлович***преподаватель департамента политики и управления, научный сотрудник Центра изучения стабильности и рисков, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; старший преподаватель кафедры политических наук, Московская высшая школа социальных и экономических наук, Москва, Россия**amalcev@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3330-6968>*

АННОТАЦИЯ

Настоящее исследование посвящено явлению джерримендеринга на примере выборов в Конгресс США. Для анализа были использованы границы избирательных округов в Конгресс США. Деление штатов на округа было основано на данных переписей, проводившихся с 2000 по 2020 годы. Данные о малых административных единицах (графствах) аналогично опираются на данные переписи. В статье теоретизируются перспективы применения методов инферентного сетевого анализа для изучения пространственных данных распределения территорий графств штатов между избирательными округами. Так, в частности, методы статистических моделей, основанных на экспоненциальных случайных графах (Exponential Random Graph Model, ERGM), могут быть адаптированы оценки закономерностей объединения или перераспределения отдельных графств между едиными избирательными округами. Такие модели позволяют идентифицировать статистически значимые эффекты факторов электоральной инженерии в виде стратегической манипуляции границами избирательных округов («ручной отрисовки»), при которой объединение

графств осуществляется не на основе географической близости населенных районов, но продиктовано специфическими социо-демографическими и политическими характеристиками отдельных графств. Применение сетевого анализа обуславливается «диадной» структурой пространственных данных, при которых отдельные наблюдения (графства) объединяются парными связями общей принадлежности к избирательным округам, что, в свою очередь, приводит к формированию сетевого графа аффилиации (affiliation network). Указанный метод, потенциально, позволяет описать механизм перераспределения малых электоральных единиц в рамках избирательных округов. Исследователями были проверены гипотезы о социально-политических факторах, оказывающих влияние на устройство данного механизма: рассмотрена роль партийных интересов, а также роль подавления и защиты расовых меньшинств как важных факторов, формирующих американский политический дискурс.

Результаты сетевого анализа демонстрируют значимость социо-демографических предикторов, что подтверждает наличие взаимосвязи между расо-

вым составом населения графств и геопропорциональной нарезкой избирательных округов. Эффекты для любого фактора являются неоднородными в рамках страны, демонстрируя существенно различные результаты между штатами. Полученные оценки не позволяют сделать однозначного вывода о выдвинутых гипотезах, так как группы штатов,

где проявляются те или иные признаки не всегда подлежат осмысленному обобщению. Полученные результаты в целом иллюстрируют эвристический потенциал адаптации методологии сетевого анализа для решения теоретических задач политической географии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

сетевой анализ, джерримендеринг, электоральная география, США, выборы

ГЕОТЕГИ

Северная Америка, США

UDC 328

DOI 10.63115/1632.2025.27.58.012

CASE ARTICLE

Applying Network Models for Analysis to Spatial Analysis of Gerrymandering Practices in the 2000–2020 U.S. Congressional Elections

Philip Glumov

Student, Faculty of Social Sciences, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

fvglumov@edu.hse.ru

Artem Maltsev

Lecturer at the Department of Politics and Governance, Research Fellow at the Centre for Stability and Risk Analysis, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia; Senior Lecturer at the Department of Political Science, Moscow Higher School of Social and Economic Sciences, Moscow, Russia

amalcev@hse.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3330-6968>

ABSTRACT

The present study is devoted to the phenomenon of gerrymandering on the example of US Congressional elections. The boundaries of US Congressional electoral districts were used for the analysis. The division of states into districts was based on census data from 2000 to 2020. Data on small administrative units (counties) similarly relied on census data. This article theorizes the prospects of applying inferential network analysis methods to study spatial data of state county area distributions among electoral districts. In particular, methods of statistical models based on Exponential Random Graph Model (ERGM) can be adapted to

assess patterns of aggregation or redistribution of individual counties between single electoral districts. Such models allow identifying statistically significant effects of electoral engineering factors in the form of strategic manipulation of constituency boundaries ("hand-drawing"), whereby the unification of counties is not based on the geographical proximity of populated areas, but is dictated by the specific socio-demographic and political characteristics of individual counties. The use of network analysis is conditioned by the "dyad" structure of spatial data, in which individual observations (counties) are united by pairwise ties of common affiliation to

constituencies, which in turn leads to the formation of an affiliation network graph. This method potentially allows describing the mechanism of redistribution of small electoral units within constituencies. The researchers tested hypotheses about the socio-political factors that influence this mechanism — the role of partisan interests, as well as the role of suppression and protection of racial minorities as important factors shaping American political discourse.

The results of the network analysis demonstrate the significance of socio-demographic predictors, confirming the relationship between the racial

composition of county populations and the geospatial slicing of electoral districts. The effects for any factor are not homogeneous within the country, showing significantly different results between states. The resulting estimates do not allow for a clear conclusion about the hypotheses, as the groups of states where particular attributes are evident are not always subject to meaningful generalization. The results generally illustrate the heuristic potential of adapting the methodology of network analysis to solve theoretical problems of political geography.

KEYWORDS

network analysis, gerrymandering, electoral geography, USA, elections

GEOTAGS

North America, USA

Введение

В современных исследованиях в области электоральной географии, джерримендеринг изучается преимущественно в «американском» контексте: несмотря на наличие множества примеров аналогичных явлений во всем мире, основная часть научных работ посвящена именно кейсу США. Интерес к теме границ избирательных округов стал расти начиная с конца 20 века, когда политологи искали новые факторы, влияющие на электоральные успехи партий и отдельных кандидатов. В исследованиях джерримендеринга в США можно выделить два основных периода: ранний (ориентированный на отдельных кандидатов) и современный (ориентированный на структурные факторы). Первая группа исследований фокусируется на джерримендеринге как на инструменте, позволяющем исказить электоральное представительство, обеспечив победу конкретному конгрессмену. Так, пересмотр границ может привести к тому, что один из инкубентов потеряет свой округ — он будет существенно деформирован или расформирован. Однако роль инкубента, по мнению исследователей раннего периода, была первична в вопросе вероятности переизбрания политиков. Роль непосредственно партийного джерримендеринга оценивалась невысоко — устойчивых взаимосвязей между джерримендерингом и результатами выборов не обнаруживалось [Campana, Grofman, 1990], или же связь была не однозначной [Noragon, 1973]. Один из ранних исследователей джерримендеринга Б. Каин и вовсе предполагал, что роль джерримендеринга будет расти лишь в контексте защиты инкубентов, так как избиратели все чаще голосуют за кандидатов, не обращая внимания на их партийную принадлежность [Cain, 1985].

В 21 веке же джерримендеринг все чаще стал рассматриваться критически, как структурная проблема политической системы [McGhee, 2020]. Вопреки предпо-

ложениям Каина в 1980-х гг., партийный фактор стал чрезвычайно важным для избирателей за последние десятилетия. Джерримендеринг стал оружием не столько в интересах конкретных конгрессменов, сколько в руках партийных машин — их целью стало повышение представительства в легислатуре. В отличие от 1980-х гг., общество стало гиперполяризованным и привязанным к партийным брендам, что усилило власть партий в перераспределении границ — из-за возросшей роли симпатий к конкретной партии электоральный процесс стал менее конкурентным и более предсказуемым для партийных функционеров, желающих перечертить границы округов [McCarty et al., 2009]. Исследователи стали обращать внимание на структурные искажения, порожденные джерримендерингом [McGhee, 2020]: в академической традиции стало принято рассматривать искажения в терминах «efficiency gap» [Stephanopoulos, McGhee, 2014] (разницей между долей голосов и полученных мест в легислатуре). Ввиду обострившейся юридической борьбы, популярность также приобрели исследования, изучающие альтернативные способы создания округов на основе минимизаций искажений джерримендеринга путем выработки специализированных алгоритмов (simulation-based methods) [Chatterjee et al., 2020].

Для изучения джерримендеринга исследователи, как правило, опираются на методы регрессионного анализа с целью моделирования искажений, порожденных электоральной инженерией. Probit- и logit-модели [Goedert, 2014; Glazer, Grofman, 1987] действительно хорошо подходят для оценки потенциальных результатов таких изменений, однако это справедливо скорее для оценок последствий джерримендеринга. Само вмешательство может быть диагностировано лишь косвенно, через результаты выборов, но не через непосредственно структуру округов. Чтобы сфокусироваться непосредственно на выявлении, а не последствиях применения таких практик, следует рассмотреть методологические альтернативы.

Теоретические подходы к объяснению джерримендеринга

Для исследования факторов потенциально влияющих на появление практик джерримендеринга необходимо сфокусироваться на тех характеристиках избирателей, которые могут выступить специфичным фильтром для электорального инженера. Поскольку речь идет о моделировании такого комплексного социального процесса как электоральное поведение, электоральные инженеры вынуждены работать в условиях неполноты информации. Предпочтения людей на будущих выборах не могут быть однозначно определены, поэтому речь идет скорее о «кластеризации» избирателей — не только географической (избиратели как часть определенной территории), но и социально-демографической (избиратели как

часть определенной группы интересов) [Stephanopoulos, 2017]. В американском контексте расовый фактор играет большую роль на уровне ежедневной перцепции и, как следствие, на уровне политики, отражая, тем самым, один из самых сильных общественных расколов в обществе. Расовые меньшинства, в частности, традиционно рассматриваются как специфическая политическая группа, ввиду их особого исторического опыта. Такая оценка применяется как к афроамериканцам, так и к латиноамериканцам, чья доля существенно возросла за последние десятилетия. В контексте джерримендеринга расовый вопрос также рассматривается как существенный — выделяется даже частный случай «расового джерримендеринга», направленного против или наоборот в поддержку конкретной расовой группы [Polsby, 1993; Lublin, 1997]. Защита гражданских прав в США активно влияет на электоральный процесс, провоцируя все новые дискуссии о репрезентации тех или иных групп по власти — в том числе через вопрос о границах избирательных округов. Корректировка границ в таком случае рассматривается как обоюдоострый инструмент, способный как поддержать, так и подавить меньшинство.

Еще одним важным фактором является непосредственно политическое поведение электората. Хотя будущие предпочтения не могут быть подвержены электоральному инжинирингу, то с учетом прошлых результатов прошлых выборов всегда возможно создать более-менее ясную картину географического распределения поддержки тех или иных сил. Партийные функционеры заинтересованы в повышении собственного представительства, что создает стимулы к пересмотру границ с опорой на меняющиеся тренды партийной поддержки в географическом разрезе [Caughey et al., 2017]. Информация об электоральной истории той или иной группы избирателей в сочетании с упомянутыми выше структурными факторами позволяют политическим акторам строить более обоснованные предположения о характере будущего электорального поведения, и, как следствие, представительства. Однако избиратели в контексте джерримендеринга не являются самостоятельными единицами — они группируются по территориальному принципу, что открывает возможности для манипуляций географическими границами избирательных округов. [Morrill, 2018]. Из-за невозможности оперировать на микроуровне избирателя электоральный инжиниринг часто происходит на уровне малых географических единиц, сгруппированных в более крупные округа с учетом различных характеристик локального электората. Именно такая специфика процессов джерримендеринга наводит на исследование этого процесса в логике сетевой структуры.

В частности, нас заинтересовала перспектива применения сетевого анализа к моделированию выживаемости связей малых территорий в рамках процесса перерисовки избирательных округов (redistricting). Описанная нами проблема хорошо сочетается с сетевой логикой исследований: наши данные о территориях могут быть представлены в формате вершин и диад, где вершинами будут высту-

пать некие малые единицы, составляющие округа, а диады будут отражать связь этих единиц — в нашем случае нахождение в одном округе. Наличие социально заданных закономерностей при разрыве этих связей при перерисовке округов таким образом может свидетельствовать о наличии практик джерримендеринга. В то же время стоит отметить, что практики джерримендеринга едва ли могут быть обнаружены на национальном уровне. Выборы в США имеют крайне децентрализованный характер, что, в частности, выражается в отсутствии единого центра принятия решений касательно границ избирательных округов. Каждый штат самостоятельно распоряжается своей территорией и имеет сравнительно высокий уровень автономии в создании округов на своей территории. В рамках нашего исследования это значит, что результаты каждого штата осмысленно анализировать отдельно, так как потенциальные акторы джерримендеринга различны между штатами.

Тем не менее, на основании академической традиции изучения джерримендеринга в США мы можем предположить наличие некоторых общих трендов, существующих если не национально, то по крайней мере на уровне группы штатов. Мы можем сформулировать 3 основные гипотезы:

- 1) Практики джерримендеринга связаны в первую очередь с усилиями республиканской партии, поэтому склонность разрыва связей должна снижаться с ростом поддержки данной партии [Stephanopoulos, McGhee, 2014];
- 2) Джерримендеринг как инструмент направлен на подавление расовых меньшинств, что выражается в повышенной склонности разрыва связей для территорий с большей долей меньшинств; для белого населения ожидается противоположный тренд [Waymer, Heath, 2016];
- 3) Джерримендеринг как инструмент направлен на поддержку расовых меньшинств и повышению их репрезентации в конгрессе, что выражается в пониженной склонности разрыва связей для территорий с большей долей меньшинств для защиты округов с их доминированием (согласно разделу 2 Voting Rights Act of 1965 «размывание голосов», при котором сила или эффективность голоса какого-либо лица уменьшается запрещается как пример расовой дискриминации).

Для разъяснения первой гипотезы в контексте нашего исследования важно упомянуть такой проект, как REDMAP — глобальный проект республиканцев по перекройке избирательных округов в целой группе штатов. Проект подразумевал проведение активной избирательной кампании в 2010 году, направленной на ряд конкурентных штатов с целью получить большинство в местных легислатурах. Получение такого перевеса позволило бы республиканцам перерисовать границы округов под себя — именно местным легислатурам избранным в 2010 году предстояло сформировать новые границы на будущее десятилетие. План

оказался крайне успешным: республиканцы перехватили контроль в legislatures таких конкурентных штатов, как Висконсин, Мичиган, Огайо, Пенсильвания, Джорджия, Северная Каролина и др. Создание новых границ для выборов 2012 г., вероятно, сильно помогло республиканцам: набрав на 1.1 п.п меньше своих оппонентов им удалось заполучить 234 места в Палате Представителей из 435 возможных (47,7% голосов принесли 53,8% мест на новой схеме против 51,7% и 55,6%, соответственно, на старой схеме в 2010 г.). В 2020 году нам не приходится говорить о наличии столь централизованного плана, однако республиканцы все еще сохраняли контроль над ключевыми конкурентными штатами, что снова позволило им создать выгодную для себя схему округов на 2022 год.

Выводя вторую гипотезу мы хотим проверить предположение о проявлении так называемого подавления избирателей (voter suppression) со стороны электоральных инженеров — практики, направленной на подавление представительства расовых меньшинств за счет создания невыгодных для них электоральных карт, ведущих к их не представленности в legislature. Эта практика вступает в противоречие с Voting Rights Act of 1965, однако ее применение, как и трактовка спорных случаев остается в ведении судебной власти, что открывает пространство для сохранения таких практик на локальном уровне. Третья гипотеза же во многом противоположна второй и подразумевает наличие уже сформированных «расовых» округов, которые подвергаются повышенной защите от перераспределения.

В рамках нашей статьи мы предварительно рассмотрим саму процедуру перераспределения и определим оптимальные для сетевой структуры географические единицы анализа. Далее мы операционализируем ключевые социально-демографические и политические характеристики потенциально влияющие на склонность перераспределения территорий. Необходимо будет также отобрать релевантные нашей проблематике наблюдения - нас интересуют только те территории, которые в теории могут быть подвержены джерримендерингу, что автоматически отсекает статичные наборы территорий. Нам необходимо учесть не только социальные и политические характеристики самых малых единиц анализа, но и их географическое расположение: необходимо однозначно определить критерии, при соблюдении которых, единицы могут образовать связи, и уже внутри данной группы учесть фактор расположения единиц на местности, как потенциально подталкивающий или мешающий образованию связей.

Методологический обзор

С методологической точки зрения современные исследования процессов джерримендеринга инкорпорируют самые разнообразные эконометрические и статистические модели. Для выявления джерримендеринга нередко применяются срав-

нительный дескриптивный анализ, с опорой на сопоставление различных метрик компактности, таких как индексы Полсби-Поппера, а также нормализованный и нормализованный массовый момент инерции [Fan et al., 2015]. Традиционным подходом выступает использование обобщенных линейных моделей с функцией связи в виде логистической или пробит-регрессии. В качестве зависимой переменной в таких научных работах, как правило, рассматриваются вероятность победы кандидата на выборах, а также разница между ожидаемой и реально наблюдающейся долей мест партии в Конгрессе США [Glazer et al., 1987; Friedman, Holden, 2009]. Геопространственные факторы (в первую очередь расстояние между штатами) в таких исследованиях обычно рассматривается как обычный непрерывный предиктор, без использования взвешивания. В отдельных случаях применяются также методы геопространственного анализа — так, например команда ученых во главе с Д. Крамером применяет модель географически взвешенной регрессии (GWR) для изучения эффекта «коэффициента джерримендеринга»⁴⁷ на процент белого и афроамериканского населения в избирательных округах [Kramar et al., 2018]. Отметим, что все перечисленные исследования вынуждены оперировать различными прокси-переменными, отражающими потенциальные аспекты джерримендеринга, в то время как непосредственные процессы установления политически предвзятых границ избирательных округов не моделируются напрямую.

В последние годы в количественной методологии изучения джерримендеринга растет популярность сетевого подхода, при котором группировка (разбиение) избирателей между электоральными округами рассматривается в качестве матричного набора узлов и связей (вершин или ребер). Такие методы позволяют, с одной стороны, математически рассчитать географическую целостность избирательных округов с учетом распределения гомогенных социо-демографических групп населения [Cohen-Zemach et al., 2018; Bentert et al., 2023], а также при необходимости выполнить визуализацию паттернов распределения электоральных единиц между избирательными округами [Xu et al., 2018]. Важно подчеркнуть, что пока что такие исследования носят исключительно теоретико-методологический характер, и опираются преимущественно на искусственно сгенерированные (синтетические), а не эмпирические данные. Тем не менее, применение сетевого подхода позволяет учесть множественный характер связей соседства между электоральными единицами, а также принять во внимание взаимозависимость принадлежности таких единиц к одним и тем же избирательным округам.

Как уже упоминалось выше, с концептуальной точки зрения под «джерримендерингом» в настоящей статье понимается такое проведение границ избирательных округов, при котором определенные политические силы приобретают электоральное преимущество. Соответственно с эмпирической точки джерримендеринг

47 Выраженного как $G = p^2/a$, где p — периметр, a — площадь избирательного округа.

представляет собой «недобросовестную» часть «нормальной» электоральной инженерии, которая в свою очередь отражает объективные социодемографические изменения составных единиц избирательных округов. Таким образом, мы предлагаем рассматривать трансформацию границ электоральных округов как динамический сетевой процесс, при котором отдельные базовые электоральные единицы (графства) устанавливают или разрывают между собой ненаправленные сетевые связи, формируя таким образом временной ряд последовательных сетевых графов. Обратим внимание, что непосредственное моделирование связей между графствами в составе единых избирательных округов не несет существенной практической пользы, т.к. соответствующий бинарный отклик с высокой долей вероятности будет демонстрировать ситуацию «полного разделения» по географическому расстоянию (как при использовании логистической регрессии, так и в случае применения альтернативных моделей на основе метода максимального правдоподобия). Поэтому в качестве альтернативы, в виде зависимой переменной можно использовать разрывы связей между графствами, при которых соответствующая электоральная единица присоединяется к другому избирательному округу. В таком случае разумно предположить, что разрывы будут осуществляться между достаточно близкими (как правило, пограничными) графствами, что позволит лучше выделить воздействие социодемографических факторов и, соответственно, выделить потенциальные признаки джерримендеринга. Логика статистического моделирования, таким образом, близка к методу разделяемого темпорального экспоненциального случайного графа (STERGM).

Модель случайного экспоненциального графа (Exponential Random Graph Model, ERGM) представляет собой современный метод инферентного сетевого анализа, предназначенный для статистического анализа наблюдаемой сетевой структуры на предмет значимых закономерностей [Lusher et al., 2013]. Основная идея метода ERGM состоит в том, что наблюдаемый (эмпирический) сетевой граф может быть аппроксимирован цепочкой случайно сгенерированных графов (сетей) на основе набор определенных управляющих параметров, отражающих характеристики самих узлов, диадных связей между ними, а также структурно-топологических особенностей эмпирических графов в целом.

$$P(N, \theta) = \frac{1}{\sum_{N^* \in N} \exp\{\theta^T h(N^*)\}} \exp\{\theta^T h(N)\}$$

Рис. 1. Формула плотности вероятности ERGM

Figure 1. ERGM probability density formula

Для оценки коэффициентов при предикторах ERGM используется комбинация метода максимального псевдоправдоподобия (Maximum Pseudolikelihood

Estimation, MPLE), а также симуляционный алгоритм на основе метода Монте-Карло на Марковских цепях (Markov Chain Monte Carlo, MCMC). На первом этапе с помощью метода MPLE, аналогично логистической регрессии, рассчитываются стартовые оценки индивидуальных, парных, а также структурных предикторов (на основе допущения о независимости отдельных связей в совокупной раскладке наблюдаемого графа). При наличии в спецификации модели более эндогенных структурно-топологических предикторов, на основе стартовых оценок запускается стохастический алгоритм MCMC с целью достижения равновесного распределения выборки случайно сгенерированных графов, которая затем сравнивается с наблюдаемой сетью на предмет сходимости ряда целевых дескриптивных статистик. В случае успеха итоговые оценки рассчитываются с помощью метода максимального правдоподобия на основе сэмпла случайно сгенерированных графов.

Эмпирическая база

Для проверки наших гипотез нам необходимо было собрать данные об изменениях границ избирательных округов: нас интересуют границы округов на выборах в Конгресс 2002, 2012⁴⁸ и 2022 годов⁴⁹. Данные электоральные циклы представляют собой примеры первых выборов, проводимых по обновленным переписям — так, переписи проводят каждое десятилетие (в 2000, 2010...), однако новые границы округов формируются лишь к следующему электоральному циклу (2002, 2012...).

Изменение границ мы будем определять как нарушение целостности связей составных единиц округа — графств (counties)⁵⁰. Графства имеют принципиально разные размеры и население в рамках страны, однако для наших целей нас интересует лишь сам факт вхождения или не вхождения графств в тот или иной округ в определенный период. Нами были использованы центроиды графств, чтобы корректно определить принадлежность того или иного графства к округу — границы самих округов же были получены нами путем объединения данных по разным штатам в единую карту округов. Мы отказались от использования альтернативного подхода — метода максимального наложения — на начальной стадии исследования, так как опасались, что наличие существенного шума в геоданных, обусловленного разным качеством отрисовки слоев, исказит оценки, полученные данным методом. Тем не менее, этот методологический аспект не оказывает

48 United States Congressional District Shapefiles [Электронный ресурс]: URL: <https://cdmaps.polisci.ucla.edu/> (accessed: 01.02.2025).

49 United States Census Bureau [Электронный ресурс]: URL: https://www2.census.gov/geo/tiger/TIGER_RD18/LAYER/CD/ (accessed: 01.02.2025).

50 Cartographic Boundary Files — Shapefile // United States Census Bureau. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.census.gov/geographies/mapping-files/time-series/geo/carto-boundary-file.html> (accessed: 01.02.2025).

определяющего значения с точки зрения практических результатов исследования, так как откликом в модели выступает не принадлежность конкретного графства к определенному округу, но разрывы связей общности округов как таковых. В то же время метод центроидов позволяет с достаточной точностью определить наличие или отсутствие общности округа в каждой паре графств.

Графства, как правило, сохраняют свою целостность и входят в состав округа полностью, однако наш метод позволяет учесть и те редкие случаи, когда графство оказывается разделено между разными округами (например, если графство представляет собой крупный город).

На основании этих данных нами кодировалась наша зависимая переменная: 1 — если графства находились в одном округе в периоде, но перестали быть соседями в периоде $X+1$; 0 — во всех остальных случаях.

В качестве предикторов, как отмечалось ранее, нами будет использоваться расовый состав населения и политические предпочтения определенной территории. Так как мы работаем с составными частями округов (графствами), то и данные нам требуется именно на уровне малых единиц. Опираясь на данные переписей 2000, 2010, 2020 гг. для эмпирического анализа были подобраны данные по расовому составу населения по каждому графству страны — нами были выделены 3 основные расовые группы (белые, афроамериканцы, латиноамериканцы)⁵¹. Для учета политических предпочтений нами были собраны данные о президентских выборах в 21 веке в разрезе графств — мы использовали данные именно президентских выборов, дабы избежать искажений, заложенных как не соревновательными гонками в Конгресс (когда партии могут выставлять заведомо слабых кандидатов или не выставлять их вовсе), так и смещением результатов из-за персонального фактора конгрессменов (отдельные гонки могут испытать сильное влияние локальных скандалов, что может исказить партийные предпочтения графства относительно его долгосрочных результатов)⁵². Такое включение электоральных данных позволяет учесть в том числе электоральные тенденции на микроуровне, что может увеличить объяснительную силу модели по сравнению с использованием факторных партийных переменных. Для анализа были использованы усредненные уровни партийной поддержки для выборов 2004–2008 гг. (при анализе формирования округов после 2010 г.) и выборов 2012–2020 гг. (при анализе округов после 2020 г.). В качестве контрольной переменной для нашей модели было использовано расстояние между центроидами графств — такой контроль необходим дабы учесть «географическую» склонность графств к формированию округов: графства в разных концах штата едва ли образуют округ, несмотря на

51 United States Census Bureau [Электронный ресурс]: URL: <https://data.census.gov/table?q=p2> (accessed: 01.02.2025).

52 U.S. President 1976–2020 // Harvard Dataverse. [Электронный ресурс]: URL: <https://dataverse.harvard.edu/dataset.xhtml?persistentId=doi:10.7910/DVN/42MVDX> (accessed: 01.02.2025).

потенциально благосклонные социодемографические характеристики. Расстояние для графств из разных штатов не рассчитывалось, так как они никогда не образуют связи (каждый штат автономен в создании своих округов; избирательный округ может объединять графства лишь внутри одного штата). Аналогичным образом мы вводим контрольные переменные в виде общей численности населения и динамику численности населения за десятилетие — это позволяет сгладить демографическое неравенство между электоральными единицами, а также учесть тот факт, что графства, переживающие демографический всплеск могут усиливать миграционные потоки между избирательными округами⁵³.

Важно отметить, что при анализе нами использовались лишь 43 штата из 50. 7 штатов были отброшены нами ввиду того, что состояли лишь из одного избирательного округа из-за своего малого населения: это штаты Северная и Южная Дакоты, Монтана, Вайоминг, Аляска, Делавэр и Вермонт. Такие штаты не интересуют нас в рамках исследования, так как не обладают изменчивостью границ и, как следствие, динамичностью связей.

Результаты анализа

В ходе анализа нами были построены модели для каждого штата в двух временных периодах — отражающие изменение границ между 2002–2012 гг. и 2012–2022 гг., соответственно. Для каждого штата составлялись 2 отдельные матрицы смежности для аналогичных моделирования разрыва связей между периодами. Далее нами были построены ERGM модели для каждого штата, после чего оценки были обобщены в общую таблицу. Здесь стоит отметить, что в некоторых случаях число штатов было меньше 43, так как для некоторых штатов в матрице смежности не находилось разрывов, что по определению говорило об отсутствии признаков джентрификации.

На рисунках ниже поочередно представлены результаты для каждого предиктора для перераспределения 2012 года (по переписи 2010 года). Все выдачи отсортированы по убыванию эффекта и дифференцированы по цветам в зависимости от статистической значимости эффекта. Поскольку для многих штатов величина стандартных ошибок была чрезмерно высока, интерпретация оценок коэффициентов для них не осмыслена. На рисунках ниже представлены только те штаты, где величина стандартной ошибки была ниже порога в 10 (см. рис. 2–5). Полные версии визуализаций доступны в приложениях.

⁵³ United States Census Bureau [Электронный ресурс]: URL: <https://data.census.gov/table?q=Population%20Total> (accessed: 01.02.2025).

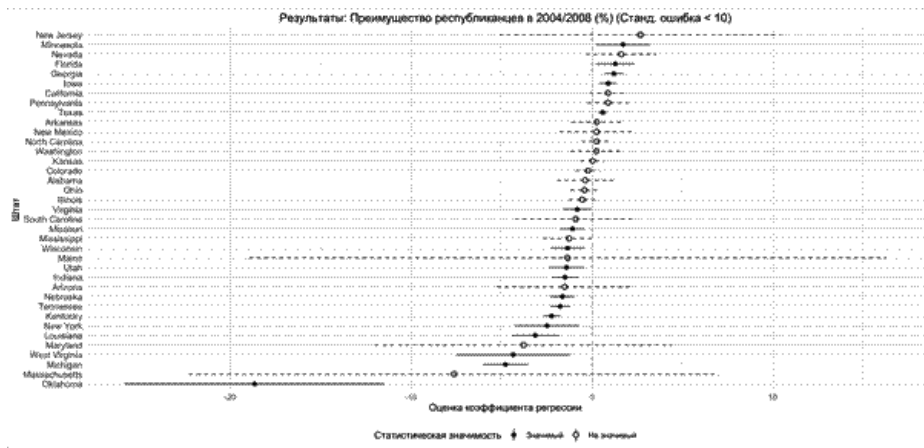

Рис. 2. Эффект переменной «преимущество республиканцев в 2004–2008 гг.»

Figure 2. The effect of the variable "Republican advantage in 2004–2008"

Источник: составлено авторами.

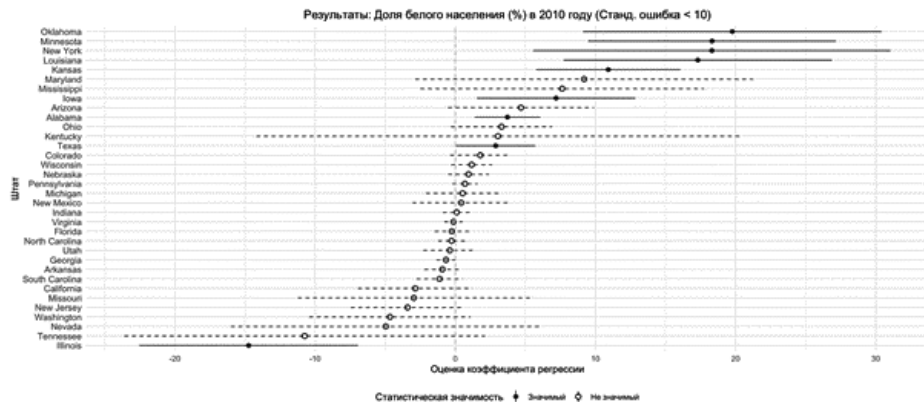

Рис. 3. Эффект переменной «доля белого населения в 2010 году»

Figure 3. The effect of the variable "share of white population in 2010"

Источник: составлено авторами.

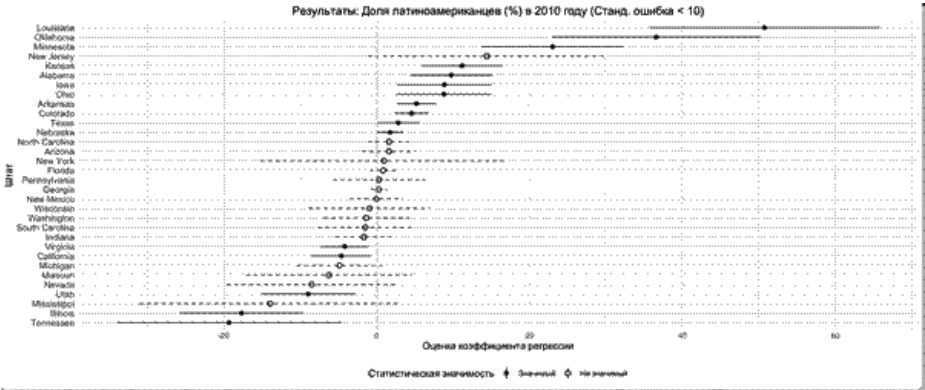

Рис. 4. Эффект переменной «доля латиноамериканского населения в 2010 году»
Figure 4. Effect of the variable “share of Hispanic population in 2010”

Источник: составлено авторами.

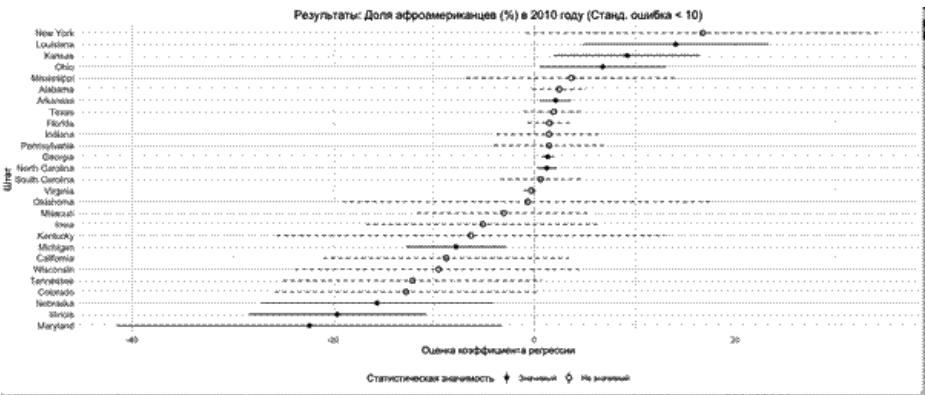

Рис. 5. Эффект переменной «доля афроамериканского населения в 2010 году»
Figure 5. Effect of the variable “share of black population in 2010”

Источник: составлено авторами.

Как видно из визуализации, наша модель не всегда хорошо справляется с данными — мы наблюдаем довольно много незначимых оценок коэффициентов и большие доверительные интервалы для наших предикторов. Как и ожидалось, мы

не можем говорить о существовании национальных трендов джерримендеринга, однако нам стоит присмотреться к отдельным штатам.

В рамках первой гипотезы мы предполагали, что с ростом поддержки Республиканской партии нами будет наблюдаться падение склонности разрыва связей. Данная гипотеза подтверждается для тринадцати штатов, однако стоит отметить, что большинство из них являются бастионами республиканцев, где большинство графств являются сравнительно гомогенными и, как следствие, мало склонными к перемещению. Исключением выступают штаты Нью Йорк, Вирджиния и Висконсин: если в первых двух случаях работа велась при сотрудничестве партий, которые вместе создали новые карты, не изменив баланса сил, то в случае Висконсина изменения проводились местной легислатурой, контроль над которой получили республиканцы в ходе упомянутого ранее плана REDMAP. Новая карта действительно помогла партии — в 2010 году для получения пять мест из восьми в штате партии потребовалось 54,5% голосов, то в 2012 году те же пять мест были получены при поражении по числу голосов с результатом 48,9%. Противоположная нашей гипотезе тенденция наблюдается в семи штатах, шесть из которых изменили свою квоту в Конгрессе по итогам перераспределения границ (то есть число конгрессменов от штата в 2012 году выросло или убавилось, что автоматически повлекло за собой активное перераспределение территорий). В таком случае положительная взаимосвязь результатов республиканцев и склонности разрыва вероятнее всего объясняется тем, что во всех этих штатах большая часть единиц (графств) является про-республиканской, что при массовой миграции вершин и создает отраженный на графике эффект.

Переходя к расовым предикторам, можно отметить некоторую разнонаправленность трендов. С одной стороны, результаты не могут подтвердить нашу вторую гипотезу о подавлении небелых избирателей. Высокая доля белого населения, скорее, повышает склонность к разрыву связей, что вероятно объясняется доминированием белого населения в штатах с положительной взаимосвязью. С другой стороны, с точки зрения расовых меньшинств вторая и третья гипотезы имеют под собой некоторые основания: следует отметить, что имеются как штаты с признаками подавления (разрыва связей), так и штаты с признаками защиты меньшинств (защиты связей). При рассмотрении латиноамериканцев и в особенности афроамериканцев можно выделить определенный тренд. В республиканских штатах наблюдается большая склонность к разрыву связей у графств, населенных меньшинствами (см. рис. 4–5). Данная закономерность не является абсолютной, так как существенная часть штатов имеет незначимые оценки коэффициентов, что вынуждает нас опираться на усеченный набор наблюдений. Тем не менее, распределение штатов выглядит довольно примечательно в политическом контексте, так как склонность к разрыву проявила себя именно в 6 республиканских штатах для афроамериканцев и 10 (из 11 значимых) у латиноамериканцев. Противоположная

взаимосвязь (падение склонности с ростом доли меньшинств) выражена слабо, однако мы можем наблюдать устойчивый эффект в Иллинойсе и Калифорнии, что может подтверждать наличие практики на локальном уровне.

Обратимся ко второму временному периоду — перераспределение 2022 года (на основе переписи 2020 года) (см. рис. 6–9):

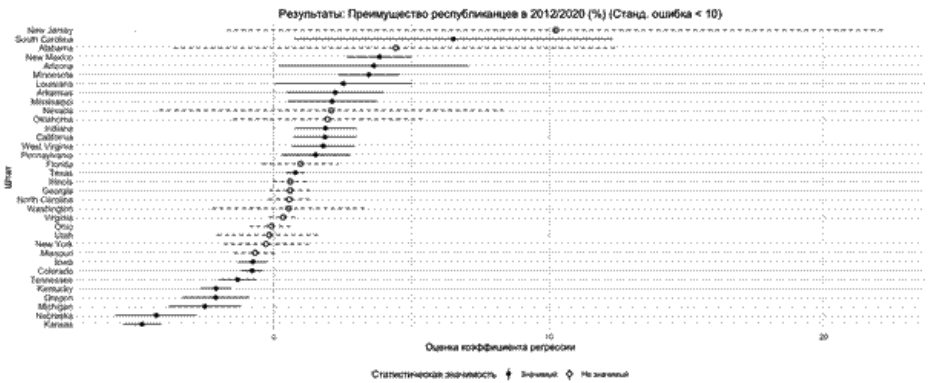

Рис. 6. Эффект переменной «преимущество республиканцев в 2012–2020»

Figure 6. The effect of the variable “Republican advantage in 2012–2020”

Источник: составлено авторами.

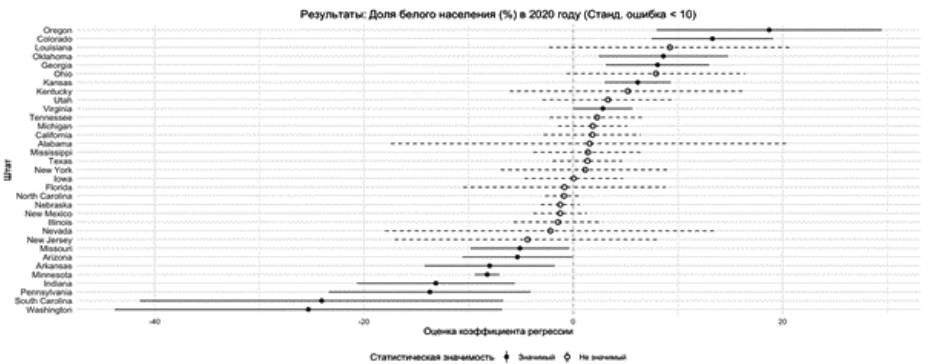

Рис. 7. Эффект переменной «доля белого населения в 2020 году»

Figure 7. The effect of the variable “share of white population in 2020”

Источник: составлено авторами.

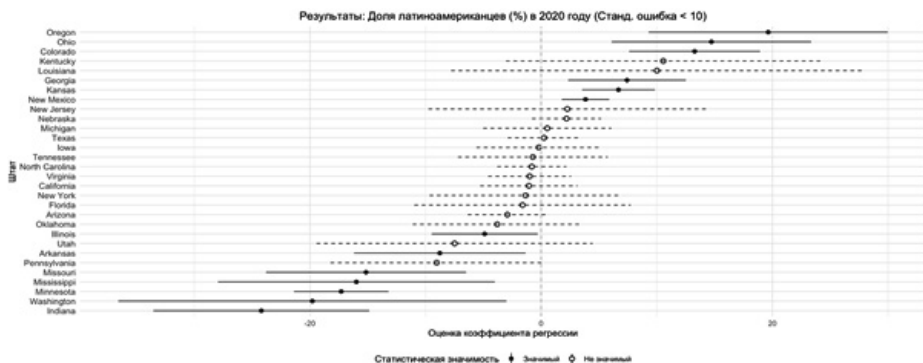

Рис. 8. Эффект переменной «доля латиноамериканского населения в 2020 году»

Figure 8. Effect of the variable "share of Hispanic population in 2020"

Источник: составлено авторами.

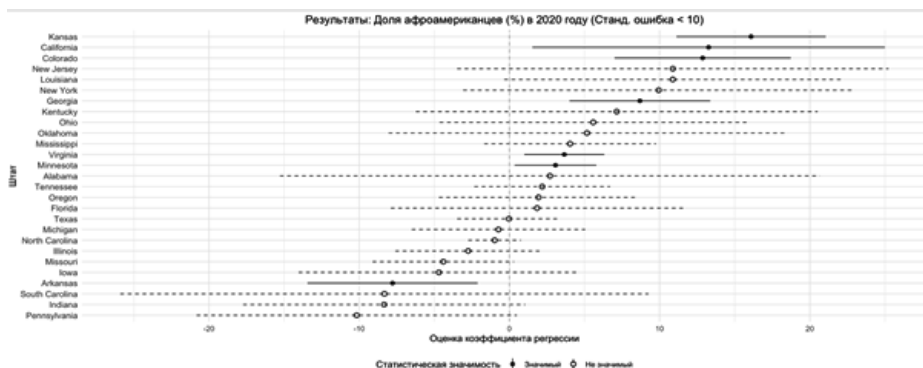

Рис. 9. Эффект переменной «доля афроамериканского населения в 2020 году»

Figure 9. Effect of the variable "share of black population in 2020"

Источник: составлено авторами.

В данном случае при рассмотрении гипотез у нас нет прямого аналога проекта вроде REDMAP, поэтому о намерениях в сфере джерримендеринга мы можем судить лишь косвенно. Здесь разумно посмотреть на судебную практику по вопросу изменения избирательных округов в 2020-х годах. Верховный и федеральный суды в 2023–2024 гг. рассмотрели несколько сходных дел о злоупотреблениях местных властей при создании новых границ округов. В частности, суд обязал перерисо-

вать округа в Алабаме, Джорджии и Луизиане, так как местные республиканцы нарушали Voting Rights Act of 1965, умышленно размывая представительство афроамериканцев — во всех случаях было постановлено нарисовать новые границы для 2024 г., так как границы 2022 г. были признаны недействительными.

На наших данных такие искажения скорее не проявляются: при рассмотрении предиктора доли афроамериканского населения Джорджия единственная имеет значимый коэффициент, тогда как Луизиана и Алабама не показывают устойчивую связь. Иными словами, наличие локальных злоупотреблений не оказывает влияния при моделировании джерримендеринга в штате целиком. Вторая и третья гипотеза скорее не находит подтверждения в данных, так как число значимых коэффициентов мало, а группировка штатов весьма хаотична — в данных не прослеживаются штаты известные наличием «округов для меньшинств»: Мичиган (12–13 округа), Индианы (7 округ) и Пенсильвании (2 и 3 округа) и т.д. Вновь можно отметить, что локальный джерримендеринг не проявляет себя на уровне штата, что подчеркивает скорее индивидуальный, чем системный джерримендеринг.

Подводя итог, можно отметить, что по итогам более интенсивного перераспределения в 2010-х гг. в целом можем подтвердить первую гипотезу о роли республиканской партии в создании устойчивых связей между графствами. Существенной оговоркой здесь выступит географическое доминирование республиканцев во многих штатах — подавляющее большинство округов тяготеет к республиканцам, снижая привлекательность территории для потенциального джерримендеринга ввиду ее гомогенности. Для 2020-х годов взаимосвязь менее очевидна, поэтому жизнеспособность первой гипотезы ослаблена меньшим числом значимых оценок по штатам по сравнению с 2010-ми годами.

В случае со второй гипотезой мы не можем дать однозначной оценки второй гипотезе из-за разнонаправленности результатов: имеются примеры, для которых (Кентукки, Канзас, Джорджия, Луизиана), расовый фактор не играет определяющей роли, и сразу несколько предикторов расы могут способствовать росту склонности к разрывам, тогда как гипотеза подразумевает такой эффект лишь для не белого населения и обратный тренд для белого населения соответственно. Говоря о третьей гипотезе, стоит отметить, что, несмотря на наличие группы штатов с устойчивыми округами с высокой долей не белого населения, на макроуровне такие искажения мало наблюдаемы. Значимость расового фактора наблюдается для небольшого числа штатов для границ 2012 года, однако эффект пропадает для границ 2022 года, что говорит о его неустойчивости и отсутствии системности явления.

Заключение

В рамках теоретической рамки и полученных нами эмпирических результатов можно выдвинуть несколько предположений об измерении причин джерримендеринга. Во-первых, сетевая структура, вероятно, не всегда корректно улавливает тот объем территориальных изменений, что порождается джерримендерингом. Попытка перекроить округа из соображений политических или демографических неизбежно приводит к более масштабному перераспределению, чем разрыв или образование связей непосредственно тех графств, что подлежат манипуляции. Так, попытка перекроить один из округов неизбежно ведет к изменениям связей и в других округах (даже если они не попадают в группу территорий, над которыми намеренно производят манипуляции), что может создавать шум в данных и сбивать модель. Во-вторых, измерение факторов, способствующих джерримендерингу, потенциально сталкивается с проблемой стартовой точки: даже при выполнении допущения о том, что подобные предикторы способны качественно предсказать разрыв связей, мы измеряем лишь разницу между периодом X и $X+1$. Иными словами, если в периоде X джерримендеринг и так был существенен, то вероятность новых больших изменений сравнительно невысока. Такой подход может оказаться эффективным, если у исследователя в распоряжении будет некая идеальная стартовая точка, где джерримендеринг отсутствует, однако такой сценарий не является реалистичным.

Несмотря на описанные сложности, сетевая структура данных хорошо справилась с определением устойчивых сочетаний узлов — с содержательной точки зрения в нашей статье это отражало наличие устойчивых городских округов с высоким расовым разнообразием. При использовании ERGM моделей в политгеографических задачах важно учитывать особенности малых географических единиц, на основе которых моделируется наша сеть — так, американские графства представляют собой единицы принципиально разного населения, что является потенциальным источником искажения результатов (подобный эффект наблюдался нами в глубоко консервативных штатах, где подавляющее большинство графств были про-республиканскими; в таком случае любые разрывы будут определяться как якобы связанные с партийной аффилиацией). В контексте электоральной географии, мы полагаем, что такой эффект может встретиться и в других странах, по крайней мере при работе с малыми АТД: сельские районы (малые единицы) могут численно доминировать в сети, создавая не всегда корректное представление о каузальной связи переменных в рамках всей страны.

Применение сетевого анализа также можно рассмотреть как потенциально ценную диагностику после проведения очередной перерисовки границ: чем меньше устойчивых групп вершин осталось после перерисовки, тем более радикальными были перемены в сети, что потенциально должно обратить внимание

исследователя: насколько оправданы были такие перемены — особенно если они происходят локально.

Проблема изучения факторов, способствующих джерримендерингу, остается сложной задачей для политической науки ввиду описанных выше ограничений. На данный момент подход к оценке джерримендеринга через его последствия остается более популярным, ввиду его воспроизводимости в разных условиях и возможности со сравнительно высокой точностью говорить о выгодополучателях тех или иных территориальных трансформаций. В то же время такие методы ограничены по своей сути, так как не позволяют судить о наличии джерримендеринга до электорального цикла, когда манипуляция уже непосредственно окажет влияние на исход борьбы. Усовершенствование методов сетевого анализа в контексте изучения джерримендеринга является более перспективной сферой, так как позволяет обнаруживать искажения электоральных округов еще на уровне проектирования границ, что создает потенциал для применения группы методов не только в академических исследованиях, но и в судебной практике, посвященной защите выборов от вмешательства электоральных инженеров.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Cain B.E. (1985), Assessing the partisan effects of redistricting, *American Political Science Review*, vol. 79, no. 2, pp. 320–333.
2. Campagna J., Grofman B. (1990), Party control and partisan bias in 1980s congressional redistricting, *The Journal of Politics*, vol. 52, no. 4, pp. 1242–1257.
3. Caughey D., Tausanovitch C., Warshaw C. (2017), Partisan gerrymandering and the political process: effects on roll-call voting and state policies, *Election Law Journal: Rules, Politics, and Policy*, vol. 16, no. 4, pp. 453–469.
4. Chatterjee T. et al. (2020), On theoretical and empirical algorithmic analysis of the efficiency gap measure in partisan gerrymandering, *Journal of Combinatorial Optimization*, vol. 40, no. 2, pp. 512–546.
5. Cohen-Zemach A., Lewenberg Y., Rosenschein J.S. (2018), Gerrymandering over graphs, *Proceedings of the 17th International Conference on Autonomous Agents and MultiAgent Systems*, Stockholm, pp. 274–282.
6. Fan C. et al. (2015), A spatiotemporal compactness pattern analysis of congressional districts to assess partisan gerrymandering: a case study with California and North Carolina, *Annals of the Association of American Geographers*, vol. 105, no. 4, pp. 736–753.
7. Friedman J.N., Holden R.T. (2009), The rising incumbent reelection rate: what's gerrymandering got to do with it?, *The Journal of Politics*, vol. 71, no. 2, pp. 593–611.
8. Glazer A., Grofman B., Robbins M. (1987), Partisan and incumbency effects of 1970s congressional redistricting, *American Journal of Political Science*, vol. 31, no. 3, pp. 680–707.
9. Goedert N. (2014), Gerrymandering or geography? How Democrats won the popular vote but lost the Congress in 2012, *Research & Politics*, vol. 1, no. 1, pp. 205–212.
10. Lublin D. (1997), *The paradox of representation: Racial gerrymandering and minority interests in Congress*, Princeton, NJ: Princeton University Press, 176 p.
11. Lusher D., Koskinen J., Robins G. (eds.) (2013), *Exponential random graph models for social networks: Theory, methods, and applications*, Cambridge: Cambridge University Press, 331 p.

12. McCarty N., Poole K.T., Rosenthal H. (2009), Does gerrymandering cause polarization?, *American Journal of Political Science*, vol. 53, no. 3, pp. 666–680.
13. McGhee E. (2020), Partisan gerrymandering and political science, *Annual Review of Political Science*, vol. 23, no. 1, pp. 171–185.
14. Morrill R. (2018), Electoral geography and gerrymandering: Space and politics, *Reordering the World: Geopolitical perspectives on the 21st century*, eds. Demko G.J., Wood W.R. NY: Routledge, pp. 117–138.
15. Noragon J.L. (1973), Redistricting, political outcomes, and gerrymandering in the 1960s, *Annals of the New York Academy of Sciences*, vol. 219, no. 1, pp. 314–333.
16. Polsby D.D., Popper R.D. (1993), *Ugly: An inquiry into the problem of racial gerrymandering under the Voting Rights Act*, Michigan Law Review, vol. 92, no. 3, pp. 652–682.
17. Stephanopoulos N.O. (2017), The causes and consequences of gerrymandering, *William & Mary Law Review*, vol. 59, pp. 2115–2158.
18. Stephanopoulos N.O., McGhee E.M. (2015), Partisan gerrymandering and the efficiency gap, *University of Chicago Law Review*, no. 82, pp. 831–900.
19. Waymer D., Heath R.L. (2016), Black voter dilution, American exceptionalism, and racial gerrymandering: The paradox of the positive in political public relations, *Journal of Black Studies*, vol. 47, no. 7, pp. 635–658.
20. Xu C. et al. (2023), Hybrid tree visualizations for analysis of gerrymandering, *International Symposium on Visual Computing*, Cham: Springer Nature Switzerland, pp. 85–96.

REFERENCES:

1. Cain B.E. (1985), Assessing the partisan effects of redistricting, *American Political Science Review*, vol. 79, no. 2, pp. 320–333.
2. Campagna J., Grofman B. (1990), Party control and partisan bias in 1980s congressional redistricting, *The Journal of Politics*, vol. 52, no. 4, pp. 1242–1257.
3. Caughey D., Tausanovitch C., Warshaw C. (2017), Partisan gerrymandering and the political process: effects on roll-call voting and state policies, *Election Law Journal: Rules, Politics, and Policy*, vol. 16, no. 4, pp. 453–469.
4. Chatterjee T. et al. (2020), On theoretical and empirical algorithmic analysis of the efficiency gap measure in partisan gerrymandering, *Journal of Combinatorial Optimization*, vol. 40, no. 2, pp. 512–546.
5. Cohen-Zemach A., Lewenberg Y., Renschein J.S. (2018), Gerrymandering over graphs, *Proceedings of the 17th International Conference on Autonomous Agents and MultiAgent Systems*, Stockholm, pp. 274–282.
6. Fan C. et al. (2015), A spatiotemporal compactness pattern analysis of congressional districts to assess partisan gerrymandering: a case study with California and North Carolina, *Annals of the Association of American Geographers*, vol. 105, no. 4, pp. 736–753.
7. Friedman J.N., Holden R.T. (2009), The rising incumbent reelection rate: what's gerrymandering got to do with it?, *The Journal of Politics*, vol. 71, no. 2, pp. 593–611.
8. Glazer A., Grofman B., Robbins M. (1987), Partisan and incumbency effects of 1970s congressional redistricting, *American Journal of Political Science*, vol. 31, no. 3, pp. 680–707.
9. Goedert N. (2014), Gerrymandering or geography? How Democrats won the popular vote but lost the Congress in 2012, *Research & Politics*, vol. 1, no. 1, pp. 205–212.
10. Lublin D. (1997), The paradox of representation: Racial gerrymandering and minority interests in Congress, Princeton, NJ: Princeton University Press, 176 p.
11. Lusher D., Koskinen J., Robins G. (eds.) (2013), *Exponential random graph models for social networks: Theory, methods, and applications*, Cambridge: Cambridge University Press, 331 p.
12. McCarty N., Poole K.T., Rosenthal H. (2009), Does gerrymandering cause polarization?, *American Journal of Political Science*, vol. 53, no. 3, pp. 666–680.
13. McGhee E. (2020), Partisan gerrymandering and political science, *Annual Review of*

- Political Science, vol. 23, no. 1, pp. 171–185.
14. Morrill R. (2018), Electoral geography and gerrymandering: Space and politics, *Reordering the World: Geopolitical perspectives on the 21st century*, eds. Demko G.J., Wood W.R. NY: Routledge, pp. 117–138.
15. Noragon J.L. (1973), Redistricting, political outcomes, and gerrymandering in the 1960s, *Annals of the New York Academy of Sciences*, vol. 219, no. 1, pp. 314–333.
16. Polsby D.D., Popper R.D. (1993), Ugly: An inquiry into the problem of racial gerrymandering under the Voting Rights Act, *Michigan Law Review*, vol. 92, no. 3, pp. 652–682.
17. Stephanopoulos N.O. (2017), The causes and consequences of gerrymandering, *William & Mary Law Review*, vol. 59, pp. 2115–2158.
18. Stephanopoulos N.O., McGhee E.M. (2015), Partisan gerrymandering and the efficiency gap, *University of Chicago Law Review*, no. 82, pp. 831–900.
19. Waymer D., Heath R.L. (2016), Black voter dilution, American exceptionalism, and racial gerrymandering: The paradox of the positive in political public relations, *Journal of Black Studies*, vol. 47, no. 7, pp. 635–658.
20. Xu C. et al. (2023), Hybrid tree visualizations for analysis of gerrymandering, *International Symposium on Visual Computing*, Cham: Springer Nature Switzerland, pp. 85–96.

Социально-экономические факторы электорального поведения в США: пространственный анализ результатов президентских выборов 2012 и 2016 гг.

Милецкая Алиса Ростиславна

*Аспирант департамента политики и управления, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
alisamiletskaya@gmail.com*

АННОТАЦИЯ

В статье проводится пространственный анализ социально-экономических факторов, влияющих на электоральное поведение в США на президентских выборах 2012 и 2016 годов. Используя метод географически взвешенной регрессии (GWR), автор выявляет территориальные кластеры взаимосвязей между различными социально-экономическими показателями и результатами голосования. Для сравнения моделей регрессии также использовался расчет индекса пространственной автокорреляции (Moran's I) и локальный индекс пространственной автокорреляции Гетиса-Орда. Внимание уделяется изучению влияния демографических характеристик, социальных и экономических условий на электоральные предпочтения

американских избирателей. Исследование показывает, что воздействие данных факторов является географически нестационарным, а использование локальных моделей регрессии позволяет получить более точные объяснения в сравнении с глобальными моделями. В статье также рассматриваются кластеры, образованные взаимодействием различных факторов, и анализируется их пространственное распределение. Результаты работы подчеркивают значимость пространственной неоднородности и демонстрируют пересечения кластеров в ряде регионов США, что открывает новые перспективы для дальнейших исследований в области электоральной географии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

электоральное поведение, пространственный анализ, географически взвешенная регрессия, выборы в США, политическая география

ГЕОТЕГИ

Северная Америка, США

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

<https://clck.ru/3GPkn7>

Socio-Economic Factors of Electoral Behavior in the USA: Spatial Analysis of the 2012 and 2016 Presidential Elections

Alisa Miletskaya

PhD Student at the Department of Politics and Governance, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia
alisamiletskaya@gmail.com

Abstract

The article conducts a spatial analysis of socio-economic factors influencing electoral behavior in the USA during the 2012 and 2016 presidential elections. Using the geographically weighted regression (GWR) method, the author identifies territorial clusters of relationships between various socio-economic indicators and voting results. Moran's I spatial autocorrelation index calculation and HotSpot Analysis of residuals were also used to compare regression models. The study focuses on the influence of demographic characteristics, social, and economic conditions on the electoral preferences of

American voters. The research demonstrates that the impact of these factors is geographically non-stationary, and the use of local regression models provides more accurate explanations compared to global models. The article also examines clusters formed by the interaction of various factors and analyzes their spatial distribution. The findings highlight the significance of spatial heterogeneity and demonstrate intersections of clusters in several regions of the USA, opening new perspectives for further research in electoral geography.

KEYWORDS

electoral behavior, spatial analysis, geographically weighted regression, US elections, political geography

GEOTAGS

North America, USA

SUPPLEMENTARY

<https://clck.ru/3GPkn7>

Введение

Что заставляет людей по-разному голосовать в различных частях страны? Известно, электоральный процесс никогда не происходит в вакууме, а человеческое сообщество — это также явление пространственное, в рамках которого индивиды воспринимают особенности внешней среды, а также конструируют реальность в ответ [Hillier et al., 1984]. Избиратели, живущие в разных географических частях региона, неизбежно подвержены влиянию различных социальных и экономических факторов, которые могут иметь решающую роль в их политическом поведении.

Электоральное поведение подвержено влиянию среды, и поведения избира-

телей способно изменяться в зависимости от географии [Sui, Hugill, 2002]. Пространственная неоднородность возникает, когда один и тот же стимул вызывает разную реакцию в разных частях региона. Локация, на которой проживает потенциальный избиратель, может являться значимым предиктором того, как субъект будет голосовать даже с учётом рассмотрения и индивидуальных характеристик [Johnston et al., 2007].

При условии, что эти различные факторы играли решающую роль в развитии страны, мы не можем утверждать, что политическое поведение на современном этапе будет гомогенно в пространстве. Именно это предположение даёт стимул для исследования пространственной неоднородности значимости социально-экономических факторов на различия в голосовании. Мы также не можем утверждать, что особенности пространственной неоднородности стационарны во времени. Поэтому в исследовании предполагается рассмотрение случаев двух годов выборов: 2012 и 2016.

В данном исследовании хотелось бы сосредоточиться на социально-экономических факторах. Такие факторы не раз становились фокусом множества исследований электорального поведения на выборах в США [Campbell, 1980]. В частности, отмечалась значимая зависимость между предпочтениями избирателей и уровнем образования [Tenn, 2007], гендерной и расовой принадлежностью [Hajnal, Lee 2011], а также уровнем дохода [Evans, 2000].

Данные

Данные были взяты из открытого источника “GeoDa Data and Lab”⁵⁴. Независимые переменные, используемые для модели предпочтений избирателей, отражены в таблице [Таблица 1]. Переменные можно разделить на три основные категории: демографические показатели, которые отвечают за расселение возрастных групп, социальные категории, расовые и этнические группы, а также переменные, отвечающие за уровень образования, и экономические переменные, которые связаны со стоимостью жилья, уровнем бедности и другими монетарными категориями.

Табл. 1. Расшифровка независимых переменных

Table 1. Independent variables

Переменная	Описание
AGE295214	Процент населения до 18, 2014
AGE775214	Процент населения старше 65, 2014

54 GeoDa Data and Lab [Электронный ресурс]: URL: https://geodacenter.github.io/data-and-lab/country_election_2012_2016-variables/ (accessed: 26.03.2025).

SEX255214	Процент населения (женщин), 2014
RHI125214	Процент белого населения, 2014
RHI325214	Процент представителей американо-индейской группы и уроженцы Аляски, 2014
RHI625214	Процент двух и более расовых групп, 2014
POP715213	Процент живущих в одном доме более года, 2009–2013
POP645213	Процент количества рожденных иностранцев по происхождению, 2009–2013
EDU635213	Процент населения старше 25 лет с полным школьным образованием, 2009–2013
EDU685213	Процент населения старше 25 лет с высшим образованием (бакалавриат), 2009–2013
HSG495213	Стоимость жилья, занимаемого владельцами, 2009–2013
HSD310213	Количество людей на домохозяйство, 2009–2013
PVY020213	Процент людей живущих за чертой бедности, 2009–2013

Источник: 2012 and 2016 Presidential Elections [Электронный ресурс]: URL: <https://clck.ru/3jd38C> (accessed: 26.03.2025).

Электоральное поведение и экономические переменные

Существует ряд теорий, которые стремятся объяснить причину поведения избирателя с точки зрения географии. Пространственные модели голосования можно разделить по двум направлениям: композиционным и контекстуальным эффектам [Forest, 2018]. Композиционные эффекты относятся к моделям, возникающим из-за того, что сам состав населения различается в зависимости от региона. К таким исследованиям можно отнести работы, в которых в качестве первопричины выбора избирателя авторы относят этноконфессиональное расселение или исторические размежевания внутри региона [Steenbergen, 2010].

Напротив, контекстуальные эффекты проявляются в том, что внешняя среда и окружение избирателей формируют их политические предпочтения. Такие исследования соотносятся с теорией соседства Кокса, согласно которой расселение и социальные связи, которые приобретаются путём физической близости избирателей друг к другу, имеют непосредственное влияние на политические предпочтения [Сох, 1970]. Наше исследование предполагает выявление контекстуальных эффектов. Напомним, что мы стремимся обнаружить кластеры влияния отдельных факторов, поэтому рассмотрение географической близости занимает центральное внимание в исследовании.

Экономические факторы электорального поведения имеют достаточно вы-

сокую важность для выборов. Электоральные предпочтения избирателей имеют тенденцию к изменению в связи с их индивидуальным уровнем дохода [Lind, 2007], при котором близость людей с высоким доходом друг к другу определяет их электоральное поведение. В том числе это подтверждается в рамках многочисленных исследований выборов в США [Kramer, 1971; Lewis-Beck, Michael, 1988].

По некоторым исследованиям известно, что показатели национальной экономики сильно влияют на поведение избирателей [Kinder, Kiewiet, 1979], в то время как экономические показатели по штатам, такие как безработица, расовое и этническое распределение, имеют значимость на локальном уровне по выборам за 2008 год [Cho, Gimpel, 2009].

Гипотезы

- Н1: Данные по социально-экономическим факторам по голосованию на президентских выборах за 2012 г. и 2016 г. являются географически нестационарными.
- Н2: Для предполагаемых взаимосвязей географически взвешенная регрессия является более подходящей в сравнении с линейной регрессией.
- Н3: Переменные по социально-экономическим факторам кластеризуются в пространстве, что оказывает значимое влияние на результаты выборов.
- Н4: Кластеры, обнаруженные в ходе построения географической регрессии, будут иметь пересечения в пространстве.

Метод

В рамках линейной регрессии, построенной методом наименьших квадратов (МНК), предполагается, что наблюдаемый процесс протекает одинаково на всей исследуемой территории [Paez, 2004]. Хотя такой анализ может дать некоторые открытия относительно гипотез, выявив связи между предикторами и результатами, остаётся неясно, является ли пространственная нестационарность важным аспектом. Неоднократно было доказано, что географически взвешенная регрессия (GWR) является полезным методом в изучении электоральной географии в контексте исследования локальных взаимосвязей поведения избирателей, так как данная модель позволяет исследовать географическую неоднородность [Brunsdon et al., 1996].

При использовании данного метода предполагается, что глобальная модель (регрессия МНК), имеет меньший объяснительный потенциал в пользу локальной модели (GWR), которая позволяет выявить отличающиеся зависимости в разных

точках пространства. Известно, что глобальная регрессия тогда эффективна и может быть верно проинтерпретирована, когда остатки модели не коррелируют друг с другом и имеют постоянную дисперсию [Hamilton, 1992]. Однако существует предположение, что при возникновении пространственной автокорреляции в модели глобальной регрессии, локальная регрессия способна уменьшить её [Tu, Xia, 2008]. Это предположение мотивирует нас провести сравнительный анализ двух моделей.

Пространственную нестационарность можно определить как ситуацию, когда характер и значимость взаимосвязей между переменными различаются в зависимости от местоположения [Fotheringham et al., 2009]. В нашем случае это означает, что мы сможем обнаружить области с низким/высоким показателем голосования за Республиканскую или Демократическую партию и лучше понять, какие предикторы связаны с электоральными результатами в конкретном месте.

Во время анализа получившихся регрессий необходимо будет сравнить их путём интерпретации показателя информационного критерия Акаике (Akaike info criterion, AIC) [Akaike, 1974], а также показателя коэффициента детерминации для того, чтобы сделать вывод относительно того, насколько пространственная модель способна улучшить наш вывод.

Для того, чтобы сравнить результаты GWR и линейной регрессии, обе модели были построены с использованием процентной доли голосов, отданных Демократической партии, от числа голосов, отданных либо Демократической партии, либо Республиканской партии в каждом графстве в качестве зависимой переменной, и 13 социально-экономических факторов в качестве независимых переменных.

Уравнение регрессии, построенной методом наименьших квадратов будет выглядеть следующим образом:

$$y = \beta_0 + \sum_{i=1}^p \beta_i x_i + \varepsilon,$$

где y — зависимая переменная, β_0 — константа, β_i — оценка параметра для независимой переменной x_i , p — число независимых переменных, а ε — ошибка регрессии.

Уравнение географически взвешенной регрессии, дополненное координатами наблюдений:

$$y_j = \beta_0(u_j, v_j) + \sum_{i=1}^p \beta_i(u_j, v_j) x_{ij} + \varepsilon_j,$$

где u_j и v_j — координаты местоположения наблюдения j , $\beta_0(u_j, v_j)$ — точка пересечения для наблюдения j , а $\beta_i(u_j, v_j)$ — оценка локального параметра для

независимых переменных x_i в данном местоположении.

Так как данная модель имеет под собой географическую составляющую, взвешенная функция уменьшения расстояния используется для наблюдения путём взвешивания наблюдения вокруг него. Такая функция может выражена в экспонентной форме:

$$w_{ij} = \exp\left(\frac{-d_{ij}^2}{b^2}\right),$$

где w_{ij} — вес наблюдения j для наблюдения i , d_{ij} — расстояние между наблюдениями i и j , а b — пропускная способность ядра. Такая модель предполагает, что вес быстрее приближается к нулю, когда расстояние превышает пропускную способность ядра. При построении модели необходимо учитывать, что пропускная способность ядра является ключевым управляющим параметром модели и может быть задана либо фиксированно (постоянная полоса пропускания), либо адаптивно (размер полосы пропускания меняется в зависимости от плотности данных) [Fotheringham et al., 2009].

В программном обеспечении ArcGIS, в котором как был проведён анализ, нет выбора одного из двух типов пропускной способности, а вместо этого существует функция “Golden Search”, которую мы будем использовать. С помощью неё программа самостоятельно просчитывает расстояние пропускной способности и строит модель регрессии с наилучшей.

Также стоит обратить внимание на показатель остатков модели. Показатели для чётко определённых моделей регрессии будут нормально распределены и пространственно случайны, без кластеризации значений. Для того, чтобы проверить это, мы воспользуемся инструментом пространственной автокорреляции (Индекс I Морана) [Moran, 1948]. Он сравнивает значение одной переменной в определённом местоположении со значением этой переменной в других близлежащих местоположениях и принимает значения от -1 до 1. Значение «1» означает идеальную позитивную пространственную автокорреляцию (значения кластеризуются в одном месте), «-1» свидетельствует об идеальной негативной корреляции, а значение «0» наблюдается в случаях идеальной пространственной рандомизации [Ishizawa, Stevens, 2007].

Описательная статистика и результат глобальной модели

В таблице 2 приведены статистические данные о проценте голосования за демократическую партию США на выборах 2012 и 2016 гг.. В среднем результаты голосования за демократов в 2012 и 2016 гг. принимают схожие значения: в 2012 г. этот пока-

затель — 38,45%, в 2016 г. — 31,67%, а процент по округам варьируется от 3% до 93%.

Табл. 2. Статистические данные о проценте голосования за Демократическую партию США.

Table 2. Statistical data on the percentage of votes for the Democratic Party of the USA.

Field Name	Minimum	Maximum	Mean	Standard Deviation	Count
AGE295214	0	40,5	22,531081	3,360081	3108
AGE775214	0	52,9	17,635393	4,400768	3108
EDU635213	45	99	84,50888	6,912412	3108
EDU685213	3,2	74,4	19,735746	8,831593	3108
HSD310213	1,85	4,7	2,523662	0,242429	3108
HSG495213	19900	929700	129962,162162	76591,991198	3108
pct_dem_12	0,034483	0,933546	0,384502	0,147606	3108
pct_dem_16	0,031447	0,928466	0,316667	0,153265	3108
POP645213	0	51,3	4,477896	5,508712	3108
POP715213	50,8	99,8	86,432014	4,39421	3108
PVY020213	0	53,2	16,711519	6,488519	3108
RHI125214	0	99,3	85,454022	15,739722	3108
RHI325214	0	92,2	1,976093	6,550791	3108
RHI625214	0	10,3	1,824775	1,074612	3108
SEX255214	0	56,8	49,938771	2,380668	3108

Источник: составлено автором.

Процент голосов, отданных за Демократическую партию на двух президентских выборах также представлен на картах, построенных по интервалам, заданым вручную [Приложение 1]. Округа, окрашенные синим цветом, являются территориями, на которых за демократов проголосовало большинство избирателей (>50%). Округа с наибольшим количеством голосов превалируют в северо-восточном регионе США, захватывая штаты Мэн, Массачусетс, Нью-Гемпшир, Род-Айленд и Вермонт. В том числе высокие показатели доминируют в части Нью-Мексико, на западном побережье, а также на юге Техаса. Наблюдения основываются на картах по обоим годам выборов, так как пространственный паттерн за выбранный период не менялся.

Что касается статистических показателей, начнем с возраста. В среднем, 22,5% населения младше 18 лет, а 17,6% — старше 65 лет. Среди образовательных пока-

зателей: 84% имеют полное школьное образование, 19,7% — высшее. Средний размер домохозяйства составляет 2,5 человека, средняя стоимость жилья — \$130 000. Процент рождённых иностранцев в среднем — 4,5%, максимум — 50%. 86% семей живут в одном доме более года, а 16,7% находятся за чертой бедности. В расовом/этническом составе: 85,45% — белое население, 1,97% — американо-индейцы и уроженцы Аляски, 1,82% — представители двух и более рас.

Табл. 3. Модель линейной регрессии, предсказывающая процент голосов, отданных за Демократическую партию.

Table 3. OLS model predicting the percentage of votes cast for the Democratic Party.

Variable	2012				2016			
	Coefficient	t-statistics	p-value	VIF	Coefficient	t-statistics	p-value	VIF
Intercept	-0,014723	-0,167732	0,9	-	0,056728	0,768389	0,6	-
AGE295214	-0,015376	-14,475359	<0,01	3,3	-0,012341	-13,813619	<0,01	3,3
AGE775214	-0,010421	-13,215601	<0,01	3,1	-0,007311	-11,022619	<0,01	3,1
SEX255214	0,011863	11,773741	<0,01	1,5	0,011145	13,151501	<0,01	1,5
RHI125214	-0,003692	-22,349624	<0,01	1,8	-0,004727	-34,023552	<0,01	1,8
RHI325214	0,002588	6,473667	<0,01	1,8	0,000707	2,10299	<0,1	1,8
RHI625214	-0,015814	-7,090434	<0,01	1,5	-0,014766	-7,871442	<0,01	1,5
POP715213	0,003357	5,725515	<0,01	1,7	0,001867	3,784871	<0,01	1,7
POP645213	0,007359	13,809738	<0,01	2,3	0,007753	17,298342	<0,01	2,3
EDU635213	0,005291	9,619371	<0,01	3,8	0,002872	6,209026	<0,01	3,8
EDU685213	-0,001626	-3,611846	<0,01	4,1	0,002239	5,911392	<0,01	4,1
HSG495213	0,0	8,160914	<0,01	3,0	0	9,598576	<0,01	3,0
HSD310213	-0,073155	-5,324136	<0,01	2,9	-0,023408	-2,025478	0,15	2,9
PVY020213	0,004553	8,833883	<0,01	2,9	0,004177	9,635312	<0,01	2,9

Источник: составлено автором.

Мы можем с уверенностью утверждать, что большая часть независимых переменных статистически значима. При этом самый высокий показатель теста на мультиколлинеарность (VIF) равняется 4,1, что сильно ниже общепризнанной предельной отметки в 10 [Menard, 2002], что свидетельствует об отсутствии избыточности среди переменных.

Проинтерпретируем результаты глобальной модели. Демографические переменные показывают, что каждое увеличение доли населения младше 18 лет на один процентный пункт связано с уменьшением на 1,53% голосов за Демократическую партию. Каждое увеличение численности людей старше 65 лет на один

процентный пункт связано с уменьшением на 1,04% голосов. Демографические особенности значимо ассоциированы с голосованием за демократов, как и гендерный состав: увеличение доли женщин связано с увеличением доли голосов за демократов на 1,18%.

Расовые/этнические показатели имеют меньшую значимость. Увеличение доли белого населения в округе на процентный пункт связано с уменьшением процента голосов за демократическую партию на 0,36%. При увеличении на один процентный пункт группы уроженцев Аляски процент голосов за демократов увеличивается на 0,26%. Процент наличия двух и более рас связан с уменьшением на 1,58%. С увеличением доли тех, кто родился, будучи иностранцем по происхождению, на каждый процентный пункт, доля голосования за демократов увеличивается на 0,74%, а при каждом увеличении процента живущих в одном доме более года голоса увеличиваются на 0,34%.

О переменных, отвечающих за образование, мы можем сказать следующее: с увеличением на один процентный пункт доли тех, у кого есть документ об окончании школьного образования, доля голосов за демократов увеличивается на 0,53% в 2012 году, в 2016 году значение составляет 0,29%. При каждом увеличении доли людей с высшим образованием процент голосов уменьшается на 0,16 % в 2012 году, но в 2016 году становится положительным (0,22%).

Теперь проинтерпретируем экономические переменные. Стоимость жилья практически не влияет на результаты голосования, но переменная количества людей на домохозяйства имеет положительную связь с голосованием за демократическую партию. Каждое увеличение показателя количества людей на домохозяйство ведёт к увеличению голосов на 7,3% в 2012 году, и на 2,34% в 2016 году.

Стоит иметь в виду, что выбранная модель предполагает, что данные стационарны в пространстве. Можем предположить, что именно из-за этого показатель коэффициента детерминации отмечен на уровне 0,64 за 2012 год и 0,45 за 2016 год (см. Таблицу 4), что свидетельствует о малой пригодности модели. Упускается пространственное разнообразие, которое может быть важным аспектом при изучении выборов в США. На нынешнем этапе нам необходимо изучить пространственную неоднородность с помощью локальной модели.

Географически взвешенная регрессия

Интерпретацию стоит начать с пространственной визуализации локального показателя R^2 для каждого из округов США [Приложение 2]. Объяснительный потенциал модели колеблется между 33% и 97% в 2012 году, 63% и 98% в 2016 году. Модель локальной регрессии хорошо согласуется с данными по многим регионам США, в особенности на территории Западного побережья и юго-востока страны,

где наблюдаются кластеры значений выше 90%. В то же время территория Великих Озер имеет намного меньший показатель R^2 , который колеблется между 33% в 2012 году и 75% в 2016, как и часть юго-запада в 2012 году.

Для каждой переменной мы составили визуализацию, чтобы оценить значимость переменных по каждому округу, а также выявить кластеры значений. Статистически значимые локальные показатели коэффициентов по каждому округу были визуализированы с использованием градиентной заливки, где жёлтым были выделены самые высокие значения по каждому предиктору, а темно-фиолетовым — самые низкие. Серый цвет на карте показывает статистически незначимые пространства. В итоге у нас получилось 26 карт, было визуализировано 13 переменных по обоим годам выборов [Приложение 3].

Рассмотрим демографические переменные. На карте за показаны локальные оценки коэффициента независимой переменной, которая отвечает за процент населения до 18 лет. На выборах за оба года он связан с предпочтением голосовать за демократов как положительно, так и отрицательно. Отрицательная связь наблюдается в Сан-Диего и его соседних округах, а самая значимая положительная связь наблюдается на юге Техаса. Карта 3b представляет локальные оценки для переменной доли населения старше 65 лет, и её географический паттерн схож с предыдущей картой, однако связь имеет отрицательный характер по всей территории. Это свидетельствует о том, что две демографические переменные, отвечающие за возраст, кластеризуются в пространстве, поэтому в части о связности кластеров мы рассмотрим их более подробно.

Обратим внимание на гендерный фактор в голосовании. На рисунке 3с отображено локальное распределение по переменной с процентным показателем женщин. Данная переменная имеет сильно бóльшую значимость в 2016 г. в сравнении с 2012 г. Ассоциация имеет положительную связь, однако на территории восточного побережья и центра страны значимость связи очень мала (0,43%). Несмотря на то, что фактор гендера был отмечен как пространственно однородный в одном из исследований [Forest, 2018: 5], по результату локальной модели мы можем отчётливо видеть, что процент женщин хоть и не имеет разного типа связи, но имеет неоднородный характер.

Рассмотрим переменные, связанные с расовой и этнической принадлежностью. Первые две карты под нумерацией 3d отображают процент белого населения. Мы можем обнаружить существенную связь между этим показателем и значительной частью территории США. Переменная статистически значима на территории от центра страны до восточного побережья. Показатель гомогенен в пространстве, имея лишь один кластер с сильно отрицательной связью в регионе Великих равнин. Помимо этого, в 2016 году можем заметить кластер в Калифорнии с положительной связью, который в 2012 г. не наблюдался.

Коэффициент показателя процента представителей американо-индейской

группы и уроженцев Аляски представлен на карте зе. По обоим годам связь непостоянная по своему направлению, так как на территории центра страны дугой с юга Южной Дакоты до Теннесси распространяется кластер округов с отрицательной связью, в то время как в юго-западной части Техаса и на территории Калифорнии связь приобретает положительный характер.

В то же время округа, в которых проживает две и более расовые группы, имеют несколько статистически значимых географических кластеров с положительной и отрицательной связями, что представлено на карте зф. Один кластер с отрицательной связью наблюдается в регионе Великих равнин и распространяется на восток, а второй наблюдается неявно в 2012 году, однако становится более заметным в 2016 году. Он занимает территорию юга Техаса и всего Нью-Мексико.

На данном этапе стоит сделать вывод по всем переменным, относимым к расовым и этническим группам. Существуют кластеры, которые по своему территориальному расположению и характеру связи совпадают по всем трём переменным. К примеру, кластер с отрицательной связью в регионе Великих равнин и кластер с положительной связью на севере Калифорнии.

На карте зг мы можем увидеть неоднородную ассоциацию между процентом семей, живущих в одном доме год и более, и голосованием за демократов. Можем заметить, что связь является неоднородной. Отметим кластер с положительной связью в штате Нью-Мексико, а также кластер с отрицательной связью на юге штата Техас.

Перейдём к части рассмотрения влияния образования на голосование. В приложении зй мы можем видеть карту по переменной, отвечающей за процент людей со школьным образованием. На карте представлена неоднородная связь, кластер с негативной связью может быть замечен в штатах Техас, Колорадо и Нью-Мексико. Значимая положительная связь замечена на севере США.

Рассмотрим процент людей с высшим образованием зж. В 2012 году мы можем заметить кластер со значимой положительной связью в южной части Техаса, а также с региона Скалистых гор до юго-западной части региона страны. Интересно, что процент школьного образования в регионе имел отрицательную связь, а процент высшего образования в практически том же кластере имеет положительную связь. Также мы можем заметить кластер в районе северо-востока, который в 2016 г. распространяется на юг.

Пространственная неоднородность связи между стоимостью жилья и процентом голосов отражена на карте зк. По обоим циклам выборов связь носит положительный характер, с несколькими кластерами в штате Аризона. Если говорить о переменной, которая отвечает за среднее количество людей на домохозяйство на картах зл, то кластер с положительной связью локализуется в центре Техаса и частично в Нью-Мексико, а отрицательная связь заметна в регионе Великих озер и в Нью-Йорке. На протяжении двух циклов выборов процент людей, живущих

за чертой бедности, имеет позитивную связь, что мы можем увидеть на картах 3т. Значимый кластер с такой связью наблюдается в Техасе и на территории всего Нью-Мексико.

Сравнение моделей регрессии

Проверим гипотезу о том, что данные по голосованию на президентских выборах за 2012 г. и 2016 г. являются географически нестационарными.

Карты пространственного распределения остатков двух моделей за 2012 и 2016 гг. отражены в приложении [Приложение 4]. Визуализация остатков была выполнена методом вручную настроенных интервалов, что позволило отобразить территории с относительно небольшим показателем остатков ($\pm 2,5$), и с показателем в более чем $\pm 2,5$.

Известно, что величина остатков уравнения регрессии является одним из показателей соответствия модели. Чем больше показатель остатков, тем менее подходящей можно считать модель. Показатель ошибок у модели географической регрессии намного меньше, а также они носят случайный характер, без кластеризации в какой-либо части исследуемого региона. Рассмотрим расчёт пространственной автокорреляции подробнее.

Значимая позитивная пространственная автокорреляция была найдена у глобальных моделей за 2012 г. (индекс Морана = 0,5358, $p\text{-value} < 0,001$) и 2016 г. (индекс Морана = 0,5119, $p\text{-value} < 0,001$). Из-за того, что результат пространственной автокорреляции статистически значим ($p\text{-value} = 0,0000$), а z -оценка положительна и относительно высока (95,4 за 2012 г. и 91,2 за 2016 г. значительно больше минимального показателя в 2,58), мы можем отклонить нулевую гипотезу о том, что значения распределены случайным образом. Индекс Морана положителен в каждом случае, что означает, что пространственное распределение сгруппировано, и остатки модели глобальной регрессии пространственно автокоррелированы.

Для того, чтобы попытаться сделать вывод о конкретных территориях, в которых наблюдается упущение переменных, мы выполним расчет локального индекса пространственной автокорреляции Гетиса-Орда. Этот инструмент позволит нам определить статистически значимые пространственные кластеры.

В качестве результата мы получим карту кластеризации вместе с z -score и $p\text{-value}$, которые являются показателями статистической значимости. Коэффициенты показывают, является ли наблюдаемая пространственная кластеризация значений более выраженной, чем можно было бы ожидать при их случайном распределении [Ord, Getis 1995].

На картах [Приложение 5] мы можем увидеть несколько статистически значимых кластеров с концентрацией низких и высоких значений. Кластеры с кон-

центрацией высоких значений остатков в 2012 году наблюдаются в южной части Техаса, в северных частях Нью-Мексико и Миннесоты, на юго-западе Висконсина, а также имеется кластер, рассредоточенный по территории Массачусетса, Вермонта и Род-Айленда. Кластеры с низкими значениями более рассредоточены в пространстве и распределены скорее случайно ($p\text{-value} < 0,1$ и $z\text{-score}$ около $-1,4$). В 2016 году паттерн в целом сохраняется, единственным отличием является пропажа кластера с низкими значениями на севере Небраски, а также появление кластеров с высокими значениями на западном побережье.

География кластеров с высокими значениями почти совпадает с географическим распределением высокого процента голосов за демократов. При этом значения с низким процентом голосов не коррелируют с низкими кластерами. Получается, что глобальная регрессия не так хорошо соответствует данным именно для тех частей страны, где наблюдается высокий процент голосования за демократов.

Результат индекса для локальной модели значительно разнится с глобальной моделью. У него наблюдается корреляция в 2012 г. (индекс Морана = $0,123$, $p\text{-value} < 0,001$) и в 2016 г. (индекс Морана = $0,105$, $p\text{-value} < 0,001$). Это очень низкий показатель, и пространственную автокорреляцию локальной модели можно считать случайной.

Табл. 4. Сравнение моделей глобальной и локальной регрессии.
Table 4. Comparison of global and local regression models.

	2012		2016	
	OLS	GWR	OLS	GWR
R^2	0,64	0,83	0,45	0,9
AIC	-4940,4	-8222,3	-6016,3	-9143,7
Moran's I	0,5358*	0,123*	0,5119*	0,105*
Spatial Pattern	кластер	случайно	кластер	случайно

* $p\text{-value} < 0,001$

Источник: составлено автором.

В таблице 4 отмечен ранее получившийся показатель индекса Морана для остатков модели, который мы отметили как более удачный у глобальной модели. Также в таблице представлен показатель R^2 , который значительно выше у глобальной модели за оба года выборов. Критерий AIC значительно ниже у глобальной модели: $-8222,3$ у локальной модели в сравнении с $-4940,4$ у глобальной модели за 2012 год.

Так, модель линейной регрессии менее пригодна для определения взаимосвязей, поскольку пространственные зависимости голосования не учитываются

должным образом в модели, в то время как GWR повышает надёжность найденных взаимосвязей за счет уменьшения пространственных автокорреляций в остатках. Ориентируясь на данный результат, мы можем однозначно сказать, что GWR уменьшает значение ошибок, как предполагалось на этапе выбора данной модели [Tu, Xia, 2008].

Эпицентры кластеров

Кластеры, которые нам удалось обнаружить в рамках визуализации локальной регрессии, имеют определённые пересечения. На данном этапе стоит проанализировать данную согласованность кластеров, визуализировав её на ранее созданных картах.

Для начала выделим переменные, которые по итогу географически взвешенной регрессии оказались совпадающими по кластерам:

- 1) Демографические переменные — кластер между процентом людей до 18 лет и старше 65 лет в 2016 году.
- 2) Социальные переменные — кластер между процентом белого населения, процентом американо-индейской группы и процентом двух и более рас в регионе в 2016 году; кластер по уровню образования между теми, кто окончил школу и имеет диплом о высшем образовании за 2016 год.
- 3) Смешанные переменные — кластер между процентом количества рождённых иностранцев и процентом женщин за 2016 год; процент людей, живущих за чертой бедности и людей с высшим образованием за 2016 год.

Таким образом, у нас получилось 5 пересекающихся кластеров. Все пять пересечений кластеров были визуализированы на картах [Приложение 6] следующим образом: на карту были нанесены два (и более) слоя с уровнем прозрачности в 50%. Это позволило увидеть, в каких территориях кластеры действительно пересекаются, так как вследствие пересечения одно цвета насыщенность цвета в целом на карте увеличивалась.

Начнём анализ с кластеров по демографическим показателям процентного соотношения возрастных групп, отражённых на карте 6а. В первую очередь обратим внимание на несколько пересекающихся кластеров с отрицательной связью. Один из них можем обнаружить на севере региона Скалистых Гор, он захватывает множество штатов, а также продолжается на юг данного региона, имея наиболее выраженные показатели в штатах Нью-Мексико и Аризона. В штате Орегон также наблюдается кластер с отрицательной связью. Можем предположить, что это связано с проводимой демографической политикой в выделенных областях со стороны государства, или с конкретной политикой, проводимой партией на местах.

Теперь рассмотрим кластер между расово-этническими переменными на карте

6b. На карте обнаруживается по одному кластеру с положительной и отрицательной связью. Первый локализуется в центральной части региона Великих равнин, а второй располагается в северной части Калифорнии. Рискнём предположить, что кластер с положительной связью в Калифорнии связан с этническим расселением, которое исторически сформировалось в регионе определенным образом [Forbes, 1968]. Однако это наблюдение требует дополнительных исследований.

Пересечение кластеров, которые относятся к влиянию уровня образования на голосование за Демократическую партию, отражено на карте 6c. Мы можем заметить один кластер с отрицательной связью с эпицентром в штате Колорадо. Связность образования в штате Колорадо выглядит весьма интересно, так как существуют не менее образованные штаты (например, Массачусетс), в которых подобной кластеризации не прослеживается. Анализ на конкретных примерах роли образования в сравнении поведения избирателей помог бы прояснить значимость этого вопроса в местном масштабе.

Перейдём к рассмотрению смешанных кластеров. Первый кластер, который мы рассмотрим, визуализирован на карте 6d, и показывает пересечение влияния процента женщин и процента рождённых иностранцев по происхождению. Можем заметить кластеризацию с положительной связью на западном побережье США в штате Орегон. На карте 6e мы видим кластер в юго-западной части Техаса и в регионе Новой Англии, который свидетельствует о пересечении процента людей, живущих за чертой бедности и процента людей с высшим образованием. Эти комбинации выглядят весьма нетривиально, так как рассматривают по две разные группы населения, и, тем не менее, они имеют общие уровни кластеризации, что может являться стимулом для дальнейших исследований.

Заключение

Проведённое исследование, рассматривающее кластеры влияния социально-экономических факторов на голосование на президентских выборах за 2012 и 2016 годы позволяет делать ряд важных выводов относительно важности пространственной неоднородности и электорального поведения в США.

Первой гипотезой являлось то, что влияние социально-экономических факторов на голосование является географически нестационарным. С помощью метода географически взвешенной регрессии мы выяснили, что все независимые переменные оказывают разное влияние на голосование за Демократическую партию, формируя кластеры в пространстве.

В том числе путём построения регрессий мы выяснили, что географическая регрессия имеет намного больший объяснительный потенциал. Локальная регрессия действительно способна снижать количество и величину значения ошибок, и,

что самое интересное, с помощью неё нам действительно удалось снизить уровень ошибок в конкретных областях. Так, наша вторая гипотеза также подтвердилась.

В дальнейшем мы изучили географию независимых переменных и выяснили, что они кластеризуются в пространстве. Вся визуализация была выполнена в виде карт, на которых отображались округа с показателями коэффициента, и мы обнаружили статистически значимые кластеры по каждой переменной. Таким образом, мы путём визуализации многоуровневых карт обнаружили не только одиночные кластеры, но и связанную концентрацию эпицентров социальных и смешанных факторов. Наши две последние гипотезы также подтвердились.

Продолжением нашего исследования может стать поиск причин возникновения пересечения кластеров методом кейс-стади, либо с помощью количественного исследовательского дизайна с адаптацией подхода, ранее используемого в исследовании нетипичных значений электорального поведения [Morrill et al., 2011]. Другим возможным подходом при дальнейшем исследовании может являться подход с поиском социальных расколов по выявленным кластерам, подавляющее число которых пересекает границы штатов, что обеспечивает использованию менее типичного подхода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Ahmed R., Pesaran M.H. (2020), Regional heterogeneity and US presidential elections, CESifo Working Paper, no. 8615, Munich: Munich Society for the Promotion of Economic Research, 74 p.
2. Akaike H. (1974), A new look at the statistical model identification, IEEE Transactions on Automatic Control, vol. 19, no. 6, pp. 716–723.
3. Brunsdon C., Fotheringham A.S., Charlton M.E. (1996), Geographically weighted regression: a method for exploring spatial non-stationarity, Geographical Analysis, vol. 28, no. 4, pp. 281–298.
4. Campbell A. (1980), The American Voter, Chicago: University of Chicago Press, 576 p.
5. Cho W.K.T., Gimpel J.G. (2009), Presidential voting and the local variability of economic hardship, The Forum, vol. 7, no. 1.
6. Cox K.R. (1970), Residential relocation and political behavior: Conceptual model and empirical tests, Acta Sociologica, vol. 13, no. 1, pp. 40–53.
7. Evans G. (2000), The continued significance of class voting, Annual Review of Political Science, vol. 3, no. 1, pp. 401–417.
8. Forest B. (2018), Electoral geography: From mapping votes to representing power, Geography Compass, vol. 12, no. 1, e12352.
9. Fotheringham A.S., Brunsdon C., Charlton M.E. (2009), Geographically weighted regression, The Sage Handbook of Spatial Analysis, eds. Fotheringham A.S., Rogerson P.A., London: SAGE, pp. 243–254.
10. Hajnal Z.L., Lee T. (2011), Why Americans don't join the party: Race, immigration, and the failure of political parties to engage the electorate, Princeton: Princeton University Press, 320 p.
11. Hamilton L.C. (1992), Regression with graphics: A second course in applied statistics, Belmont, CA: Duxbury Press, 363 p.
12. Hillier B., Hanson J., Peponis J. (1984), What do we mean by building function?, Designing for building utilisation, eds. Powell J.D., Cooper I., Lera S., London: E & FN Spon Ltd, pp. 61–72.
13. Ishizawa H., Stevens G. (2007) Non-English language neighborhoods in Chicago, Illinois: 2000, Social Science Research, vol. 36, no. 3, pp. 1042–1064.
14. Iyengar S., Westwood S.J. (2015), Fear and

- loathing across party lines: New evidence on group polarization, *American Journal of Political Science*, vol. 59, no. 3, pp. 690–707.
15. Jana M., Sar N. (2016), Modeling of hotspot detection using cluster outlier analysis and Getis-Ord Gi* statistic of educational development in upper-primary level, India, *Modeling Earth Systems and Environment*, vol. 2, no. 2, pp. 1–10.
 16. Johnston R., Jones K., Propper C., Burgess S. (2007), Region, local context, and voting at the 1997 general election in England, *American Journal of Political Science*, vol. 51, no. 3, pp. 640–654.
 17. Kinder D.R., Kiewiet D.R. (1979), Economic discontent and political behavior: The role of personal grievances and collective economic judgments in congressional voting, *American Journal of Political Science*, vol. 23, pp. 495–527.
 18. Kramer G.H. (1971), Short-term fluctuations in US voting behavior, 1896–1964, *American Political Science Review*, vol. 65, no. 1, pp. 131–143.
 19. Lewis-Beck M.S. (1988), *Economics and elections: The major Western democracies*, Ann Arbor: University of Michigan Press, 183 p.
 20. Lind J.T. (2007), Does permanent income determine the vote?, *The BE Journal of Macroeconomics*, vol. 7, no. 1.
 21. Menard S. (2002), *Applied logistic regression analysis*, Thousand Oaks: SAGE, 128 p.
 22. Moran P.A. (1948), The interpretation of statistical maps, *Journal of the Royal Statistical Society. Series B*, vol. 10, no. 2, pp. 243–251.
 23. Ord J.K., Getis A. (1995), Local spatial autocorrelation statistics: distributional issues and an application, *Geographical Analysis*, vol. 27, no. 4, pp. 286–306.
 24. Paez A. (2004), Anisotropic variance functions in geographically weighted regression models, *Geographical Analysis*, vol. 36, no. 4, pp. 299–314.
 25. Steenbergen M.R. (2010), Decomposing the vote: Individual, communal, and cantonal sources of voting behavior in Switzerland, *Swiss Political Science Review*, vol. 16, no. 3, pp. 403–424.
 26. Sui D.Z., Hugill P.J. (2002), A GIS-based spatial analysis on neighborhood effects and voter turnout: A case study in College Station, Texas, *Political Geography*, vol. 21, no. 2, pp. 159–173.
 27. Tenn S. (2007), The effect of education on voter turnout, *Political Analysis*, vol. 15, no. 4, pp. 446–464.
 28. Tu J., Xia Z.G. (2008), Examining spatially varying relationships between land use and water quality using geographically weighted regression I: Model design and evaluation, *Science of the Total Environment*, vol. 407, no. 1, pp. 358–378.
 29. Weber D., Englund E. (1992), Evaluation and comparison of spatial interpolators, *Mathematical Geology*, vol. 24, pp. 381–391.

REFERENCES:

1. Ahmed R., Pesaran M.H. (2020), Regional heterogeneity and US presidential elections, CESifo Working Paper, no. 8615, Munich: Munich Society for the Promotion of Economic Research, 74 p.
2. Akaike H. (1974), A new look at the statistical model identification, *IEEE Transactions on Automatic Control*, vol. 19, no. 6, pp. 716–723.
3. Brunson C., Fotheringham A.S., Charlton M.E. (1996), Geographically weighted regression: a method for exploring spatial non-stationarity, *Geographical Analysis*, vol. 28, no. 4, pp. 281–298.
4. Campbell A. (1980), *The American Voter*, Chicago: University of Chicago Press, 576 p.
5. Cho W.K.T., Gimpel J.G. (2009), Presidential voting and the local variability of economic hardship, *The Forum*, vol. 7, no. 1.
6. Cox K.R. (1970), Residential relocation and political behavior: Conceptual model and empirical tests, *Acta Sociologica*, vol. 13, no. 1, pp. 40–53.
7. Evans G. (2000), The continued significance of class voting, *Annual Review of Political*

- Science, vol. 3, no. 1, pp. 401–417.
8. Forest B. (2018), Electoral geography: From mapping votes to representing power, *Geography Compass*, vol. 12, no. 1, e12352.
 9. Fotheringham A.S., Brunsdon C., Charlton M.E. (2009), Geographically weighted regression, *The Sage Handbook of Spatial Analysis*, eds. Fotheringham A.S., Rogerson P.A., London: SAGE, pp. 243–254.
 10. Hajnal Z.L., Lee T. (2011), Why Americans don't join the party: Race, immigration, and the failure of political parties to engage the electorate, Princeton: Princeton University Press, 320 p.
 11. Hamilton L.C. (1992), Regression with graphics: A second course in applied statistics, Belmont, CA: Duxbury Press, 363 p.
 12. Hillier B., Hanson J., Peponis J. (1984), What do we mean by building function?, *Designing for building utilisation*, eds. Powell J.D., Cooper I., Lera S., London: E & FN Spon Ltd, pp. 61–72.
 13. Ishizawa H., Stevens G. (2007) Non-English language neighborhoods in Chicago, Illinois: 2000, *Social Science Research*, vol. 36, no. 3, pp. 1042–1064.
 14. Iyengar S., Westwood S.J. (2015), Fear and loathing across party lines: New evidence on group polarization, *American Journal of Political Science*, vol. 59, no. 3, pp. 690–707.
 15. Jana M., Sar N. (2016), Modeling of hotspot detection using cluster outlier analysis and Getis-Ord G_i^* statistic of educational development in upper-primary level, India, *Modeling Earth Systems and Environment*, vol. 2, no. 2, pp. 1–10.
 16. Johnston R., Jones K., Propper C., Burgess S. (2007), Region, local context, and voting at the 1997 general election in England, *American Journal of Political Science*, vol. 51, no. 3, pp. 640–654.
 17. Kinder D.R., Kiewiet D.R. (1979), Economic discontent and political behavior: The role of personal grievances and collective economic judgments in congressional voting, *American Journal of Political Science*, vol. 23, pp. 495–527.
 18. Kramer G.H. (1971), Short-term fluctuations in US voting behavior, 1896–1964, *American Political Science Review*, vol. 65, no. 1, pp. 131–143.
 19. Lewis-Beck M.S. (1988), *Economics and elections: The major Western democracies*, Ann Arbor: University of Michigan Press, 183 p.
 20. Lind J.T. (2007), Does permanent income determine the vote?, *The BE Journal of Macroeconomics*, vol. 7, no. 1.
 21. Menard S. (2002), *Applied logistic regression analysis*, Thousand Oaks: SAGE, 128 p.
 22. Moran P.A. (1948), The interpretation of statistical maps, *Journal of the Royal Statistical Society. Series B*, vol. 10, no. 2, pp. 243–251.
 23. Ord J.K., Getis A. (1995), Local spatial autocorrelation statistics: distributional issues and an application, *Geographical Analysis*, vol. 27, no. 4, pp. 286–306.
 24. Paez A. (2004), Anisotropic variance functions in geographically weighted regression models, *Geographical Analysis*, vol. 36, no. 4, pp. 299–314.
 25. Steenbergen M.R. (2010), Decomposing the vote: Individual, communal, and cantonal sources of voting behavior in Switzerland, *Swiss Political Science Review*, vol. 16, no. 3, pp. 403–424.
 26. Sui D.Z., Hugill P.J. (2002), A GIS-based spatial analysis on neighborhood effects and voter turnout: A case study in College Station, Texas, *Political Geography*, vol. 21, no. 2, pp. 159–173.
 27. Tenn S. (2007), The effect of education on voter turnout, *Political Analysis*, vol. 15, no. 4, pp. 446–464.
 28. Tu J., Xia Z.G. (2008), Examining spatially varying relationships between land use and water quality using geographically weighted regression I: Model design and evaluation, *Science of the Total Environment*, vol. 407, no. 1, pp. 358–378.
 29. Weber D., Englund E. (1992), Evaluation and comparison of spatial interpolators, *Mathematical Geology*, vol. 24, pp. 381–391.

Электоральные манипуляции на выборах в Молдавии: приднестровский фактор (по материалам выборов 2019 года)

Диденко Дмитрий Юрьевич

Аспирант, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия

geowork9818@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5205-9974>

АННОТАЦИЯ

Ставится вопрос о мотивации участия жителей непризнанного государства в национальных выборах «материнского» государства и возникающих из этого последствиях для избирательного процесса и динамики отношений между сепаратистским регионом и центральными властями. Для ответа на него рассматривается электоральное поведение граждан Республики Молдова, проживающих в пределах непризнанной Приднестровской Молдавской Республики и формулируется две гипотезы: о геополитизации электоральных предпочтений приднестровцев и покупке голосов приднестровских избирателей в рамках неформальных связей между элитами Кишинева и Тирасполя. Покупка голосов рассматривается в рамках концепта машинной политики, связей между подвозом избирателей и деятельностью приднестровского холдинга «Шериф». Работа выполнена на материалах парламентских выборов 2019 года. Анализируется контекст прошедшей избирательной кампании и его возможное влияние на результаты

выборов на избирательных участках, организованных для граждан Молдавии, проживающих в ПМР. Картированы на основе данных по избирательным участкам результаты выборов по Приднестровью главных на момент проведения выборов политических партий Молдавии (Демократическая партия Молдавии, Партия социалистов Республики Молдова, Партия коммунистов Республики Молдова, блок ACUM, «Шор»), производится сравнительно-географический анализ результатов главных политических сил страны, делаются предположения о клиентелистской поддержке и других партий, в частности, партии «Шор». Сделаны выводы о решающей роли геополитизации электоральных предпочтений приднестровских избирателей, устойчиво поддерживающих условно пророссийские альтернативы. Результаты работы показывают, что даже в «идеальных» условиях реальная эффективность машинной политики на постсоветском пространстве оказывается низкой.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Электоральный клиентелизм, непризнанные государства, электоральные манипуляции, электоральные предпочтения, политические машины, машинная политика, геополитизация

ГЕОТЕГИ

Республика Молдова, Приднестровская Молдавская Республика, Административно-территориальные единицы Левобережья Днестра, Кишинева, Тирасполь

СВЕДЕНИЯ О ФИНАНСИРОВАНИИ И БЛАГОДАРНОСТИ

Автор выражает глубокую благодарность к. полит. н., доценту кафедры международных отношений СЗИУ РАНХиГС Нине Викторовне Шевчук за ценные комментарии и замечания к работе

Electoral Manipulation in Moldovan Elections: the Transnistrian Factor (Based on the Materials of the 2019 Elections)

Dmitry Didenko

PhD Student, European University at Saint Petersburg, Saint Petersburg, Russia

geowork9818@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5205-9974>

ABSTRACT

The article examines the motivation behind the participation of residents of an unrecognized state in the national elections of the «parent» state and the resulting implications for the electoral process and the dynamics of relations between the separatist region and central authorities. To address this question, the study analyzes the electoral behavior of citizens of the Republic of Moldova residing within the unrecognized Pridnestrovian Moldavian Republic (PMR). Two hypotheses are formulated: first, that the electoral preferences of Transnistrians are geopoliticized, and second, that Transnistrian voters' votes are bought through informal ties between the elites of Chisinau and Tiraspol. The vote-buying process is analyzed within the framework of machine politics, particularly in connection with voter transportation and the activities of the Transnistrian conglomerate «Sheriff». The research is based on materials from

the 2019 parliamentary elections. The context of the past electoral campaign and its possible impact on the election results at polling stations organized for Moldovan citizens residing in the PMR is analyzed. The results of elections at Transnistrian polling stations of the main Moldovan political parties at the time of the elections (PDM, PSRM, PCRM, ACUM bloc, «Shor») are mapped, a comparative-geographical analysis of the results of the main political forces of the country is made, and assumptions are made about the clientelist support of other parties, in particular, of the «Shor» party. The study concludes that the geopoliticization of Transnistrian electoral preferences plays a decisive role, with voters consistently supporting conditionally pro-Russian alternatives. The findings suggest that even under «ideal» conditions, the actual effectiveness of machine politics in the post-Soviet space remains low.

KEYWORDS

Electoral clientelism, unrecognized states, electoral manipulation, electoral preferences, political machines, geopolitization

GEOTAGS

Europe Republic of Moldova, Transnistrian Moldovan Republic, Administrative-Territorial Units of the Left Bank of the Dniester, Chisinau, Tiraspol

FUNDING AND ACKNOWLEDGEMENTS

The author expresses his deep gratitude to Nina Shevchuk, PhD in Political Sciences, Associate Professor of the Department of International Relations at the RANEPANorthwestern Research Institute, for valuable comments and observations on the work

Введение

Взаимоотношения непризнанных и международно-признанных государств нечасто оказываются во внимании исследователей. Существование непризнанных государств само по себе становится источником серьёзных дискуссий о природе государства вообще [Добронравин, 2011; Маркедонов, Окунев, 2020]. С точки зрения отдельных нормативных подходов такой сферы исследований просто не может быть — речь может идти лишь о сношениях между центральным правительством и регионом, то есть, о внутренних делах суверенного государства. Так, Сергей Маркедонов справедливо отмечает, что во многом феномен непризнанных государств не может быть исследован и понят с точки зрения формальной юриспруденции [Маркедонов, 2008: 77]. Если непризнанные государства и становятся объектом исследования, то в данной роли они выступают в связке с государством «материнским»: либо в геополитическом контексте, как орудие, инструмент влияния третьих сил, либо в контексте «возвращения» неподконтрольных территорий под власть законного правительства, то есть, поиска такого способа разрешения конфликта, который бы удовлетворил претензии сепаратистского движения и, вместе с тем, позволил бы восстановить территориальную целостность [там же]. Противоречивость данных подходов наглядно проявляется при анализе электоральных процессов. С одной стороны, жители неподконтрольной провинции никак не могут быть умалены в своём праве голосовать на национальных выборах, и, более того, их участие в голосовании в «материнском» государстве можно трактовать как признание легитимности претензий центрального правительства на восстановление своего суверенитета на данной территории. С другой стороны, в условиях геополитизации электоральных предпочтений право граждан непризнанного государства голосовать может расцениваться как, к примеру, угроза «правильной» внешнеполитической ориентации или территориальной целостности, если в стране активны силы, выступающие за признание независимости. В таких условиях вопросы электоральной политики могут стать важнее, казалось бы, более фундаментальной проблемы восстановления единства страны.

В качестве примера мы обратимся к Республике Молдова и самопровозглашённой Приднестровской Молдавской Республике (в официальной кишиневской терминологии — административно-территориальные единицы левобережья Днестра, молд. *Unitățile administrativ-teritoriale din stînga Nistrului*). Спустя 30 с лишним лет после конфликта избиратели из ПМР стали одним из факторов молдавской электоральной политики. Многие граждане непризнанного Левобережья, кроме гражданства собственно Приднестровья, имеют также российские, украинские и, главное, молдавские паспорта. В целях реализации избирательных прав последних на подконтрольной Кишиневу территории организуются избирательные участки, и, начиная с парламентских выборов 2019 года число проголосова-

вавших приднестровцев впервые стало таким, что стало влиять на национальный результат [Астахова, 2019; Шевчук, 2020]. Но зачем жителям ПМР участвовать в молдавских выборах?

Исследовательский вопрос

Участие приднестровского электората в молдавских электоральных процессах создавало проблемы. Так, наблюдатели сообщали об организованном подвозе избирателей и других нарушениях, чаще всего имевших место именно на организованных для приднестровцев участках [Итоговый..., 2019]. На фоне раскола политического ландшафта Молдавии на «проевропейские» и «пророссийские» политические силы это только подливало масла в огонь, косвенно становясь причиной провокаций на приднестровских участках со стороны молдавских националистов и унионистов (не без оснований опасавшихся, что приднестровцы прибыли не для того, чтобы поддержать их фаворитов).

С первого взгляда кажется, что «проевропейцам» было чего бояться: своих симпатий к России в ПМР никогда не скрывали. Но как пишет экс-министр иностранных дел Приднестровья Нина Шевчук, на парламентских выборах 2019 года холдингом «Шериф», контролирующем значительную часть приднестровской экономики, организовывался подвоз избирателей, которым, напротив, «рекомендовали» голосовать за Демократическую партию олигарха Владимира Плахотнюка [Шевчук, 2020], декларировавшего проевропейские взгляды и рассказывавшего о «русской угрозе» [Астахова, 2019: 90]. На деле мы получаем два противоречащих друг другу объяснения электорального поведения приднестровцев, и потому исследовательский вопрос формулируется так: «Что мотивирует граждан Приднестровской Молдавской Республики голосовать на национальных выборах в Молдове?».

Приднестровский случай: геополитика vs клиентелизм

Уровень проработки обоих подходов к участию приднестровцев в молдавских выборах существенно отличается. «Клиентистский» подход, учитывая наши знания о политэкономии ПМР, позволяет рассматривать всю республику как гигантскую политическую машину, работающую и в приднестровском, и в молдавском электоральном поле. Оснований для этого достаточно. Так, упомянутый выше холдинг «Шериф» контролировал около 60% приднестровской экономики, имея свои интересы во всех её сферах и являясь крупнейшим работодателем (так, на сайте холдинга упоминается, что ещё в 2012 году «Шерифе» работал каждый пятый экономически активный приднестровец [Экономическая...]) и налогоплательщиком в

бюджет непризнанной республики [Marandici, Leşanu, 2021]. Ситуация усугубляется и ввиду неблагоприятной демографической ситуации: по данным переписи с 2004 по 2015 гг. население республики сократилось на 14,3% [Краткие..., 2015]. Активно уезжающая молодёжь повышает долю пенсионеров и других иждивенцев, уязвимых для клиентистской политики [Hale, 2003].

Неудивительно, что холдинг полностью контролирует политическую сферу: на последних парламентских выборах в 2020 году, по утверждениям СМИ, в Верховный Совет Приднестровья не прошёл ни один из кандидатов, не связанных с бизнес-группой [Пришерифская..., 2020]. Весьма показательна история экс-президента Евгения Шевчука, ранее возглавлявшего связанную с холдингом партию «Обновление». Победив на выборах 2011 года многолетнего президента, «отца-основателя» Приднестровья Игоря Смирнова, он настаивал на отмене налоговых льгот, что ударило бы по интересам холдинга. Разгоревшаяся борьба между «Шерифом» и главой республики в итоге завершилась поражением последнего на следующих президентских выборах, возбуждением против него пяти уголовных дел и отъездом из страны [Беглец...].

Как бы на фоне соседней демократической Молдавии исследователи вели дискуссии о негативной динамике политического режима в ПМР и в других непризнанных государствах [Маркедонов, 2008: 84; Protsyk, 2012]. На деле процесс «захвата государства» протекал и на Правобережье, где он растянулся на 10 лет и связан с олигархом Владимиром Плахотнюком [Pilkington, 2019; Marandici, 2021]. Как и в соседней стране «новой демократии», Украине [Way, 2005], экономические элиты, эффективно сопротивляясь строительству авторитарного режима, также эффективно саботируют и создание устойчивой демократии, будучи заинтересованными в подчинении государственных институтов своим интересам. Апофеозом «захвата государства» стал подкуп и шантаж депутатов оппозиционных партий, имевший целью их переход во фракцию Демократической партии Молдовы (ДПМ), отстаивавшей интересы Плахотнюка, в результате чего фракция демократов увеличилась в разы. Олигарх смог замкнуть работу всех государственных структур на себя, не занимая никаких правительственных постов. Неудивительно, что в одном из исследований, посвящённых организации политическими партиями клиентистских сетей, лидером среди всех основных партий не только Молдавии, но и Грузии и Украины стала именно ДПМ [Gherghina, Volintiru, 2021].

Известно о том, что между владельцем «Шерифа» Виктором Гушаном и Владимиром Плахотнюком имелись плотные связи, которые в контексте приднестровского урегулирования даже привели к появлению термина «олигархическая дипломатия» [Приднестровье..., 2017]. Её суть — в использовании тайных связей для решения даже самых тяжелых политических вопросов. Интересы бизнесменов совпали: оба были заинтересованы в демонстрации эффективности установлен-

ных в Молдавии и Приднестровье режимов (демонстрацией такой эффективности стало, к примеру, открытие движения по мосту через Днестр, что и позволило организовать голосование с Левого берега). Это даёт объяснение мотивации приднестровских элит относительно организации подкупа и подвоза избирателей в пользу «проевропейской» Демократической партии: Плахотнюк на деле продемонстрировал свою договороспособность в деле урегулирования конфликта.

Концепт политической машины давно используется в электорально-клиентелистских исследованиях, будучи апробированным в разных контекстах, в том числе и постсоветском [Golosov, 2013]. Термин «политическая машина» подчёркивает механическую регулярность и, вместе с тем, неотвратимость обмена материальных или иных видов благ на голоса избирателей, что требует надёжных механизмов брокерского контроля и мониторинга. Таким образом, концепт политической машины включает в себя и подкуп, и принуждение избирателей, предполагая, что на каждый из сегментов электората будет найден свой «подход». Речь идет о решении проблемы т.н. «извращённой подотчётности», заключающейся в контроле за тем, чтобы избиратель проголосовал именно так, как от него ожидается [Nichter, 2008; Stokes, 2005]. На наш взгляд, описанная выше картина влияния холдинга «Шериф» в ПМР даёт нам основания использовать термин «политическая машина» в отношении голосования приднестровцев на молдавских национальных выборах. Последнее проводилось на участках, открываемых на подконтрольной Кишиневу территории — Тирасполь запрещает организовывать голосование у себя, и потому приднестровец, желающий проголосовать, сталкивается с необходимостью затратить много времени для преодоления моста через Днестр и стоящих на нем полицейских кордонов. Молдавские «проевропейские» политики и сегодня охотно пользуются этим, утверждая, что едва ли приднестровцы участвуют в процессе добровольно (впрочем, в Тирасполе заявляют, что Кишинев сам всячески затрудняет проезд на правый берег Днестра) [В Молдавии..., 2024].

«Геополитический» подход проработан хуже ввиду более узкой проблематики, актуальной только для ряда стран, одной из которых является Молдавия. В большинстве случаев работы в его рамках сосредоточены вокруг исследований электорального поведения диаспор [Амбурцев и др., 2022; Амбурцев, Андреев, 2022; Мармуляк, Левшенков, 2020; Rosca, 2019]. В данном случае мы называем его таковым ввиду, как было сказано выше, наличия в молдавской партийной системе геополитического раскола, где за традиционно левыми партиями закреплена категория «пророссийских» ввиду их позиции по поддержке членства в Евразийском экономическом союзе и защиты русского языка. Важнейшей из этих партий на момент выборов 2019 года являлась Партия социалистов Республики Молдова (ПСРМ). Исходя из позиции партии для приднестровского избирателя, объективно заинтересованного в потеплении отношений между Кишиневом и

Москвой и связывающего надежды на решение приднестровского вопроса именно с посредничеством России, она была очевидным фаворитом. Тем более, что именно с Россией был связан один из планов по созданию федеративной Молдавии, включающей Приднестровье, т.н. Меморандум Козака [Девятков, 2010]. Дело состояло не только в симпатиях и надеждах — после 2014 года отношение соседней Украины к ПМР ухудшилось, что усилило зависимость Приднестровья от экономических связей с Молдавией, которая легко могла создать проблемы экономике непризнанной республики. Из этого следует, что избиратели с левого берега Днестра имели объективный интерес участвовать в голосовании, но едва ли связывали реализацию своего интереса с победой молдавских демократов. Лидер ПСРМ и президент Молдавии Игорь Додон также обвинил холдинг «Шериф» в покупке голосов в пользу ДПМ, указывая, что обоим олигархам на самом деле неинтересно ни признание ПМР, ни восстановление молдавского суверенитета над Левым берегом, так как оба извлекают выгоду из «теневого» положения республики [Чтобы..., 2019].

Как показывает настоящая глава, приднестровский случай интересен не только тем, что раскрывает тему электорального поведения граждан непризнанных государств, но и связью между поддержкой политической партии и клиентелистской величиной ее поддержки, что позволяет через цифры поддержки Демократической партии оценить эффективность работы политической машины, организованной холдингом «Шериф». Естественно, у нас нет оснований утверждать, что абсолютно все голоса приднестровцев — куплены, а те избиратели, на чьи предпочтения пытались повлиять кнутом или пряником, проголосовали так, как от них требовалось. Мы исходим из допущения, что в том или ином виде проблема «извращённой подотчётности» приднестровскими брокерами решена. Под брокерами понимаются посредники, обеспечивающие посредничество в патрон-клиентской сети [Патрон-клиентские..., 2016].

Избирательная кампания 2019 года

Молдавия является парламентской республикой, из чего логично вытекает, что выборы в легислатуру будут иметь наибольшее значение. К 2019 году в стране прошла избирательная реформа: была введена смешанная избирательная система. Из 101 депутатов 50 избирались по партийным спискам, ещё 51 — в одномандатных округах по системе относительного большинства. Её введение связывалось со стратегией демократов добиться победы за счёт административного ресурса [Астахова, 2019: 88]. Миссия БДИПЧ/ОБСЕ отмечает, что избирательная кампания проходила в атмосфере низкого доверия к государственным институтам [Итоговый..., 2019: 5]. Главными политическими силами были уже вышеупомяну-

тая «проевропейская» ДПМ, «проевропейский» блок партий ACUM, включавший партии PAS (возглавляемая бывшим министром просвещения Майей Санду) и «Достоинство и правда» («Платформа DA») (лидер — адвокат Андрей Нэстасе, победивший на выборах примара (мэра) Кишинева в 2018 году, чьи итоги были аннулированы), и «пророссийская» ПСРМ. Кроме внешнеполитической повестки, сводимой к противостоянию сторонников ЕС и ЕАЭС, партии активно эксплуатировали темы коррупции, государственного произвола, ухудшения социально-экономической ситуации. Санду открыто называла политический режим в Молдове «диктаторским», указывая, что декларируемый ДПМ «проевропейский» курс является лишь красивыми словами [Мэр...], заранее отказавшись формировать с демократами «прозападную» правящую коалицию. И ACUM, и ПСРМ обвиняли Плахотнюка в попытках получить дополнительные голоса за счёт приднестровцев.

Примечательно, что по итогам кампании при всех имеющихся рычагах давления на избирателей ДПМ не сумела взять большинство: по числу голосов по пропорциональной системе (334 539) она уступила и блоку ACUM (380 181), и социалистам (441 1919), выиграв только 13 мандатов, в отличие от 18 мандатов у ПСРМ и 14 у ACUM. Не особо успешной оказалась попытка получить дополнительные места за счёт мажоритарного компонента, где демократы взяли 17 мандатов (столько же взяла ПСРМ и чуть меньше, четырнадцать, ACUM), в итоге сформировав фракцию из 30 депутатов, обогнав оппозиционный блок партий Санду и Нэстасе (27 мандатов), но пропустив вперёд социалистов (35 мандатов). Ещё одной политической силой, сумевшей пройти избирательный барьер, стала популистская партия «Шор» бизнесмена Илана Шора (взяла 5 мандатов по пропорциональной системе и 2 по одномандатным округам). На момент выборов Илан Шор занимал должность примара муниципия Оргеев, граничащего с ПМР. Из 1 458 169 поданных голосов 76 583 дала молдавская диаспора (5,25%) и 37 257 — Приднестровье (2,56%). Итоговая явка составила 49,22%. В двух приднестровских одномандатных округах победили независимые кандидаты Александр Олейник (62,54%) и Виорел Мельник (64,01%), связанные с «Шерифом» (на результатах в одномандатных округах мы останавливаться не будем).

Голосование приднестровцев

В соответствии с результатами голосования в пределах приднестровских округов (47 и 48) распределилось следующим образом (таблица 1).

Табл. 1. Результаты выборов по приднестровским участкам по основным политическим партиям.

Table 1. Election results from Transnistrian polling stations for the main political parties.

Партия	Число голосов	Процент голосов
ДПМ	5120	13,74
ПСРМ	17021	45,69
ПКРМ	3299	8,85
Блок ACUM	1361	3,65
Шор	2389	6,41
Недействительные голоса	4228	11,35

Источник: составлено автором по [Alegeri..., 2019].

Результаты весьма показательны: лишь две партии набрали больше, чем «набрали» недействительные голоса, что говорит не сколько об уровне интереса к компании, сколько о поляризации политического ландшафта Молдавии. ДПМ и ПСРМ — единственные партии, которые могли как-либо повлиять на процесс урегулирования, учитывая их представленность во власти. Представленные ниже карты-схемы должны помочь ответить на вопрос об использовании тех или иных схем покупки голосов и о механике голосования в целом.

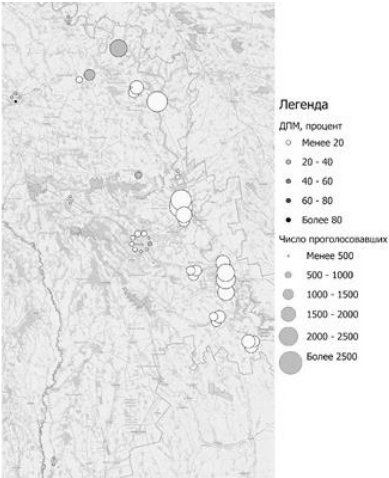

Рис. 1. Результаты Демократической партии на парламентских выборах 2019 года

Figure 1. Democratic Party results for the 2019 legislative elections

Источник: составлено автором.

Учитывая все вышесказанное о роли демократов, мы должны ожидать, что для использования купленных голосов именно для этой партии будут созданы наиболее комфортные условия. Однако мы видим, что участки в непосредственной близости от крупнейших городов ПМР (Дубоссар, Тирасполя и Бендер) дали

ДПМ небольшой процент голосов. Напротив, выделяются участки на севере республики, в н.п. Сенатовка, Гыртоп и Оргеев, что как раз можно объяснить тем, что с учетом их удаленности, там не стоит ожидать провокаций или оппозиционно настроенных наблюдателей.

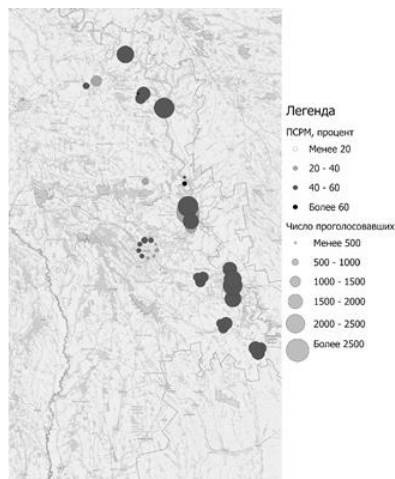

Рис. 2. Результаты Партии социалистов на парламентских выборах 2019 года

Figure 2. Socialist Party results for the 2019 parliamentary elections

Источник: составлено автором.

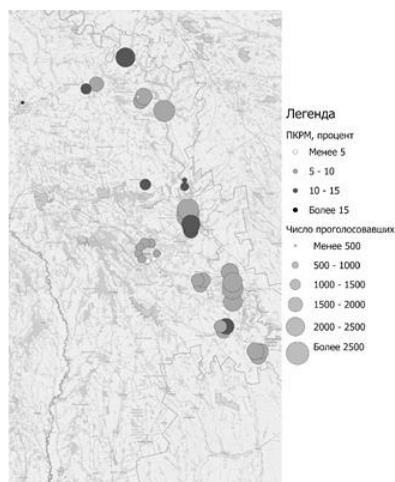

Рис. 3. Результаты Партии коммунистов на парламентских выборах 2019 года

Figure 3. Communist Party results for the 2019 parliamentary elections

Источник: составлено автором.

Наиболее логичная картина голосования складывается у социалистов и коммунистов: наибольшую долю и число голосов они набрали на всех участках в непосредственной близости от ПМР, что дает дополнительные аргументы в пользу того, что машинная политика и другие манипуляции, облегчающие доставку из-

бирателей к участкам, в общем и целом, потерпели крах.

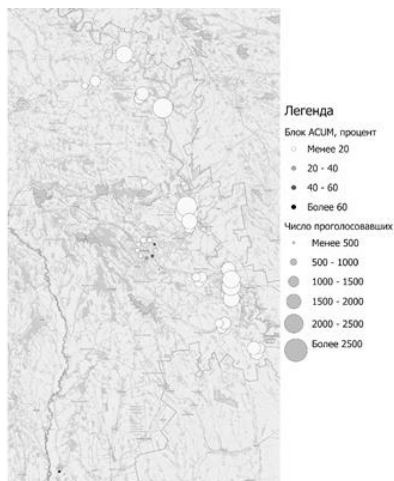

Рис. 4. Результаты Блока ACUM на парламентских выборах 2019 года

Figure 4. ACUM Bloc results in the 2019 parliamentary elections

Источник: составлено автором.

Поскольку часть приднестровцев (то есть граждан Молдавии с регистрацией в пределах Левого берега) проживает в Кишиневе, можно предположить, что большая часть из них проживает в Молдавии уже достаточно долго, чтобы сформировать устойчивые «роевропейские» взгляды и проголосовать за блок ACUM. В целом, как видим, приднестровцы не воспринимали данную политическую силу как близкую их взглядам.

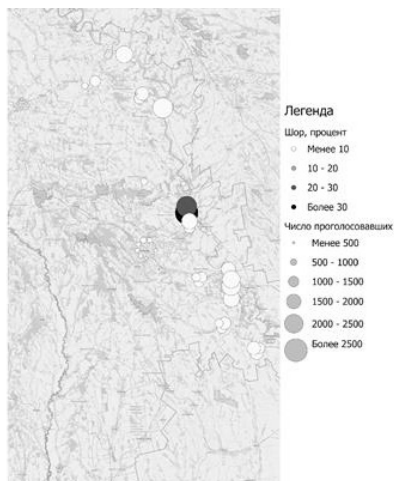

Рис. 5. Результаты Партии «Шор» на парламентских выборах 2019 года

Figure 5. «Shor» Party results for the 2019 parliamentary elections

Источник: составлено автором.

Представляют любопытство результаты «Шора». Участки, расположенные в н.п. Устье и Криуляны, находятся на другом берегу Днестра, напротив Дубоссар, и одновременно недалеко от Оргеевского муниципия, где, как мы уже говорили, Илан Шор занимал должность примара. Территориальная концентрация результатов партии в пределах двух участков может объясняться клиентелистской стратегией партии, которая занималась покупкой голосов приднестровцев непосредственно «на местах». Учитывая «всеядную» идеологию партии, индифферентную по отношению к геополитическому расколу, можно предположить, что часть приднестровских избирателей легко пошла на сотрудничество.

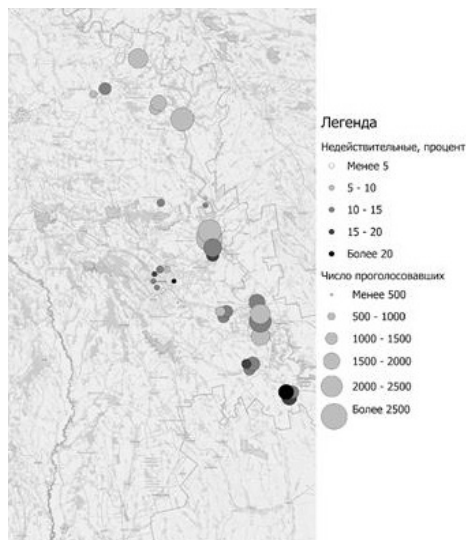

Рис. 6. Процент бюллетеней, признанных, недействительными, на парламентских выборах 2019 года

Figure 6. Percentage of ballots recognized as invalid in the 2019 parliamentary elections

Источник: составлено автором.

В соответствии с предположениями о клиентелистском характере поддержки Демократической партии и «Шора», отсутствия у них отчетливой «пророссийской» позиции, нам бы стоило ожидать повышенной доли испорченных бюллетеней именно на севере и вблизи Дубоссар. Однако, напротив, основная масса данных участков находится на юге, и особенно много — в н.п. Штефан-Водэ, Каушаны и Новый Анен. Из результатов выше мы видели, что здесь были сильны позиции пророссийских социалистов и коммунистов. Вполне вероятно, что это связано не столько с клиентелизмом, сколько с абсентизмом граждан, голосовавших на этих участках (во всех случаях высокая доля порчи бюллетеней наблюдалась именно там, где велико абсолютное число голосов).

Заключение

Настоящая статья посвящена приднестровскому фактору в молдавской электоральной политике. Один из вопросов электоральной политики в государствах, не контролирующих полностью свою территорию, — это гарантии избирательных прав граждан, проживающих в сепаратистских регионах. При всей законности участия граждан самопровозглашённого государства в выборах в «материнском» государстве, оно может быть воспринято как нелегитимное. На примере Молдовы и Приднестровского региона, жители которого в 2019 году впервые массово приняли участие в выборах у западного соседа, мы рассмотрели детерминанты электорального поведения жителей непризнанной страны, основными из которых были две: «геополитическая», объясняющая участие в голосовании как попытку поддержать те политические силы, чья политика воспринимается как умеренная и благоприятная по отношению к отделившемуся региону, и «договорная», основывающаяся на том, что формальному электорату вряд ли будет неинтересно принимать участие в политической жизни фактически чужой страны. Несмотря на наличие в ПМР мощной бизнес-группы «Шериф», контролирующей экономику страны и превращающей страну в политическую машину, мы пришли к выводу, что вклад клиентелистских голосов в голосовании приднестровцев невелик, а принуждение не столь эффективно, как кажется. В работе делаются предположения о применении в стране более широкого набора клиентелистских схем, что требует более подробного анализа в будущем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Амбурцев Р.А., Андреев М.В. Голосование за рубежом: геополитическое измерение (на примере Республики Молдова) // Региональная политика, политическая география и геополитика: история и современность / под ред. Н.М. Михеевой, Н.В. Каледина. СПб.: Изд-во ВВМ, 2022. С. 688–698.
2. Амбурцев Р.А. и др. Зарубежное голосование на выборах в Республике Молдова (на примере избирательных кампаний 2019–2021 гг.) // Проблемы права. 2022. № 4. С. 44–53.
3. Астахова С.В. Молдавия: парламентские выборы в контексте современных политических реалий // Россия и новые государства Евразии. 2019. № 1. С. 88–102.
4. Астахова С.В. Молдавия: политическая ситуация в связи с президентскими выборами-2020 // Россия и новые государства Евразии. 2020. № 4. С. 116–132.
5. Беглец с гарантией: почему экс-президент Приднестровья уехал в Кишинев // РБК. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.rbc.ru/politics/29/06/2017/5954cf1b9a7947cfdf959573> (дата обращения: 15.02.2025).
6. В Молдавии нашли объяснение активности избирателей из Приднестровья // Lenta.ru. [Электронный ресурс]: URL: <https://lenta.ru/news/2024/11/03/v-moldavii-nashli-ob-yasnenie-aktivnosti-izbirateley-iz-pridnestrovyya/> (дата обращения: 03.04.2025).
7. Добронравин Н.А. Непризнанные государства в «серой зоне» мировой политики: основы выживания и правила суверенизации. СПб.: Европейский университет в СПб., 2011. 56 с.
8. Девятков А.В. «Меморандум Козака» в истории приднестровского урегулирования // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 4-2. С. 52–57.

9. Космарская Н.П. Диаспора // Большая российская энциклопедия. [Электронный ресурс]: URL: <https://old.bigenc.ru/ethnology/text/1954692> (дата обращения: 15.02.2025).
10. Кочедыков И.Е. Миграция как фактор политических процессов в Молдове // Проблемы национальной стратегии. 2020. № 6. С. 93–106.
11. Краткие предварительные итоги переписи населения Приднестровья 2015 года // Официальный сайт правительства Приднестровской Молдавской Республики. [Электронный ресурс]: URL: <https://government.gospmr.org/kratkie-predvaritelnye-itogi-perepisi-naseleniya-pridnestrovya-2015-goda/> (дата обращения: 15.02.2025).
12. Маркедонов С.М. Де-факто государства постсоветского пространства: выборы и демократизация // Вестник Евразии. 2008. № 3. С. 75–98.
13. Маркедонов С., Окунев И. Целостность и самоопределение государств в мире проблемной суверенности // *Quaestio Rossica*. 2020. Т. 8. № 4. С. 1422–1436.
14. Мармуляк Е.И., Левшенков В.Б. Молдавская диаспора — «непараллельный электорат»? // Постсоветский материк. 2020. № 4. (28). С. 4–16.
15. Мэр Кишинева постоит за свою победу на площади // Коммерсантъ. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3668055> (дата обращения: 15.02.2025).
16. Патрон-клиентские отношения в истории и современности: хрестоматия / [пер. с англ.]. М.: Политическая энциклопедия, 2016. 415 с.
17. Приднестровье и Молдавия поговорили по-деловому // Коммерсантъ. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3479847> (дата обращения: 15.02.2025).
18. Пришерифская молдавская республика // Коммерсантъ. 2020. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4593870> (дата обращения: 15.02.2025).
19. Республика Молдова. Парламентские выборы 24 февраля 2019 года. Итоговый отчёт Миссии по наблюдению за выборами ОБСЕ/БДИПЧ. 22 мая 2019 года. Варшава.
20. Турко Т. Геополитический выбор Республики Молдова. анализ на примере досрочных (2021) парламентских выборов // *Moldoscopie*. 2021. Т. 94. № 3. С. 65–81.
21. Чтобы дальше зарабатывать на непризнании Приднестровья, «Шериф» идет против Путина и за Плахотнюка // *Actualitati.md*. [Электронный ресурс]: URL: <https://actualitati.md/dodon-chtoby-dalshe-zarabatyvat-na-nepriznanii-pridnestrovja-sherif-idet-protiv-putina-i-za-plahotnjuka> (дата обращения: 15.02.2025).
22. Шевчук Н.В. Приднестровское измерение молдавских выборов // Российский совет по международным делам. [Электронный ресурс]: URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/pridnestrovskoe-izmerenie-moldavskikh-vyborov/> (дата обращения: 15.02.2025).
23. Экономическая результативность // ООО «Шериф». [Электронный ресурс]: URL: <https://sheriff.md/company/econom/> (дата обращения: 15.02.2025).
24. A Slap in the Face of Moldovan Democracy // *Transitions*. [Электронный ресурс]: URL: <https://tol.org/client/article/a-slap-in-the-face-of-moldovan-democracy.html> (accessed: 15.02.2025).
25. Alegeri parlamentare 2019. Documente cu privire la totalizarea rezultatelor votării și confirmarea rezultatelor alegerilor parlamentului republicii moldova din 24 februarie 2019. Parteă II. Chișinău: Comisia electorală centrală a Republicii Moldova, 723 p.
26. Gherghina S., Volintiru C. (2021), Political parties and clientelism in transition countries: evidence from Georgia, Moldova and Ukraine, *Acta Politica*, vol. 56, no. 4, pp. 677–693.
27. Golosov G.V. (2013), Machine politics: The concept and its implications for Post-Soviet studies, *Demokratizatsiya*, vol. 21, no. 4, pp. 459–480.
28. Hale H.E. (2003), Explaining machine politics in Russia's regions: Economy, ethnicity, and legacy, *Post-Soviet Affairs*, vol. 19, no. 3, pp. 228–263.
29. Marandici I. (2021), Taming the oligarchs? Democratization and state capture: the case of Moldova, *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*, vol. 29, no. 1, pp. 63–89.
30. Marandici I., Leșanu A. (2021), The political economy of the post-Soviet de facto states: A paired comparison of Transnistria and the

- Donetsk People's Republic, Problems of Post-Communism, vol. 68, no. 4, pp. 339–351.
31. Nichter S. (2008), Vote buying or turnout buying? Machine politics and the secret ballot, *American political science review*, vol. 102, no. 1, pp. 19–31.
 32. Pilkington M. (2019), The socio-economics of captured and oligarchic states: The case of the Republic of Moldova (2009–2019), Available at SSRN 3472218.
 33. Protsyk O. (2012), Secession and hybrid regime politics in Transnistria, *Communist and Post-Communist Studies*, vol. 45, no. 1–2, pp. 175–182.
 34. Rosca A. (2019), The political voice of diaspora: An analysis of external voting of Moldovan migrants // *Journal of Eastern European and Central Asian Research*, vol. 6, no. 1, pp. 161–178.
 35. Stokes S.C. (2005), Perverse accountability: A formal model of machine politics with evidence from Argentina, *American political science review*, vol. 99, no. 3, pp. 315–325.
 36. Way L.A. (2005), Authoritarian state building and the sources of regime competitiveness in the fourth wave: The cases of Belarus, Moldova, Russia, and Ukraine, *World Politics*, vol. 57, no. 2, pp. 231–261.

REFERENCES:

1. Alegeri parlamentare 2019. Documente cu privire la totalizarea rezultatelor votării și confirmarea rezultatelor alegerilor parlamentului republicii moldova din 24 februarie 2019. Parteă II. — Chișinău: Comisia electorală centrală a Republicii Moldova, 723 p. (In Romanian).
2. Amburtsev R.A., Andreev M.V. (2022), Voting abroad: geopolitical dimension (case study of the Republic of Moldova), *Regional policy, political geography and geopolitics: history and modernity*, eds. Mikheeva N.M., Kaledin N.V., Saint Petersburg: VVM, pp. 688–698. (In Russ.).
3. Amburtsev R.A. et al. (2022), Foreign voting in the elections in the Republic of Moldova (case study of the election campaigns of 2019–2021), *Problems of Law*, no. 4, pp. 44–53. (In Russ.).
4. Astakhova S.V. (2019), Moldova: parliamentary elections in the context of modern political realities, *Rossiia i novye gosudarstva Evrazii*, no. 1, pp. 88–102. (In Russ.).
5. Astakhova S.V. (2020), Moldova: political situation in connection with the 2020 presidential elections, *Rossiia i novye gosudarstva Evrazii*, no. 4, pp. 116–132. (In Russ.).
6. Beglets s garantiyey: pochemu eks-prezident Pridnestrov'ya uekhal v Kishinev // RBC. (In Russ.). URL: <https://www.rbc.ru/politics/29/06/2017/5954cf1b9a7947cfd959573> (accessed: 15.02.2025).
7. Chtoby dal'she zarabatyvat' na nepriznanii Pridnestrov'ya, "Sherif" idet protiv Putina i za Plakhotnyuka // *Actualitati.md*. (In Russ.). URL: <https://actualitati.md/dodon-htoby-dalshe-zarabatyvat-na-nepriznaniipridnestrovja-sherif-idet-protiv-putina-i-zaplahotnyuka> (accessed: 15.02.2025).
8. Devyatkov A.V. (2010), "The Kozak Memorandum" in the history of the Transnistrian settlement, *News of Altai State University*, no. 4–2, pp. 52–57. (In Russ.).
9. Dobronravin N.A. (2011), Unrecognized states in the "gray zone" of world politics: principles of survival and rules of sovereignty, St. Petersburg: European University at St. Petersburg, 56 p. (In Russ.).
10. Ekonomicheskaya rezul'tativnost' // *OOO "Sherif"*. (In Russ.). URL: <https://sheriff.md/company/econom/> (accessed: 15.05.2022).
11. Gherghina S., Volintiru C. (2021), Political parties and clientelism in transition countries: evidence from Georgia, Moldova and Ukraine, *Acta Politica*, vol. 56, no. 4, pp. 677–693.
12. Golosov G.V. (2013), Machine politics: The concept and its implications for Post-Soviet studies, *Demokratizatsiya*, vol. 21, no. 4, pp. 459–480.
13. Hale H.E. (2003), Explaining machine politics in Russia's regions: Economy, ethnicity, and legacy, *Post-Soviet Affairs*, vol. 19, no. 3, pp. 228–263.
14. Kochedykov I.E. (2020), Migration as a factor

- of political processes in Moldova, *Problemy natsional'noy strategii*, no. 6, pp. 93–106. (In Russ.).
15. Kosmarskaya N.P. Diaspora // *Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya*. (In Russ.). URL: <https://old.bigenc.ru/ethnology/text/1954692> (accessed: 15.02.2025).
 16. Kratkie predvaritel'nye itogi perepisi naseleniya Pridnestrov'ya 2015 goda // Official website of the Government of the Pridnestrovian Moldavian Republic. (In Russ.). URL: <https://government.gospmr.org/kratkie-predvaritelnye-itogi-perepisi-naseleniya-pridnestrovyya-2015-goda/> (accessed: 15.02.2025).
 17. Marandici I. (2021), Taming the oligarchs? Democratization and state capture: the case of Moldova, *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*, vol. 29, no. 1, pp. 63–89.
 18. Marandici I., Leşanu A. (2021), The political economy of the Post-Soviet de facto states: A paired comparison of Transnistria and the Donetsk People's Republic, *Problems of Post-Communism*, vol. 68, no. 4, pp. 339–351.
 19. Markedonov S.M. (2008), De facto states of the post-Soviet space: elections and democratization, *Vestnik Evrazii*, no. 3, pp. 75–98. (In Russ.).
 20. Markedonov S., Okunev I. (2020), Integrity and self-determination of states in a world of problematic sovereignty, *Quaestio Rossica*, vol. 8, no. 4, pp. 1422–1436. (In Russ.).
 21. Marmulyak E.I., Levshenkov V.B. (2020), Moldovan diaspora as a “non-parallel electorate”?, *Postsovetskiy materik*, no. 4 (28), pp. 4–16. (In Russ.).
 22. Mer Kishineva postoit za svoyu pobedu na ploshchadi // *Kommersant*. (In Russ.). URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3668055> (accessed: 15.02.2025).
 23. Nichter S. (2008), Vote buying or turnout buying? Machine politics and the secret ballot, *American Political Science Review*, vol. 102, no. 1, pp. 19–31.
 24. Patron-client relations in history and modernity: anthology / [transl. from English]. (2016), Moscow: *Politicheskaya entsiklopediya*, 415 p. (In Russ.).
 25. Pilkington M. (2019), The socio-economics of captured and oligarchic states: The case of the Republic of Moldova (2009–2019), SSRN 3472218.
 26. Pridnestrov'ye i Moldaviya pogovorili po-delovomu // *Kommersant*. (In Russ.). URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3479847> (accessed: 15.02.2025).
 27. Prisherifskaya moldavskaya respublika // *Kommersant*. (In Russ.). URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4593870> (accessed: 15.02.2025).
 28. Protsyk O. (2012), Secession and hybrid regime politics in Transnistria, *Communist and Post-Communist Studies*, vol. 45, no. 1–2, pp. 175–182.
 29. Republic of Moldova. Parliamentary elections on February 24, 2019. Final report of the OSCE/ODIHR Election Observation Mission. May 22, 2019. Warsaw.
 30. Rosca A. (2019), The political voice of diaspora: An analysis of external voting of Moldovan migrants, *Journal of Eastern European and Central Asian Research*, vol. 6, no. 1, pp. 161–178.
 31. Shevchuk N.V. (2020), Pridnestrovskoye izmereniye moldavskikh vyborov // *Rossiyskiy sovet po mezhdunarodnym delam*. (In Russ.). URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/pridnestrovskoe-izmerenie-moldavskikh-vyborov/> (accessed: 15.02.2025).
 32. Stokes S.C. (2005), Perverse accountability: A formal model of machine politics with evidence from Argentina, *American Political Science Review*, vol. 99, no. 3, pp. 315–325.
 33. Turko T. (2021), The geopolitical choice of the Republic of Moldova: analysis based on the 2021 early parliamentary elections, *Moldoscopia*, vol. 94, no. 3, pp. 65–81.
 34. V Moldavii nashli ob'yasnenie aktivnosti izbirateley iz Pridnestrov'ya // *Lenta.ru*. (In Russ.). URL: <https://lenta.ru/news/2024/11/03/v-moldavii-nashli-ob-yasnenie-aktivnosti-izbirateley-iz-pridnestrov'ya/> (accessed: 03.04.2025).
 35. Way L.A. (2005), Authoritarian state building and the sources of regime competitiveness in the fourth wave: The cases of Belarus, Moldova, Russia, and Ukraine, *World Politics*, vol. 57, no. 2, pp. 231–261.

POST SCRIPT

Post scriptum (*лат.* «после написанного») —
приписка к законченному и подписанному письму

OTUM

terra politica

Атласы пространства // Рецензия на Атлас международных отношений: пространственный анализ индикаторов мирового развития (2020) и Атлас человеческого развития: Многомерное шкалирование, кластеризация, пространственный анализ данных (2024)

Барабаш Богдан Алексеевич

*заместитель начальника отдела проектов и государственных программ
Департамента государственной поддержки искусства и народного творчества,
Министерство культуры Российской Федерации, Москва, Россия
bogdan.barabash.mgimo@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0001-6347-7872>*

АННОТАЦИЯ

В рецензии рассматриваются два знаменательных труда в сфере пространственного анализа международных отношений и мировой политики — «Атлас международных отношений: пространственный анализ индикаторов мирового развития» (2020) и «Атлас человеческого развития: Многомерное

шкалирование, кластеризация, пространственный анализ данных» (2024). Подробно освещается дизайн и методология, отмечаются сильные и слабые стороны «атласов пространства», а также их роль в становлении новых методов пространственного анализа в отечественной школе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

атлас, картографирование, картограммы, пространственный анализ, пространственная эконометрика, политическая география

UDC 327

DOI 10.63115/3811.2025.64.73.015

BOOK REVIEW

Atlases of Space // Review of Atlas of International Relations: Spatial Analysis of World Development Indicators (2020) and Human Development Atlas: Multidimensional Scaling, Clustering, Spatial Data Analysis (2024)

Bogdan Barabash

Deputy Head of the Projects and State Programs Division of the Department for State Support of Art and Folk Art, Ministry of Culture of the Russian Federation, Moscow, Russia

bogdan.barabash.mgimo@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0001-6347-7872>

ABSTRACT

This review examines two landmark works in the field of spatial analysis of international relations and world politics — "Atlas of International Relations: Spatial Analysis of World Development Indicators" (2020) and "Atlas of Human Development: Multidimensional Scaling, Clustering, Spatial Data

Analysis" (2024). The design and methodology are covered in detail, the strengths and weaknesses of the "atlases of space" are noted, as well as their role in the formation of new methods of spatial analysis in the Russian science field.

KEYWORDS

atlas, choropleth map, spatial analysis, spatial econometrics, political geography

Понимание несколько абстрактной природы международных отношений невозможно без осознания фундаментальных основ материального мира, очерчивающих для них ряд возможностей и ограничений. Действительно, хотя мир государств, разного рода политий и народов, скорее, является миром воображаемым, он находится на вполне материальной плоскости — условной географической карте мира, которую сформировали разного рода геологические, ландшафтные и климатические факторы на протяжении длительной истории. В этой связи принятие во внимание географического фактора позволяет глубже понять историю вражды или союзнических отношений между несколькими странами, интенсивность торговых и экономических связей, моделей поведения разного рода политий на международной арене — социальные, экономические и политические факторы в данном случае уже являются надстраивающимися. Неслучайно, что базовый географический фактор лежит в основе многих теорий и концепций в рамках международных отношений (например, теории баланса сил или моделей

международной иерархии) [Zarakol, Mattern, 2016], а политическая география является базовым курсом для освоения специальностей по международным отношениям и мировой политике.

Развитие методологии в сфере политологии и международных отношений в последние десятилетия делает возможным проведение более строгих исследований, учитывающих целый ряд факторов и значительное число кейсов. Как известно, глобальные исследования зачастую лишены качественного наполнения, так как одному элементу (например, государству) чаще всего присваивается лишь ограниченное число переменных, не все из которых, к тому же, сопоставимы друг с другом. Так, например, возможно попытаться установить зависимость между размером государства и степенью его акторности на мировой арене или качеством его демократии [Окунев, 2010], или зависимостью между степенью обеспеченности ресурсами и характером его экономического развития [Smith, Waldner, 2021], в то время как действительно целостные исследовательские проекты встречаются не так часто. В российском академическом поле в этой связи выделяется «Политический атлас современности», изданный под руководством А.В. Торкунова и А.Ю. Мельвиля, который учитывает целый ряд факторов развития и включает в рамки анализа ряд индексов и рейтингов: государственности, внешних и внутренних угроз, качества жизни и т.д., которые впервые позволили в российской политологической науке провести глобальное сравнительное исследование всех государств мира с элементами как количественных, так и качественных методов [Мельвиль, Ильин, Мелешкина и др., 2007]. В частности, в работе использованы метод главных компонент, кластерный анализ, а также целостные экспертные оценки, приведённые к единому знаменателю. Вместе с тем, несмотря на наличие слова «атлас» в названии проекта, методология работы не предполагала учета фундаментального географического фактора, так как по своей сути, все страны в ней были представлены отдельными ячейками, не расположенными в каком-либо порядке или пространстве.

В этой связи научный коллектив проекта «Атлас международных отношений: пространственный анализ индикаторов мирового развития» (2020 г.) под руководством И.Ю. Окунева стремится к заполнению сложившейся лакуны [Окунев, Баринов, Беликов и др., 2020]. Согласно рабочей гипотезе исследования, факторы, определяющие структуру современных международных отношений, имеют значительную пространственную корреляцию, за счёт чего географическая организация оказывает фундаментальное влияние на характер существующих международных отношений. Иными словами, важно не только наличие определенных факторов у единиц анализа, но и их расположение в пространстве — соседство и близость, приближенность или удаленность друг к другу. В этом состоит первый закон географии, выведенный В. Тоблером, который упрощенно гласит, что «все

объекты и феномены влияют друг на друга, но более близкие объекты и феномены в пространстве склонны влиять друг на друга в большей степени» [Tobler, 1970].

Именно развитие статистических инструментов и различных количественных методов пространственного анализа с применением специального программного обеспечения, компьютерного моделирования и геоинформационных систем (в частности, программы QGIS и GeoDa) позволяет учитывать вышеуказанный пространственный фактор гораздо более методологически строго. В частности, Атлас международных отношений отмечается использованием последних достижений в сфере пространственной эконометрики. Так, научный коллектив проекта применяет индекс пространственной автокорреляции Морана, локальные индикаторы пространственной автокорреляции (LISA), многофакторный анализ пространственной автокорреляции, индекс пространственной зависимости, многомерное шкалирование и пространственный кластерный анализ, среди прочего. Значимой новацией проекта является использование матрицы пространственных весов, так как феномен соседства не является простым с точки зрения осуществления кодирования. Так, авторы сознательно отказываются от соседства по смежности (т.е. между странами, имеющими хотя бы одну точку на границе), так как в таком случае из анализа оказались бы исключены островные и архипелажные государства, и используют метод *k*-ближайших соседей, когда радиус от медианного центра государства расширяется, пока в него не попадет 8 соседей. Картограммы, построенные на основе локальных индикаторов пространственной автокорреляции, позволяют выделить те страны, которые неожиданно (из-за своего окружения) выбиваются из сложившихся закономерностей и проявляют отклонение, а значит, либо фактически являются изолированными по данному показателю, либо, наоборот, демонстрируют наличие дополнительных факторов, которые оказывают более значимое влияние на положение конкретного государства среди своих соседей.

Коллектив авторов последовательно раскрывает пространственное размежевание различных индексов в шести сферах взаимодействия — международном влиянии, политике, демографии, качестве жизни, экономике и ценностях, каждая из которых включает в себя не менее девяти переменных. Отдельные главы издания посвящены методологии и методам пространственного анализа, включая многомерное шкалирование и пространственный кластерный анализ (глава 7). Все статистические показатели, используемые в проекте, отдельно указываются в конце работы, что позволяет использовать их для проверки полученных выводов.

Структура каждого параграфа, посвящённого какой-либо из переменных, придерживается единому шаблону. Так, вначале демонстрируется дискретная анаморфоза, позволяющая установить выбросы и кластеры, диаграмма размаха, выборочные значения параметра (первые и последние значения, среднее значение и отдельно — значение по России), картограмма размаха значений, диаграмма про-

пространственной автокорреляции и картограмма локальных индикаторов пространственной автокорреляции. В конце каждого раздела осуществляется многофакторный анализ, демонстрирующий матрицу диаграмм рассеяния и пузырьковую диаграмму рассеяния по анализируемым параметрам, а также другие инструменты, позволяющие сделать промежуточные выводы относительно всего рассматриваемого раздела. Эти и многие другие методологические приемы используются коллективом авторов в дальнейшем в работе «Электоральная география ближнего зарубежья России» (2024 г.) [Окунев, Шестакова, Захарова и др., 2024].

Формат демонстрации полученных выводов стоит признать удачным — помимо высокой наглядности и единообразия следует отметить, что материалы сопровождаются описанием наиболее значимых закономерностей и их объяснением. Кроме того, все заявляемые диаграммы и картограммы составлены в едином стиле и в этой связи доступны для компаративного анализа.

Вместе с тем, наряду с сильными сторонами проекта следует выделить несколько дискуссионных вопросов. Так, например, авторы не уделяют внимание тому, как и почему были отобраны конкретные переменные, которые затем были консолидированы в один из шести разделов, каждый из которых содержит разное их число (от девяти до шестнадцати). Кроме того, главный посыл исследования о том, что пространственный фактор является важным, раскрывается не вполне целостно, так как все параметры в данном проекте рассматриваются через призму физического пространства, в то время как пространство может также концептуализироваться в культурно-символическом плане.

Однако нельзя не отметить, что в целом «Атлас международных отношений» выполнен на высоком организационном уровне и, являясь первой значимой попыткой учета пространственного фактора в политологии и международных отношениях в отечественной исследовательской традиции, выступает в качестве важного шага на пути к активизации использования инструментов пространственной эконометрики и статистического анализа в российских исследованиях.

В этой связи важно отметить, что проект того же научного коллектива под названием «Атлас человеческого развития: Многомерное шкалирование, кластеризация, пространственный анализ данных» (2024 г.) является закономерным продолжением «Атласа международных отношений» на более высоком уровне исполнения [Окунев и др., 2024]. За четыре года плодотворной работы авторам удалось провести новое исследование в части неравномерного распределения факторов человеческого развития, одновременно усилив методологическую компоненту и разрешив проблемы, наблюдающиеся в «Атласе международных отношений». В конце 2024 года также вышел англоязычный перевод проекта [Okunev, 2024].

Так, в «Атласе человеческого развития» авторы расширяют концепцию пространственных весов и предлагают две их модели — геометрическую и геополитическую.

тическую. В то время как геометрическая модель соседства исходит из того, что у любого суверенного государства имеется по крайней мере три ближайших соседа, идентифицируемых на основе дистанции между их столицами, геополитическая матрица соседства исходит из учета близости стран на основе их членства в ведущих политико-экономических региональных интеграционных объединениях. При таком подходе одни и те же страны могут являться геометрическими соседями, но не быть близкими геополитически (например, Россия и Польша), и наоборот (например, Россия и Сербия).

Авторам удалось провести агрегирование 100 параметров — каждое из десяти слагаемых глобального человеческого потенциала представлено десятью операционализируемыми показателями, наиболее полно отражающими самые разнообразные компоненты человеческого развития и отвечающими строгим критериям мультиколлинеарности, гетероскедастичности, дисперсии, выборки, сопоставимости, актуальности и объективности. Выборка каждого из показателей обосновывается, по каждому из них авторы отбирают среднее и медианное значения, а также три максимальных и минимальных значений.

Последние две главы «Атласа человеческого развития» посвящены инверсивному пространственному кластерному анализу, позволяющему осуществить группировку суверенных государств на изначально заданное число кластеров. В результате на карте проявляются группы стран, необязательно являющиеся соседями геометрически, но имеющие наиболее близкие избранные значения по какой-либо переменной или их совокупности. Данный раздел представляется особо показательным, так как позволяет «разрывать» и «сшивать» карту мира в зависимости от того, сколько «корзин» необходимо выделить исследователю. Например, при необходимости выделить наиболее важные параметры, разделяющие мир на два блока, выясняется, что основная линия разграничения проходит по идеологическим или цивилизационным основаниям, но на основе экономических параметров (страны Глобального Севера и Глобального Юга). При выделении большего числа кластеров исследователям приоткрываются новые перспективы в сфере классификации стран или нахождения наименьшего общего знаменателя между ними.

Говоря в целом, «Атлас человеческого развития» позволил вывести наработки методологии, впервые использующейся в «Атласе международных отношений» на более высокий уровень, однако говорить, что первый является лишь доработкой второго не представляется возможным — оба атласа пространств являются самостоятельными интеллектуальными продуктами, знаменующими важный этап в становлении инструментов пространственного анализа в отечественных исследованиях.

Оба атласа представляют интерес не только в качестве учебных пособий для студентов, но и могут являться «настолярными книгами» для научных сотрудни-

ков, преподавателей и аспирантов, а также лиц, принимающих решения в сфере политики и международных отношений. Кроме того, данные, изложенные в обоих атласах, подходят и для широкого круга читателей, которые хотели бы получить структурированные знания по пространственному распределению конкретного фактора среди всех суверенных государств мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Атлас международных отношений: пространственный анализ индикаторов мирового развития / И.Ю. Окунев, С.Л. Баринов, А.А. Беликов [и др.]. М.: Аспект Пресс, 2020. 447 с.
2. Атлас человеческого развития: Многомерное шкалирование, кластеризация, пространственный анализ данных / И. Ю. Окунев [и др.]. М.: Аспект Пресс, 2024. 594 с.
3. Окунев И. Ю. Размер государства и уровень развития демократии // Страны-гиганты: проблемы территориальной стабильности: сборник докладов / под ред. И.М. Бусыгиной, Л.В. Смирнягина, М.Г. Филиппова; Институт международных исследований МГИМО (У) МИД России. М.: МГИМО-Университет, 2010. (Книги и брошюры ИМИ. Т. 15). С. 51–60.
4. Политический атлас современности: опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств / А. Ю. Мельвиль, М. В. Ильин, Е. Ю. Мелешкина [и др.]. М.: МГИМО-Университет, 2007. — 271 с.
5. Электоральная география ближнего зарубежья России: монография / И.Ю. Окунев, М.Н. Шестакова, Е.А. Захарова [и др.]. М.: МГИМО-Университет, 2024. 574 с.
6. Atlas of Human Development: Multidimensional Scaling, Clustering, Spatial Data Analysis (2024), ed. Okunev I., translated by P. Taylor. Moscow: Aspect Press Ltd., 2024. 591 p.
7. Smith B., Waldner D. (2021), Rethinking the resource curse, Cambridge: Cambridge University Press, 96 p.
8. Tobler W.R. (1970), A computer movie simulating urban growth in the Detroit region, Economic Geography, vol. 46, pp. 234–240.
9. Zarakol A, Mattern J.B. (2016), Hierarchies in World Politics (IO), International Organization, vol. 70, no. 3, pp. 623–654.
1. Melville A.Yu., Ilyin M.V., Meleshkina E.Yu. (2007), Politicheskiy atlas sovremennosti: opyt mnogomernogo statisticheskogo analiza politicheskikh sistem sovremennykh gosudarstv [The Political Atlas of modernity: the experience of multidimensional statistical analysis of modern political systems states], Moscow: MGIMO University, 271 p. (In Russ.).
2. Okunev I.Yu. [et al.] (2024), Atlas chelovecheskogo razvitiya: Mnogomernoye shkalirovaniye. klasterizatsiya. prostranstvennyy analiz dannykh [Atlas of Human development: Multidimensional scaling, clusterization, spatial data analysis], Moscow: Aspect Press Publishing House, 594 p. (In Russ.).
3. Okunev I.Yu. (2024), ed. Atlas of Human Development: Multidimensional Scaling, Clustering, Spatial Data Analysis / translated by P. Taylor, Moscow: Aspect Press Ltd., 591 p.
4. Okunev I.Yu. (2010), Razmer gosudarstva i uroven razvitiya demokratii [The size of the state and the level of development of democracy], Giant countries: problems of territorial stability: a collection of reports, Moscow: MGIMO University, 2010, vol. 15, pp. 51–60. (In Russ.).
5. Okunev I.Yu., Barinov S.L., Belikov A.A. (2020), Atlas mezhdunarodnykh otnosheniy: prostranstvennyy analiz indikatorov mirovogo

- razvitiya [Atlas of International Relations: spatial analysis of world development indicators], Moscow: Aspect Press Publishing House, 447 p. (In Russ.).
6. Okunev I.Yu., Shestakova M.N., Zakharova E.A. et al. (2024), *Elektoralnaya geografiya blizhnego zarubezhia Rossii: monografiya* [The electoral geography of Russia's neighboring countries: a monograph], Moscow: MGIMO University, 574 p. (In Russ.).
 7. Smith B., Waldner D. (2021), *Rethinking the resource curse*. Cambridge: Cambridge University Press, 96 p.
 8. Tobler W.R. (1970), A computer movie simulating urban growth in the Detroit region, *Economic Geography*. vol. 46, pp. 234–240.
 9. Zarakol A, Mattern J.B. (2016), Hierarchies in World Politics (IO), *International Organization*, vol. 70, no. 3, pp. 623–654.

Карты, данные, закономерности: пространственный анализ в изучении общества // Рецензия на книгу И. Ю. Окунева «Основы пространственного анализа»

Тисленко Мария Игоревна

кандидат экономических наук, ассистент-исследователь, докторант,

Университет Джорджии, Этенс, США

maria.tislenko@uga.edu, <https://orcid.org/0000-0003-3424-7856>

АННОТАЦИЯ

В рецензии анализируется монография И.Ю. Окунева «Основы пространственного анализа», где автор раскрывает сочетание теоретических основ пространственного анализа с современными методами геоинформационного моделирования и статистики. Книга охватывает широкий спектр подходов и методов: от базовых операций (картографирование, районирование) в таких программных пакетах, как QGIS, GeoDA и R, до многофакторных моделей (кластеризации, автокорреляции, географически взвешенной регрессии), что делает её особенно полезной для специалистов, стремящихся освоить инструментарий пространственного анализа в политической географии, региональных исследованиях и смежных дисциплинах. Автор уделяет внимание не только техническим вопросам, но и когнитивным аспектам восприятия

пространства, подчёркивая, что пространственные факторы оказывают глубокое влияние на социальные и политические процессы. Рецензия отмечает междисциплинарный характер монографии, её потенциал для развития отечественной школы политической географии и пространственного анализа, а также указывает на аспекты, которые могли бы быть дополнительно расширены — в частности, вопросы строгости методологии, работы с большими данными и примеров из мировой практики развивающихся стран. В целом, издание представляет собой глубокое и всестороннее руководство к интеграции количественных и качественных методов пространственного анализа, что отражает актуальную тенденцию «примирения» количественной и качественной традиций в социальных науках.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

пространственный анализ, пространственная эконометрика, революция причинного вывода, политическая география, ГИС, QGIS, GeoDA, пространственная автокорреляция, географический разрыв регрессии, проблема изменяемых ареалов

UDC 327

DOI 10.63115/3197.2025.13.91.016

BOOK REVIEW

Maps, Data, Patterns: Spatial Analysis in the Study of Society // Review of I. Yu. Okunev's Book "Fundamentals of Spatial Analysis"

Maria Tislenko*PhD in Economics, Research Assistant, Doctoral Student, University of Georgia, Athens, USA**maria.tislenko@uga.edu, <https://orcid.org/0000-0003-3424-7856>***ABSTRACT**

This review examines I.Yu. Okunev's monograph "Fundamentals of Spatial Analysis", in which the author explores the combination of theoretical foundations of spatial analysis with modern methods of geoinformation modeling and statistics. The book covers a wide range of approaches and techniques, (such as mapping and regionalization) using software packages like QGIS, GeoDA, and R, to multifactor models (such as clustering, autocorrelation, and geographically weighted regression), making it particularly valuable for specialists seeking to master the toolkit of spatial analysis in political geography, regional studies, and related disciplines. The author addresses not only technical issues but also the cognitive aspects of spatial perception,

emphasizing that spatial factors exert a profound influence on social and political processes. The review highlights the interdisciplinary nature of the monograph, its potential contribution to the development of the Russian school of political geography and spatial analysis and also points to aspects that could be further expanded—particularly issues of methodological rigor, work with big data, and examples from global practices in developing countries. Overall, the publication serves as a deep and comprehensive guide to integrating quantitative and qualitative methods of spatial analysis, reflecting the current trend of reconciling quantitative and qualitative traditions in the social sciences.

KEYWORDS

spatial analysis, spatial econometrics, causal inference revolution, political geography, GIS, QGIS, GeoDA, spatial autocorrelation, geographically weighted regression, modifiable areal unit problem.

В последние десятилетия в социальных науках происходит так называемая «революция причинного вывода» (causal inference revolution), когда исследователи стремятся не только фиксировать корреляции, но и выявлять истинные причинно-следственные связи [King, Keohane, Verba, 2021]. Широкое распространение квази-экспериментальных методов, а также внедрение более развитых статистических инструментов для работы с большими массивами данных позволили внести существенные коррективы в понимание социальных и политических процессов.

Пространственный анализ становится особенно востребованным, так как позволяет учитывать «эффект соседства» и пространственной зависимости в изучении таких явлений, как электоральное поведение, распространение инноваций,

конфликты и миграция. Включение пространственного фактора в модели причинности помогает точнее оценивать влияние географических характеристик на социальные процессы. Показательный пример — исследование Клейтона Налла, который с помощью пространственного анализа продемонстрировал, что строительство межштатных автомагистралей США способствовало субурбанизации и формированию идеологически однородных анклавов, усилив политическую поляризацию даже спустя десятилетия после реализации проекта [Nall, 2015].

В этом контексте использование количественных методов пространственного анализа становится важным инструментом научного поиска, и монография И.Ю. Окунева «Основы пространственного анализа» во втором издании вносит вклад в их популяризацию среди российских исследователей. И.Ю. Окунев демонстрирует, что пространственный анализ — это не просто совокупность статистических и картографических процедур, а широкая методологическая область, помогающая понять, как размещение объектов и явлений в географическом континууме влияет на политические, экономические, социальные и культурные процессы.

Монография структурирована логично и последовательно, что облегчает ее восприятие. В первой главе автор вводит читателя в проблематику пространственного анализа, выделяя его эпистемологические и методологические основания: от зарождения географического детерминизма и индетерминизма до более современных трактовок абсолютного, относительного и когнитивного пространства. Подобный обзор не только задает базовые теоретические рамки, но и позволяет читателю осознать, почему пространственный анализ сегодня востребован: расположение государства или региона, конфигурация соседства, протяжённость и специфика границ — всё это оказывает зачастую незаметное, но ключевое влияние на развитие социальных и политических процессов. Благодаря этой вводной становится понятным, почему смысл «близости» необходимо интерпретировать не только в метрическом, но и в культурно-символическом плане.

В последующих главах по мере развития материала читатель знакомится со всё более сложными инструментами: от начального геокодирования и создания простейших картограмм до многофакторных моделей, построенных с помощью свободного программного обеспечения QGIS и GeoDa и универсального языка R. Подробные описания интерфейсов, дополненные скриншотами и примерами, делают книгу наглядным и удобным руководством для людей с самыми разными уровнями подготовки. При этом важно отметить, что автор избегает чрезмерного погружения в технические детали, предлагая вполне понятный и выстроенный «маршрут» изучения: от освоения базовых операций в QGIS к более продвинутым темам вроде статистической автокорреляции, двухфакторных индексов Морана и кластерного анализа.

Центральное место в книге занимают главы, где раскрывается математический

и статистический арсенал пространственного анализа. Показательно, что помимо традиционных индексов (Морана, Гири, Гетиса-Орда) автор предлагает использовать расширенные методы: кластеризацию (k -средних, иерархическую, многомерное шкалирование и главных компонент), построение пространственного лага, оценку относительного риска и прочие. На каждом этапе подробно объясняются такие понятия, как веса соседства, локальные индикаторы пространственной автокорреляции, пространственная регрессия и сопутствующие им статистические предпосылки. Подача материала сопровождается пошаговыми примерами, что позволяет читателю сразу увидеть практическую ценность методики.

При переходе к более сложным методам — географически взвешенной регрессии (GWR), моделированию мультиуровневых отношений и анализу географического разрыва регрессии — автор старается мягко вводить читателя в математику вопроса. И.Ю. Окунев признаёт, что не все исследователи в равной степени комфортно чувствуют себя с формулами, однако подчёркивает невозможность освоения пространственных методов без понимания базовой статистической логики. Здесь монография достигает определённого баланса: с одной стороны, даётся пусть и сжатое, но всё же концептуальное обоснование методов, с другой — читатель может освоить практически знакомство с вычислительными процедурами, работая с готовыми скриптами и опциями в R или QGIS.

Тем не менее, это не техническое пособие по геоинформатике, предусматривающее пошаговое освоение ГИС-пакетов. Суть количественного поворота в социальных науках и революции причинных выводов заключается не в противопоставлении, а примирении «физиков» и «лириков», когда качественные и количественные подходы дополняют друг друга, позволяя избежать упрощённых схем толкования и прийти к более глубокому пониманию социальной реальности. Поэтому монография выходит за рамки традиционного пространственного анализа, затрагивая вопросы когнитивного восприятия пространства, пространственной инверсии и взаимосвязи географических факторов с политическими процессами. В этом аспекте работа представляет собой значительный вклад в развитие политической географии, способствуя формированию нового уровня пространственного анализа социальных и политических явлений.

Методологически книга находится в русле общемировых тенденций. Если на Западе со второй половины XX века активно формировались отдельные направления пространственного анализа и пространственной эконометрики, то в России подобная область знаний лишь относительно недавно стала привлекать внимание широкого круга исследователей из сферы общественных наук. Доказательством этому служит тот факт, что монография И.Ю. Окунева является всего одной из трёх работ на русском языке, посвящённых пространственному анализу. Помимо неё существуют учебно-методическое пособие Казанского федерального университета «Основы пространственного анализа в растровых ГИС» под редакцией

А.А. Савельева, С.С. Мухарамовой, Н.А. Чижиковой и А.Г. Пилюгина [Савельев и др., 2015] и переводная монография Джорджа Грекусиса «Методы и практика пространственного анализа» [Грекусис, 2021].

Если сравнивать структуру и тематические акценты этих трёх книг, то книга И.Ю. Окунева представляет собой монографию, охватывающую широкий спектр инструментов, рассмотренных выше. В отличие от неё, пособие коллектива авторов из КФУ фокусируется преимущественно на растровой модели пространственных данных и конкретных упражнениях в среде GISPROG. Его структура организована вокруг базовых операций (алгебры карт, скользящего окна, дистанционного преобразования, анализа рельефа) и иллюстрирует их применение в геоэкологических и связанных с природопользованием задачах. Этот текст имеет более узкую прикладную направленность, в рамках которой ожидается, что читатель будет выполнять те или иные блоки заданий для освоения работы в конкретном ГИС-пакете. Что касается перевода монографии Джорджа Грекусиса, то она ближе к классическим западным учебникам по пространственному анализу. В ней систематически освещается широкий круг вопросов — от первичного описания геоданных до интерполяции, геостатистики, пространственного моделирования и причинно-следственных выводов. Внутренняя логика построения работы Дж. Грекусиса обуславливает фокус на статистические методы, рассчитанные на продвинутых студентов и исследователей, работающих с крупными базами данных. Таким образом, три имеющиеся на сегодняшний день русскоязычные издания заметно отличаются как по объёму, так и по своей целевой аудитории.

Сравнивая «Основы пространственного анализа» с некоторыми зарубежными учебниками, например, Люка Анселина [Anselin, 2013] или Роберта Хэйнинга [Haining, 2003], стоит отметить, И.Ю. Окунев фокусируется на других аспектах в российских реалиях: больше внимания уделено районному, муниципальному и электоральному уровню данных, а также более детально расписан процесс работы в QGIS (в зарубежных курсах чаще фигурируют ArcGIS). При этом западные пособия зачастую глубже разбирают эконометрические модели и опираются на большие данные. Тем не менее, труд автора может служить «трамплином» к дальнейшему знакомству с англоязычной литературой, поскольку структура и терминология согласуются с мировыми практиками.

Отдельным достоинством монографии И.Ю. Окунева является то, что автор не только пересказывает зарубежный опыт, но и пытается привязать его к российским практикам: показывать, где брать данные на уровне субъектов РФ, как работать с ограничениями отечественных форматов, как переводить статистику из текстовых источников в координатные файлы, используя QGIS и другие инструменты. Таким образом, в тексте чувствуются отечественные реалии, что выгодно отличает монографию от заграничных пособий, в которых обсуждается ArcGIS или концепции «больших данных» на сугубо западных примерах и базах.

Наряду с выдающимися сильными сторонами книги есть несколько моментов, которые могут вызвать у читателей дискуссию или ощущение недостаточности проработки. Во-первых, с точки зрения продвинутой статистики, изложение идей пространственной регрессии или моделирования географического разрыва регрессии местами слишком конспективно. Тот, кто имеет серьёзную математическую подготовку, возможно, сочтёт объяснения недостаточно глубокими. Между тем многие читатели из числа начинающих исследователей, наоборот, воспримут подобный формат как удобный. Здесь возникает методический компромисс: книга не должна превращаться в том статистической теории, но, возможно, стоило поместить больше ссылок на специализированные руководства.

Во-вторых, в ряде случаев хотелось бы большего количества разноплановых примеров, в том числе на массовых данных, чтобы увидеть, как методики работают в условиях многоуровневой и многомиллионной выборки. Короткие кейсы, несомненно, удобны, но не всегда отражают те сложности, которые возникают у исследователей при работе с большими данными и распределёнными вычислениями. Например, И.Ю. Окунев обходит стороной проблему изменяемых ареалов (англ. MAUP, Modifiable Areal Unit Problem), суть которой в том, что результаты пространственного анализа (коэффициенты корреляции, результаты регрессии и др.) могут измениться просто потому, что меняются границы или масштаб этих регионов [Fotheringham, Wong, 1991].

Кроме того, работа основана на западной инструментарии, но большинство примеров взяты из российской практики. Хотя это ценно для отечественных исследователей, для универсальности пособия полезно было бы включить кейсы из стран ШОС, БРИКС и других развивающихся экономик, например, по урбанистической географии Китая или пространственным кластерам Латинской Америки и Африки. Это позволило бы лучше продемонстрировать универсальность методов и их применимость в более широком контексте.

В контексте вклада в отечественную политическую географию следует особо отметить общий междисциплинарный замысел монографии. Автор не ограничивается «чистой» географией или «чистой» политологией и призывает своих читателей к интегративному подходу. Он указывает на то, что любой процесс лучше понимается в связке с территорией, пространством и соответствующими геостатистическими паттернами. Подобная синтезирующая позиция в значительной мере согласуется с традицией политической географии последних десятилетий, стремившейся преодолеть ограниченные рамки классического геополитического детерминизма и приблизиться к более тонким социальным, экономическим и культурным «измерениям» пространства.

Монография также может найти отклик у научных сотрудников, преподавателей и аспирантов, которые ведут практические курсы по методам исследования региональных конфликтов, городских политик, экологии и международных отно-

шений. Пошаговые инструкции и предложения к упражнениям, приведённые в книге, помогают быстро ввести студентов в мир пространственных данных и позволяют в короткие сроки осваивать приемы картографирования, визуализации и базовой статистики. В этом смысле «Основы пространственного анализа» выполняет и роль своеобразного «учебного моста» между классической географической школой, ориентированной на картографические проекты, и новой когортой аналитиков, работающих со сложными математическими моделями.

В заключение хочется подчеркнуть, что монография И.Ю. Окунева представляет собой цельный и своевременный труд, сочетая теоретический обзор, разъяснение методов и практическую направленность. В условиях формирования культуры пространственного анализа в общественно-политических науках России книга становится ценным учебным пособием. Хотя некоторые темы — работа с большими данными, экономико-математическое моделирование, международные примеры — могли бы быть расширены, издание уже сейчас служит важным ориентиром для исследователей, работающих с ГИС, статистикой и пространственными моделями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Грекусис Дж. Методы и практика пространственного анализа / пер. с англ. М.: ДМК-Пресс, 2021. 540 с.
2. Окунев И.Ю. Основы пространственного анализа: Монография. М.: Аспект Пресс, 2-е изд., перераб. и доп., 2023. 255 с.
3. Савельев А.А., Мухарамова С.С., Чижикова Н.А., Пилюгин А.Г. Основы пространственного анализа в растровых ГИС: учебно-методическое пособие. Казань: Казанский университет, 2015. 59 с.
4. Anselin L. (2013), *Spatial econometrics: methods and models*, NY: Springer Science & Business Media, 284 p.
5. Fotheringham A.S., Wong D.W.S. (1991), The modifiable areal unit problem in multivariate statistical analysis, *Environment and planning A*, vol. 23, no. 7, pp. 1025–1044.
6. Haining R.P. (2003), *Spatial data analysis: theory and practice*. — Cambridge: Cambridge university press, 452 p.
7. King G., Keohane R.O., Verba S. (2021), *Designing social inquiry: Scientific inference in qualitative research*, Princeton, NJ: Princeton university press, 259 p.
8. Nall C. (2015), The political consequences of spatial policies: How interstate highways facilitated geographic polarization, *The Journal of Politics*, vol. 77, no. 2, pp. 394–406.

REFERENCES

1. Anselin L. (2013), *Spatial econometrics: methods and models*, NY: Springer Science & Business Media, 284 p.
2. Fotheringham A.S., Wong D.W.S. (1991), The modifiable areal unit problem in multivariate statistical analysis, *Environment and planning A*, vol. 23, no. 7, pp. 1025–1044.
3. Grekusi G. (2021), *Metody i praktyka prostranstvennogo analiza* [Spatial analysis methods and practice: Describe — explore — explain], translated from English, Moscow: ДМК-Press, 540 p. (In Russ.).
4. Haining R.P. (2003), *Spatial data analysis: theory and practice*. — Cambridge: Cambridge university press, 452 p.
5. King G., Keohane R.O., Verba S. (2021),

- Designing social inquiry: Scientific inference in qualitative research, Princeton, NJ: Princeton university press, 259 p.
6. Nall C. (2015), The political consequences of spatial policies: How interstate highways facilitated geographic polarization, *The Journal of Politics*, vol. 77, no. 2, pp. 394–406.
 7. Okunev I.Yu. (2023), *Osnovy prostranstvennogo analiza: Monografiya* [Fundamentals of spatial analysis: Monograph], 2nd ed., revised and expanded, Moscow: Aspect Press, 255 p. (In Russ.).
 8. Savel'ev A.A., Mukharamova S.S., Chizhikova N.A., Pilyugin A.G. (2015), *Osnovy prostranstvennogo analiza v rastrovyykh GIS: uchebno-metodicheskoe posobie* [Fundamentals of spatial analysis in raster GIS: A teaching and learning guide], Kazan: Kazan University, 59 p. (In Russ.).

Теоретические наработки в отечественной электоральной географии: обзор актуальных российских монографий

Шестакова Марианна Николаевна

кандидат географических наук, ведущий эксперт Управления магистерской подготовки, старший преподаватель кафедры сравнительной политологии, МГИМО МИД России, Москва, Россия

marianna@rapn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3171-1003>

АННОТАЦИЯ

В обзоре рассматриваются труды отечественных специалистов, работающих в поле электоральной географии, её теоретическом сегменте. Отмечается, что в первой четверти нынешнего столетия после большого пласта исследований в российской науке 90-х гг. XX в., носящих по большей части прикладной характер, основанном на богатом эмпирическом материале, интерес к данной

дисциплине немного угас, в том числе и по вполне объективным причинам. Однако эвристический потенциал самой науки, по нашему мнению, достаточно велик. В свете этого в небольшом обзоре за первую четверть века анализируются книги (или их разделы), посвященные именно теоретическим наработкам электоральной географии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

электоральная география, научная дисциплина, теоретические исследования, российская школа

UDC 911.3:32

DOI 10.63115/9315.2025.30.12.017

BOOK REVIEW

Theoretical Developments in Domestic Electoral Geography: A Review of Current Russian Monographs

Marianna Shestakova*PhD in Geographical Sciences, Leading Expert of the Master's Training Department, Senior Lecturer of the Department of Comparative Political Science, MGIMO University, Moscow, Russia**marianna@rapn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3171-1003>***ABSTRACT**

The review considers the works of Russian specialists working in the field of electoral geography, its theoretical segment. It is noted that in the first quarter of this century, after a large layer of research in Russian science in the 90s of the twentieth century, mostly of an applied nature, based on rich empirical material, interest in this discipline has

faded a bit, including for quite objective reasons. However, the heuristic potential of the science itself, in our opinion, is quite large. In light of this, a small review of the first quarter of the century analyzes the books (or their sections) devoted to the theoretical developments of electoral geography.

KEYWORDS*electoral geography, scientific discipline, theoretical research, Russian school*

В отечественной науке в начале 90-х гг. прошлого столетия вполне ожидаемо начался бум исследований в области электоральной географии. С одной стороны, как значимая ветвь политической географии, с другой — как вполне самостоятельная дисциплина, оформившаяся на стыке политической географии и политологии, она привлекла немало ученых-географов, политологов, социологов и представителей смежных дисциплин. Только за последнее десятилетие XX в. вышли десятки работ, в большей степени касающихся прикладной составляющей электоральной географии. Это вполне объяснимо: после распада СССР и появления института выборов открылось большое предметное поле, имевшее значительный эвристический потенциал для изучения.

В конце 1980-х гг. выходит первая российская книга по политической географии крупного отечественного ученого В.А. Колосова [Колосов, 1988], а также материалы первого Всесоюзного совещания по политической географии, прошедшего в Баку и организованного выдающимся географом С.Б. Лавровым [ред. Колосов, Ибрагимов, 1987]. И хотя формально первой тематической книгой по электоральной географии можно по праву считать вышедшую еще в Советском Союзе «Весна-89» по итогам первых альтернативных парламентских выборов

[Смирнягин и др., 1990], всё же основной массив работ пришёлся на первые два постсоветских десятилетия. Появились первые результаты президентских, парламентских, региональных и муниципальных выборов, начала накапливаться эмпирическая база по нескольким электоральным циклам. Однако, повторимся, львиную долю всех выходящих работ составляли статьи и аналитические обзоры по итогам избирательных кампаний.

У книг, которые будут затронуты в этом обзоре, при всех их различиях есть то, что их объединяет: все они являются в той или иной степени монографиями, индивидуальными либо коллективными. В отечественной, да и в зарубежной электоральной географии это достаточно редкий жанр.

Но начнем мы не с монографий, а с изданий учебно-методологического характера. В первую очередь, необходимо выделить две значимые профильные книги, которые были изданы в жанре учебников по политической географии. Это было вполне логично для только что реанимированного научного направления. Первой по хронологии в 1999 г. вышла «Политическая география» Р.Ф. Туровского. Если подходить к вопросу формально, то издание относится к прошлому столетию. Однако мы не можем пройти мимо него, поскольку оно было первой в России, где теории и практике электоральной географии отводилось существенное место: одна из пяти глав издания была полностью посвящена ей. Автор проанализировал зарубежный теоретический материал, выделил (согласно новозеландцу А. Макфэйлу) три основных направления в электоральной географии (ЭГ): географию голосований; исследование географических факторов, влияющих на голосование; географию представительства [Туровский, 1999: 289]. Обрисовывая эти направления на основе зарубежных исследований, он особо затронул четыре базовых географических фактора голосований, анализ которых получил наибольшее распространение у экспертов: эффект друзей и соседей, проблемное голосование, эффект избирательной кампании и эффект соседства. Туровский заостряет внимание и на особенностях выборов в различных типах избирательных систем, подробно останавливаясь на разновидностях манипуляций границами избирательных округов (непропорциональном распределении и джержримендеринге — тогда еще совсем новых понятиях для российского исследователя). Будучи географом по первому образованию, Туровский подчёркивает, что для электорально-географических исследований важнейший результат — «электоральное районирование страны» [Туровский, 1999: 296]. Опираясь на предыдущий зарубежный опыт исследований по электоральной географии, а также собранный на момент написания книги обширный материал электоральной статистики выборов Российской Федерации, Туровский обобщил это в материал по электоральной географии России, зафиксировав межрегиональные электоральные различия, используя уже известные методы (с добавлением авторских), структурировал российскую электоральную карту, обратил внимание на несколько «расколов и особенностей региональных

политических культур в государстве» [Туровский, 1999].

Вторым по времени издания был учебник учителей Туровского Н.С. Мироненко и В.А. Колосова «Геополитика и политическая география» [Мироненко, Колосов, 2001]. В данной книге, в отличие от труда Туровского, основной упор был сделан на геополитику и политическую географию. Электоральной географии было посвящено всего несколько страниц. При описании этапов развития политической географии как науки авторы обратили внимание на то, что электоральная география оказалась наиболее восприимчива к достижениям «количественной революции» [Мироненко, Колосов, 2001: 252]. Это, в свою очередь, привело к тому, что ее стали «считать особой географической дисциплиной» [Мироненко, Колосов, 2001: 252]. Анализируя концепции и уровни изучения пространства, Мироненко и Колосов указывают на то, что разработанные американским географом, критическим геополитиком Дж. Эгню концепции места и контекста «получили наиболее широкое применение в работах по электоральной географии» [Мироненко, Колосов, 2001: 279]. Здесь играет важную роль пространство, которое выступает в качестве переменной, которую надо учитывать, поскольку оно может преобразовывать общенациональные факторы в соответствии с «историей и социальными особенностями каждого места» [Мироненко, Колосов, 2001: 279]. Контекстуальный подход в свою очередь может, по мнению авторов, снять противоречия между методологиями в ЭГ: между упором в объяснении на социально-экономические факторы и увлечением этнокультурными факторами, а также между использованием статистических и социологических методов [Мироненко, Колосов, 2001: 280]. Теоретическим выводом в труде Мироненко и Колосова является выявление «чётких закономерностей поведения избирателей» [Мироненко, Колосов, 2001: 286]. Этот итог был сделан, прежде всего опираясь на короткий по времени (всего десятилетие!), но богатый эмпирический опыт российских ученых в направлении электоральной географии. Среди этих закономерностей: правило «центр — периферия»; зависимость результатов голосования от особенностей региональной политической культуры, «эффект друзей и соседей» (выделен для России), «эффект места», «отраслевое голосование» и ряд других правил, многие из которых до сих пор не утратили своей актуальности.

Отдельно хочется отметить монографию под общей редакцией А.А. Сидоренко, вышедшую в 2005 г. под названием «Эволюция электорального ландшафта» [Сидоренко и др., 2005]. Эта книга выбивается из нашего ряда, да и не только нашего, поскольку написали ее студенты географического факультета МГУ, кафедры экономической и социальной географии России. Книга студентов и о работах студентов: курсовых, дипломных, диссертациях. В ней в сжатой форме обобщается накопленный багаж знаний и систематизируются пройденные этапы в области электоральной географии. Поскольку кафедра, ее специализация связаны с Россией, то и в книге большая ее часть посвящена российской специфике. Авторы

преследуют благие цели — повышение качества подготовки политико-географов, подчеркивая при этом, что книга носит сиюминутный и злободневный характер. Интересный посыл, свойственный обычно именно молодым, поскольку, как правило, учёный, приступая к работе, по меньшей мере видит в ней серьёзный задел, а в максимальном пределе — фундаментальный труд, если не на века, то на годы вперед. Но возможно, именно благодаря такому отношению, книга и представляет интерес в настоящее время, так как является по сути слепком времени (студенческие работы взяты на промежутке 15 лет), когда электоральная география как наука только зарождалась в современной России, а в ведущем вузе студенты искали ее идеи и смыслы. Большинство из тех, кто писал по данной тематике, будучи студентами, не стали учеными, что совершенно естественно, но всё же несколько выпускников, чьи работы приводятся в монографии, связали свою жизнь с географией, с электоральной, в частности.

Структура книги логична: вначале идет анализ исторической и теоретической основы электоральной географии, ее главных теорий и концепций, понятий, методов (преимущественно это методы расколов, факторного и кластерного анализа, типологий и районирования), а также методологические проблемы и барьеры. Затем идет глава, посвященная эволюции электорального ландшафта глазами студентов: это и проблема выбора масштаба и уровня исследований, методологии, в том числе кластеризации политического спектра и выбора его различных моделей. Отдельно авторы затрагивают литературу, используемую учащимися. Оказывается, что в основном это достаточно узкий и повторяющийся из работы в работу перечень цитируемых источников: среди них труды В.А. Колосова, Р.Ф. Туровского, Л.В. Смирнягина, О.Б. Витковского и ряда других авторов-современников, преимущественно из МГУ, активно работающих в сфере электоральной географии. Ограничениями для студентов и выпускников кафедры являются недостаточное знание иностранных языков, а также лимитированность доступа в то время к иностранным источникам, поэтому и зарубежные работы, на которые ссылаются авторы: П. Тэйлор (P. Taylor), С. Роккан (S. Rokkan), С.М. Липсет (S.M. Lipset), Дж. О'Лафлин (J. O'Loughlin), даны в большинстве своем в переводах и интерпретациях российских ученых.

Приведены аннотации всех рассмотренных работ (их около 30), причем авторы скомпоновали их по хронологическому и содержательному принципу: советский этап исследований, этап накопления знаний и этап интенсификации.

Поскольку на кафедре сложилась добрая практика писать работы с обязательным эмпирическим компонентом, то есть либо с кейс-стади, либо с типологизацией или районированием изучаемых географических объектов, то отдельная глава посвящена именно региональным практикам. Немного инородной частью, вызывающей недоумение, выглядит большой объем текста, связанный с исследованиями Курской области. Авторы не стали пояснять свой выбор, можно лишь

предположить, что в то время на кафедре велись активные исследования, связанные с Центрально-Чернозёмным районом и, в частности, с данным регионом. Внимания при этом заслуживает микрогеографический анализ городов на примере электорально-географической структуры Москвы, Курска и Железнодорожска и их сравнительный анализ. С учётом того, что авторам удалось проанализировать курсовые и выпускные работы самого активного по времени российского сегмента электоральной географии, данный сборник ещё найдет своего читателя, ведь в нем отражен пласт научных интересов как студентов, так и их наставников.

Следующей в нашем обзоре по хронологии стоит монография профессора Санкт-Петербургского университета и Высшей школы экономики К.Э. Аксёнова «Тайны избирательного бюллетеня» [Аксёнов, 2008]. Уникальность данной книги состоит в том, что, изучив теорию электоральной географии, Аксёнов применил её в практической плоскости, проанализировав с помощью своих единомышленников, сотрудников и студентов впечатляющий массив данных различных избирательных кампаний, проходивших в северной столице в течение 15 лет: с 1989 по 2004 г. Строго говоря, данную монографию нельзя полностью отнести к области электоральной географии, поскольку здесь объектом изучения является электоральное поведение избирателей, правда, в конкретной географической точке, причем с очень дробным территориальным делением и теми методами, которые сам автор считает очень «географичными». Известно, что массовое электоральное поведение в основном исследуется социологией в рамках бихевиористского подхода. Экологический же подход, зародившийся в XIX в. (во Франции с появлением работ географа Андре Зигфрида (A. Siegfried) [Аксёнов, 2008: 9], получил распространение в «работах политико-географов» [Аксёнов, 2008: 28]. Под экологией в нем понималась не природа, а совокупность влияющих на человека факторов среды (в первую очередь социально-экономических), окружающей человека. Выявление этих факторов в настоящее время — одна из задач экологического подхода. Второй задачей, по мнению Аксёнова, выступает изучение «составов массовых баз партий... а также влияния динамики структурных сдвигов в электоральном поведении на партийно-политическую систему» [Аксёнов, 2008: 11]. Еще одной теорией, которой предлагает пользоваться (и пользуется в своём исследовании) автор, является теория критических выборов или электоральных перегруппировок. Её суть состоит в том, что на протяжении определённых временных отрезков происходят принципиальные изменения структуры массовых электоральных предпочтений, то есть меняются партийно-политические ориентации «целых социальных групп» [Аксёнов, 2008: 14].

Основатель теории — американский историк В.О. Кей-младший (V.O. Key, Jr.), поэтому вначале она была применена исключительно как «методологическая и теоретическая база исследований массового электорального поведения в США» [Аксёнов, 2008: 12]. Затем её стали использовать и вполне успешно, для объясне-

ния электоральных процессов в других странах с разными избирательными системами.

Для анализа избирательных кампаний на территории Санкт-Петербурга Аксёнов решает применить комбинацию двух методов: традиционного электорального анализа в рамках экологического подхода и теории электоральных перегруппировок. Сторонники обоих методов используют «фактические результаты состоявшихся голосований, сгруппированные по разным таксономическим ячейкам» [Аксёнов, 2008: 26]. Но, что особо подчёркивает автор, оба эти метода имеют явно выраженный «географизм», и для обоих важен «динамический принцип исследования» [Аксёнов, 2008: 26].

Аксёнов использовал оригинальные матрицы электоральных распределений за «электоральные альтернативы» (любые кандидатуры, партии и пр., находящиеся в бюллетене) в исследуемом периоде по различным территориальным единицам Санкт-Петербурга (от 24 административных районов до 1800 избирательных участков). Особо трудоёмкой задачей был сбор данных о составе избирательных участков, а также сравнение их нумерации и границ. Далее матрицы были подвергнуты корреляционному анализу и кластеризации электоральных предпочтений. Сам анализ был проведен по электоральной топограмме, оси координат которой Аксёнов считает «расколами» по идеологическому признаку (правые — левые) и конфликтности (протестные — адаптивные).

Автор приходит к выводу, что сочетание двух выбранных им методов вполне оправдано для исследования российских выборов. На примере избирательных кампаний разного масштаба в отдельно взятом субъекте он показывает специфику и значимость регионального измерения динамики электоральных процессов. Аксёнов делает вывод, что массовое электоральное поведение петербуржцев не уникально, а также, как и в других странах, «подвержено смене периодов стабильности и изменчивости в структуре ценностно-идеологических ориентаций» [Аксёнов, 2008: 324], «большие группы избирателей ведут себя сходным образом» [Аксёнов, 2008: 326]. Были выявлены также три электоральные системы: «анти-аппаратная», «протестно-демократическая», «лоялистская». Интересным представляется вывод о формировании электоральными системами «устойчивой картины географических различий в электоральных предпочтениях в разных частях города» [Аксёнов, 2008: 329].

Все выводы выглядят убедительно. Однако, на наш взгляд, взят не слишком большой отрезок времени, чтобы делать обобщения и утверждать, что метод электоральных перегруппировок (Аксёнов за 15 лет отмечает две перегруппировки) будет и дальше подтверждаться в российских реалиях. В западных странах изменения (т.е. электоральные перегруппировки) «требуют десятилетий», а сами электоральные исследования охватывают большие периоды времени. И хотя Аксёнов замечает «высокую динамику электоральных процессов» в России, а также

утверждает, что в случае российского кейса в силу самых разных причин «время спрессовано» и соответствующие циклы существенно ускоряются, всё же представляется желательным продолжить исследования в данном направлении, чтобы подтвердить данную гипотезу на более длительном временном отрезке.

Монографию И.Ю. Окунева «Электоральная география», вышедшую в 2023 г., пожалуй, можно назвать самой теоретической работой из всех выпущенных в российском научном поле. Это полноценная попытка обобщить весь накопленный предыдущий опыт по теории электоральной географии. К моменту написания данного материала уже вышли три исчерпывающие рецензии на данную книгу: А.Е. Любарева [Любарев, 2024], Н.В. Борисовой [Борисова, 2024], Н.А. Слуки [Слука, 2025]. Авторы четко зафиксировали несомненные достоинства монографии, а также отметили имеющиеся лакуны. Они подробно остановились на структуре монографии и проработанности материала отдельно по главам. Поэтому не будем здесь повторять многие позиции, а лучше пригласим читателей самостоятельно ознакомиться с суждениями авторитетных ученых.

Не согласимся, пожалуй, с критикой рецензентов-политологов по поводу того, что в издании мало примеров, связанных с российскими избирательными кампаниями. В отечественной литературе к текущему моменту накопился огромный пласт работ, связанных с выборами разного масштаба, опубликованных авторитетными исследователями: политологами, социологами, географами. Имеет ли смысл повторяться? Задача перед Окуневым, на наш взгляд, была иной: не заострять внимание на какой-либо отдельно взятой стране и ее избирательной и партийной системах, а попытаться предоставить квинтэссенцию всей электоральной географии как науки.

Географ Н.А. Слука отмечает политологический подход автора, а также тот факт, что «электоральное пространство замещает привычное для географов интегральное геопространство» [Слука, 2025: 129]. Это не дает исследователю-географу, привыкшему мыслить комплексными категориями, возможности «раскрытия территориальной специфики электорального поведения населения разных объектов, совокупности факторов и причинно-следственных взаимосвязей её формирования» [Слука, 2025: 130]. Этот аргумент является весьма убедительным. В то же время рецензент справедливо ставит весьма риторический вопрос о написании подобного труда кем-либо из географов, если мы считаем «электоральную географию» географической наукой (в скобках отметим, что на наш взгляд, она носит всё же явно междисциплинарный характер).

Для написания монографии автором переработан и проанализирован впечатляющий даже для исследователя в области общественных наук массив литературных источников: более полутысячи источников на русском и иностранных языках. И это тоже аргумент в пользу того, что издание получилось основательным, обобщающим весь предшествующий научный опыт в электоральной географии.

Остановимся еще на нескольких аспектах, которые нам представляются интересными.

Отметим пристальное внимание Окунева к теме географического фаворитизма, который как явление кажется многим авторам вполне очевидным, но при этом так и не изучен до конца. Именно эта дуальность, например, вызвала у Любарева ряд вопросов к автору, предполагая, что некоторые выводы тот сделал скорее интуитивно, нежели они выверены эмпирически. Речь идет в данном случае об индексе географического фаворитизма, разработанном автором, и факторах, усиливающих или ослабляющих это явление. Этот вопрос представляется нам дискуссионным. При этом Любарев подчеркивает, что «сама постановка проблемы оценки географического фаворитизма выглядит перспективной, и в этом направлении стоит продолжить исследования» [Любарев, 2024: 312]. И что не менее значимо, и в чем можно поддержать мнение Окунева: уровень географического фаворитизма избирательной и партийной системы искажает пространственное распределение общественного выбора. Его оценка, введение индексов «позволяет сравнивать результаты выборов без поправки на искажения ими регионального распределения голосов» и может помочь в сравнении «принципиально различающихся электоральных систем» [Окунев, 2023: 97].

Важной особенностью книги является широкое применение методов пространственного анализа к оценке электоральных процессов. Данной методике и использованию ее в электоральной географии автор отводит значительный объём книги, посвятив ей заключительную главу. Очевидно, во многом она является ключевой для всего издания, предоставляя возможность продемонстрировать решение многих вопросов научной дисциплины вышеуказанным методом. Хотя такой подход не всегда находит отклик у коллег, и вполне справедливо, поскольку не на все исследовательские вопросы можно ответить количественными методами.

Книга соединяет достоинства научной монографии (глубокая проработанность темы, приращение научного знания) и элементы учебного издания (ключевые термины, вопросы и задания к каждой главе, примерный план образовательной программы). Очевидно, что автор рассчитывает на потенциал электоральной географии как самостоятельной учебной дисциплины, которую можно и нужно преподавать студентам социальных наук.

Обратим внимание вот на что: у Окунева в похожей логике выстроены два учебника: «Политическая география» 2019 г. и «Основы пространственного анализа» 2020 г. Это именно то исследовательское поле, которое занимает автора, и которое он активно разрабатывает, пытаясь соединить общественные и естественные науки, через инструментарий последних привнести новое в общественные.

И еще одна деталь: в конце 2024 г. в издательстве Peter Lang вышел перевод

«Электоральной географии» на английском языке. На наш взгляд, это хороший знак: отечественные авторы всё ещё публикуются за рубежом, и с их исследованиями может ознакомиться иностранная аудитория. Это позволяет расширить представление о российской науке. В конце концов научное знание не имеет границ.

Монографии, о которых шла речь в настоящем обзоре, безусловно, разные, ставящие перед собой различные исследовательские задачи, и, возможно, их некорректно ставить в один ряд. Однако на наш взгляд, они вносят свой вклад в копилку электоральной географии как самостоятельной науки, а также демонстрируют ее развитие и потенциал.

Темы, которые поднимают в своих работах как молодые ученые, так и более маститые, являются по-прежнему актуальными: это и эффект соседства, и электоральные перегруппировки, и территориальные и функциональные расколы, и географический фаворитизм и многие другие. В своё время электоральная география была наиболее восприимчива к «количественной революции», остаётся такой она и сейчас: появление геоинформационных систем, умеющих быстро обрабатывать большие массивы данных, явно дает очередной толчок к её дальнейшему развитию и переосмыслению традиционных вопросов данной дисциплины.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Аксенов К.Э. Тайна избирательного бюллетеня. Электоральные бури и штили Северной столицы 1989–2004. СПб., 2008. 333 с.
2. Борисова Н.В. Специально-предметные ракурсы знания о политике, или еще раз о пользе электоральной географии (Рецензия) // Вестник Пермского университета. Серия. Политология. 2024. Т. 18. № 3. С. 150–153.
3. Весна-89: География и анатомия парламентских выборов / Л.В. Смирнягин, А.В. Березкин, Н.В. Петров, В.А. Колосов. М.: Прогресс, 1990. 383 с.
4. Колосов В.А. Политическая география. Проблемы и методы. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1988. 190 с.
5. Колосов В.А., Мироненко Н.С. Геополитика и политическая география: учебник для вузов. М.: Аспект Пресс, 2001. 479 с.
6. Любарев А.Е. Электоральная география в широком и узком понимании (Рецензия) // Политическая наука. 2024. № 1. С. 309–315.
7. Окунев И.Ю. Электоральная география. М.: Аспект Пресс, 2023. 312 с.
8. Политическая география: проблемы и тенденции (Материалы всесоюз. совещ., г. Баку, 8–13 сент. 1987 г.) / под ред. В.А. Колосова, А.И. Ибрагимова. Баку: АзГУ, 1987. 126 с.
9. Слукa Н.А. Электоральная география как поле междисциплинарных исследований // Вестник МГИМО-Университета. 2025. Т. 18. № 1. С. 124–134.
10. Туровский Р.Ф. Политическая география: учебное пособие. М. — Смоленск: Изд-во СГУ, 1999. 381 с.
11. Эволюция электорального ландшафта / под ред. А.А. Сидоренко. М.: КомКнига, 2005. 168 с.

REFERENCES:

1. Aksenov K.E. (2008), The secrets of the voting paper: electoral storms and calms of the Northern Capital 1989–2004, Saint Petersburg, 333 p. (In Russ.).

2. Borisova N.V. (2024), Specific perspectives of political knowledge or revisiting the benefits of electoral geography (Review), Perm University Herald. Political Science, vol. 18, no. 3, pp. 150–153. (In Russ.).
3. Kolosov V.A. (1988), Political geography. Problems and methods, Leningrad: Nauka. Leningr. otd-nie, 190 p. (In Russ.).
4. Kolosov V.A., Ibragimov A.I. (eds.). (1987), Political geography: problems and trends (Papers of the All-Union conference, Baku, September 8–13, 1987), Baku: AzGU, 126 p. (In Russ.).
5. Kolosov V.A., Mironenko N.S. (2001), Geopolitics and political geography, Moscow: Aspect Press, 479 p. (In Russ.).
6. Lyubarev A.E. (2024), Electoral geography in a broad and narrow sense (Review), Political science (RU), no. 1, pp. 309–315. (In Russ.).
7. Okunev I.Yu. (2023), Electoral geography. Moscow: Aspect Press, 312 p. (In Russ.).
8. Sluka N.A. (2025), Electoral geography as an interdisciplinary field, MGIMO Review of International Relations, vol. 18, no. 1, pp.124–134. (In Russ.).
9. Smirnyagin L.V., Berezkin A.V., Petrov N.V., Kolosov V.A. (1990), Spring-89: Geography and anatomy of parliamentary elections, Moscow: Progress. 383 p. (In Russ.).
10. Turovsky R.F. (1999), Political geography. Moscow — Smolensk: Izd-vo SGU, — 381 p. (In Russ.).
11. Sidorenko A.A. (ed). (2005), The evolution of electoral landscape, Moscow: KomKniga, 168 p. (In Russ.).

УДК 911.3:32

DOI 10.63115/3184.2025.51.57.018

ОБЗОР

Обзор изменений на политической карте мира за 2024 год

Якушева Екатерина Андреевна

*стажёр-исследователь Молодёжного клуба Русского географического общества
«Terra Politica» Научного студенческого общества, МГИМО МИД России,
Москва, Россия*

e.iakusheva@inno.mgimo.ru, <https://orcid.org/0009-0003-2907-0301>

АННОТАЦИЯ

Данный обзор ставит целью проинформировать читателя об основных имеющих политико-географическое измерение событиях, произошедших в мире в 2024 г. Статья делится на две части. Первая часть — «дайджест» политгеографических событий 2024 года — представляет собой общее перечисление соответствующих событий в хронологическом порядке. Вторая часть — более подробное рассмотрение отдельных кейсов, затрагивающих разную политгеографическую проблематику. Автором были отобраны такие кейсы, как проблема

делимитации и демаркации армяно-азербайджанской и кыргызско-таджикистанской границ; подписание Эфиопией и Сомалилендом меморандума о взаимопонимании (проблема непризнанных государств); создание Конфедерации Альянса государств Сахеля (интеграционные объединения); проект Индонезии по переносу столицы из Джакарты в Нусантару (столичность); договорённость Великобритании и Маврикия о передаче последнему архипелага Чагос (проблема зависимых территорий).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

политическая карта, география, суверенные государства, политические изменения

ГЕОТЕГИ

Сахель, Индонезия, Великобритания, Маврикий, Эфиопия, Нагорно-Карабахская Республика

Overview of Changes on the Political Map of the World in 2024

Ekaterina Yakusheva

Research intern of the Youth Club of the Russian Geographical Society "Terra Politica" of the Scientific Student Society, MGIMO University, Moscow, Russia e.iakusheva@inno.mgimo.ru, <https://orcid.org/0009-0003-2907-0301>

ABSTRACT

This review aims to inform the reader about the main events in political geography that took place in the world in 2024. The article is divided into two parts. The first part — a "digest" of events in political geography of 2024 — is a general listing of relevant events in chronological order. The second part is a more detailed consideration of individual cases involving different political geography issues. The author selected such cases as the problem of delimitation and demarcation of

the Armenian-Azerbaijani and Kyrgyz-Tajikistan borders; the signing of a memorandum of understanding by Ethiopia and Somaliland (the problem of unrecognized states); the creation of the Confederation of the Alliance of Sahel States (integration alliances); Indonesia's project to move its capital from Jakarta to Nusantara (capitalism); the agreement between the United Kingdom and Mauritius on the transfer of the Chagos Archipelago to the latter (the problem of dependent territories).

KEYWORDS

political map, geography, sovereign states, political change

GEOTAGS

Sahel, Ethiopia, Indonesia, United Kingdom, Mauritius, Nagorno-Karabakh Republic, United Kingdom

Дайджест политгеографических событий 2024 года

- 1 января на политической карте мира стало на одно непризнанное государство меньше — прекратила свое существование Нагорно-Карабахская Республика. На протяжении 2024 г. Армения и Азербайджан работали над урегулированием оставшихся в двусторонних отношениях противоречий, добившись некоторого прогресса в отдельных вопросах, — в частности, весной были достигнуты первые успехи в процессе делимитации и демаркации общей границы.
- 1 января был подписан меморандум о взаимопонимании между Эфиопией и непризнанным государством Сомалиленд, текст которого не был опубликован. По словам президента Сомалиленда, в меморандуме Эфиопия обозначила свою готовность признать независимость Сомалиленда в обмен на получение доступа к морю.
- 15 января Науру разорвала дипломатические отношения с Тайванем, вос-

становив дипломатические отношения с КНР (в 2002 году государство уже устанавливало отношения с КНР, но в 2005 г. решило разорвать их в пользу укрепления связей с Китайской Республикой). На февраль 2025 г. частично признанная Китайская Республика признаётся лишь 12 государствами-членами ООН⁵⁵.

- ▷ 30 марта сомалийский регион Пунтленд заявил об отзыве признания федерального правительства на период, пока принятые сомалийским парламентом поправки к Конституции страны, которые отменяют клановую систему голосования на выборах и расширяют полномочия президента, не будут одобрены на общенациональном референдуме. По заявлениям властей Пунтленда, регион не провозглашает независимость от Сомали, но фактически будет проводить самостоятельную политику как независимое государство до урегулирования спорной ситуации⁵⁶.
- ▷ В 2024 году 9 государств объявили о своём решении признать Государство Палестина, таким образом, общее число признающих Палестину государств-членов ООН дошло до 148⁵⁷. 19 апреля Палестина была признана Барбадосом, 22 апреля — Ямайкой, 2 мая — Тринидадом и Тобаго, 7 мая — Багамскими островами, 28 мая — Ирландией, Испанией и Норвегией, 5 июня — Словенией, 21 июня — Арменией.
- ▷ 6 июля в Африке было создано новое интеграционное объединение — Конфедерация Альянса государств Сахеля.
- ▷ 17 августа Индонезия впервые провела главную церемонию празднования Дня независимости в будущей столице государства — городе Нусантара.
- ▷ 3 октября Маврикий и Великобритания заявили о достижении договоренности относительно скорейшего заключения договора о передаче британцами суверенитета над архипелагом Чагос Маврикию.
- ▷ 4 декабря Правительственные делегации Кыргызстана и Таджикистана по делимитации и демаркации границы завершили описание прохождения государственной границы между странами. Следующей стадией должно стать подписание закрепляющего согласованную конфигурацию границы межгосударственного договора.
- ▷ 8 декабря после падения режима Башара Асада Израиль ввёл войска в уста-

55 Diplomatic allies // Ministry of Foreign Affairs, Republic of China (Taiwan). [Электронный ресурс]: URL: <https://en.mofa.gov.tw/AlliesIndex.aspx?n=1294&sms=1007> (accessed: 20.02.2025).

56 Somalia accused of “threatening national unity” with new constitution // The Guardian. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.theguardian.com/global-development/2024/apr/05/fears-violence-somalia-constitution> (accessed: 20.02.2025).

57 Countries that recognize Palestine // TACC. [Электронный ресурс]: URL: <https://tass.com/world/1806735> (accessed: 20.02.2025).

новленную соглашением о разъединении израильских и сирийских сил буферную зону в районе Голанских высот, а 9 декабря вооруженные силы Израиля вышли за пределы буферной зоны, продвинувшись вглубь сирийской территории. Власти Израиля обосновали оправданность этого шага необходимостью охраны собственной границы, в очередной раз заявив, что Голанские высоты навсегда останутся неотъемлемой частью израильской территории⁵⁸.

Обзор конкретных кейсов

- Сложным вопросом, продолжающим омрачать армяно-азербайджанские отношения после упразднения НКР, остается проблема делимитации и демаркации общих границ. Урегулировать эту проблему непросто, учитывая мозаичное расселение населения в районе границы, наличие эксклавов, а также переход приграничных территорий и мелких эксклавов из рук в руки в ходе вооруженных конфликтов. Впрочем, в 2024 г. начало процедурам делимитации и демаркации всё же было положено. При проведении границ стороны договорились опираться на Алма-Атинскую декларацию 1991 г., признающую нерушимость границ, существовавших на момент распада СССР. 19 апреля 2024 г. государственные комиссии по делимитации государственной границы предварительно согласовали прохождение границы между несколькими населенными пунктами Тавушской области Армении и Газахского района Азербайджана: Армения согласилась уступить Азербайджану четыре спорных села⁵⁹. 3 апреля на границе был установлен первый пограничный столб, а 15 мая стороны подписали протокол-описание границы на демаркированном участке⁶⁰. Таким образом, к данному моменту делимитировано и демаркировано около 10 км армяно-азербайджанской границы (1% от общей протяженности границы): дальше в вопросах прохождения общей границы стороны в 2024 г. не продвинулись⁶¹. 16 января 2025 г. была достигнута договоренность о запуске

58 Нетаньяху пообещал, что Голаны навсегда останутся частью Израиля // РБК. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.rbc.ru/politics/10/12/2024/67575b2b9a79470d341e1030?ysclid=m7etkeacq4947697184> (дата обращения: 20.02.2025).

59 Сообщение для СМИ по итогам восьмой встречи государственных комиссий по делимитации государственной границы между Арменией и Азербайджаном // Министерство иностранных дел Республики Армения. [Электронный ресурс]: URL: https://www.mfa.am/ru/press-releases/2024/04/19/8th_meeting/12606 (дата обращения: 20.02.2025).

60 Мирный разговор: Ереван в октябре рассмотрит проект о работе комиссий по делимитации // Известия. [Электронный ресурс]: URL: <https://iz.ru/1772743/elizaveta-borisenko/mirnyi-razgovor-erevan-v-oktabre-rassmotrit-proekt-o-rabote-komissii-po-delimitacii> (дата обращения: 20.02.2025).

61 По образцу СССР. На что поставили Баку и Ереван // РИА Новости. [Электронный ресурс]: URL: <https://ria.ru/20240427/sng-1942485835.html> (дата обращения: 20.02.2025).

общего комплекса работ по делимитации государственной границы, начиная с северного участка — точки стыка границ Армении, Азербайджана и Грузии — и далее на юг⁶². Отдельным направлением работы остаётся вопрос создания связывающего Нахичеванскую Автономную Республику с Азербайджаном Зангезурского (Сюникского) коридора, который должен пройти по территории Армении. В августе 2024 г. Армения и Азербайджан договорились пока отложить рассмотрение этого вопроса⁶³.

Насколько долгим может быть процесс делимитации может продемонстрировать пример Кыргызстана и Таджикистана, которые в декабре 2024 г. приблизились вплотную к концу этого сложного пути. Переговоры о делимитации ведутся между этими государствами, начиная с 2002 г., но особый импульс им придали крупные вооруженные столкновения на границе, которые произошли осенью 2022 г. 4 декабря 2024 г. было заявлено о завершении описания государственной границы Правительственными делегациями по делимитации и демаркации: достигнутые договоренности в ближайшее время должны лечь в основу межгосударственного договора о границе⁶⁴. Детали достигнутого компромисса не разглашаются, однако президент Кыргызстана Садыр Жапаров упомянул, что стороны планируют обменяться участками в приграничных сёлах, для которых типична этническая чересполосица: для облегчения охраны границы киргизские граждане будут переселены на киргизскую сторону, в то время как таджикские граждане — на таджикскую. При этом сторонам всё ещё не удалось снять противоречия, касающиеся использования трансграничной инфраструктуры: не согласовано строительство прямой дороги между крупным таджикским эксклавом Ворух и Таджикистаном по территории Киргизии, не решен вопрос использования пограничных водных объектов — гидроузлов, ирригационных сооружений. Как и в случае с Зангезурским коридором, эти вопросы не увязаны с пограничным размежеванием: они будут урегулированы не договором о границе, а дополнительными двусторонними договорённостями⁶⁵.

62 Сообщение для СМИ по итогам одиннадцатой встречи государственных комиссий по делимитации государственной границы между Арменией и Азербайджаном // Министерство иностранных дел Республики Армения. [Электронный ресурс]: URL: https://www.mfa.am/ru/press-releases/2025/01/16/arm_az/13039 (дата обращения: 20.02.2025).

63 С места в барьер: почему Азербайджан отказывается от дороги через Армению // Известия. [Электронный ресурс]: URL: <https://iz.ru/1740470/igor-karmazin/s-mesta-v-barer-pochemu-azerbaidzhan-otkazyvaetsia-ot-dorogi-cherez-armeniiu> (дата обращения: 20.02.2025).

64 Руководители правительственных делегаций Кыргызстана и Таджикистана достигли договоренности и полностью завершили описание оставшихся участков кыргызско-таджикской госграницы // Кабинет министров Кыргызской Республики. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.gov.kg/ru/post/s/24777-kyrgyzstan-menen-tazikstandyn-okmottuk-delegaciylarynyn-zetekcileri-makuldasuuga-zetisiip-kyrgyz-tazik-mamlekttik-cek-arasynyn-kalghan-tilkelerinin-sypattamasyntolugu-menen-ayaktasty> (дата обращения: 20.02.2025).

65 Не сняты вопросы по дороге в Ворух и водным объектам — МИД Таджикистана о соглашении по

- ▷ 1 января 2024 г. президент Сомалиленда Муса Бихи Абди и премьер-министр Эфиопии Абий Ахмед подписали меморандум о взаимопонимании, текст которого так и не был опубликован, что привело к некоторой неясности в отношении положений документа. Стороны комментировали его содержание неодинаково. Муса Бихи Абди заявил, что, согласно меморандуму, Сомалиленд передает не имеющей выхода к морю Эфиопии 20 км прибрежной полосы в аренду на 50 лет для базирования там эфиопских военно-морских сил. В обмен на это Эфиопия обещала официально признать Республику Сомалиленд⁶⁶. Эфиопия не опровергла слова президента, однако заявление, выпущенное по поводу заключения Меморандума эфиопской стороной, оказалось более сдержанным. Оно подтвердило, что планируется заключить соглашение об аренде, по которому Эфиопия сможет использовать участок побережья Сомалиленда для военных и коммерческих целей, при этом со своей стороны Эфиопия «проведёт глубокую оценку позиции, которую стране стоит занять по поводу усилий Сомалиленда получить признание», то есть конкретного обязательства признать Сомалиленд Эфиопия на себя публично не взяла⁶⁷.

В прочем, даже если Эфиопия и планировала признать Сомалиленд в обмен на получение доступа к морю, международное давление, по-видимому, заставило её смягчить свои позиции. Протестующей против нарушения своей территориальной целостности Сомали удалось заручиться политической поддержкой подавляющего большинства государств и международных организаций, не только на региональном уровне, но и на глобальном: позицию Сомали поддержала ООН, а также партнёры Эфиопии по БРИКС.

В итоге 11 декабря 2024 г. при посредничестве Турции разногласия между Эфиопией и Сомали были урегулированы. В Анкарской декларации лидеры двух государств подтвердили, что уважают суверенитет, единство и территориальную целостность другой стороны, и договорились начать переговоры о выработке соглашения, по которому Эфиопия смогла бы получить устойчивый доступ к морю при сохранении суверенитета Сомали над своей территорией⁶⁸. Хотя в декларации Меморандум не упоминается и власти Сомалилен-

границе с КР // Economist.kg. [Электронный ресурс]: URL: <https://economist.kg/vlast/2025/02/11/nie-sniaty-voprosy-po-doroghie-v-vorukh-i-vodnym-obiektam-mid-tadzhikistana-o-soghlashenii-po-ghranitsie-s-kr/> (дата обращения: 20.02.2025).

66 For Immediate Release The Republic of Somaliland Government signs Memorandum of Understanding (MoU) with Federal Democratic Republic of Ethiopia for Seaport Access in Exchange for International Recognition // Ministry of Foreign Affairs & International Cooperation. [Электронный ресурс]: URL: <https://mfa.govsomaliland.org/article/immediate-release-republic-somaliland-government-signs-memor> (accessed: 20.02.2025).

67 Statement of Government Communication Service on Recent Agreement with Somaliland [Электронный ресурс]: URL: https://www.ena.et/web/eng/w/eng_3815417 (accessed: 20.02.2025).

68 Ankara Declaration by the Federal Democratic Republic of Ethiopia and the Federal Republic of

да заявили о том, что декларация Меморандум не аннулировала, вряд ли в складывающейся неблагоприятной для Эфиопии международной ситуации на политической карте мира в обозримой перспективе можно ожидать появления еще одного частично признанного государства.

- ▷ 6 июля 2024 г. лидеры Буркина-Фасо, Мали и Нигера подписали договор о создании Конфедерации Альянса государств Сахеля. Этот политический союз, объединяющий управляемые переходными военными режимами и в январе 2024 г. заявившие о выходе из ЭКОВАС государства, создан для решения актуальных для своих членов задач в области обеспечения безопасности и социально-экономического развития.

Юридически в основе конфедеративного объединения лежит два документа. Основной документ — договор о создании Конфедерации от 6 июля 2024 г. По нему «каждое государство сохраняет свою независимость и свой суверенитет лишь в той мере, в какой его компетенция не делегирована Конфедерации». При этом Конфедерации делегируются компетенции в области «обороны и безопасности, дипломатии и развития» (конкретные компетенции в каждой из сфер будут определены соответствующими протоколами) [Traite portant creation de la Confederation des Etats du Sahel, 2024: 4–5].

Второй документ — подписанная еще 16 сентября 2023 г. Хартия, провозгласившая создание оборонительного союза Альянса государств Сахеля, который и был преобразован в 2024 г. в Конфедерацию. Её целью является создание архитектуры коллективной обороны и взаимопомощи. По Хартии, любое нарушение территориальной целостности или суверенитета стран-членов рассматривается как агрессия против других сторон и требует оказания индивидуальной и коллективной помощи, в том числе путём использования вооруженных сил [Charter of Liptako-Gurma Establishing the Alliance of Sahel States, 2023: 2–3].

Пока остается неясным, станет ли Конфедерация устойчивым и эффективным объединением, хотя реальной передачи на наднациональный уровень компетенций национальных правительств вряд ли стоит ожидать, что будет обусловлено, в том числе, проблемой финансирования деятельности Конфедерации. На момент написания статьи (февраль 2025 г.) протоколы, детализирующие компетенции Конфедерации в трёх указанных в договоре сферах, еще не были приняты. Довольно успешно, учитывая поддержку России, развивается сотрудничество в области безопасности — по заявлениям министра обороны Нигера, практически завершено создание объединенных сил стран

Somalia facilitated by the Republic of Türkiye // Ministry of foreign affairs, Republic of Türkiye. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.mfa.gov.tr/etiopya-federal-demokratik-cumhuriyeti-ve-somali-federal-cumhuriyeti-nin-ankara-bildirisi.en.mfa> (accessed: 20.02.2025).

Конфедерации численностью 5000 человек⁶⁹. Однако реализация амбициозных экономических проектов пока откладывается: стагнирует работа по созданию анонсированных ранее инвестиционного банка и стабилизационного фонда, собственного валютного союза.

- ▷ 17 августа Индонезия впервые отпраздновала *День независимости в будущей столице Нусантара*: в торжественной церемонии приняло участие высшее руководство страны. Строительство новой столицы, которая будет расположена на восточном побережье острова Калимантан, началось в 2022 г. В качестве причин для переноса столицы указывалась необходимость разгрузить Джакарту, которая в настоящий момент страдает от перенаселённости, а также постепенно уходит под воду⁷⁰.

Впрочем, организацию торжественной церемонии можно рассматривать, скорее как символический жест покидающего президентский пост вдохновителя проекта создания новой столицы Джоко Видодо, нежели как предзнаменование того, что в скором времени высшие органы государственной власти Индонезии действительно будут перенесены в новый город. Строительство Нусантары идёт более медленными темпами, чем было запланировано, что в первую очередь связано с проблемами финансирования. На сентябрь 2024 г. был запланирован переезд в новую столицу трети правительственных чиновников, который постоянно откладывался, пока в январе 2025 г. уже при новом президенте Прабово Субианто не было заявлено о его переносе на неопределённый срок из-за низкой степени готовности необходимой для жизни и работы служащих инфраструктуры⁷¹.

Таким образом, вряд ли можно ожидать изменения местоположения индонезийской столицы на политической карте мира в ближайшем будущем, однако есть основания утверждать, что, несмотря на все проблемы, строительство всё же не будет свернуто. По крайней мере, новый президент Субианто заявляет о готовности продолжать реализацию проекта своего предшественника⁷².

- ▷ 3 октября 2024 г. правительства Маврикия и Великобритании выпустили совместное заявление, в котором было констатировано достижение «политиче-

69 Sahel military governments to deploy joint forces to combat terrorism [Электронный ресурс]: URL: <https://www.aa.com.tr/en/africa/sahel-military-governments-to-deploy-joint-forces-to-combat-terrorism/3459481> (accessed: 20.02.2025).

70 Там будет город-джунгли // Коммерсантъ. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6877522?ysclid=mt769qkxnnx13412810> (дата обращения: 20.02.2025).

71 Indonesia Delays Civil Servant Relocation to Nusantara Indefinitely, Cites Infrastructure Issues and Flooding // Jakarta daily. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.jakartadaily.id/news/16214478949/indonesia-delays-civil-servant-relocation-to-nusantara-indefinitely-cites-infrastructure-issues-and-flooding> (accessed: 20.02.2025).

72 Там будет город-джунгли.

ской договоренности» о *передаче Великобританией суверенитета над своей последней заморской территорией в Африке — архипелагом Чагос — Маврикий*⁷³.

Архипелаг Чагос до 1965 г. был частью британской колонии Маврикий, но за три года до предоставления Маврикию независимости был отделен от нее под именем Британских территорий в Индийском океане. Причиной подобного маневра была англо-американская договоренность об открытии на крупнейшем острове архипелага Диего-Гарсия военной базы США, которое состоялось в 1966 г. При этом в 1967–1973 гг. британцы выселили с архипелага всё население. На протяжении всего периода своего независимого существования Маврикий добивался возвращения ему Чагоса, но реальные подвижки в решении этого вопроса были достигнуты лишь в конце 2010-х гг., когда в 2019 г. Международный суд ООН вынес консультативное заключение о незаконности отделения архипелага Чагос от Маврикия [Правовые последствия отделения архипелага Чагос от Маврикия в 1965 году, 2019: 13–14]. Тогда же Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию, в которой заявила о необходимости «вывести колониальную администрацию с архипелага Чагос в течение не более шести месяцев с момента принятия резолюции» [Резолюция 73/295, 2019: 2–3].

При этом передача суверенитета Маврикию еще не стала реальностью. По заявлению от 3 октября 2024 г., окончательно воссоединение Маврикия с Чагосом будет оформлено договором между этим государством и Великобританией. По условиям договора, Маврикий восстановит свой суверенитет над всеми островами, включая остров Диего-Гарсия, при этом военная база на острове сохранится, а сам остров будет передан в аренду Великобритании на 99 лет. Выселенные с архипелага жители смогут вернуться на острова, однако остров Диего-Гарсия пока останется недоступным для заселения⁷⁴.

В ноябре 2024 г. в результате выборов к власти на Маврикии пришёл новый премьер-министр Навин Рамгулам, посчитавший, что существовавший на момент его вступления в должность проект договора не во всём соответствует интересам страны, поэтому некоторые его положения стоит изменить⁷⁵. Стороны приступили к пересмотру проекта договора, и по состоянию на февраль 2025 г. итоговый вариант документа ещё не был утверждён.

73 UK and Mauritius joint statement, 3 October 2024 // GOV.UK. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.gov.uk/government/news/joint-statement-between-uk-and-mauritius-3-october-2024> (accessed: 21.02.2025).

74 UK and Mauritius joint statement.

75 UK government denies rift with Mauritian PM Over Chagos Islands Deal // The Guardian. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.theguardian.com/world/2024/dec/17/uk-government-denies-rift-with-mauritian-pm-over-chagos-island-deal> (дата обращения: 22.02.2025).

* * *

2024 год отметился разнообразными политгеографическими событиями, которые лишний раз демонстрируют динамизм современной политической карты мира, подпитываемый не теряющими своей актуальности центробежными и центростремительными тенденциями на самых разных уровнях политико-территориальной организации общества, межгосударственными противоречиями, поиском государствами своей внешнеполитической идентичности и иными факторами. При этом не все из обозначенных в данной статье сюжетов имеют завершённый характер, что указывает на необходимость продолжать их мониторинг не только в 2025 г., но и в последующие годы. Удастся ли довести до конца пограничное размежевание на Кавказе и в Центральной Азии? Появятся ли в ближайшем будущем на карте мира новые частично признанные государства? Какая судьба ожидает архипелаг Чагос и строящуюся Нусантару? Однозначных ответов на эти и многие другие вопросы дать пока невозможно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Правовые последствия отделения архипелага Чагос от Маврикия в 1965 году: консультативное заключение Международного Суда от 25 февраля 2019 г. // Office of Legal Affairs, United Nations [Электронный ресурс]. URL: <https://legal.un.org/icjsummaries/documents/russian/232.pdf> (дата обращения: 21.02.2025).
2. Резолюция 73/295 Консультативное заключение Международного Суда о правовых последствиях отделения архипелага Чагос от Маврикия в 1965 году: принята Генеральной Ассамблеей 22 мая 2019 года // Система официальной документации ООН. [Электронный ресурс]. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n19/151/32/pdf/n1915132.pdf> (дата обращения: 21.02.2025).
3. Charter of Liptako-Gurma Establishing the Alliance of Sahel States: принята главами государств 16 сентября 2023 г. // Embassy of the Republic of Mali to the United States of America. URL: https://maliembassy.us/wp-content/uploads/2023/09/LIPTAKO-GOURMA-Engl____-2.pdf (accessed: 21.02.2025).
4. Traite portant creation de la Confederation des Etats du Sahel: подписан главами государств 6 июля 2024 г. // Radiodiffusion Télévision de Burkina. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rtb.bf/wp-content/uploads/2024/07/Traite-portant-creation-de-la-Confederation-AES-1.pdf> (accessed: 21.02.2025).

REFERENCES:

1. Charter of Liptako-Gurma Establishing the Alliance of Sahel States: принята главами государств 16 сентября 2023 г. // Embassy of the Republic of Mali to the United States of America. URL: https://maliembassy.us/wp-content/uploads/2023/09/LIPTAKO-GOURMA-Engl____-2.pdf (accessed: 21.02.2025).
2. Legal consequences of the separation of the Chagos Archipelago from Mauritius in 1965: Advisory opinion of the International Court of Justice dated February 25, 2019 // Office of Legal Affairs, United Nations. URL: <https://legal.un.org/icjsummaries/documents/russian/232.pdf> (accessed: 21.02.2025). (In Russ.).
3. Resolution 73/295 Advisory opinion of the International Court of Justice on the Legal Consequences of the Separation of the Chagos Archipelago from Mauritius in 1965:

adopted by the General Assembly on May 22, 2019 // The UN Official Documentation System. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n19/151/32/pdf/n1915132.pdf> (accessed: 21.02.2025). (In Russ.).

4. Treaty establishing the Confederation of

Sahel States: signed by the heads of states on July 6, 2024 // Radiodiffusion Télévision de Burkina. URL: <https://www.rtb.bf/wp-content/uploads/2024/07/Traite-portant-creation-de-la-Confederation-AES-1.pdf> (accessed: 21.02.2025). (In French).

Политическая география в России: основное за 2024 год

Любимова Анастасия Дмитриевна

стажёр-исследователь Молодёжного клуба Русского географического общества «Terra Politica» Научного студенческого общества, МГИМО МИД России, Москва, Россия

a.luibimova@inno.mgimo.ru, <https://orcid.org/0009-0003-5858-4161>

Anastasia Luibimova

Research intern of the Youth Club of the Russian Geographical Society "Terra Politica" of the Scientific Student Society, MGIMO University, Moscow, Russia a.luibimova@inno.mgimo.ru, <https://orcid.org/0009-0003-5858-4161>

Общие тренды

В прошедшем году научное сообщество наблюдало продолжение и зарождение новых тенденций в российской политической географии. Во-первых, это растущий интерес к междисциплинарным исследованиям. Учёные всё чаще обращаются к отдельным методам или полноценным теориям из смежных дисциплин, таких как: социология, антропология и то, что в общем виде можно обозначить как data science. Междисциплинарный подход и активное заимствование методов позволяет нам глубже понять и, как следствие, составить более полное описание комплексных политико-географических процессов. Например, на ряде конференций были представлены работы, объединяющие использование географических информационных систем (ГИС) и отдельных инструментов математического анализа для изучения общественно-географических процессов.

Во-вторых, особо актуальной стала тема климатической политики и антропогенного изменения биосферы. Исследователи все чаще обращают внимание на то, как изменения климата влияют на политические границы, миграционные процессы и распределение ресурсов. Кроме того, без внимания не остается и международная сторона вопроса. Так, в прошлом году по инициативе Центра пространственного анализа международных отношений Института международных исследований МГИМО был проведен совместный с Институтом географии Академии наук Азербайджана научный семинар, посвященный целям устойчиво-

го развития в политико-географической плоскости.

Российская школа политической географии продолжает активно развиваться, реагируя на новейшие теоретико-методологические разработки, глобальные трансформации и появление новых актуальных для общества проблем. Прошедший год стал важным для академического сообщества: был дан старт новым начинаниям, освоены новые методы и подходы, а также велись дискуссии, формирующие будущее этой сферы научного знания. Далее мы рассмотрим некоторые ключевые события для российской политической географии в 2024 году: конференции, научные мероприятия и основные исследовательские вехи.

Прошедший год ознаменовал ряд важных событий и продолжающихся трендов, которые лишь подчеркнули роль политической географии в меняющейся картине мира и позволили определить место политико-географических методов и исследовательских вопросов в глобальном академическом поле. В контексте нарастающей глобальной неопределённости, продолжающегося климатического кризиса и стремительной цифровизации важным остается научный, критическая взгляд на окружающую нас действительность. Важно понимать, что не только вышеописанные феномены продолжают влиять на исследовательскую повестку и тематику передовых исследований, но и они обоюдно воздействуют на социальные процессы. Так, в ответ на эти вызовы российское академическое сообщество активно обсуждало новые теоретические подходы, вопросы методологии и практические решения.

V Чтения имени О. В. Витковского

Одним из центральных событий года стали V чтения имени О.В. Витковского, в том году прошедшие в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова. Кроме того, отличительной особенностью конференции является ротация ее организаторов — исследовательских организаций, «принимающих» конференцию у себя в данном году. На данный момент чтения имени Витковского проводили в МГУ, Институте научной информации по общественным наукам (ИНИОН РАН), Московском государственном институте международных отношений (МГИМО МИД России), а также в онлайн формате в 2020 году в связи с «ковидными» ограничениями. Помимо организаторов от «принимающих» организаций, традиционно ответственным представителем оргкомитета выступает Н.Л. Туров.

В 2024 году чтения собрали ведущих экспертов и начинающих исследователей в области политической географии в стенах МГУ. Среди тематических секций конференции были как вполне традиционные — такие как «Электоральная гео-

графия» и «Политическая география и геополитика», — так и более специфичные — например, секция «Особые сообщества и территориальность». Примечательно, насколько актуальной оказалась электоральная география: на прошедших Витковских чтениях было организовано сразу две соответствующие секции, что позволяет убедиться в актуальности электоральных исследований. Среди прочих направлений можно отметить широкую представленность исследований вопросов регионального развития, географии международных отношений, в особенности страноведческих работ, а также лимологии и конфликтологии. В целом значительная часть докладов посвящена актуальным вызовам и проблемам современного общества, таким как климатические изменения, миграция и конфликты.

Чтения имени О.В. Витковского традиционно становятся площадкой для развития академических связей и местом рождения совместных научных проектов и мероприятий. В равной мере в работе чтений принимают участие как работники научно-исследовательских, так и образовательных организаций — как научные сотрудники, так и профессора. Этот год так же не стал исключением — в работе чтений приняли участие как докладчики, так и слушатели из разных городов России, таких как Санкт-Петербург или Пермь. Отдельного упоминания заслуживает роль чтений в укреплении и поддержке межинституциональной коммуникации: в чтениях приняли участие сотрудники многих институтов Российской академии наук, среди которых Институт географии, Институт Латинской Америки, Институт Европы и другие.

Помимо этого, Витковские чтения характеризуются своей универсальностью и играют важную роль в академической преемственности и формировании научных школ, традиций. Среди участников — не только статусные эксперты и уже известные в своих кругах ученые, но и начинающие исследователи. Это особенно ценно в условиях все «возвышающегося» порога входа в российское академическое сообщество и способствует активному вовлечению молодого поколения в отечественное поле политической географии.

Лавровский семинар

Семинар носит имя бывшего Президента РГО, доктора географических наук и заслуженного деятеля российской науки, профессора Сергея Борисовича Лаврова. Среди учредителей семинара — МГИМО МИД России, Институт географии РАН, СПбГУ, Ассоциация российских географов-обществоведов; за организацию и модерацию семинара отвечают представители перечисленных выше организаций — А.Г. Дружинин, В.А. Колосов, В.А. Шупер, И.Ю. Окунев и С.С. Лачининский.

В конце 2023 года состоялось первое заседание постоянно действующего на-

учного семинара по политической и общественной географии «Глобальные процессы и геостратегии России» им. С.Б. Лаврова. Несмотря на то, что начало было положено еще в 2023 году, прошлый год ознаменовался продолжением заложенной традиции и проведением ряда семинаров. Семинар выделяется своей актуальностью: заглавными темами прошлого года стали геополитика, вопросы теоретического осмысления меняющегося миропорядка, закономерностей развития и другие. Семинар представляет ценность для научного сообщества и тем, что собирает ведущих экспертов не только в сфере политической географии, но и из сторонних дисциплин, что открывает возможности междисциплинарного взаимодействия и углубленного предметного диалога. Помимо этого, в одном из заседаний приняли участие представители зарубежной академической среды, что выводит его на международный уровень.

За прошедший год было проведено 6 заседаний Лавровского семинара, и среди наиболее актуальных вопросов политической географии наибольшее внимание было уделено геополитике, что отражает его изначально заданную специфику. Кроме того, особое внимание получили вопросы регионального развития, модернизации и дихотомии центра/периферии и города/села.

Насущные темы и релевантные проблемы, широкий круг участников и постоянство семинара вселяют уверенность в то, что и в следующем году традиция проведения тематических заседаний семинара будет иметь продолжение. Работа семинара предлагает российскому обществу политических географов дополнительные возможности для кооперации и площадку для осмысленной научной дискуссии по волнующим академическое сообщество темам.

XV Ассамблея Ассоциации российских географов-обществоведов (АРГО)

Ставшая традиционной ежегодная ассамблея АРГО в 2024 году прошла в Краснодаре и Майкопе с выездами в другие города. Сопредседателями этой ассамблеи стали ректоры Кубанского государственного университета (КубГУ) и Адыгейского государственного университета (АГУ), М.Б. Астапов и Д.К. Мамий, соответственно.

В контексте политической географии прежде всего важна прошедшая в рамках ассамблеи международная научная конференция «Метаморфозы современного российского пространства: приоритеты общественно-географического анализа» за председательством А.Г. Дружинина. Она охватила широкий спектр тем, которые можно разделить на несколько ключевых направлений: геополитические и геоэкономические аспекты общественно-политических исследований в России, региональное развитие и диспропорции регионов, теория и методология обще-

ственно- и политико-географических исследований.

В ходе работы ассамблеи также состоялась Молодежная школа, и несмотря на ее, скорее, общественно-географическую и урбанистическую направленность, она важна и для политической географии. Молодежная школа стала площадкой для обмена идеями и установления профессиональных связей между молодыми исследователями и опытными учёными. Обособленно от конференции были организованы круглые столы узкой направленности, более ориентированные на обсуждение и поиск решений по актуальным вопросам практического развития дисциплины.

Х чтения имени В.П. Максаковского

Еще одним значимым мероприятием стали Х чтения имени В.П. Максаковского, в этом году традиционно организованные на базе Московского педагогического государственного университета. Чтения подчеркивают важность сохранения теоретического наследия и соответствующей школы В.П. Максаковского, одновременно предлагая новые подходы и методы в географических исследованиях. В основном фокусе исследования в сфере общественной и экономической, однако немало внимания уделено и политической географии. Многие доклады сочетают в себе подходы экономической, социальной, политической и культурной географии, что, опять же, подчеркивает уже устоявшийся тренд на междисциплинарность.

Молодежная школа «Географическая культура для будущих поколений» — важная часть чтений. Она объединила молодых исследователей, аспирантов и студентов, которые получили возможность не только выступить с собственными идеями и реализованными проектами, но и заслушать пленарные доклады от ведущих политических географов России: например, В.А. Колосова о проблемах и направлениях развития общественно-политической географии и И.Ю. Окунева о теоретических основах электоральной географии.

Максаковские чтения наделены особой спецификой — они нацелены на непосредственно продолжение академических традиций В.П. Максаковского и работу над актуальными вопросами в сфере географического образования. Вопросы преподавания общественной и не только географии — одна из наиболее популярных тем докладов в ходе чтений. В соответствии с заданной спецификой, большинство выступающих и слушателей аффилированы с научно-образовательными учреждениями. Это преимущественно московские, но и ряд региональных ВУЗов.

Помимо описанных выше, в 2024 году в российской академической среде прошло множество других научных мероприятий по политической географии, которые заслуживают упоминания. Хотя в рамках данного обзора невозможно подробно осветить каждое из них, стоит перечислить наиболее значимые, чтобы

подчеркнуть разнообразие и насыщенность академической российской политико-географической науки: III памятные чтения им. Л.В. Смирнягина, серия исследовательских семинаров «Развитие евразийского региона» на базе кафедры СЗИУ РАНХиГС и многие другие.

Прошлый год стал важным этапом в развитии российской политической географии, подтвердив ее способность адаптироваться к быстро меняющемуся миру. Прошедшие конференции, научные мероприятия и образовательные инициативы продемонстрировали, что дисциплина не только успешно отвечает на современные вызовы, но и активно формирует новые исследовательские горизонты. В условиях глобальных трансформаций политическая география становится всё более востребованной, предлагая уникальные инструменты для анализа сложных пространственных и политических процессов.

Один из центральных выводов — это укрепление междисциплинарного подхода. Отечественные политические географы всё чаще выходят за рамки традиционных методов, интегрируя подходы из социологии, антропологии, экологии и data science. Это позволяет не только глубже понимать сложные явления, но и предлагать практические решения для актуальных проблем. Например, использование ГИС-технологий для изучения миграционных процессов или социологических концепций для исследования конфликтного потенциала стало важным шагом вперёд. Особого внимания заслуживает активное участие молодых ученых в академической жизни. В 2024 году многие конференции включили в программу специальные секции для аспирантов и начинающих исследователей. Это не только позволило молодым ученым представить свои работы, но и способствовало формированию нового поколения специалистов, готовых к инновациям и междисциплинарному подходу.

Редакционная политика научного альманаха Terra Politica

(утверждена учредителем 1 сентября 2024 г.)

1. Миссия журнала

Научный альманах Terra Politica — первый национальный специализированный рецензируемый журнал в области политической географии на русском языке. Его миссия состоит в развитии отечественной научной школы в области политической географии. Для достижения этой цели журнал формирует открытую площадку для обмена научными знаниями и обсуждения результатов фундаментальных и прикладных исследований в области политической географии и смежных направлений, в первую очередь общественной (социально-экономической) географии, политологии и международных отношений.

Альманах издается ежегодно с 2025 года по инициативе группы политических географов МГИМО МИД России во главе с И.Ю. Окуновым. Редакция журнала в своей деятельности руководствуется принципами научности, объективности, профессионализма и беспристрастности. Редакционная политика журнала основывается на традиционных этических принципах научной периодики, разработанных Комитетом по публикационной этике (COPE) для редакторов, рецензентов и авторов.

2. Тематика журнала

Тематика журнала Terra Politica сконцентрирована вокруг теоретических, методологических и прикладных вопросов политической географии и шире — всех пространственных аспектов политических процессов как на глобальном (международном), так и на национальном, региональном и локальном уровнях. Тематика журнала, таким образом, соответствует следующим специальностям ВАК и направлениям рубрикаторов ГРНТИ, ОЭСР и Скопус (ASJC).

ВАК	1.6.13.	Экономическая, социальная, политическая и рекреационная география
	5.5.2.	Политические институты, процессы, технологии
	5.5.4.	Международные отношения

ГРНТИ	11.07.51	Политическая география
	11.25.15	Факторы и закономерности развития международных отношений
	39.21.02	Теоретические и общие проблемы экономической и социальной географии
ОЭСР	5.06	Политические науки
	5.07	Социальная и экономическая география
Скопус (ASJC)	3320	Политическая наука и международные отношения
	3305	География, планирование и развитие

Все выпуски имеют тематическую направленность в рамках общей проблематики журнала: она указывается в выходных данных издания.

3. Разделы журнала

К постоянным разделам журнала, образованным по типам принимаемых в них статей, относятся:

- *A PRIORI* — интервью и обзорные исследовательские статьи,
- *NOTA BENE* — теоретические исследовательские статьи и эссе,
- *AD NOS* — прикладные и узко тематические (кейсовые) исследовательские статьи,
- *POST SCRIPTUM* — обзоры и рецензии.

При необходимости в отдельные номера могут вводиться дополнительные разделы.

4. Авторство и плагиат

Журнал *Terra Politica*, как правило, не принимает к рассмотрению статьи, написанные в соавторстве более, чем тремя авторами. Рассмотрение статьи с большим количеством соавторов возможно только в исключительном и четко аргументированном случае. К публикации в журнале принимаются только оригинальные тексты, не опубликованные и не поданные на момент отправки в журнал для публикации в другие издания в любом виде, включая тезисы, материалы конференций, сборники статей, коллективные монографии и т.д.

Редакционная коллегия журнала *Terra Politica* при рассмотрении статьи проводит проверку всех рукописей с помощью системы Антиплагиат. В случае об-

наружения многочисленных заимствований редакция действует в соответствии с правилами COPE.

5. Рецензирование

Издание с целью экспертной оценки осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию материалов, соответствующих его тематике и отвечающих требованиям к рукописям для авторов. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензии хранятся в издательстве и в редакции издания в течение 5 лет. Авторские тексты рецензируются в формате «двойного слепого рецензирования», при котором они оцениваются как минимум двумя рецензентами, не обладающими информацией об авторе статьи. Автор также не получает сведений о рецензентах.

Срок рецензирования составляет две-четыре недели, но может быть изменен в ходе редакционного процесса. Рецензент пишет рецензию в свободной форме, оценивая рукопись по следующим параметрам: соответствие названия, ключевых слов и аннотации рукописи её содержанию; актуальность темы; научная новизна; теоретическая и практическая значимость; ясность постановки цели и задач; строгость и однозначность выводов, их адекватность основным положениям статьи; логика и взаимосвязь изложения материала; приемлемость научного стиля и оформления.

Редакция издания направляет автору представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ, а также обязуется направлять копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса. Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Окончательное решение о публикации принимается редакционным советом. В конфликтных ситуациях решение принимает главный редактор.

Если в рецензии содержатся рекомендации по исправлению и доработке статьи, редакция журнала направляет автору текст рецензии с предложением учесть их при подготовке нового варианта статьи или аргументированно (частично или полностью) их опровергнуть. Доработка статьи не должна занимать более двух недель с момента сообщения автору о необходимости внесения изменений. При доработке статьи рекомендуется обновлять информацию о дате обращения к электронным ресурсам из списка источников. Доработанная автором статья повторно направляется на рецензирование. В случае отказа автора от доработки материалов, они должны в письменной или устной форме уведомить редакцию о своём отказе от публикации статьи. Если автор не возвращает доработанный вариант по истечении 3 месяцев со дня отправки рецензии, даже при отсутствии

сведений от автора с отказом от доработки статьи, редакция снимает её с учёта.

Если на статью была получена отрицательная рецензия, автору направляется соответствующее уведомление, и статья снимается с учёта. В случае принятия автором решения доработать и направить в редакцию исправленную статью, редакция может принять материалы к рассмотрению только при условии переработки текста не менее чем на 60%.

После получения положительной рецензии и на основании принятого решения о публикации статья поступает в «портфель» журнала. План публикаций формируется главным редактором из материалов, включенных в «портфель», в порядке очередности, определяемой на основании даты поступления материала, наполнения соответствующего раздела журнала и тематической направленности выпуска.

6. Политика свободного доступа

Terra Politica — журнал открытого доступа (Gold OA). Журнал обеспечивает мгновенный открытый доступ к своему контенту, исходя из принципа, согласно которому обеспечение свободного доступа общественности к исследованиям способствует более широкому глобальному обмену знаниями.

Все публикации автоматически лицензируются на условия лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0). Пользователям разрешается читать, скачивать, распространять, копировать, распечатывать, искать или ссылаться на полные тексты документов, разрешается использование материалов для любой другой законной цели без получения предварительного разрешения от издателя или автора с обязательным сохранением ссылок на авторов оригинальной работы и оригинальную публикацию в этом журнале.

7. Платежи авторов и авторам

Журнал финансируется из средств учредителя. Публикация в журнале Terra Politica для авторов всегда полностью бесплатна. Гонорары авторам статей и рецензентам не выплачиваются, и бесплатные авторские экземпляры издания не рассылаются.

8. Политика размещения препринтов и постпринтов

Редакция журнала Terra Politica разрешает авторам размещать рукопись в виде препринта на сервере препринтов до её отправки на рассмотрение в журнал, а также самостоятельно архивировать свои статьи в предметных и институциональных репозиториях. Публикация препринта не считается дублирующей публикацией и не влияет на решение редактора о публикации в журнале. Автору

следует известить редакцию журнала о размещенном препринте в момент подачи рукописи на рассмотрение и привести ссылку на препринт с указанием идентификатора DOI и условий распространения препринта. Автор несёт ответственность за дополнение записи о препринте ссылкой на опубликованную статью. Ссылка должна включать DOI опубликованной версии статьи на сайте журнала. В первоначальный текст препринта не следует вносить изменения на основе комментариев рецензента и редактора. Заменять текст препринта текстом опубликованной статьи не следует. Удалять текст препринта не следует.

Редакция журнала разрешает самостоятельно архивировать рукописи, которые прошли этап рецензирования и приняты к публикации. Для размещения этой версии рукописи авторы могут использовать личный сайт или блог, институциональный репозиторий, предметный репозиторий, прямой контакт с преподавателями или студентами, передавая эту версию статьи для личного использования. В тексте рукописи автору следует уточнить её статус и привести информацию о планируемой публикации. Например: «Статья “Название статьи” прошла рецензирование, принята к публикации и будет опубликована в № 1 (2025) журнала *Terra Politica*». После публикации финальной версии рукописи автор несет ответственность за дополнение записи о публикации ссылкой на опубликованную статью. В размещенный текст не следует вносить изменения на основе комментариев рецензента и редактора. Заменять текст размещенной версии рукописи не следует. Удалять текст размещенной версии рукописи не следует.

9. Искусственный интеллект

Никакая программа с ИИ, включая геопространственный ИИ, ни при каких условиях не может быть указана в качестве автора или соавтора статьи. Программа с ИИ не может быть указана в перечне лиц, внесших вклад в проведение исследования и подготовку статьи. Запрещается генерация и редактирование изображений с помощью ИИ, за исключением случаев, когда использование ИИ является частью плана исследования.

Авторам материалов журнала разрешается использовать технологии ИИ в процессе написания для стилистического улучшения языка рукописи и проверки правописания, обнаружения некорректных заимствований и работы со списком литературы. Также политика журнала не препятствует использованию инструментов с ИИ для помощи при планировании и разработке методов исследования. Обязательным условием является полная прозрачность при раскрытии информации об использовании ИИ: автор может сделать это при описании методов, в разделе «Благодарности» либо описать, какая работа была проделана, во введении.

Не допускается использование ИИ в процессе рецензирования и редактирования рукописей. Если есть опасения, что статья либо её фрагменты были созданы

с помощью ИИ, это может быть отмечено рецензентом в обзоре как фактор, влияющий на его точность и/или пригодность к публикации.

10. Индексация и архивация

Обязательные печатные экземпляры журнала, в соответствии с федеральным законодательством, доставляются и Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации (1 экз.) и Российскую книжную палату (16 экз.), откуда направляются в ведущие универсальные и научные библиотеки страны (включая РГБ, РНБ, РГИБ, БАН, ГПНТБ СО РАН, ФБ МГУ и другие). Обязательный электронный экземпляр доставляется в Российскую книжную палату и РГБ.

Также дополнительно печатные экземпляры издания передаются в Научную библиотеку Русского географического общества, Библиотеку Института географии РАН (отделение БЕН РАН), Научную библиотеку МГИМО МИД России им. И.Г. Тюлина, Центральную научную библиотеку МИД России и другие профильные (в первую очередь географические) библиотеки.

Электронная версия издания размещается в научных электронных библиотеках elibrary.ru, cyberleninka.ru и rucont.ru. Всем статьям журнала присваиваются номера DOI, что обеспечивает их индексацию в Crossref и связанных с ним базах данных.

Этика научных публикаций в научном альманахе Terra Politica

(утверждена учредителем 1 сентября 2024 г.)

Положение подготовлено по материалам Международного Комитета по публикационной этике (COPE).

1. Введение

- 1.1. Публикация материалов в рецензируемых журналах не только является простым способом научных коммуникаций, но и вносит значительный вклад в развитие соответствующей области научного знания. Таким образом, важно установить стандарты будущего этического поведения всех вовлеченных в публикацию сторон, а именно: Авторы, Редакторов журнала, Рецензентов, Издательства и Научного общества для журнала Terra Politica.
- 1.2. Издатель не только поддерживает научные коммуникации и инвестирует в данный процесс, но также несёт ответственность за соблюдение всех современных рекомендаций в публикуемой работе.
- 1.3. Издатель берёт на себя обязательства по строжайшему надзору за научными материалами. Наш журнал представляет беспристрастный «отчёт» развития научной мысли и исследований, поэтому мы также осознаем ответственность за должное представление этих «отчётов», особенно с точки зрения этических аспектов публикаций, изложенных в настоящем документе.

2. Обязанности Редакторов

2.1. РЕШЕНИЕ О ПУБЛИКАЦИИ

Главный редактор научного журнала Terra Politica самолично и независимо несёт ответственность за принятие решения о публикации, часто в сотрудничестве с соответствующим научным обществом. Достоверность рассматриваемой работы и её научная значимость всегда должны лежать в основе решения о публикации. Главный редактор должен руководствоваться редакционной политикой научного альманаха Terra Politica, будучи ограниченным актуальными юридическими требованиями в отношении клеветы, авторского права, законности и плагиата.

Главный редактор может совещаться с другими редакторами и рецензентами (или должностными лицами научного общества) во время принятия решения о публикации.

2.2. ПОРЯДОЧНОСТЬ

Главный редактор должен оценивать интеллектуальное содержание рукописей вне зависимости от расы, пола, сексуальной ориентации, религиозных взглядов, происхождения, гражданства или политических предпочтений Авторов.

2.3. КОНФИДЕНЦИАЛЬНОСТЬ

Главный редактор и Редакционный совет журнала Terra Politica обязаны без необходимости не раскрывать информацию о принятой рукописи всем лицам, за исключением Авторов, Рецензентов и Издателя.

2.4. ПОЛИТИКА РАСКРЫТИЯ И КОНФЛИКТЫ ИНТЕРЕСОВ

2.4.1. Неопубликованные данные, полученные из представленных к рассмотрению рукописей, нельзя использовать в личных исследованиях без письменного согласия Автора. Информация или идеи, полученные в ходе рецензирования и связанные с возможными преимуществами, должны сохраняться конфиденциальными и не использоваться с целью получения личной выгоды.

2.4.2. Редакторы должны брать самоотвод от рассмотрения рукописей (а именно: запрашивать главного или ответственного редактора или сотрудничать с другими членами редакционного совета при рассмотрении работы вместо самоличного рецензирования и принятия решения) в случае наличия конфликтов интересов вследствие конкурентных, совместных и других взаимодействий и отношений с Авторами, компаниями и, возможно, другими организациями, связанными с рукописью.

2.5. НАДЗОР ЗА ПУБЛИКАЦИЯМИ

Главный редактор, предоставивший убедительные доказательства того, что утверждения или выводы, представленные в публикации, ошибочны, должен сообщить об этом Издателю (и/или в соответствующее Научное общество) с целью скорейшего уведомления о внесении изменений, изъятия публикации, выражения обеспокоенности и других соответствующих ситуации заявлений.

2.6. ВОВЛЕЧЕННОСТЬ И СОТРУДНИЧЕСТВО В РАМКАХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Редактор совместно с Издателем (или Научным обществом) принимают адекватные ответные меры в случае этических претензий, касающихся рассмотренных рукописей или опубликованных материалов. Подобные меры в общих чертах включают взаимодействие с Авторами рукописи и аргументацию соответствующей жалобы или требования, но также могут подразумевать взаимодействия с соответствующими организациями и исследовательскими центрами.

3. Обязанности Рецензентов

3.1. ВЛИЯНИЕ НА РЕШЕНИЯ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Рецензирование помогает Главному редактору принять решение о публикации и посредством соответствующего взаимодействия с Авторами также может помочь Автору повысить качество работы. Рецензирование — это необходимое звено в формальных научных коммуникациях, находящееся в основе научного подхода. Издатель разделяет точку зрения о том, что все ученые, которые хотят внести вклад в публикацию, обязаны выполнять существенную работу по рецензированию рукописи.

3.2. ИСПОЛНИТЕЛЬНОСТЬ

Любой выбранный Рецензент, чувствующий недостаток квалификации для рассмотрения рукописи или не имеющий достаточно времени для быстрого выполнения работы, должен уведомить Главного редактора журнала *Terra Politica* и попросить исключить его из процесса рецензирования соответствующей рукописи.

3.3. КОНФИДЕНЦИАЛЬНОСТЬ

Любая рукопись, полученная для рецензирования, должна рассматриваться как конфиденциальный документ. Данную работу нельзя открывать и обсуждать с любыми лицами, не имеющими на то полномочий от Редактора.

3.4. ТРЕБОВАНИЯ К РУКОПИСИ И ОБЪЕКТИВНОСТЬ

Рецензент обязан давать объективную оценку. Персональная критика Автора неприемлема. Рецензентам следует ясно и аргументировано выражать свое мнение.

3.5. ПРИЗНАНИЕ ПЕРВОИСТОЧНИКОВ

Рецензентам следует выявлять значимые опубликованные работы, соответствующие теме и не включённые в библиографию к рукописи. На любое утверждение (наблюдение, вывод или аргумент), опубликованное ранее, в рукописи должна быть соответствующая библиографическая ссылка. Рецензент должен также обращать внимание Главного редактора на обнаружение существенного сходства или совпадения между рассматриваемой рукописью и любой другой опубликованной работой, находящейся в сфере научной компетенции Рецензента.

3.6. ПОЛИТИКА РАСКРЫТИЯ И КОНФЛИКТЫ ИНТЕРЕСОВ

3.6.1. Неопубликованные данные, полученные из представленных к рассмотрению рукописей, нельзя использовать в личных исследованиях без письмен-

ного согласия Автора. Информация или идеи, полученные в ходе рецензирования и связанные с возможными преимуществами, должны сохраняться конфиденциальными и не использоваться с целью получения личной выгоды.

- 3.6.2. Рецензенты не должны участвовать в рассмотрении рукописей в случае наличия конфликтов интересов вследствие конкурентных, совместных и других взаимодействий и отношений с любым из Авторов, компаниями или другими организациями, связанными с представленной работой.

4. Обязанности Авторов

4.1. ТРЕБОВАНИЯ К РУКОПИСЯМ

- 4.1.1. Авторы доклада об оригинальном исследовании должны предоставлять достоверные результаты проделанной работы также, как и объективное обсуждение значимости исследования. Данные, лежащие в основе работы, должны быть представлены безошибочно. Работа должна содержать достаточно деталей и библиографических ссылок для возможного воспроизведения. Ложные или заведомо ошибочные утверждения воспринимаются как неэтичное поведение и неприемлемы.

- 4.1.2. Обзоры и научные статьи также должны быть точными и объективными, точка зрения Редакции должны быть четко обозначена.

4.2. ДОСТУП К ДАННЫМ И ИХ ХРАНЕНИЕ

У Авторов могут быть запрошены необработанные данные, имеющие отношение к рукописи, для рецензирования Редакторами. Авторы должны быть готовы предоставить открытый доступ к такого рода информации (согласно ALPSP-STM Statement on Data and Databases), если это осуществимо, и в любом случае быть готовы сохранять эти данные в течение адекватного периода времени после публикации.

4.3. ОРИГИНАЛЬНОСТЬ И ПЛАГИАТ

- 4.3.1. Авторы должны удостовериться, что представлена полностью оригинальная работа и в случае использования работ или утверждений других Авторов должны предоставлять соответствующие библиографические ссылки или выдержки.

- 4.3.2. Плагиат может существовать во многих формах: от представления чужой работы как авторской до копирования или перефразирования существенных частей чужих работ (без указания авторства) и до заявления собственных прав на результаты чужих исследований. Плагиат во всех формах представляет собой неэтичные действия и неприемлем.

4.4. МНОЖЕСТВЕННОСТЬ, ИЗБЫТОЧНОСТЬ И ОДНОВРЕМЕННОСТЬ ПУБЛИКАЦИЙ

4.4.1. В общем случае Автор не должен публиковать рукопись, по большей части посвящённую одному и тому же исследованию, более чем в одном журнале как оригинальную публикацию. Представление одной и той же рукописи одновременно более чем в один журнал воспринимается как неэтичное поведение и неприемлемо.

4.4.2. В общем случае Автор не должен представлять на рассмотрение в другой журнал ранее опубликованную статью.

4.4.3. Публикация определенного типа статей (например, переводных статей) в более чем одном журнале является в некоторых случаях этичной при соблюдении определенных условий. Авторы и Редакторы заинтересованных журналов должны согласиться на вторичную публикацию, представляющую обязательно те же данные и интерпретации, что и в первично опубликованной работе.

Библиография первичной работы должна быть представлена и во второй публикации. Более подробную информацию о допустимых формах вторичных (повторных) публикаций можно найти на странице www.icmje.org.

4.5. ПРИЗНАНИЕ ПЕРВОИСТОЧНИКОВ

Необходимо всегда признавать вклад других лиц. Авторы должны ссылаться на публикации, которые имеют значение для выполнения представленной работы. Данные, полученные приватно, например, в ходе беседы, переписки или в процессе обсуждения с третьими сторонами, не должны быть использованы или представлены без ясного письменного разрешения первоисточника. Информация, полученная из конфиденциальных источников, такая как оценивание рукописей или предоставление грантов, не должна использоваться без четкого письменного разрешения Авторы работы, имеющей отношение к конфиденциальным источникам.

4.6. АВТОРСТВО ПУБЛИКАЦИИ

4.6.1. Авторами публикации могут выступать только лица, которые внесли значительный вклад в формирование замысла работы, разработку, исполнение или интерпретацию представленного исследования. Все те, кто внёс значительный вклад, должны быть обозначены как Соавторы. В тех случаях, когда участники исследования внесли существенный вклад по определённому направлению в исследовательском проекте, они должны быть указаны как лица, внёсшие значительный вклад в данное исследование.

4.6.2. Автор должен удостовериться, что все участники, внёсшие существенный вклад в исследование, представлены как Соавторы и не приведены в ка-

честве Соавторов те, кто не участвовал в исследовании, что все Соавторы видели и одобрили окончательную версию работы и согласились с представлением ее к публикации.

4.7. ПОЛИТИКА РАСКРЫТИЯ И КОНФЛИКТЫ ИНТЕРЕСОВ

4.7.1. Все Авторы обязаны раскрывать в своих рукописях финансовые или другие существующие конфликты интересов, которые могут быть восприняты как оказавшие влияние на результаты или выводы, представленные в работе.

4.7.2. Примеры потенциальных конфликтов интересов, обязательно подлежащих раскрытию, включают работу по найму, консультирование, наличие акционерной собственности, получение гонораров, предоставление экспертных заключений, патентная заявка или регистрация патента, гранты и другое финансовое обеспечение. Потенциальные конфликты интересов должны быть раскрыты как можно раньше.

4.8. СУЩЕСТВЕННЫЕ ОШИБКИ В ОПУБЛИКОВАННЫХ РАБОТАХ

В случае обнаружения Автором существенных ошибок или неточностей в публикации, Автор должен сообщить об этом Главному редактору журнала Terra Politica и взаимодействовать с Редактором с целью скорейшего изъятия публикации или исправления ошибок. Если Редактор или Издательство получили сведения от третьей стороны о том, что публикация содержит существенные ошибки, Автор обязан изъять работу или исправить ошибки в максимально короткие сроки.

5. Обязанности Издательства

5.1. Издатель должен следовать принципам и процедурам, способствующим исполнению этических обязанностей Редакторами, Рецензентами и Авторами журнала Terra Politica в соответствии с данными требованиями. Издатель должен быть уверен, что потенциальная прибыль от размещения рекламы или производства репринтов не повлияла на решения Редакторов.

5.2. Издательство должно оказывать поддержку Редакторам журнала Terra Politica в рассмотрении претензий к этическим аспектам публикуемых материалов и помогать взаимодействовать с другими журналами и/или Издательствами, если это способствует исполнению обязанностей Редакторами.

5.3. Издатель должен способствовать надлежащей практике проведения исследований и внедрять отраслевые стандарты в целях совершенствования этических рекомендаций, процедур изъятия и исправления ошибок.

5.4. Издатель должен обеспечить соответствующую специализированную юридическую поддержку (заключение или консультирование) в случае необходимости.

